

Жаклин Пирен
ОТКРЫТИЕ
АРАВИИ

Жаклин Пирен

ОТКРЫТИЕ
АРАВИИ

ПЯТЬ ВЕКОВ ПУТЕШЕСТВИЙ
И ИССЛЕДОВАНИЯ

J. PIRENNE
A LA DÉCOUVERTE DE L'ARABIE,
PARIS, 1958

Перевод с французского *И. Г. МЯГКОВОЙ*

Ответственный редактор *Г. М. БАУЭР*

Пирен Ж.

П33 Открытие Аравии. Пять веков путешествий и исследования. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1970.

359 стр. с илл.

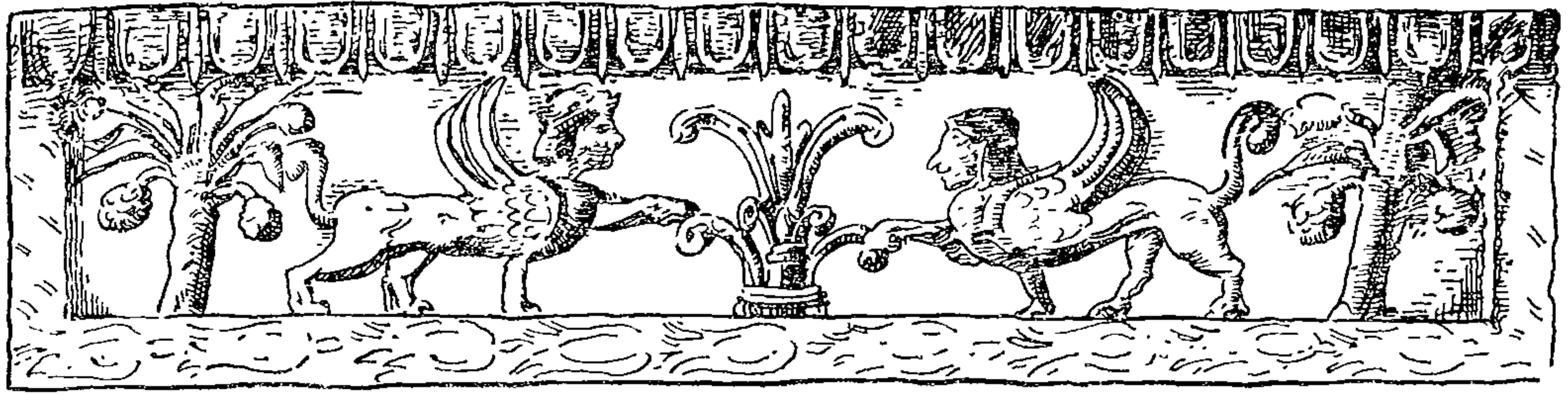
Известная бельгийская исследовательница цивилизаций древней Южной Аравии Жаклин Пирен посвятила свою книгу истории путешествий ученых, дипломатов, политических деятелей по Аравийскому полуострову с XV в. до 70-х годов XIX в. Книга не только представляет собой увлекательное чтение, но и дает читателю сведения по истории, географии, этнографии, социальному и политическому устройству государств Аравийского полуострова в указанный период.

2-8-1
102-69

91(09)

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Часть первая. Завеса приподнимается</i>	5
Глава I. Аравия — затерянный континент	5
Глава II. Листая книги древних	12
Глава III. Лодовико ди Вартема	20
<i>Часть вторая. Путешественники поневоле</i>	34
Глава I. Пленники	34
Глава II. Соперничество индийских компаний	46
Глава III. Паломники в Мекку	60
Глава IV. Аравия «Кофейная»	72
Глава V. Французский консул у бедуинов	85
<i>Часть третья. Рождение исследования</i>	97
Глава I. На заре изучения	97
Глава II. Карстен Нибур, или идеал путевых заметок — труд гуманиста и ученого	106
<i>Часть четвертая. Аравия Пустынная и Аравия Петрейская</i>	121
Глава I. Али-бей в Мекке и первые ваххабиты	121
Глава II. Зестцен и Буркхардт. Бедуины и мертвые города Петрейской Аравии	143
Глава III. В Центральную Аравию вслед за турецко-египетскими армиями	163
Глава IV. Открытие Асира	181
Глава V. Валли и Гуармани у князей Рашидидов	198
Глава VI. Казус Пэлгрева	221
<i>Часть пятая. Счастливая Аравия</i>	243
Глава I. Красное море	243
Глава II. Тайна сабейских древностей	265
Глава III. Оман и Хадрамаут	290
<i>Заключение</i>	309
<i>Г. Бауэр, Открыта ли Аравия?</i>	312
<i>Библиография</i>	348

Часть первая

ЗАВЕСА ПРИПОДНИМАЕТСЯ

Глава I

АРАВИА — ЗАТЕРЯННЫЙ КОНТИНЕНТ

Для европейца, чью точку зрения мы представляем в этой книге, Аравия начиная с V в. и вплоть до Возрождения, пробудившего жажду знаний, была страной совершенно неизвестной.

Волна варварских нашествий IV и V вв. навеки поглотила древнюю римскую цивилизацию, и наша Европа погрузилась во мрак невежества. Крупицы античной учености сохранялись лишь в монастырях, где терпеливо переписывались рукописи.

Центр тяжести формирующейся Европы помещался то в Аахене, то в Реймсе. Сердцем же греко-латинского мира всегда было Средиземное море. Между двумя берегами этого моря некогда велись как торговля, так и войны. Здесь же развивались первые мировые цивилизации. Богатый грек или римлянин ежедневно приправлял пищу индийскими пряностями, жрецы воскурjali перед богами аравийские благовония, а воевали тогда с персами или с Ганнибалом. Но теперь, во времена варваров, море стало для Европы непреодолимой преградой, глухой стеной. Возникновение ислама окончательно разделило оба берега. Отныне один будет называться Западной Европой, другой — Востоком.

С того дня, как в 622 г. Мухаммед начал жизнь пророка, Восток объявил священную войну за ислам. Преж-

де всего это остановило торговцев, их не очень тянуло в страны, охваченные войной, и вскоре уже не просто два берега, две несоприкасающиеся цивилизации, но и два враждебных мира противостоят друг другу.

Затем, подобно огромной волне, сметающей все на своем пути, полчища мусульман вначале затопляют Сирию (633 г.), Палестину (638 г.), Двуречье (640 г.), Армению, Грузию и весь Кавказ (642 г.), затем — Персию, Курдистан, Азербайджан, Сузиану, Фарсисан — вплоть до Окса¹, где сопротивление народов Средней Азии остановило их продвижение.

Выйдя к берегам Средиземного моря, часть отрядов погрузилась на суда и захватила острова Восточного Средиземноморья. Одновременно были заняты все страны побережья — Египет (642 г.), Ливия, Триполитания, Магриб — до самого Атлантического океана (675 г.).

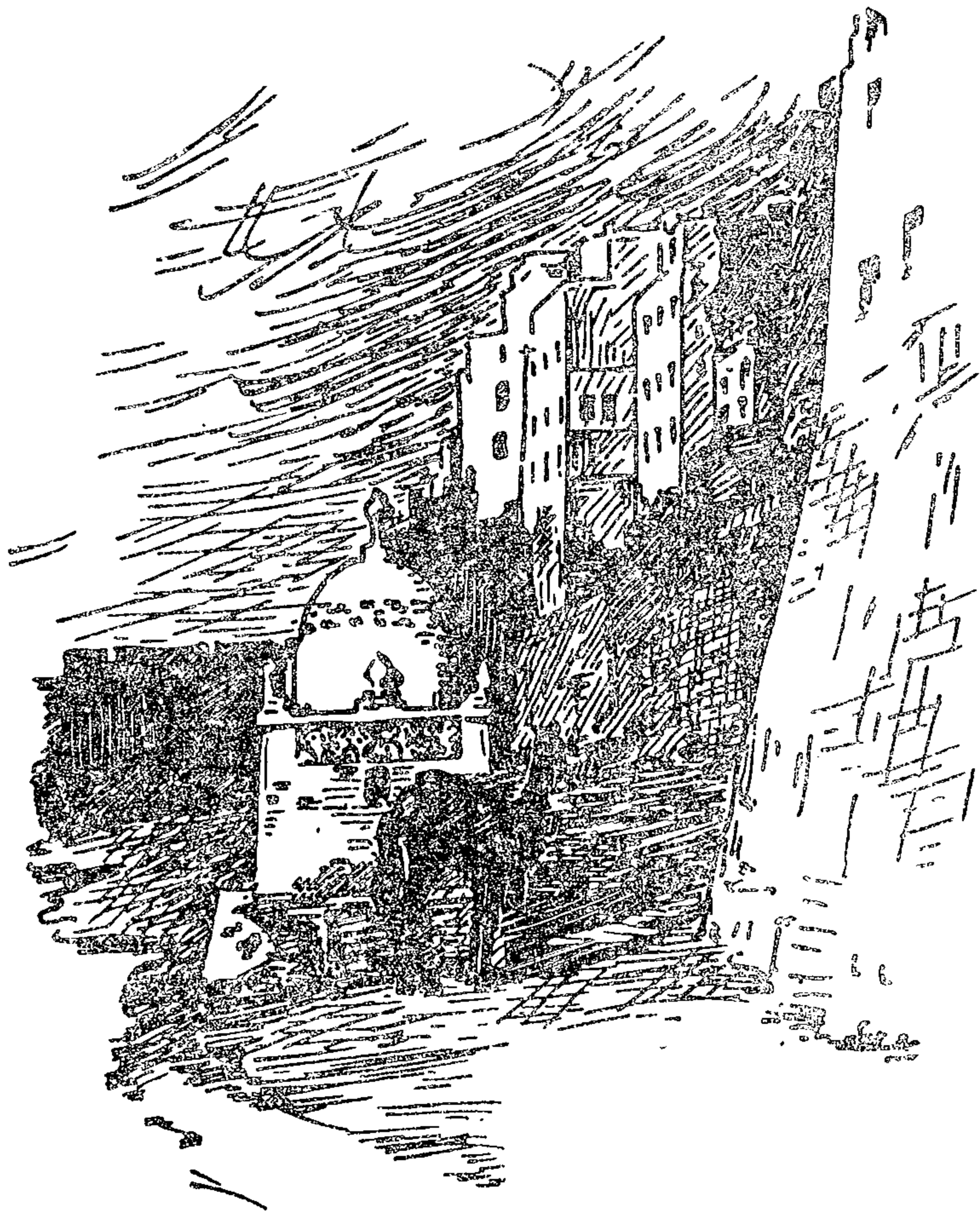
После тридцатилетней передышки (в это время завоеватели были заняты династическими распрями) волна снова приходит в движение: на востоке она гонит тюрок через оазисы до Афганистана, докатывается до Китая; в Индии покрывает весь район Инда; волна захлестывает все острова Западного Средиземноморья; окончательно разрушает мятежный Карфаген; теснит берберов (708 г.), из которых позднее будут сформированы новые войска. Затем наводнение распространяется на Испанию (710 г.), а когда Испания была полностью побеждена, войска хлынули на Нарбонн (719 г.), Каркассонн, Ним, в Прованс, поднялись по Роне и Соне до Бургундии (725 г.) и, наконец, до Луары. Именно здесь Карл Мартелл разбивает мусульман у Пуатье (732 г.) и заставляет их отступить к Нарбонну. Одновременно остановленная у рубежей Византии, мусульманская экспансия обретает в 743 г. границы, которые ей не суждено было больше преступить.

Волна нашествия физически отделила Европу от Аравии. В последующие века арабы взрастили в своей империи, куда входила и Испания, блестящую цивилизацию, поражающую не только своей роскошью, но и расцветом науки и мысли. Уже тогда, посещая мусульманские университеты, Западная Европа, казалось, должна была познакомиться с Аравией, хотя бы как с колыбелью ислама. Однако знакомство это не состоялось, ибо победители

---

¹ Окс — древнее название Амударьи. — *Прим. перев.*

сами были покорены великолепием Александрии и ее библиотеки, ставшей для них источником просвещения. Вышедшие из Аравийской пустыни, эти арабы стремились к красоте, роскоши, учености. Столицами своими они сделали Багдад и Каир, Кордову и Толедо, забыв о Мекке и Медине и презрев суровую, сожженную солнцем землю, откуда их предки начали завоевание мира.

Аравия была предана забвению. Сыны ее, заброшенные далеко от родных границ, в земли, где родились древнейшие цивилизации, не желали знать свою родину.

Лишь много веков спустя мусульманские путешественники вновь вспомнили об Аравии. Первым ее исследователем можно считать Ибн Баттуту², который в 1328 г.

---

² Абу Абдаллах Мухаммед ибн Абдаллах ал-Лавати ат-Тапдиси Ибн Баттута (1304—1377), уроженец Танжера, знаменитый путешественник. Посетил и описал Северную Африку, Египет, Палестину, Сирию, Ирак, Аравию, Иран, Крым, низовье Волги (Астрахань), Индию. — *Прим. ред.*

посетил Мекку, потом — Йемен, Дофар и Оман. Однако его путешествие не принесло Европе никакой пользы: пройденный путь был невелик; к тому же труд Ибн Баттуты, как, впрочем, и произведения большинства других мусульманских авторов, смогли прочесть только в XIX в., когда знания европейцев об Аравии намного превзошли знания самого автора.

Апогея своего мусульманская цивилизация достигла в VIII—XI вв., т. е. в те века затишья, когда волна, на гребне которой ислам двинулся на завоевание Запада, уже схлынула, а встречная волна, бросившая Запад на штурм мусульманского мира во имя возвращения «Гроба господня» и «Святой земли», еще не поднялась.

Но вот из Византии в Палестину и на границу Северной Аравии приходят крестоносцы. Неизвестный и таинственный полуостров манит их.

В 1181 г. во главе Иерусалимского королевства стоял Бодуэн IV Анжуйский. Руки молодого короля были изъедены проказой, но это не помешало ему стать героем христианского эпоса: физические недостатки были забыты ради высоких моральных качеств. Бодуэн поддерживал мирные отношения со своими соседями мусульманами.

Полной противоположностью Бодуэну был его вассал Рено де Шатийон, сеньор Керака. Рене Груссе³ охарактеризовал его как «дикого рыцаря-разбойника, типичного представителя грабительского феодализма Запада. Француз, он вел себя на Востоке как бедуин и рассматривал войну как подвиг во имя грабежа».

Сокровища мекканского храма не давали Рено де Шатийону покоя; жадность продиктовала ему план проникновения в Аравию вопреки договорам, подписанным его сюзереном.

Все лето 1181 г. он упорно продвигался в глубь Аравийской пустыни, прилегавшей к его владениям. Он не смог дойти до Медины, но захватил караван, который мирно шел из Дамаска в Мекку, и полностью разграбил его.

Весть об этом безумном нападении повергла Иерусалимский двор в горестное изумление и наполнила Бодуэ-

---

³ Рене Груссе — современный французский востоковед. — *Прим. ред.*

на IV яростью и возмущением. Но он был не в силах заставить повиноваться своего вассала, грубо отказавшегося сдать добычу и пленных султану Салах ад-Дину (Саладину)⁴, и вынужден был принять войну, развязанную Рено де Шатийоном.

Рено де Шатийон пользуется этим, чтобы совершить нечто еще более ужасное. Он захватывает морскую базу в Элатском заливе⁵, велит перевезти туда на верблюдах разобранные палестинские корабли и на месте собрать их вновь. Как только пять его больших галер и маленькие грузовые суда были готовы, он, стремясь отвлечь мусульманские войска, осаждает остров Грей, а главные силы своего флота посылает тем временем разбойничать вдоль берегов Красного моря. Этому варварскому занятию были посвящены два года — 1181 и 1183.

Прочно обосновавшись на побережье Хиджаза, войска Рено де Шатийона готовятся к походу на Медину.

Но Салах ад-Дин в свою очередь тоже перевозит суда из Нила в Красное море, чтобы помочь населению, страдающему от разбоя. В 1183 г. его главнокомандующий уже в состоянии нанести контрудар: он захватывает галеры, осадившие остров Грей, и начинает охоту на вольных флибустьеров. Воины Салах ад-Дина выслеживают и уничтожают суда, экипажи которых пытаются присоединиться к колонне, движущейся к священному городу. В пустынных ущельях, в пяти днях пути от моря и лишь одного — от Медины, они уничтожают 300 солдат Рено де Шатийона, среди которых были и мусульманские перебежчики. Из 170 человек, оставшихся в живых после боя, часть была казнена в Медине и Мекке, а остальных увели в рабство в Египет. Ни одному не удалось бежать. Ибн Джубайр⁶ вспоминает, как он видел прибытие пленников, не проданных в рабство: «Они были привязаны к спинам верблюдов так, что лицо постыдно обращено

---

⁴ Салах ад-Дин Юсуф (Саладин) (ум. в 1193 г.), по происхождению курд. С 1171 г. везир при последнем фатимидском халифе, а затем правитель мусульманского Египта. Прославился успешной борьбой с крестоносцами. — *Прим. ред.*

⁵ Акабский залив. — *Прим. перев.*

⁶ Мухаммед ибн Ахмед ибн Джубайр ал-Кинани (1145—1217), родился и вырос в Валенсии. Путешествовал по Египту, Аравии, Ираку, Сирии, Сицилии. Оставил широко известное описание своих путешествий. — *Прим. ред.*

было к хвосту животного. Звуки барабанов и кимвалов и шум толпы сопровождали их. Потом все они были обезглавлены».

Аравия оставалась нетронутой, а вскоре и сама Палестина полностью оказалась в руках мусульман.

Крестоносцы были изгнаны, но «золотой век» для арабов кончился.

В результате нашествия османских турок, захвативших Балканы, Византию (1453 г.) и Восточное Средиземноморье, верховная власть турецких халифов распространилась на большинство мусульманских стран. Аравия же осталась незахваченной благодаря своим пустыням, в которых войска, посланные Сулейманом (1550 г.), погибли от жажды.

Так как турки сами приняли мусульманство, империя их стала для европейцев миром столь же недоступным (не только физически, но и духовно), как мир арабский. Европа и страны ислама столкнулись как две враждебные силы.

Пропасть, возникшая между двумя берегами Средиземного моря в результате нашествия варваров, начало священной войны за ислам, забвение мусульманской цивилизацией колыбели своих отцов, сопротивление Пустынной Аравии единственной попытке христиан захватить ее, наконец, застарелая религиозная вражда — все эти причины способствовали поддержанию новорожденной Европы в полнейшем невежестве относительно арабского мира: известно было только, что оттуда родом Мухаммед; знали также названия двух священных городов — Медины и Мекки; верили, что тело Мухаммеда находится в мекканском храме, где оно якобы подвешено в воздухе. Ни одно судно не появлялось больше у берегов Аравии, ни один христианин не проникал туда более, разве что он становился отступником, не отличался от арабов ни верой, ни нравами.

Однако забота о приобщении к Евангелию жителей христианской земли Эфиопии, лежащей напротив Аравии, на другом берегу Красного моря, побудила папу Иоанна III послать туда доминиканца Гийома Адама, вероятно француза, который побывал и в Аравии.

Вначале Адам отправился в Ормуз, расположенный у входа в Персидский залив, потом по морю — в Аден, где жил с 1313 по 1324 г. Девять месяцев он провел у хри-

стиан острова Сокотра, затем двинулся к югу Африки. По возвращении во Францию Гийом Адам умер при папском дворе в Авиньоне.

Из этого следует, что в XIV в. некоторым, правда немногочисленным, европейцам было известно кое-что относительно района Индийского океана, условий навигации и торговли и исключительной роли Адена. Знали они и о той зависти, которую возбуждал этот большой порт своим богатством.

Кроме того, Гийом Адам, намного опережая свое время, выдвинул некоторые астрономические идеи, в том числе идею шарообразности земли и возможности обогнуть Африку с юга. Правда, при этом он не делал никаких предположений относительно местонахождения ее южной точки.

Но путешествие Гийома Адама — как раз из тех исключений, что подтверждают правило. Оно лишь подчеркнуло всю глубину невежества Европы в отношении Аравии.

Огромный полуостров, в пять раз превосходящий размером Францию, тем более недоступный, что берега его морей были отделены от Средиземного моря территориями враждебных мусульманских стран, Аравия, которая была для древних миром чужим, но знакомым, для позднейших европейцев стала миром потерянным.

Это был мир более привлекательный, чем просто неизвестный континент, потому что кроме возможности открыть новую землю, о строении и особенностях которой не имелось никаких сведений, мир этот сулил знакомство с двумя цивилизациями: не только современной мусульманской с ее таинственными священными городами, с ее общественной жизнью, нравами, населением, но и другой, античной, в которой можно было лишь угадывать одну из самых богатых цивилизаций древнего мира.

Именно стремление к познанию приведет Европу к открытию Аравии.

ЛИСТАЯ КНИГИ ДРЕВНИХ

Огонек любопытства, страсть к познанию и открытию разгораются в конце XV в. Португальские монархи снаряжают суда, а отважные командоры ведут их вдоль западного побережья Африки открывать новые земли. Но в то время, как одни путешествуют в поисках новых земель, другие находят книги, забытые труды древних, и с их помощью восстанавливают прошедшие события и некогда приобретенные знания.

Разбуженные этими открытиями умы вопрошают обо всем: о светилах, о форме земли, о народах, их нравах, о континентах — неизвестных и тех, которые были известны когда-то.

По-новому взглянув на Библию, западный мир начинает понимать, что это не только книга мудрости и религии, но в то же время и исторический документ.

Тогда-то приоткрывается лицо Аравии, преданной забвению в течение десяти веков и воскрешенной теперь пожелтевшими пергаменами.

В Библии, в Книге царей, написано, что Соломон, мечтая об удивительных сокровищах, которые можно добыть, отправившись на судах через Красное море в страну Офир, велел построить флот в своем порту Ецион Гевер⁷. И его корабли привезли из Офира 420 талантов золота (I Книга царей, IX, 28)⁸. Но где же находится порт Соломона, а главное, где эта чудесная страна Офир?

Более всего распаляет воображение, конечно, визит царицы Савской. Привлеченная славой о мудрости Соломона, она отправляется повидать его «с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями». Все эти сокровища она подарила царю (I Книга царей, X, 2 и 10).

---

⁷ Эта гавань (Ецион Гебер) была открыта в 1936—1938 гг. американскими археологами в устье Акабского залива, на месте современного селения Эйлат (курган Телль эль-Хелейфа). — *Прим. ред.*

⁸ В каноническом православном тексте — III Книга царств. Здесь и далее все цитаты из Библии даются по Синодальному изданию православного Ветхого завета. — *Прим. перев.*

Но где же находилось столь сказочно богатое ее царство?

Безусловно, было известно эфиопское предание, согласно которому царица Савская правила Эфиопией, а современные народы этой страны ведут свое происхождение от Соломона, ибо он будто бы не смог отказать царице в высшей любезности, оказать которую было в его силах.

В Библии есть также упоминание о двух государствах Саба, одно из которых могло быть действительно расположено в Эфиопии.

Но кроме Библии начинают читать и греческих авторов: копии их произведений разыскивают в монастырских библиотеках, где они пережили средние века.

Между тем многие греческие авторы говорят об Аравии. Геродот, великий историк V в. до н. э., сам собрал в Египте сведения о полуострове, в том числе — о живущих там забавных баранах с хвостом из жира и знаменитых благовониях: фимиаме, мирре, кассии, киннамоне и ладане.

Известно ему было и об опасностях, которым подвергались сборщики этих благовоний. Деревья, дающие фимиам, уверял он, охранялись крылатыми драконами, и чтобы прогнать их, нужно было окуривать деревья. Собрать в озере кассию можно было только покрыв тело бычьей кожей, предохраняющей от укусов крылатых тварей. Что касается киннамона, то его добывали в скалах, в гнездах огромных птиц. Для этого у подножия скал разбрасывали опромные куски мяса быка, которые птицы переносили к себе в гнезда и так перегружали их, что гнезда падали и драгоценное благовоние попадало в руки человека. Ладан же просто цеплялся к бородам коз, когда они паслись в ладаноносном кустарнике.

Но где здесь сказка, а где — истина?

Век спустя о знаменитых благовониях Аравии писал ученик Аристотеля Феофраст⁹ — философ, совмещавший занятия философией с разного рода научными наблюдениями, и автор «Истории растений». Феофраст не только описывает мирровые и ладаноносные кустарники, но и упоминает о деталях, касающихся их разведения, а вслед

---

⁹ Феофраст из Эресса (ум. в 978 г. до н. э.) — греческий философ и естествоиспытатель. — *Прим. ред.*

за тем и торговли благовониями. Как только на ветках делается надрез и появляются капли драгоценной камеди в виде более или менее крупных жемчужин, нужно уже позаботиться о продаже. «Каждый, — говорит он, — собирает свой фимиам и свою мирру одним и тем же способом и оставляет под охраной сторожей вместе с дощечкой, на которой указывается количество мер и сумма, назначенная за каждую меру. Приходят торговцы, смотрят таблички и, когда видят подходящую кучку, отсчитывают нужную сумму и кладут туда, откуда взяли товар. Затем приходит жрец и, забрав треть денег для бога, оставляет две другие части, которые пребывают в полной сохранности до прихода хозяев».

Феофраст говорит нам о жителях Южной Аравии, среди них — о неких «сабейях» (сабейцах), описывая их как воинов, земледельцев или купцов, путешествующих на судах или на лодках из кожи. Но самым доходным в их деятельности была перевозка в соседние страны растений под названием «ларимна» (алоэ), «аромат которого превосходит ароматы всех других благовоний».

Незадолго до нашей эры греческий историк Диодор Сицилийский¹⁰ нарисовал еще более живую картину благовонной Аравии и тоже описал ее жителей — «сабеев». Вот что он пишет: «Естественным ароматом напоена вся страна... Вдоль побережья растет то, что называют бальзамом и корицей, и еще одна совершенно особенная трава: только что срезанная, она очень приятна для глаз, но потом быстро увядает. В глубине страны стоят густые леса, в которых рядом произрастают большие ладаноносные и мирровые деревья, а также пальмы, аир, киннамон и другие душистые растения. И совершенно невозможно распознать особенности и природу каждого из них, ибо число их велико, а ароматы смешаны в один общий аромат. Он кажется необъяснимым и божественным и поражает обоняние и чувства каждого. И даже путешественники, проезжающие вдали от берега, становятся причастны этому наслаждению. Ибо летом, когда ветер дует со стороны материка, случается, что ароматы мирровых и других благоухающих деревьев

---

¹⁰ Диодор Сицилийский (ок. 90 — 21 г. до н. э.) — греческий историк, автор «Исторической библиотеки», где нашли место и некоторые сведения о Южной Аравии. — *Прим. ред.*

разносятся ветром и распространяются на близлежащие морские пространства... Тот, кто вдохнул от этих ароматов, поверил, что вкусил амброзию».

Что касается сабейского народа, то он «превосходит не только все соседние аравийские народы, но и все народы вообще, богатством и даже роскошью. В самом деле, при обмене сабейцы добиваются самых высоких цен за товары самые незначительные. Поэтому, а также вследствие того, что отдаленность территории избавила их от грабежей, у них накопилось значительное количество золота и серебра, главным образом в Сабее, где находится дворец. Всевозможные чаши украшены золотой и серебряной резьбой; кровати и треножки у них стоят на серебряных ножках, а остальная мебель роскошна невероятно. У сабейских перистилей — высокие колонны, одни позолоченные, другие — с серебряными фигурками на капителях».

Но не было ли сабейское царство десятью веками раньше царством великолепной посетительницы царя Соломона?

Однако «сабеи» — сабейцы не единственный известный народ Южной Аравии. Греческий географ Страбон¹¹, писавший незадолго до нашей эры, говорит о «четырех главных народах». (Он использует также сведения, полученные от великого александрийского астронома Эратосфена¹², который жил тремя веками ранее.) Эти четыре народа суть следующие: «во-первых, минеи — в стране, лежащей на Красном Море; самый большой город у них Карно, или Карнана; затем к ним примыкают сабеи, столица которых Мариаба; третье племя — каттабаны, область которых простирается до пролива и переправы через Аравийский залив; царская столица их называется Тамна. Наконец, дальше всего на восток обитают хатрамотиты; город у них Сабата».

Все эти города управляются единолично правителями и процветают; они украшены пышными святилищами и царскими дворцами».

---

¹¹ Страбон — знаменитый греческий географ (ок. 63 г. до н. э. — ок. 24 г. н. э.). — *Прим. ред.*

¹² Эратосфен из Кирены (ок. 276—194 гг. до н. э.) — греческий философ и географ, основатель математико-астрономического метода в географии. Его не дошедшие до нас труды явились основным источником для Страбона при описании Аравии. — *Прим. ред.*

«Сабейи» и их соседи отправляют с караванами ладан, а также пряности, привезенные из Индии на кораблях. Везут их обычно через Герры¹³ к Персидскому заливу и через западную часть полуострова до Акабского залива, а также в город Петру¹⁴.

Согласно Страбону, «сабейи», торгуя своими благовониями, накопили огромные сокровища. У них была золотая и серебряная посуда, вазы, треножники и большие чаши с крышками. Роскошь и великолепие царили в их жилищах, где ворота, стены и потолки украшались мозаикой из золота, серебра, слоновой кости и драгоценных камней.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, как сообщает тот же историк, в 24 г. до н. э. римский император задумал наложить руку на караванную торговлю, создавшую легендарные богатства Южной Аравии. Руководить экспедицией было поручено полководцу Элию Галлу... Печальное предприятие...

Поначалу все обещало успех. Несмотря на болезни, подстерегавшие солдат в знойном и влажном климате прибрежного района, армии удалось взять город Негран (совр. Неджран). Шесть дней спустя она разбила плохо вооруженный отряд арабов близ одной из рек и вслед за местным проводником направилась к городам Счастливой Аравии. То был изнурительный для армии поход по безводной бедной местности со знойным климатом; со всех сторон римлян окружала пустыня; не исключено также, что проводник нарочно сбивал их с верного пути на сомнительные тропинки. Они дошли до Мариабы¹⁵ и осадили этот город, но сами гибли от жажды.

Был ли то Мариб, столица сабейцев? Об этом спорят еще и сегодня. Римлянин утверждал, что достиг города после двух дней пути из «Страны, производящей благоволия».

---

¹³ Согласно Страбону, город Герры — «поселение халдейских изгнанников» — находился в Персидском заливе, в одной из бухт современного залива Бахрейн (в районе современного ал-Хубара?). — *Прим. ред.*

¹⁴ Петра — древняя столица Набатейского царства (III в. до н. э.—106 г. н. э.), затем входила в состав римской провинции Аравии Петрейской. Находилась на территории Южной Иордании. Покинута жителями в V в. н. э. — *Прим. ред.*

¹⁵ См.: Страбон, XVI, IV, 24 (Марсиаба).

Утратившая энтузиазм, больная, страдающая от жажды и опасаящаяся предательства проводника армия была вынуждена отступить и прошла путь, на который ранее затратила шесть месяцев, за 60 дней.

Август велел сделать несколько надписей о победе. От этого, однако, римский план захвата аравийской торговли не стал менее безнадежным. Сама страна лучше, чем оружие, защитила сабейцев от непобедимых римлян. Римлянам на собственном опыте пришлось испытать негостеприимный характер этой особенной страны, в которой невозможно жить, не будучи приспособленным.

По мнению Эратосфена, Аравия делится на две большие, совершенно непохожие части. На юге находятся области Счастливой Аравии, которые «орошаются, — как говорит он, — летними дождями; посев производится здесь, как и в Индии, два раза в год, а реки теряются в равнинах и озерах. Страна вообще отличается плодородием, в особенности же она богата пчелиными пасеками; много в ней домашнего скота, за исключением лошадей, мулов и свиней; есть много птицы, кроме гусей и кур». На севере же раскинулась так называемая Пустынная Аравия — «песчаная и бесплодная земля, где редко растёт пальма, акантф и тамариск, а вода добывается из колодцев... Обитают в этой земле арабы... и верблюжьи пастухи...».

Если в начале нашей эры о характере страны, ее жителях и их культуре существовали пусть хотя бы эти самые общие представления, то о форме полуострова не имелось вообще никаких представлений — географических карт составлять тогда не умели.

Известно от Геродота, что отправившемуся по приказу персидского царя Дария (510 г. до н. э.) судну «Сцилак» с греческим экипажем на борту удалось обогнуть Аравию, следуя из Индии (через устье Инда) в Египет, которого оно достигло, двигаясь вверх по Красному морю. Таким образом, уже давно было ясно, что полуостров окружен морем, по которому можно доплыть до Индии. Но там, где мы привыкли различать три морских пространства: Красное море, Индийский океан и Персидский залив, виделось скорее одно море, называвшееся Эритрейским (что значит «Красное») и омывавшее все аравийское побережье.

До II в. до н. э. греческие мореплаватели не могли

дать полных сведений об очертаниях берегов Аравии, ибо никто из них еще не обогнул ее полностью.

Действительно, ведь и арабы считали Баб-эль-Мандебский пролив опасным (отсюда его название — «Ворота слез»), а плавание в Индийском океане, куда проникали через этот пролив, было возможно лишь с попутным муссоном. Муссон же с февраля по август дует с юго-запада, неся суда к Индии, в то время как следующие шесть месяцев, дую с северо-востока, он отталкивает их от Индии к Аравии. И целые века греческие моряки не умели использовать этот режим муссонов. Поэтому для мореплавателей Агафархида¹⁶ и Артемидора¹⁷, оставивших прекрасное описание обоих берегов Красного моря, его портов, рифов, прибрежных горных цепей и жителей, хадрамаутское побережье, начинающееся за Баб-эль-Мандебским проливом, оказалось недоступным.

Только во II в. до н. э. некто Гиппал нашел способ довести путешествие до конца: отправившись из Красного моря, он подошел к Баб-эль-Мандебскому проливу в период благоприятных муссонов. С тех пор греки легко достигают Индии, добираются и до Хадрамаута.

У авторов начала нашей эры мы уже находим значительно больше фактов о жизни страны. Римский историк Плиний в I в. н. э. составляет список племен, городов и селений Центральной Аравии, который позволяет судить о его достаточно близком знакомстве с обитателями страны — оседлыми и кочевниками.

Неизвестный автор «Перипла Эритрейского моря» перечисляет караванные дороги, связывающие сабейцев с Петрой, а также с Оманом, Хадрамаутом и Геррами в Персидском заливе.

Наконец, в труде Птолемея мы находим настоящий атлас с комментариями, где очень тщательно систематизируются все сведения об Аравии, собранные до него.

Люди Возрождения не только с восторгом обнаружат в этом труде настоящий клад знаний, но восхитятся и научной изобретательностью автора, позволившей ему на-

---

¹⁶ Агафархид Книдский (II в. до н. э.) — греческий историк и географ. Сохранилась часть его труда, посвященного Эритрейскому морю. — *Прим. ред.*

¹⁷ Артемидор из Эфеса (ок. 100 г. до н. э.) — греческий географ, труды которого были широко использованы Страбоном при описании Аравии. — *Прим. ред.*

нести на бумагу множество известных географических названий. Последнее стало возможным лишь благодаря идее условно разделить мир параллелями широты, начиная от экватора, и долготы — от точки, которую географ помещает на острове Ферроль. Прежде чем тот или иной пункт наносился на карту, его географическое положение легко определялось с помощью этих параллелей.

Птолемеевская Аравия расширялась книзу и суживалась вверху. Географ помещает там четыре больших реки, горные цепи и значительное количество населенных пунктов.

Ученость древних восхищала людей Возрождения, но вместе с тем побуждала их стремиться к максимальной точности получаемых знаний. Отсюда желание проверить все самостоятельно, отказ верить на слово. Просто прочесть казалось уже недостаточным, хотелось непременно увидеть все собственными глазами. Поэтична поэтому страсть к путешествиям: путешествуя, можно было увидеть другие земли, других людей, другие нравы, дать соотечественникам пищу для наблюдений и размышлений.

У Европы давно уже появился предмет для самых разнообразных исследований — мусульманский Восток. Враждебный Восток. Трудно было и подумать о том, чтобы туда проникнуть.

Однако нашелся человек, которого не остановили трудности. «Желание, вдохновившее многих других на путешествия в монархии мира, — писал он, — руководило, наверное, и мною в подобном же предприятии. И именно потому, что другие страны и провинции достаточно освещены многими, я решился в сердце моем повидать провинции, менее посещаемые нашими предшественниками. И, уповая на провидение, мы отправились морем из Венеции, и ветры нам благоприятствовали».

Это было в 1503 г. Человека звали Лодовико ди Вартема.

ЛОДОВИКО ДИ ВАРТЕМА

Бывал ли в Аравии кто-нибудь до него?

По некоторым современным источникам, между 1476 и 1490 гг. Мекку посетил великий путешественник Кабо¹⁸. Но это сомнительно.

Точно известно лишь, что в 1487 г. король Португалии Иоанн поручил Педро де Ковильха, умевшему говорить по-арабски, выяснить, возможен ли путь в Индию через Красное море. Педро посуху добрался до одного из портов Красного моря, где присоединился к каравану «мавров», шедшему из Каира. Потом на судне он переправился в Аден, а оттуда — в Индию. Возвратясь в Каир, путешественник находит там новый приказ своего короля — посетить Эфиопию, который выполняет с таким старанием, что задерживается в этой стране на целых тридцать лет. Капеллану португальского посла (находившегося в Эфиопии с 1520 по 1526 г.) он рассказывает свою одиссею и, в частности, говорит ему о путешествии, которое якобы совершил в Мекку и Медину. Действительно ли он его совершил? Во всяком случае, сведений об Аравии от этого не прибавилось, ибо Педро де Ковильха не оставил никаких письменных воспоминаний.

Некий Арнольд фон Харф, напротив, подробно описал свои странствия от Кёльна до Венеции, а потом до Александрии, Каира и горы Синая. Оттуда он будто бы через всю Аравию отправился в Аден, доплыл до Сокотры и Цейлона, побывал в Индии и на Мадагаскаре, взбирался на Лунные горы, найдя истоки Нила, прошел его весь до самого Каира и возвратился в Европу через Палестину, Сирию и Турцию.

Желание придать рассказу остроту, жажда сенсаций всегда велики у тех, кто не понимает истинного смысла погони за знаниями. Разве не дают нам современные журналисты лишний повод убедиться в этом?! Может быть, в то время, когда были написаны записки Арнольда фон Харфа, ему кое-кто и верил, но сегодня, сопоставляя его рассказ с собственными знаниями, мы замечаем

---

¹⁸ Джованни Кабо (ок. 1451 г. — конец XV в.) — итальянский мореплаватель. — *Прим. ред.*

в нем и непоследовательность, и ошибки, и явный вздор. Видимо, сам фон Харф проехал лишь от Египта до Синая, а потом отправился в Палестину и Сирию. Однако он собрал некоторые сведения и о других странах и, не проверив их и даже как следует не поняв, — захотел представить слухи как свои собственные впечатления. Потомки присудили ему пальму первенства в распространении ложных сведений.

Лодовико ди Вартема, напротив, предстает перед нами как честный, объективный, лишь на фактах основывающийся рассказчик, хотя и он, видимо, не устоял перед искушением выдать некоторые частности, о которых мог знать лишь понаслышке, за виденное им самим во время путешествия в Индию.

О происхождении Лодовико ди Вартема неизвестно ровным счетом ничего. Цитирующие его старые авторы называют его то болонцем, то римлянином. Один историк писал в XVIII в., что он был «римлянин из благородной семьи патрициев, более известный под именем болонца Луи Вартема — так он называл себя в своих мемуарах».

Во всяком случае, в течение почти полувека не было ни одного рассказа о путешествиях, который пользовался бы таким прочным успехом, как его. Около тридцати лет подряд переиздания и переводы следовали один за другим без перерыва, некоторые вышли уже в XVII в.

Книга ди Вартема не утратила своей привлекательности и поныне. Автор ее проявляет недюжинные способности наблюдателя и рассказчика. Не то чтобы он был склонен к беллетристике — напротив, он сразу же отказывается от описания всевозможных красот. «Очевидно, — пишет ди Вартема о Дамаске, — что рассказать о красоте сей благословенной местности было бы совершенно невозможно». Но зато он никогда не пытается удивить читателя, не стремится ни украсить то, что видит, ни выставить себя в выгодном свете. Он старается прежде всего сообщить полезные сведения. Говоря о городе, называет число домов, мечетей, рассказывает о событиях местной истории, о том, что продают на рынках, как одеваются, о характере людей и их обычаях. Очарование рассказу придают, не говоря уже о чисто романическом интересе приключений ди Вартема, верный глаз, четкость и наглядность описаний (об этом можно

судить по нескольким зарисовкам, которые мы приведем ниже).

Отправившись в 1503 г. из Венеции, Лодовико добрался до Каира, потом до Бейрута, Триполи, Халеба и, наконец, до Дамаска, где остался надолго, чтобы овладеть арабским языком. И в Египте, и в Сирии он научился отличать мамлюков¹⁹ — наемных солдат турецкого султана, из которых состояла полиция. Это были пленные из Венгрии, Валахии, Сербии и Болгарии, приведенные в Египет, а также и другие европейцы (немцы, каталонцы, сицилийцы и итальянцы), избравшие ислам своим вероисповеданием. Пренебрежительным отношением к принятым в стране религиозным обрядам, духом неповиновения и оскорбительным для всех окружающих поведением войско это снискало презрение и ненависть мусульман. Ди Вартема, в частности, приводит факты злоупотребления мамлюками их правами в отношении дамасских женщин.

Но чтобы утолить свое «желание видеть новое», он «не нашел иной возможности, кроме как войти в тесную связь с капитаном мамлюков», на которого была возложена обязанность во главе отряда в 60 человек охранять собиравшийся в Мекку караван паломников (приблизительно 40 тысяч человек и 35 тысяч верблюдов) и сопровождать его туда и обратно. Капитан не возражал, и ди Вартема стал мамлюком («с помощью денег и других вещей, которые я ему дал»).

Лодовико намерен был познакомиться с тем, что безусловно, представляло тогда основной интерес: со священными городами ислама, с могилой пророка, с храмом

---

¹⁹ М а м л ю к — букв. «обладаемый», т. е. раб. Так назывались, между прочим, представители созданной фатимидскими халифами (с X в. н. э.) в Египте особой гвардии, состоявшей из иноземных рабов. Учитывая прискорбный опыт аббасидских халифов, также имевших гвардию из рабов (гулямы) и ставших вскоре игрушкой в руках «преторианцев» мусульманского мира, Фатмиды стремились набирать в гвардию рабов самых различных национальностей; каждый отряд составлялся из представителей одной народности и в известном смысле противостоял другим отрядам (с течением времени наибольший вес среди мамлюков приобретают выходцы с Балканского полуострова и Кавказа). С 1250 г. представители мамлюков — султаны становятся фактическими правителями Египта; их власть сохранилась и после завоевания Египта турками (в 1517 г.) вплоть до начала XIX в., когда они были истреблены физически Мухаммедом Али. — *Прим. ред.*

Каабы и главным обрядом мусульман — паломничеством.

Первый этап пути закончился в Хауране, в местечке Мезериб. Этот район, расположенный на краю культурных, возделываемых земель, часто подвергался набегам кочевников-бедуинов из пустыни. Уже римляне вынуждены были построить здесь укрепления, чтобы остановить вторжения кочевников. Дн Вартема, который провел в Мезерибе три дня, превосходно понял характер бедуинов, хотя встретил их впервые в жизни, и вполне почувствовал дух этой пограничной земли: «Когда наступает время собирать плоды земли, кажется, что они [бедуины] за сто миль отсюда, а утром они уже около города, где найдут пшеницу и ячмень уже чистыми и обмолоченными. Они наполнят мешки и унесут их. И будут скакать не день и не ночь, не давая своим кобылам отдохнуть, а прискакав, дадут им напиться верблюжьего молока, которое свежо и снимает усталость; и воистину кажется, что кобылицы сии летают подобно соколам.

Знайте, что большая часть этих людей ездит без седла и все они одеты в рубахи, не исключая и самых главных среди них. А оружие их суть копья из индийского тростника длиной в десять или двенадцать саженей с железным наконечником. Когда же хотят они куда-то отправиться, то едут плотно, как скворцы; они маленькие, темно-коричневого цвета, у них женские голоса. А волосы черные, длинные и прямые. Они называют себя арабами, и их так много, что нельзя и сосчитать. Обычно между ними идет война. Они живут в горах и, когда знают, что в Мекку должен прийти караван, являются, чтобы его ограбить. А жен своих и детей, и весь свой скарб, и дома везут на верблюдах. Дома их, так же как военные шатры, сделаны из толстой шерсти, черной и колючей».

Следуя с караваном, Лодовико узнает, что такое форсированный марш в поисках колодца через безводный район — тридцать три человека погибли от жажды, а умирающих оставляли по краям дороги зарытыми в землю по шею.

Ему было неизвестно, что караван проходил тогда через Нефуд, обширную часть пустыни, вдающуюся широко языком в Северную Аравию. Множество раз приходилось давать отпор бедуинам, которые нападали на

караван то с целью ограбления, то пытаюсь заставить заплатить за воду, взятую из колодцев. Однако в борьбе с бедуинами мамлюки проявили доблесть, и караван потерял только одну женщину и одного мужчину.

Ди Вартема не называет нам мест, через которые идет, кроме исходного пункта (Мезериб) и конечных (Медина и Мекка).

Правда, он упоминает о долине Содома и Гоморры, которой будто бы достиг караван на 22-й день пути от Мезериба. Но это совершенно невозможно, так как Содом и Гоморра находились на берегу Мертвого моря. Не будучи, как он сам об этом предупреждает, человеком, черпающим ученость в книгах, ди Вартема излагает здесь все, что помнит из Священной истории: жители этих городов якобы не отличались добродетелью, за что и были наказаны, ибо «все вокруг сего места есть пустынная земля, не дающая ни воды, ни плодов». «Жили они, — добавляет ди Вартема, — лишь манной небесной. Не оценив же милости Божией и вследствие своих ужасных пороков, были наказаны чудом Божиим. И до сих пор города эти все в развалинах».

Здесь, безусловно, слышны и отзвуки мусульманских верований, согласно которым древние разрушенные города считаются городами, проклятыми пророком. Религиозные взгляды мусульман, воспоминания о некогда прочитанной истории Содома и Гоморры и об изгнании евреев в пустыню в наказание за их роптание на бога — из всего этого, видимо, и родился рассказ ди Вартема.

Нам кажется, что развалины, расстояние до которых, если исчислять его в днях пешего пути, равно трем пятим расстояния от Дамаска до Медины, могут быть только остатками городищ Мадаин-Салих и Эль-Ула. Ди Вартема же думал, что видит Содом и Гоморру, не подозревая о существовании древней цивилизации, открыть которую еще предстояло.

Побывал он также у подножия горы, имеющей 10—12 миль в окружности. «Там, — говорит он, — живет четыре или пять тысяч евреев. Они ходят обнаженными, рост их составляет пять-шесть ладоней. Голоса у них — как у женщин, и более всего среди них чернокожих. У них нет, да они и не едят другого мяса, кроме бараньего. Все они подвергаются обряду обрезания и исповедуют иудейство. Когда же в руки к ним попадает мавр,

они живьем сдирают с него кожу». Думается, что именно там находился Хайбар, где Доути в XIX в. предстояло пережить тяжелые дни.

И вот, наконец, Медина. В Европе думали, что тело Мухаммеда покоится в мекканском храме, где оно подвешено в воздухе. Заслуга ди Вартема — в разоблачении этого ошибочного представления, ибо он видит гробницу пророка в Медине.

Мечеть, по его описанию, квадратная, в ней более 400 опорных колонн из белого обожженного кирпича. Ее освещают около трех тысяч ламп, никогда не гаснущих. В одном из углов — четырехугольная башня, окутанная шелковым покровом и опоясанная медной решеткой; войти туда можно через дверцу, по обеим сторонам которой лежит десятка два книг с описанием жизни и учения Мухаммеда, а также деяний и поступков великих подвижников ислама, погребенных тут же. Именно здесь находится гробница Мухаммеда и первых халифов: Абу Бекра и Омара²⁰. Кроме них ди Вартема упоминает также Али, Османа и Фатиму, дочь Мухаммеда. Об Али он немного что знает; что касается Фатимы, то свидетельство о ее погребении мы находим лишь в шиитском предании; Осман же на самом деле был похоронен на одном из кладбищ Медины.

Ди Вартема и его друзьям — «вольнодумцам», по их

---

²⁰ Абу Бекр — преемник Мухаммеда в качестве духовного и светского главы мусульман и первый «халиф» («наместник») (ум. в 634 г.); Омар — второй избранный халиф (634—644), при нем были совершены основные завоевания арабов на Ближнем Востоке и в Африке; Осман — третий избранный халиф, убит в 656 г.; Али — четвертый и последний из избравшихся «праведных» халифов; был женат на любимой дочери Мухаммеда Фатиме, от которой имел сыновей Хасана и Хусейна; убит в 661 г. во время переворота, приведшего к власти наследственную династию Омейядов.

Шиизм — название, объединяющее весьма различные секты в исламе, члены которых по своим воззрениям противостояли суннитам, т. е. «правоверным» мусульманам. Возникновение шиизма связано как раз с узурпацией власти над мусульманами династией Омейядов. В глазах ранних шиитов — представителей некоторой части арабской знати — единственными преемниками власти должны были стать внуки Мухаммеда, сыновья Али и Фатимы. В последующем шиизм бросил тщательно разработанной догматикой и особой религиозной практикой и получил особое распространение в Иране; в конечном счете под знаменами шиизма, в свою очередь распавшегося на многочисленные секты и включившего новые «ереси», собрались самые разнообразные и нередко противоборствующие группировки. — *Прим. ред.*

собственному свидетельству — не удалось увидеть в Медине ничего, кроме выходящих глубокой ночью из гробницы пророка мусульман.

Зато в Мекке ди Вартема как объективному стороннему наблюдателю удалось хорошо познакомиться с принятыми там обрядами.

Он в восхищении от окруженного горами священного города. Местность вокруг Мекки бесплодна, и продовольствие везут из Каира, через порт Джидду на Красном море, а также из Индии, Персии и Сирии. Из Индии и Эфиопии вывозят пряности и драгоценности, из Бенгала — колоссальное количество шелков и бумазей. В этом городе, где, как ни в каком другом месте, были сконцентрированы огромные массы людей, шла бойкая торговля драгоценностями, шелками, хлопчатобумажными тканями и всевозможными благовониями. Благовония в изобилии продавались обычно под сводами большой мечети, а драгоценности — у ее дверей.

От Буркхардта известно, что Кааба, святая святых мекканского храма, была полностью перестроена в 1627 г. Ди Вартема же видел ее в первоначальном виде.

Красивый круглый храм напоминает ему римский Колизей; в середине его под открытым небом находится «небольшая башня, коей сторона составляет пять-шесть шагов, вся она окутана черным шелком». Это Кааба. Войти туда можно через серебряную дверь, но порог ее расположен на высоте человеческого роста; по обеим сторонам — вазы, доверху наполненные благовониями; в каждом углу башни — по кольцу.

Наш путешественник рассказывает, как 23 мая перед рассветом толпа начала делать традиционные семь кругов вокруг башни, прикладываясь к ее углам; закончив обход, каждый пятился до колодца, вырытого в 12 шагах от башни. И в то время как богомolec громко просил прощения за содеянные грехи, ему на голову выливали три ведра воды, так что он промокал до нитки; так поступали с каждым, даже если платье его было расшито золотом, ибо считалось, что вода из колодца смывает грехи; затем толпа отправлялась к подножию одной из гор, чтобы принести там жертву. Каждый должен был зарезать от двух до пяти баранов, обращая их головы в сторону восходящего солнца. Немного мяса составляли себе, остальное раздавали нищим, последних

было так много, что они дрались не только за мясо, но и за огуречную кожуру, которую им бросали прямо в песок.

На второй день была проповедь о необходимости раскаяться в грехах, после чего все спешно возвращались в город. На полдороге стояла стена, а возле валялось множество мелких камней. Каждый должен был бросить один из камней как бы в невидимого врага. Ди Вартема объяснили, что этот обряд совершается в память о повиновении Исаака и свидетельствует о желании ему подражать. Действительно, мусульманское предание гласит, что, когда дьявол пытался помешать Исааку последовать за отцом своим Авраамом, который собирался принести его в жертву, Исаак дважды прогонял дьявола, а на третий раз забросал его камнями, так как хотел, чтобы воля господня свершилась.

Ди Вартема отмечает, что Мекка буквально наводнена голубями. Они приносят городу большой ущерб, но ни одного из них никто не может убить, потому что эти птицы считаются потомками того, «кто говорил с Мухаммедом под именем Святого Духа».

Наконец, он сообщает нам, что у одной из стен храма показывали тогда двух живых единорогов — подарок султану Мекки. Последнее может показаться неправдоподобным, однако животные эти и в самом деле водятся в густых лесах Эфиопии.

Таким образом, отныне Европа уже имела общее представление о том, как проходит суровое испытание — хадж, т. е. паломничество, которое по исламской вере делает из просто верующего настоящего мусульманина, достойного райских куш.

Вызывает восхищение объективность путешественника. Он наблюдал все эти обряды впервые в жизни и раньше ничего о них не знал, однако сумел постичь смысл ритуалов.

После Пустынной Аравии и священных городов Лодовико ди Вартема познакомил своих соотечественников с другой частью Аравии. Она называлась Аравией Счастливой.

Он вовсе не был намерен возвращаться с караваном назад в Дамаск. Но однажды, когда наш мамлюк покупал товары для своего капитана, какой-то человек обвинил его в том, что он — не мавр. Напрасно Лодовико

клялся «головой пророка», ему пришлось последовать в дом этого человека, чтобы дать объяснения. Там хозяин, уже по-итальянски, сообщил ему, что бывал в Италии, видел его там и теперь узнал в лицо. Волей-неволей ди Вартема пришлось объяснить, как он стал в Каире мамлюком. Тот факт, что римлянин захотел принять религию ислама, мог только польстить мусульманину, и человек обошелся с Лодовико в высшей степени почтительно. Разговор перешел на события дня, и ди Вартема узнал, что если в этом году драгоценных товаров привезено менее, чем обычно, то виной тому король португальский, суда которого доходили теперь до океана и до самых заливов — Персидского и Аравийского.

Действительно, шел 1509 год. Португальские мореплаватели уже так хорошо знали западное побережье Африки, что Васко да Гама удалось в 1497—1499 гг. обогнуть мыс Доброй Надежды. Обойдя таким образом африканский полуостров, он очутился в Индийском океане и, поднимаясь затем с большими предосторожностями вдоль другого побережья полуострова, дошел до аравийских берегов.

Итак, пока ди Вартема изучал в Дамаске арабский язык, Васко да Гама плыл с юга к берегам Аравии. Узнав об этом, ди Вартема сделал вид, что весьма опечален, и поспешил заверить хозяина дома в своей враждебности к христианам. Затем он просит мавра помочь ему отстать от каравана и скрыться от мамлюков, уверяя, будто это нужно ему (Лодовико), чтобы отправиться к правителям юга, противникам Португалии, которых он научит изготовлять пушки. Составили план. И в то время как глашатаи собирали по городу мамлюков, угрожая казнью тем, кто не явится, ди Вартема, спрятанный в доме мавра (в комнатах его жены и племянницы), чуть не отдает богу душу, напуганный перспективой быть вздернутым на виселице. Он успокаивается лишь тогда, когда караван уходит, и вскоре покидает гостеприимный дом мавра, обласканный его женой и очаровательной племянницей. По рекомендации своего хозяина он присоединяется к каравану, идущему в Египет через Джидду.

Едва оказавшись в Джидде, Лодовико отправляется в мечеть, ложится на пол, притворяясь больным, и остается там четырнадцать дней, выходя только ночью, что-

бы запастись провизией. Наконец, он находит судно, отплывающее в Персию, и садится на него, заключив сделку с капитаном.

Лодовико рассказывает нам о рифах Красного моря, о трудностях навигации между Джиддой и островом Камараном, об обнаженных бедуинах, которые «метают камни из пращи» в людей, высадившихся на их землю, чтобы закупить съестные припасы, и, наконец, — о прибытии в прекрасный порт Джизан. Ди Вартема насчитывает там сорок пять судов, он восхищен изобилием «винограда, персиков, айвы, яблок, гранатов, очень крупного чеснока, лука средних размеров, сладких орехов, огурцов, разных сортов лимонов и апельсинов».

В таком же поистине райском изобилии видит он и мясо, пшеницу, ячмень, белос просо, которое он называет «дора» и из которого, по его словам, делают очень вкусный хлеб.

Люди здесь ходят совершенно обнаженными. Исповедуют они мусульманство.

Наконец, пройдя Баб-эль-Мандебский пролив, корабль прибыл в Аден.

Это, говорит ди Вартема, город самый укрепленный из тех, что он когда-либо видел на равнинной местности: с двух сторон его окружают горы, с двух других — крепостные стены.

Пять замков возвышается над Аденом. Население исчисляется пятью-шестью тысячами семей. Суда бросают якоря у подножия одной из гор, которую венчает форт. Жара там такая, что на рынок ходят в два часа ночи. На якорной стоянке можно видеть корабли из Индии, Эфиопии, Персии. Как только корабль заходит в порт, офицеры местного султана приходят осведомиться о товарах и об экипаже, затем они снимают парус и руль, дабы судно не ушло, не заплатив султану оброка.

В 1504 г. португальцы постоянно крейсируют в океане в виду Адена. За год до этого Антонио де Солдания открывает остров Сокотру. В то время как ди Вартема находился в Адене, всех жителей города преследовала мысль о португальской опасности; поэтому, когда один из спутников имел несчастье обругать Лодовико «собачьим сыном» (ругательство, распространенное главным образом среди «неверных»), его тотчас же заподозрили в том, что он — христианин и португальский

шпион, и в тот же день доставили во дворец султана, чтобы предать смерти. Отсутствие султана отсрочило казнь. Прибывшие на третий день пятьдесят или шестьдесят «мавров», которым удалось бежать вплавь с трех кораблей, взятых португальцами в плен в открытом море, ринулись на штурм дворца, чтобы растерзать ди Вартема и его товарищей по тюрьме; жизнь им спас сторож, вовремя успевший закрыть дверь.

Только на исходе шестьдесят пятого дня привезли их в Ронду, «где [они] должны были предстать перед султаном, производившим в тот момент смотр войскам, которые он собирался послать против войск султана Саны. Сана же находилась в трех днях пути от Ронды».

Как ни был ди Вартема озабочен своей судьбой, он все же не преминул окинуть взором готовящуюся к походу армию. Насчитывала она 80 тыс. человек, из которых 3 тыс. составляли личную гвардию султана («христианские сыны, черные, как мавры»). Это главным образом эфиопы, купленные султаном в восьмилетнем возрасте и обученные военному ремеслу. Они вооружены круглым щитом, сделанным из двух разрисованных коровьих шкур, сшитых вместе и натянутых на палки. В руках у каждого — копье, короткий и широкий меч, а вокруг головы — праща, «чтобы метать камни». Между пращей и головой они засовывают щепки, которыми ковыряют в зубах. Одеты они в полотно, чаще всего красное, «стеганное с хлопком»; одежда эта защищает их от вражеских ударов. «И до сорока-пятидесяти лет они обычно носят два рога, сделанные из собственных волос. Похожи они на козлят». Ди Вартема говорит также, что сопровождало армию пять тысяч верблюдов.

Здесь начинается для него период испытаний. На допросе у султана он называет себя мусульманином, но, когда султан велит ему произнести символ веры ислама, у него «нет мочи проронить хоть слово» и он не знает, «была ли то воля Господня или просто страх». Так или иначе его сажают в тюрьму, надевают на ноги кандалы, утром и вечером дают ломоть хлеба из проса.

Пленники договариваются между собой, что тот, на кого падет жребий, должен будет изображать помешательство, чтобы дать возможность бежать двум другим. Жребий падает на ди Вартема.

Жена султана из своего окна видит, какие поистине

цирковые номера проделывает ди Вартема, но следит за ним с симпатией, тем более что белый цвет его кожи отнюдь не оставляет ее равнодушной. Лодовико успешно справляется с ролью помешанного, и ему снова улыбается счастье. Жена султана окружает его заботами. Однако ди Вартема принимает эти заботы с крайней осторожностью. Дело в том, что наш путешественник вовсе не стремился уступить желанию султанши иметь сына с белой кожей, не прельщаясь ни богатством, ни положением фаворита. У него было только одно желание — вернуть себе свободу и приобрести новые знания, а султанша могла его задержать. Вырвавшись с ее помощью из тюрьмы, ди Вартема некоторое время оставался во дворце, потом притворился больным и попросил разрешения отправиться в Аден полечиться у «святого человека». Жена султана разрешила, и ди Вартема с дворцовым пропуском посещает различные города, названия большинства из которых легко восстанавливаются.

Лахдж, Сана, Таизз, Забид, Дамар. Что касается Эза (Эс?), Дамта (Ди-Наим?), Аль-Макараны (Эль-Мукрана?) и Рольма (Рейна или Ярим?), то здесь труднее понять, о каком городе идет речь.

Как некогда Геродот, Лодовико обращает внимание на странную породу баранов. Курдюк их весит до сорока фунтов, и они так жирны, что не могут передвигаться.

Он видит безжизненные районы Ди-Наима и нищих жителей. Но в «Эазе» он описывает рынок, где продается множество пряностей, хлопчатобумажных и шелковых тканей и изумительных фруктов: гранатов, персиков, айвы, фиг, орехов и вкуснейшего винограда. Над городом возвышаются два укрепленных замка, построенных на двух горах напротив друг друга. Ди Вартема не очень хорошо понимает причины вражды между жителями этих гор; все они верят в Мухаммеда, но тем не менее «убивают друг друга, как собак». В действительности то была вражда между суннитами (правоверные мусульмане) и зейдитами^{20а}, которые не признавали в качестве законных трех первых халифов, последователей Мухаммеда. Главой их был Ага-хан.

---

^{20а} Зейдиты — последователи Зейда ибн Али, внука Хусейна, создавшие в VIII в. н. э. особую секту внутри шиизма. В X в. овладели Йеменом, где имамы зейдитов правили до революции 1962 г.—
Прим. ред.

Эль-Мукрана упоминается мусульманским географом Якутом²¹ как «замок в Йемене». Однако ди Вартема описывает ее как чудесный город, расположенный на возвышенности, добраться до которой можно лишь по тропинке, где двоим рядом не пройти. Воздух там превосходный, люди преимущественно белокожие. Возвышенность плодородна, изобилует водоемами, и именно в этом прекрасном стратегическом пункте хранит султан свою казну, где золота больше, чем могут унести сто верблюдов.

В Сане (в настоящее время — столица Йеменской Арабской Республики) ди Вартема восхищается огромными крепостными стенами, изобилием фруктов, фонтанов, садов и виноградников.

Таизз (в недалеком прошлом — резиденция йеменского имама) с его храмом, напоминающим Санта-Мария ля Ронд в Риме, и очень красивыми дворцами кажется ему «городом очень древним». Там, говорит он, в избытке делают розовую воду.

Забид, расположенный в полудне ходьбы от Красного моря, он вспоминает как превосходный торговый центр, где продают много сладостей и фруктов, а также огромное количество пряностей, привезенных из дальних стран.

Наконец, он в Адене, где снова притворяется больным, снова лежит в мечети до тех пор, пока в один из ночных выходов не находит владельца судна, согласившегося отвезти его в Эфиопию.

После недолгой стоянки в порту Лодовико отправляется в Персию, а оттуда — в Индию, не поддавшись соблазну жениться и приобрести таким способом большие богатства. Другу, который хотел задержать его в Индии этой женитьбой, он сказал: «Знайте, что не богатства, не корысти ради иду я по свету; иду я ради собственного удовольствия и чтобы узнавать».

Конец путешествия более всего прославил ди Вартема. Находясь в Калькутте, он узнал, что португалыцы,

---

²¹ Якут ибн Абдаллах ар-Руми аль-Хамави (1179—1229). Вероятно, уроженец Малой Азии и, быть может, греческого происхождения. Ребенком был продан в рабство сирийскому купцу и освобожден по завещанию последнего. Великий арабский ученый-энциклопедист, автор географического словаря, охватившего всю сумму известных по времени Якута знаний о земле. — *Прим. ред.*

укрепившись в Каноноре, строят там флот. Лодовико 3 декабря 1505 г. является туда, не возбуждая ничьих подозрений, и предупреждает вице-короля Португалии о происках индийцев, которые готовились начать войну, будучи хорошо вооружены пушками, построенными для них двумя португальскими дезертирами. За мужественное поведение наш путешественник во время последовавших битв был посвящен в рыцари королем доном Мануэлем (в 1508 г.).

Из Лиссабона он возвращается в Рим. Венецианская коллегия награждает его за удивительные рассказы; ему покровительствуют знатные семейства Колонна и Сфорца и кардинал Карваджале, взявший на себя расходы по переводу его труда на латинский язык.

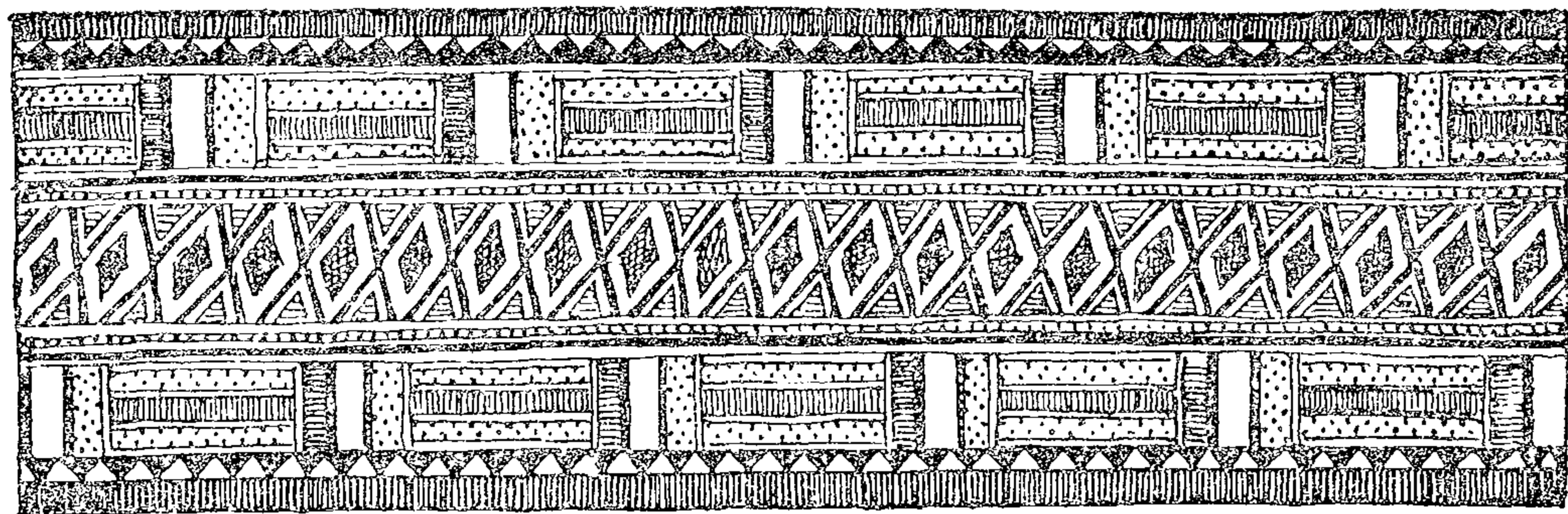
Однако о последних годах жизни Лодовико так же мало известно, как и о первых; можно только предполагать, что умер он между 1512 и 1517 гг.

К книге ди Вартема приложена карта, на которой мы видим Аравию Птолемея, странно вытянутую в ширину на юге.

Лодовико дал своим соотечественникам очень общую, но точную картину того, что более всего характеризовало Аравию: рассказал о священных городах, родине Мухаммеда, и паломничестве; определил географическое положение Пустынной Аравии севера и Счастливой Аравии юга; описал торговлю с Индией, Эфиопией, Персией и Египтом; не забыл о производстве благовоний и, наконец, познакомил европейцев с народом Аравии, где рядом с белокожим свободным населением живут черные рабы, а рядом с оседлыми племенами — кочевники-бедуины.

Конечно, знания, источником которых были рассказы ди Вартема, нельзя считать научными; однако они были объективными и точными настолько, насколько это возможно в том случае, когда у человека нет других средств познания, кроме собственных глаз и ума. И тем и другим ди Вартема сумел воспользоваться как нельзя лучше.

Почти все еще предстояло открыть; и тем не менее попытка ди Вартема уже знаменовала начало.

Часть вторая

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПОНЕВОЛЕ

Глава I

ПЛЕННИКИ

XVI в. принес Португалии полное господство над морями, омывающими берега Аравии; продолжалось это до тех пор, пока в самом начале XVII в. не были основаны голландская и английская Ост-Индские компании. Появление их возвестило об ослаблении, а затем и о закате португальского владычества.

Поскольку был открыт морской путь в Индию через мыс Доброй Надежды, португальцы могли рассчитывать на то, что часть грузов из Индии пойдет этой новой дорогой. Торговля индийским продовольствием велась Аравией через Персидский залив и Красное море, затем — через средиземноморские турецкие порты; путь шел то по суше, то по морю. В задачу португальцев, следовательно, входило перекрытие входов в Персидский залив и Красное море — тогда они смогли бы везти товары до Лиссабона от самых индийских берегов, где были учреждены их торговые конторы.

Как мы видели, первый шаг в этом направлении был сделан, когда португальцы укрепились на индийских берегах, в Калькутте. Отсюда они надеялись контролировать перевозки через Персидский залив. Один форт они построили в Ормузе, другой — в Бахрейне, еще один —

в Омане, в том месте, где Аравийский полуостров дальше всего вдаётся в море. Теперь следовало закрепиться у входа в Красное море, и весной 1503 г. португальский флот под командованием Альфонсо д'Альбукерка появился перед Аденом. На рассвете был начат штурм. Но город, опоясанный высокими крепостными стенами, отбил атаки. Тем временем Альфонсо д'Альбукерк замыслил план захвата останков Мухаммеда в Медине, дабы потребовать за них в качестве выкупа Иерусалим. Поэтому, потерпев поражение у стен Адена, он вернулся в Красное море, не предпринимая до времени ничего, ограничившись лишь захватом нескольких кораблей. Позднее Альбукерк установит контроль над входом в Красное море между Рас-Фартаком и мысом Гвардафуй и на этом успокоится.

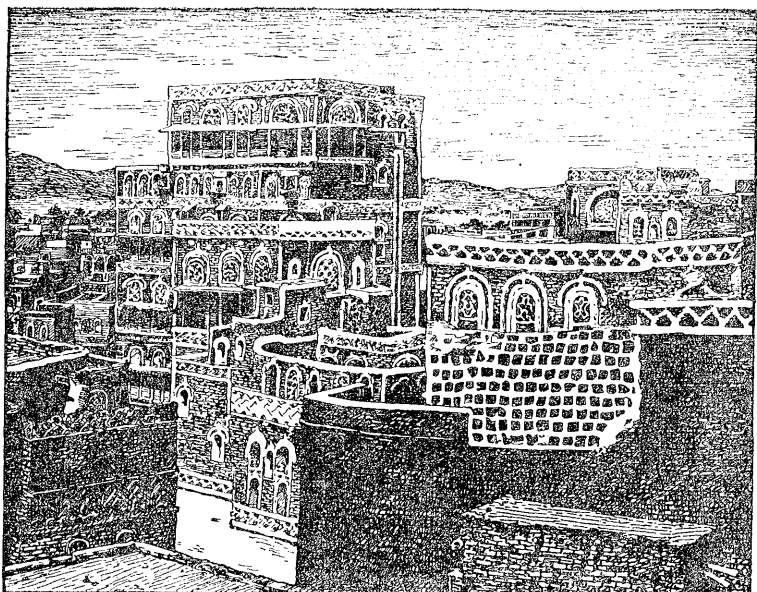
На южном берегу португальцы закрепились в Маскате, Эс-Сохаре, Матрахе и Курайяте.

Естественно, что такая торговая политика, имеющая целью развитие перевозок в Лиссабон по морю в ущерб турецким портам Леванта, явилась причиной враждебности турок.

Став хозяевами Египта, они одну за другой (в 1519 и 1538 гг.) снаряжают две морские экспедиции с целью разбить португальцев в Индийском океане. Но первым и единственным результатом этих походов была победа над Йеменом, к которому турки подошли со стороны Красного моря, а затем вторичный его захват.

В результате турецкой экспедиции 1538 г. Запад получил описание этого похода с указанием основных путей по Красному морю и по суше — через Йемен. Автором этого описания оказался, как это ни странно... венецианец. Дело в том, что турки, нуждаясь в специалистах по вождению кораблей, не постеснялись захватить на рейде в Александрии экипаж венецианского судна и вернули ему свободу лишь после окончания кампании. Анонимный рассказ, написанный одним из этих моряков, был опубликован в 1540 г. в итальянской серии рассказов о путешествиях.

В Йемене турки овладели столицей Саной и важнейшими городами. В их руках оказались все пути сообщения. И до 1635 г. Аден почти все время находился под турецким контролем (исключая период арабского восстания 1547 г.). Но население некоторых областей оста-

Старинные постройки в Сане

валось враждебно настроенным к туркам и доброжелательно — к португальцам. Дело в том, что вдоль берега один за другим были расположены султанаты Эш-Шихр и Дофар, которые, как и полагается, зависели от нашей Саны; но между ними вклинивался султанат Киши, от которого зависел остров Сокотра. Так как португальцы довольствовались морской базой на Сокотре и большего не требовали, султан Киши был настроен к ним доброжелательно. Много португальских укреплений было, кроме того, в Омани, зависящем от княжества Ормуз.

Не ограничиваясь торговыми целями, португальцы мечтали о крестовых походах и распространении христианства. Их миссионерская деятельность была направлена в сторону Эфиопии, отсюда — некоторые знания о западном побережье Красного моря, полученные в период с 1517 по 1528 г. Но в 1541 г. началось уже настоящее исследование побережья. Предпринял его португальский губернатор Индии дон Эстевао де Гама,

выбравший себе в спутники дон Жуао де Кастро, который был не только офицером, но и математиком, крупным ученым. Поэтому в основу написанного де Кастро труда под названием «Ротейро» впервые легли научные наблюдения и точные, насколько это было возможно для европейца, измерения в Красном море. Жоао де Кастро использовал новые методы, основанные на подлинно научной теории. Его драгоценная рукопись дошла до нас, претерпев множество злоключений. Говорят, что английские пираты, захватившие ее на португальском корабле, привезли рукопись в Англию и там она была продана сэру Уолтеру Ралею (конец XVI в.), а затем переведена на английский язык (восемьдесят лет спустя после написания оригинала) и опубликована в английском сборнике о путешествиях (1625 г.).

Других подобных предприятий на аравийском берегу не было, если не считать путешествия Лопо Соареса д'Альберхариа в Джидду в 1517 г. и путешествия Руя Гонсалеса де Камера в Моху. Оба они внесли свой вклад в наши знания о берегах Красного моря.

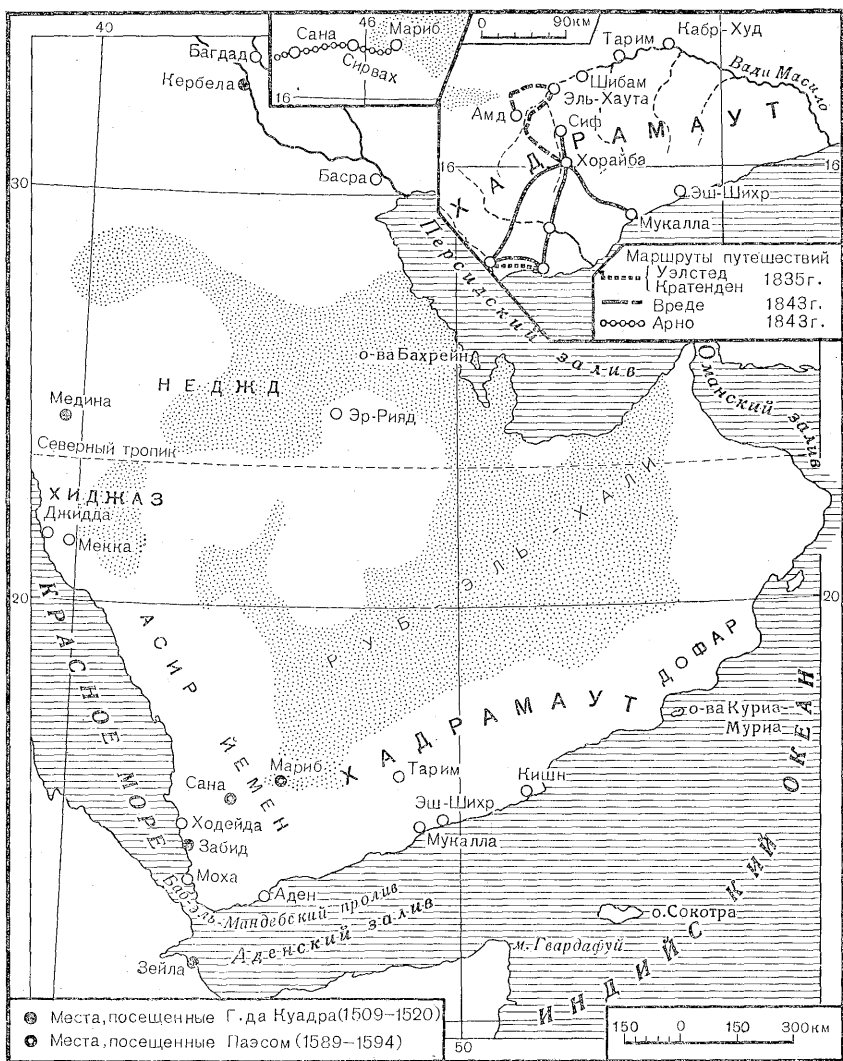
Поскольку португальцы не делали никаких попыток проникнуть в глубь страны, рассказать своему веку что-либо о собственно Аравии могли только турецкие пленники.

В самом деле, турки очень охотно брали пленных и так же охотно возвращали, когда им предлагали хороший выкуп.

Португальцы тоже иногда продавали взятых в плен жителей Аравии. Об этом свидетельствует достойный упоминания случай: один простой солдат, узнав среди пленных арабов еврея, который некогда ему помог, попросил своего капитана удержать из причитающегося солдату жалованья необходимую сумму и отпустить пленника.

Была и еще одна категория проникавших в Аравию людей — отступники, но они там и оставались; от них Запад не мог почерпнуть никаких сведений.

В редких случаях путешествия по Аравии совершались людьми, посланными с различными специальными поручениями. Но никто из этих людей ничего не прибавил к знаниям их современников об Аравии: недостаточно путешествовать, нужно еще уметь и наблюдать, а потом рассказывать.

Аравийский полуостров

Что же удалось увидеть тем, кто попадал в Аравию в качестве турецких пленных? Одному пленнику предстояло пересечь страну с запада на восток; двум другим — открыть внутренний Хадрамаут и античные развалины — свидетели доисламской аравийской цивилизации.

Отцы-иезуиты Паэс и Монсеррат, совершившие волею судеб путешествие по Аравии, оставили нам описание этого путешествия, которое можно найти в их труде «История Эфиопии». Однако рукопись эта долгое время пролежала в архивах у иезуитов и была опубликована лишь в начале нашего века. Итак, в результате нападения местных жителей на учрежденную в Эфиопии миссию в живых остался лишь один миссионер. Чтобы возродить миссию, иезуиты решили послать в Эфиопию отца Монсеррата, уже пожилого человека, и совсем юного отца Паэса. Они отправились в Эфиопию в 1589 г.; но у островов Куриа-Муриа судно их терпит кораблекрушение, живущие на побережье арабы захватывают их в плен и привозят в Дофар, обвиняя в шпионаже и в намерении убедить «короля» Эфиопии начать войну с турками. Для решения дальнейшей их судьбы Паэс и Монсеррат были направлены к «властителю страны». Таким образом, отцы-иезуиты стали первыми европейцами, повидавшими Вади Хадрамаут. Но какой ценой!

Вначале их заставили идти пешком, потом, когда ноги их были сбиты в кровь и старый отец Монсеррат не мог двигаться дальше, им разрешили взобраться на верблюдов. Путь лежал по пустынной местности, и они никак не могли побороть тошноты при виде жареной саранчи, которую им предлагали в качестве пищи. Наконец, на десятый день они прибыли в Тарим, где толпа угрожала им камнями. В Хейнине, где находилась резиденция «владыки», прием, к счастью, оказался более миролюбивым.

Переводчицей нашим пленникам служила женщина, некогда тоже попавшая в плен в результате кораблекрушения и принявшая ислам. Тогда с нею вместе было еще восемь португальцев. Она одна осталась в живых.

Хотя султан сам предпочел бы обобрать пленников, ему все-таки пришлось передать их турецким верховным властям. Проведя четыре месяца в Хадрамауте, оба монаха попали к паше Саны.

Паэс описывает страну как мало оправдывающую свое название — Счастливая Аравия (интересно, что бы он сказал, доведись ему побывать в Аравии Пустынной!). Большая часть земли не обрабатывается. Весь урожай состоит из ничтожного количества проса, и население голодает. Однако здесь растут и ячмень, и пшеница, и финики. Паэс и его спутник пробуют кофе, «воду, в которой сварена мякоть плода, называемого бюна» (жители Южной Аравии используют не столько зерна, сколько кожуру кофейного дерева). Паэс отмечает обычай хадрамаутигов смазывать маслом свои вьющиеся волосы. Он присутствует на траурной церемонии оплакивания одной из умерших дочерей султана. Церемония продолжается целый месяц. Два раза в день плакальщицы, собравшись на крыше дома, посыпают голову пеплом, причитая, бия себя в грудь и падая друг другу в объятия. Могилы бедных сложены из груды камней; у самых богатых — гробницы, увенчанные куполами.

В Хейнине, на границе земель сихарского султана, пока поили верблюдов, пленников поместили в крепость. Затем в течение четырех дней и четырех ночей караван шел через безводную пустыню. Наконец, на пятый день, пришли к колодцу, где устроили привал, а на шестой прибыли в местечко, называемое Мелькис. Там иезуитам было позволено осмотреть «руины огромных зданий и камни с древними письменами, прочесть которые уроженцы страны не умели». Это были развалины, известные у туземцев под именем Махрам Билкыс, то есть храм Билкыс, царицы Савской¹.

Паэсу сказали, что это остатки древнего города и что здесь некогда паслись огромные стада царицы Савской. В Европе же была известна эфиопская (христианская) легенда, согласно которой эфиопы произошли от царицы Савской и царя Соломона (на текст Эратосфена, в котором говорилось о южноаравийском царстве сабейцев, внимание обращали меньше), и Паэс справедливо замечает: если правда, что этот город принадлежал ца-

---

¹ «Царица Савская», или, вернее, «царица Шебы» (Сабы). Широко известный библейский персонаж, породивший немало легенд и фантастических родословных. У арабов получила имя «Билкыс». Как историческое лицо пока не засвидетельствована древними надписями из Южной Аравии. — *Прим. ред.*

рице Савской, то не включало ли ее царство не только Эфиопию, но также и Аравию. Однако должно было пройти еще триста лет, прежде чем развалины городов богатейшего царства сабейцев посетил другой европеец и вопрос Паэса, вновь возникший при виде памятников, смог получить ответ.

Они дошли до Саны, следуя по маршруту Мариб—Сана, до них никем не описанному.

Сана, которую ди Вартема знал в пору расцвета, под властью турок пришла в упадок. Паэс насчитывает приблизительно 2500 семей, из них 500 — еврейских.

Оба монаха пробыли там пять с половиной лет, сначала в тюрьме (вместе с двадцатью шестью португальцами и пятью христианами из Индии, взятыми в плен в Меленде), затем — на садовых работах и, наконец, на службе у одного банья, «идолопоклонника из Индии».

Затем их пешими отправили в Моху, после чего они были выкуплены.

Рядом с этим путешествием, представляющим исключительный интерес, путешествие, которое совершил в 1633 г. историк-иезуит Мануэль д'Альмейда, тоже взятый в плен, выглядит гораздо менее познавательным. Из Адена он попал лишь в Ханфар и Лахдж. Следует отметить только, что он обращает внимание на упадок Адена, где на один целый дом приходится, по его свидетельству, 12—15 разрушенных. Это явилось следствием не только португальской блокады, тем более что она была не так уж эффективна, но и, как мы увидим ниже, следствием расцвета порта в Мохе.

Не зря архивы так долго хранили для нас рукописи отцов-иезуитов: подлинность их не вызывает сомнений, да и авторы внушают уважение своей ученостью.

К сожалению, не все последующие описания путешествий позволяют сказать о них то же самое.

Грегорио да Куадра не сам описал свои приключения; они дошли до нас через Дамиао де Гоэса, часто слышавшего их от него. Увы, приключения эти не столько полезны для науки, сколько поражают воображение своей необычностью. Грегорио путешествовал не с познавательной целью, и путь, который он прошел первым, был ему навязан превратностями судьбы.

Он служил капитаном бригантины в эскадре Дуарте де Лимоса, которая в 1509 г. шла вдоль берега Африки.

Однажды ночью в Могадिशе порвалась якорная цепь, и, когда команда проснулась, судно уже унесло в открытое море. Обогнув мыс Гвардафуй, они оказались в Зейле, где им суждено было попасть в плен.

Да Куадра и несколько его спутников были отправлены в качестве подарка «королю Адена», во власти которого уже находилось значительное число пленных. Пленник выучил арабский язык и зарабатывал себе и своим товарищам на жизнь шитьем разноцветных фесок, вроде тех, что до сих пор носят жители Йемена.

Несколько лет спустя соседний государь одержал победу над «королем Адена» и отпустил на свободу да Куадра и пятерых оставшихся в живых португальцев. Местные хроники позволяют датировать этот конфликт 1516 г.; «соседним же государем» был правитель Мекки.

Выдавая себя за набожного мусульманина, стремящегося совершить паломничество на могилу пророка, да Куадра попросил разрешения сопровождать нового «короля» в Мекку. Они прибыли туда через два дня после прихода каравана паломников из Дамаска. Совершая необходимый обряд у могилы пророка, наш мнимый мусульманин вдруг почувствовал прилив любви к христианству; он высказывает желание увидеть мечеть, переделанную в церковь, наподобие храма Зачатия Богоматери в Лиссабоне, и этим бросает вызов Мухаммеду. Однако Мухаммед не обратил на этот вызов никакого внимания и ничем не обнаружил своего возмущения. Зато тронутые видом внезапной взволнованности паломника мусульмане принимают его за святого, и в результате да Куадра добивается денежной субсидии, снабжения продовольствием и разрешения присоединиться к каравану, идущему в Дамаск: он-де хочет попасть в Кербелу, чтобы увидеть могилу внука Мухаммеда.

Однако в пустыне да Куадра потерял следы каравана и долго бродил без сил, изнывая от жажды и голода, моля господина не дать умереть ему в этой пустыне. Он был готов уже отдать богу душу, раскаявшись во всех своих прегрешениях, когда вдруг почувствовал, будто кто-то приподнимает его и кладет на вершину дюны. Придя в себя, он видит остановившийся невдалеке караван и доползает до него. Затем вместе с караваном да Куадра отправляется в «Вавилонию», доходит до

Басры, оттуда едет в Индию и в 1520 г. возвращается в Португалию. Чуть позднее он становится капуцином.

Пройдет еще несколько веков, прежде чем европейцем снова будет совершено путешествие из Западной Аравии в Восточную, от Медины до нынешнего Ирака.

Да Куадра смог в общих чертах рассказать о Пустынной Северной Аравии и о существовании Большого Нефуда, в котором он заблудился.

Рассказом наиболее известным и популярным в ту эпоху было описание «Знаменитых путешествий господина Венсана Леблана, совершенных им в возрасте от двенадцати до шестидесяти лет в четыре части света»; книга выдержала три издания в Париже (между 1648 и 1658 гг.) и была переведена на английский язык в 1660 г.

Вопрос, который возникает прежде всего: совершенные ли это на самом деле путешествия или роман?

Венсан Леблан предстает перед нами как человек, одержимый страстью к путешествиям. Сын марсельского судовладельца, он находит самое большое удовольствие в том, что бродит по судну своего отца, когда оно стоит в порту. Мальчик мечтает покинуть пределы порта, о чем его отец, естественно, и слышать не хочет. Но однажды, «когда я не достиг еще, — пишет он, — четырнадцатого года моей жизни, что было в год 1567 нашего Спасителя, побуждаемый благородным желанием увидеть мир и видя, что судно наше готовится отплыть в Александрию и в славный город Каир, я решился взойти на корабль тайком, и ни мать моя, ни отец об этом не знали». Лоцман соглашается принять на борт сына хозяина. Венсан высаживается в Каире, где остается на восемь месяцев. Он еще слишком молод, чтобы сделать какие-либо полезные наблюдения, но ему удается немного выучить арабский язык. На обратном пути в Марсель судно терпит кораблекрушение у острова Канди. Пятеро спасшихся моряков и среди них наш добровольный юнга попадают к французскому консулу, который знаком с отцом мальчика.

В это время в порт приходит судно из Марселя, и один из моряков, потрясенный тем, что видит Венсана живым, рассказывает мальчику, что родители оплакивали смерть сына более, чем гибель судна, и устроили ему пышные похороны. Но Венсан и не думает возвращаться, он мечтает о том, как бы снова отправиться в путь на

каком-нибудь корабле; на этот раз он хочет видеть Иерусалим.

Моряк уступает мольбе мальчика взять его с собой, и юный путешественник попадает в Триполи, потом в Дамаск. Но там оба, и Венсан и моряк, отстают от судна, и, поскольку надо было на что-то жить, спутник ведет своего маленького подопечного в Мезериб, расположенный на пути каравана, идущего из Дамаска в Мекку. В этой деревне он разыскивает своего брата, отступника поневоле, живущего на турецкий манер. «Новоявленный Мюрат» предлагает своим гостям отправиться в Мекку с караваном, который должен скоро здесь пройти. Он советует брату заняться в Мекке торговлей, снабжает его и мальчика товарами и съестными припасами и отправляет их в путь с караваном.

Венсан Леблан идет той же дорогой, что и ди Вартема, включая даже развалины «Содома и Гоморры», и от него мы не узнаем ничего нового по сравнению с тем, что описал ди Вартема. Он видит гробницу пророка и подтверждает, что тело его вовсе не подвешено в воздухе. Мальчика поражает обилие драгоценностей, принесенных в дар этому священному месту. Как и ди Вартема, он видит в Мекке единорога. Так же, как и он, не имеет ни малейшего понятия о религиозных обрядах в этих местах и почти ничего не знает об исламе.

Мальчик находится в Мекке только потому, что не может расстаться со своим спутником — единственной его опорой. Тем временем этот человек, уверив своего брата, что едет торговать в Джидду, и взяв у него шесть навьюченных верблюдов, присвоил их без малейшего угрызения совести под предлогом, что брат его — не кто иной, как отступник, и решил отправиться в Счастливую Аравию, а оттуда — в Персию, чтобы заниматься там торговлей для собственного блага, «из чего я судил отныне, — пишет Венсан Леблан, — что компанию мне составляет очень нехороший человек». Но что он мог делать, как не сопровождать этого человека, счастливый уже и оттого, что его самого не бросили по дороге!

Путь их лежит через прибрежный район — Тихаму — и проходит от Джизана к Забиду и Эль-Катифу, потом — в Аден. «Отныне, — пишет Леблан, — мы следуем по странам Аравии, занимаясь торговлей и посещая многие прекрасные города, царства или султанаты... горячо же-

лая достичь Персии». Можно полагать, что они едут по Хадрамауту (с его гаванями Дофар, Салала, «Канэ») и через «Фартакский султанат», а также минуют районы, где выращивают ладаносные деревья, особенности которых он подробно описывает. Говоря о сборе урожая, Леблан не забывает упомянуть ни про мошкарку, кишящую вокруг созревшей кассии, ни про животных, лазающих по деревьям и наносящих огромный вред плодам.

Так наш юнга прибывает в Персию, после чего продолжает свое кругосветное путешествие.

В общем рассказ Венсана Леблана сбивчив и мало познавателен. Но лучшего как будто и нельзя требовать от совсем еще юного человека, тем более что воспоминания его были записаны много лет спустя. К тому же в рассказе этом можно найти доказательства добросовестности автора: названия легко узнать, детали совпадают со сведениями ди Вартема (единорог в Мекке, замок Аль-Макарана в Йемене, где в недоступном вследствие его природного расположения месте хранит свои сокровища царь). Подробности в описании ароматов также подтверждают то, что говорили об этом древние греки.

Но если приглядеться внимательнее, то окажется, что этот юнга не так уж мало знает. Он знает, что Счастливая Аравия — это «прежняя Саба», что Аравия Петрейская зовется так по городу Петре, в котором некогда жили набатейцы. Сообщить об этом ему могли, конечно, не бедуины, а греческие авторы. Только у них мог он найти и порт Канэ; о «Фартакском султанате» ему также не могли говорить на месте, потому что только португальцы называют так эту область и только на их картах можно его найти.

Что касается единорога из Мекки, то здесь Леблан прямо ссылается на записки ди Вартема, следовательно, он их читал.

Решительно, этот юнга слишком знаком с книжной премудростью. И, к сожалению, не всегда понимает, что не всему можно верить на слово. Сегодня, например, вызывает сомнение тот факт, что в Южной Аравии когда бы то ни было росла кассия или киннамон. Видимо, Геродот включил в свое описание Аравии и западный берег Красного моря. Короче говоря, в записках Венсана Леблана нет ни одного сколько-нибудь нового или

ценного факта, которого нельзя было бы найти в других книгах.

Вот мы и докопались до истины: Венсан Леблан— это герой романа, а его путешествия, «составленные с достоверностью по его воспоминаниям Пьером Бержероном, парижанином», — не что иное, как собственный вымысел Пьера Бержерона. Не имея никакого отношения к морю, автор в поисках приключений путешествует лишь по страницам чужих книг. Составленная им романизированная география частей света целиком основана на данных, взятых либо у древних историков, либо у португальских мореплавателей, либо у ди Вартема.

Путешествие юного Венсана Леблана в священные города и в Счастливую Аравию, датированное 1570 г., — компиляция из знаний эпохи, и мы оставляем за Пьером Бержероном лишь славу ловкого романиста, чьи труды послужили все же косвенным источником познания для его современников.

Но для следующих поколений единственно важными были подлинные путешествия пленников; только они прибавили знаний о Нефуде и Пустынной Аравии, о внутреннем Хадрамауте и его многолюдных селениях и, наконец, о развалинах Мариба. Здесь главная заслуга принадлежит отцу Пазсу—первому из тех, кому удалось увидеть надписи и памятники древней южноаравийской цивилизации и предвосхитить проблему, которая встанет позднее перед историками и археологами. Если бы это важнейшее свидетельство не было погребено в забытых архивах, оно осветило бы путь науке и избавило бы впоследствии Нибура от основной его ошибки.

Глава II

СОПЕРНИЧЕСТВО ИНДИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Со времен Васко да Гамы португальцы господствовали над морскими путями в Индию и не имели соперников на этой дороге пряностей и благовоний.

Но в 1595 г. впервые мыс Доброй Надежды огибает голландское судно. Голландцы получают концессии в портах Леванта. В их интересах, следовательно, поощ-

рять турок, вместе с тем интересы португальцев диктуют голландцам не прекращение доступа товаров в порты Леванта, но, напротив, активное участие в чрезвычайно прибыльной торговле, ведущейся теперь по Красному морю Индией, Аравией и Европой. С этой целью голландцы пытаются заручиться поддержкой местных суверенов. Несовпадение торговых интересов сделает из голландцев и португальцев сначала соперников, а потом и врагов.

В 1602 г. была основана голландская Ост-Индская компания. Но никогда у голландцев не будет таких тесных контактов с собственно Аравией, какие были у португальцев. Голландцы никогда не станут (принадлежа к двум разным вероисповеданиям: протестантскому и католическому) ни миссионерами, ни крестоносцами; не построят ни одной крепости и удовольствуются посещением четырех портов: Мохи, Адена, Эш-Шихра и Кишна. Лишь изредка будут заходить они в Ходейду и Маскат, учредят только две торговые конторы — в Мохе и Эш-Шихре и станут торговыми агентами одной-единственной компании.

Первое голландское судно отправится в Аравию не раньше 1614 г., так как до этого устремления Голландии будут направлены в сторону Индии.

Тем временем англичане, побуждаемые точно такой же торговой политикой, учредят в свою очередь английскую Ост-Индскую компанию.

В 1609 г. два английских судна — «Вознесение» и «Добрая Надежда» — отправились в Аден и прибыли туда год спустя. На этих судах находились два героя будущих путешествий (Александр Шарпей был «general», а Джон Джурден — «chief factor»).

Правитель Адена был вассалом турецкого паши Саны; поэтому, когда Шарпей высадился, его хотя и приняли великолепно, но не торопились отпускать обратно на корабль, ожидая приказаний паши. Паша разрешил купить английские товары; однако Джон Джурден, не дождавшись возвращения Шарпея на судно, решил задержать посланцев правителя Адена в качестве заложников. Тогда Шарпею разрешили вернуться на корабль, но таможенные пошлины были значительно увеличены. В случае отказа их уплатить местные власти угрожали Джону Джурдену послать его к паше. Но

Джурден был не из тех, кого легко провести: он предпочел сам нанести визит в Сану.

С легким сердцем покидает он Аден. В описании Джурдена город выглядит внешне как неприступная крепость: его окружает стена с тремя воротами. Наиболее уязвимые для нападения ворота снабжены железной решеткой, которая по мере необходимости может опускаться. Порт окружен горами, и на них тоже стоят крепости и сторожевые посты. Наконец, с моря он защищен «весьма высоким островом, лежащим на расстоянии ружейного выстрела от города; на острове находится укрепленный замок, взять который при условии, что осажденные не испытывают недостатка в съестных припасах, представляется совершенно невозможным, ибо замок расположен на горе и является крепостью по самому своему местоположению».

Но сам город, взятый в 1538 г. турками, перешедший затем в руки арабов и вновь завоеванный турками в 1551 г., «в настоящее время разрушен и стоит в развалинах». В общем, как говорит Джурден, это «город, не приспособленный для житья, ибо в стенах его не растет никакой зелени и вам остается довольствоваться видом крутых скал и разрушенных зданий. Дожди идут либо очень редко, либо не идут вовсе... нам было сказано, что вот уже семь лет, как не было ни одного дождя». И нет никаких водоемов, за исключением колодцев, в которых вода подсолена, как в море.

Большими портами-гаванями отныне, как полагает Джурден, следует считать Моху и Джидду, а Аден переживает пору коммерческого упадка. За год туда заходят лишь два-три судна по дороге из Индии или Персидского залива; они пристают, чтобы продать коленкор, тюрбаны или хлопчатобумажные ткани, и возвращаются с грузом гуммиарабика, ладана и мирры, а также фуввы, которую в Индии употребляют в качестве красного красителя.

Весьма характерен описываемый Джурденом турецкий режим. Губернатор (тот самый, который позднее захватит в плен Миддлтона и его спутников) — молодой человек греческого происхождения, отступник, «таковы же и все другие турки, занимающие здесь важнейшие посты; и все они — рабы паши». Что касается гарнизона, то во всем городе и фортах не наберется более трехсот

человек; однако «они держат народ в таком страхе, что никто не осмеливается посмотреть турку прямо в лицо».

Тем временем Шарпей, узнав о возможностях торговли в Мохе, решил направить свои паруса в этот порт, где он условился встретиться с Джурденом после его путешествия в Сану.

Джурден пускается в путь в сопровождении секретаря наместника, переводчика и двух отступников, итальянца и француза. На его пути пустынные районы чередуются с очаровательными плодородными оазисами. Миновав Эль-Хауту, где наряду с хлопком произрастают все виды фруктов, а хлеба орошаются проточными водами, отряд вступает в пустыню, страшась нападения разбойников. Затем им встречается «высокая гора, изобилующая камнями», и снова ее сменяет плодородная равнина.

Ибб, стоящий на вершине холма в окружении высоких стен и охраняемый крепостью, которая занимает противоположный холм, представляется Джурдену городом весьма приятным и чрезвычайно густо населенным. Он поражен необычайным плодородием почвы: «Пшеницу здесь сеют на протяжении всего года и, как мне сказали, урожаем собирают каждые три месяца; это похоже на истину, ибо я видел одновременно и как сеют пшеницу, и как она уже зеленеет, как колосится, и как созревает зерно».

Потом дорога ведет все время в гору, и нужно подниматься в течение двадцати четырех часов, чтобы попасть в Накиль Сумару. Зато там Джурден знакомится с культурой кофе («кохоо», как он пишет) и узнает, что «ягоды этого кохоо составляют важнейший предмет торговли, ибо везут их из Великого Каира во все другие места Турции и в Индию». После восхитившей его горы, где бегут ручьи и зреют зерно и фрукты, Джурден идет через бесплодную страну, останавливаясь в караван-сараях. А вот и Дамар — город, «очень многолюдный, не имеющий стен, но весьма приятный, покрытый садами; однако воды там нет, есть она только в колодцах за пределами города. И держат специальных людей, чтобы они поднимали эту воду на быках и пускали ее по водосточным трубам каждое утро, наполняя таким образом городские водоемы; когда же они полны, воду направляют на поля и в сады, и так поят их каждый день».

И наконец, в «очаровательной долине» он видит Сану. Ее украшают «хорошенькие домики, церкви с прекрасными башнями и множество изысканных садов». В Сане «приятно жить. Климат ее умерен, а воздух по утрам так же свеж, как в Англии».

Как и в окрестностях Дамара, в горах близ Саны находят в большом количестве драгоценные камни: агат, сердолик, «кошачий глаз» и другие, менее ценные.

Что же касается турецкого владычества, то оно осуществляется не без сопротивления со стороны местных жителей. Под контролем у турок находятся лишь главные города и дороги, защищенные крепостями. В своем дворце в Сане паша держит в качестве заложников знатных арабов, что гарантирует ему лояльность племен и своевременную уплату налогов. Джурден отмечает, что повсюду торговля находится в руках банья² — индийских торговцев из Гуджарата, которые были основными агентами по продаже тканей, доставляемых судами из Индии в порты Адена, Мохи и Джидды.

Возвращался он через Таизз, но не смог его осмотреть, потому что, как он пишет, «люди при виде нас собираются толпами, и, выйдя прогуляться по городу, мы тотчас должны были вернуться, не имея возможности двигаться в толпе». Он решается провести три дня в компании одного старого португальского отступника, который якобы продал душу дьяволу. Этот человек развлекал Джурдена, рассказывая ему всякую чертовщину.

Наконец, наш путешественник возвращается на свой корабль в Мохе, так и не добившись сокращения таможенной пошлины. Получив разрешение на торговлю своими товарами, он вместе с тем получил и предупреждение — не возвращаться в Йемен без лицензии по всей форме, исходящей из Стамбула.

Однако Шарпей, не считая рынок выгодным для своего груза, решается отправиться в Индию.

Турки тем временем продолжают опасаться вмешательства англичан в торговые дела Джидды, составляв-

---

² Б а п я (хинд.) — «торговец». Часть населения южноаравийских городов; обычно выходцы из Индии, поселявшиеся в качестве торговых агентов и купцов-колонистов в городах, вероятно, еще с домусульманского времени; охотно занимались ростовщичеством; в кастовой системе средневекового Йемена находились наряду с евреями в прииженном и почти бесправном положении. — *Прим. ред.*

шие некогда их монополию; поэтому Генри Миддлтон, посланный через некоторое время той же компанией с тремя судами, прошел без всяких осложнений Аден, но в Мохе был захвачен турками, так как они имели приказ «брать в плен всякого христианина, появившегося в этих морях».

Миддлтон тоже совершил путешествие в Сану, но уже в качестве пленника вместе с тридцатью членами его экипажа (одному офицеру удалось бежать, один заболевший юнга стал отступником). На основе собственных воспоминаний Миддлтон составил свои записки.

В горах Миддлтон и его спутники сильно мерзли... Долина Саны показалась им раскаленной и каменистой, а самый город — хорошо построенным.

Когда шесть недель спустя паша отпустил их на свободу, они вернулись через Дамар, Таизз и Моху. Поскольку в Мохе их тоже долго держали под стражей, Миддлтон бежал. Он возвратился на свой корабль, а затем, освободив своих спутников, отомстил городу, расстреляв его из пушек.

Четырьмя годами позднее в Адене появились голландцы. Новый генерал-губернатор Бантама в Индии решил отправить в Аравию судно «Нассау» под командованием Питера ван ден Брёке для выяснения возможностей торговли.

В Адене Питер ван ден Брёке был очень хорошо встречен наместником. Осмотрев его корабль, военный отряд во главе с капитаном просил ван ден Брёке согласовывать сойти на сушу и быть гостем «губернатора». Именно тогда ван ден Брёке познакомился с одним из самых страшных зол аравийской земли — песчаными бурями.

«К полудню, — пишет он, — со стороны суши пришла та страшная темнота, которая подобна темноте грозовой, но отличается от последней красными подпалинами цвета пламени раскаленной печи — зрелище, вызывающее одновременно восторг и ужас. Губернатор послал сказать нам о необходимости бросить дополнительно два-три якоря. Когда все кончилось, все судно было покрыто толстым слоем красного песка, как слоем пыли. Буря ушла в сторону Эфиопии. Когда я сошел на берег и губернатор с военными почестями препроводил нас во дворец, я узнал от него, что черная туча пришла с пес-

чаного моря и что часто целые караваны с людьми и верблюдами бывают погребены под песчаными волнами и их находят уже обращенными в мумии». Так впервые страшная Руб-эль-Хали, великая центральная пустыня, приоткрыла свое лицо европейцу. Пустыня же, в которой чуть не умер да Квадра и вдоль дорог которой караван ди Вартема оставил тридцать человек, погибших от жажды, — это была еще не Руб-эль-Хали, а Нефуд, огромный песчаный рукав, вдающийся в глубь Аравии с севера.

Ван ден Брёке, как подданному принца Оранского, друга и союзника «Великого константинопольского владыки», удалось разместиться в прекрасном месте в ожидании ответа санского паши на его просьбу. Когда тот отказал ему в разрешении учредить контору в Адене, ван ден Брёке направил паруса в порт Эш-Шихр.

Там он не только был превосходно принят султаном, вассалом турок, который заявил, что его страна открыта для почтеннейших купцов, но и добился разрешения оставить на месте двух-трех человек, чтобы они учили арабский язык в ожидании его возвращения в следующем сезоне.

Описание шихрской гавани, которое мы находим у ван ден Брёка, могло быть сделано только моряком: точно указана широта, возможность стоянки на якоре, отмечено, что крепость хорошо защищена на случай приступа, но бессильна против орудийных залпов.

Это главная гавань султана, а резиденция его, по словам ван ден Брёке, находится в городе Хадермуиде. Совершенно очевидно, что он имеет в виду Хадрамаут — название внутренней области.

Что касается жителей, то они, — говорит он, — честны, любезны и приветливы, скромны и спокойны нравом и полны благочестия в своей вере в Мухаммеда. Простые женщины носят чадру, они очаровательны лицом и осанкой. Родители почитают за честь, если их дочери продают себя иностранцам, и усиленно предлагают их, совсем еще юных, за самую ничтожную плату» (по данным д-ра Р. Б. Серджента, такой обычай до сих пор сохраняется в племени хумум, но не является общепринятым в Эш-Шихре).

Ван ден Брёке замечает в Эш-Шихре многочисленных банья из Индии и Персии, которые занимаются

здесь преимущественно ремеслом. В гавань, где он насчитывает тринадцать-четырнадцать небольших судов, каждый год приходят многочисленные корабли из Индии, Персии, с Коморских островов, Мадагаскара и Меленды.

Итак, оставив двух человек, ван ден Брёке поднимает якоря и отправляется в Кишн.

Там его также прекрасно встречает султан, препровождая в свой дворец с эскортом в тысячу солдат, несущих на плече свои широкие обнаженные мечи. Тотчас же ван ден Брёке получает разрешение оставить здесь нескольких человек до своего возвращения. Но, узнав, что султан — друг португальцев, приезжающих сюда каждый год, и враждебно относится к туркам, ван ден Брёке почел за благо любезно ему откланяться. Он возвращается в Бантам.

В следующем году Совет и президент Компании Ян Питерс Коэп решили снова отправить ван ден Брёке в путешествие, на этот раз — с грузом продовольствия на продажу.

В январе 1616 г. он приходит в Эш-Шихр и, забрав оставленных там людей, направляется в Моху.

В Мохе он видит более тридцати судов, больших и малых, индийских, персидских и арабских...

Объяснив цель своего прибытия посланцам наместника, ван ден Брёке был принят во дворце с барабанным боем, под звуки труб. Его одевают в парчовое платье, расшитое золотом согласно обычаю страны. Ему и его спутникам предоставлен дом, снабженный всем необходимым; пошлина санскому паше назначается три с половиной процента от каждой сделки. Нашему купцу остается лишь выгрузить товар и продать его по хорошей цене за звонкое золото риалов и дукатов.

Ван ден Брёке присутствует при прибытии каравана, идущего из Халеба и Суэца: в нем более тысячи верблюдов, тяжело нагруженных 200 тыс. риалов и 100 тыс. дукатов — венгерских, мавританских и венецианских, а также бархатом, атласом, камкой, камлотом, сукном, шафраном, киноварью и товарами из Нюрнберга.

Чтобы пройти путь от Халеба и Суэца до Мохи, каравану понадобилось два месяца.

В числе других корабельных грузов ван ден Брёке замечает в гавани Мохи олово, ртуть, медь из Московии,

а также фувву (принадлежащую к тому же семейству, что и марена). Все это покупалось индийцами, персами и арабами в обмен на товары, вывезенные из их стран. Так, во время своего пребывания в Мохе ван ден Брёке встречает сорок судов из Индии, Персии или Африки: «Они были гружены индиго, тканями из хлопка, гвоздикой, мускатным орехом, перцем, киннамоном, сандаловым деревом и алоэ, слоновой костью, амброй, пореем, фарфором и шелками из Китая, сахаром, рисом, табаком, кокосовым орехом, рабами обою пола, сухим имбирем, волокном кокосовой пальмы и ладаном». Все это выгружалось в Мекке, Суэце или Каире. Корабли везли также огромное количество пассажиров, богатых и бедных, совершающих паломничество в Мекку.

Среди других товаров, составляющих предмет торговли, голландец называет также и «кахаву (кофе), маленькую черную ягоду... из которой они делают черную жидкость и пьют ее горячей». Он тоже познакомился с кофе, хотя и не заметил во время своего путешествия, как он растет.

Если бы ван ден Брёке смог как следует поразмыслить над всем, что увидел, не понадобилось бы никаких дополнительных сведений, чтобы вполне составить себе представление о торговле в древние времена. Той самой торговле, посредниками в которой на протяжении многих веков выступали сабейцы и которая, собственно, и дала им легендарные богатства.

От ван ден Брёке мы узнаем точную широту Мохи. Он указывает также места якорных стоянок и обращает внимание на маленький круглый замок из голубого камня, построенный во времена сэра Генри Миддлтона.

«Моха, — пишет он, — сорока-пятьюдесятью годами ранее была лишь рыбацкой деревней. Но когда турки овладели страной, она постепенно начинает расцветать, ибо корабли великого царя (султана), приходившие каждый год из Суэца с драгоценным грузом на борту, подвергались большой опасности, проходя через Баб-эль-Мандебский пролив, чтобы попасть в Аден». Таким образом, причиной развития Мохи помимо трудностей навигации в проливе стало и блокирование португальцами входа в Красное море. Как сказали бы мы сейчас, это был международный торговый порт.

Губернатор и более трехсот солдат были турками,

остальные солдаты — арабами. Что касается населения, оно принадлежало к самым различным национальностям; более трех тысяч купцов, торговцев скобяным товаром, мянял и ремесленников составляли банья. Жили здесь также евреи, персы, армяне.

И днем и ночью жара была такая, что, как говорит ван ден Брёке, «я не смог бы ее вынести, если бы меня постоянно не обливали водой». Немногим больше месяца спустя сапский паша прислал ему грамоту, в которой предписывал всем своим подданным и губернаторам «принимать голландца повсюду, как самого пашу», и приказывал капитану галер в сопровождении двадцати турецких солдат эскортировать его вплоть до своего дворца в Сане. На следующий день отряд верховых двинулся в дорогу.

Путь лежал сначала через Мозаа, Хазиб, Юфрус. Последний, подобно Эль-Мукране, о которой говорит ди Вартема, неприступен, ибо туда ведет только узкая тропинка и на ней с трудом могут стоять два человека рядом. Наместник подарил голландцу плащ из сукна, вещь совершенно необходимую, если учесть, что приближение холодов уже давало о себе знать.

Затем в Таиззе ван ден Брёке был оказан пышный прием, и он с интересом осмотрел город. Он видит шесть высоких башен и многочисленные мечети, затем роскошную гробницу паша, построенную, по-видимому, недавно и стоившую, как ему сообщили, 100 тыс. риалов. В Таиззе ван ден Брёке заключает ряд выгодных сделок.

Продолжая свой путь через горные районы, путешественник с изумлением видит, как одновременно с жатвой созревшей пшеницы земледельцы пахут землю и сеют зерно. Было начало марта.

Вслед за Джурденом ван ден Брёке отмечает необыкновенное плодородие почвы, которое позволяет, особенно в районе Таизза (в наше время на это вновь указывает Амин Рейхани), собирать урожай четыре раза в год.

Через Ибб, Мекаддир и Накиль Сумару доезжает он до Дамара. Наместником там оказался венгр, состоявший на службе у турок, и ван ден Брёке был принят по царски. Город этот был беден пушками, но зато его дворец из голубого камня построил зодчий, специально выписанный из Италии. Наконец, когда путешественник

уже подъезжал к Сане, паша прислал ему в дар великолепного коня, богато убранного серебром и золотом, чтобы ван ден Брёке смог на нем въехать в город. Город эстретил голландца военным парадом и флагами, сам паша вышел его встречать в сопровождении двухсот знатных всадников; одежда их, расшитая золотом и серебром, сверкала в лучах заката.

Ван ден Брёке тотчас же была дана аудиенция во дворце, куда он с трудом пробрался через огромную толпу зевак. Ответив на вопросы о цели своего визита, он получил подтверждение полнейшей благожелательности паша, который предложил ему удалиться отдохнуть, прежде чем будет продолжена беседа. Разодетого в золотую парчу, его отвели в роскошные комнаты и превосходно накормили; со своей стороны голландец передал паше привезенные для него подарки.

Увиденная им роскошь была совершенно в персидском вкусе; когда читаешь его описания сада, полного «миндаля, персиков, апельсинов, лимонов и винограда, украшенного бесчисленными розами, роскошными павильонами, искрящимися фонтанами и очаровательными беседками», невольно вспоминаются персидские миниатюры. Картину завершает «ужасающего вида ручной леопард (без сомнения, чита́), поедающий крохи с обеденного стола, не принося при этом никакого вреда». Затем ван ден Брёке описывает город с его крепостными стенами, башнями и мечетями. У него мы находим новую деталь — горячие бани (вероятно, «турецкие бани»), куда мужчины идут до наступления темноты, а женщины — после них.

Он говорит о развитой торговле, которую ведут банья, индийцы, персы и евреи.

Женщины носят чадру и ходят в сопровождении многочисленных рабынь, «как это принято в Турции. Рабыни же эти главным образом христианки, увезенные турками из Леванта еще в детстве. Именно таким способом турки увеличивали население этой страны».

Сам паша был венгром по рождению. Он исполнял функции наместника «Великого константинопольского владыки» и назначался на три года. Но в действительности паша правил вот уже девять лет (рассказывали, будто он отравил одного за другим двух присланных заместителей).

Дабы сохранить свою власть над арабскими племенами, этот роскошествующий турецкий паша стал еще шире практиковать систему заложничества. Ван ден Брёке сообщает, что паша держит у себя «более тысячи мужчин, женщин и детей, являющихся братьями, детьми и сестрами местной знати из различных провинций. Провинции эти находились таким образом в руках паши и более не восставали».

Наряду с роскошью на турецкий лад ван ден Брёке смог наблюдать «великое богатство и многочисленные следы прошлого, в частности — огромный дом, построенный, как говорят, Ноем, где живут жены паши, зорко охраняемые евнухами. Кроме того, существует очень красивый храм, у входа в портал которого в бронзовую решетку вделана деревянная доска. По преданию, это часть Носва ковчега». Ван ден Брёке показали также и колодец, «вырытый Иаковом». Пусть вас не удивляют эти фантастические ссылки на Библию. Арабы, воссоздавая свою историю, начинали от самого Ноя и вписывали ее вместе с реальными фактами в библейские рамки. Святилище в Мекке связывают с именем Авраама, в Джидде чтут могилу Евы и т. д.

Возле «колодца Иакова» ван ден Брёке осматривает еще один древний памятник, ныне не существующий: «четырёхугольный храм на площадке, где возвышалось более сотни колонн, каждая из которых была высечена из целой каменной глыбы».

Несмотря на пышный прием, паша информировал голландца, что не может согласиться с его просьбой оставить людей в Мохе, поскольку он не привез письма от «Великого константинопольского владыки». Кроме того, вероучители ислама опасались, как бы христиане не начали мало-помалу приближаться к Мекке, — действительно, за время отсутствия ван ден Брёке корабль с его недисциплинированным экипажем приблизился уже к гавани Ходейда, что подтвердило основательность опасений.

Таким образом, в результате этого промаха ван ден Брёке не удалось добиться ничего, кроме сохранения пошлины в размере 3%, хотя и это было совсем не мало, поскольку индийские и персидские купцы платили до 15—16%.

Осмотрев еще один великолепный сад, ван ден Брёке

16 мая простился с пашой, подарившим ему новое парчовое одеяние, и восемь дней спустя прибыл в Моху, намереваясь затем вернуться в Индию через Эш-Шихр, где ждали его спутники, оставив надежду на учреждение там второй конторы.

Дело, столь удачно начатое в Мохе, захирело... В 1618 г. компания добилась турецкого фирмана на мирную торговлю в йеменских портах. Ее судам предписывалось только не подниматься до Мекки — вернее, до портов Янбо и Джидда. Но президент Коэн не спешил воспользоваться фирманом.

Между тем соперничество Англии и Голландии на море становилось все острее. В 1619 г. Коэн и Джон Джурден встретились на поле боя. Джурден, располагая меньшими силами, чем голландцы, завязал сражение, совершенно безнадежное, и в нем нашел свою гибель.

В 1620 г. ван ден Брёке снова посылают в Аравию. Он оставляет в Адене Германа ван Жилия вместе с товарами, а сам отправляется на Сокотру.

Ван Жиль, прежде чем направить паруса в Моху, наносит визит паше в Сану.

Все это время борьба на море продолжается, англичане и голландцы пытаются положить конец морскому главенству португальцев. С ним было покончено в 1622 г., когда голландцам удалось захватить португальские корабли.

Существовали соглашения, по которым ни одна из сторон не имела права трогать индийские суда. Однако голландцы все же сочли возможным атаковать корабли из Дабола, перевозившие португальские товары. Они дорого заплатили за нарушение этих соглашений. Арабы относились с глубоким уважением к кораблям из Дабола, поскольку они были для них источником всяческих благ. Своими действиями голландцы заронили ненависть в сердца арабов. К тому же в Сану назначили нового пашу, имевшего репутацию беспардонного взяточника.

Одним словом, когда голландские купцы появились в Забиде просить новых лицензий, их немедленно арестовали. Паша собирался заставить их возместить понесенные им лично в результате захвата дабольских судов убытки, составлявшие один миллион риалов.

Заодно он велел арестовать и голландцев, оставшихся в Мохе.

Выпущенный, затем снова арестованный и препровожденный в Сану, ван Жиль узнал, что паша согласен купить имущество голландской конторы в том случае, если захваченные дабольские суда вместе с имуществом и людьми будут возвращены. Не зная, как отвертеться от этой немислимой сделки, ван Жиль сумел только добиться от наместника Мохи разрешения снова выйти в море, оставив заложника — де Мильда.

Наместник поплатился за свою сговорчивость и был повешен. Таким образом, усилия голландцев, направленные между 1623 и 1628 гг. на возвращение своего заложника и конфискованного имущества, остались без результатов.

Что касается де Мильда, то он пережил увлекательную одиссею, о которой его соотечественники знали лишь понаслышке. Оставаясь пленником сначала в Сане, потом в Забиде, он в конце концов очутился в Таиззе, где застало его вспыхнувшее в 1626 г. восстание арабов против турецкого ига. Де Мильд преданно служил туркам, для которых делал артиллерийские орудия. Но в 1632 г. он попал в плен к арабам, и у них его мужество на турецкой службе отнюдь не вызвало восторга.

Голландцы не желали расстаться с надеждой освободить де Мильда и возобновить свои торговые дела в Аравии, где, кстати, арабское восстание парализовало всякую торговлю, как морскую, так и караванную.

Между тем в 1628 г. один голландский капитан сделал последнюю в этом направлении попытку, купив сорок тюков кофе, самого ходкого в Мохе товара. В Голландию тюки эти прибыли только в 1633 г., и скоро Европа настолько пристрастилась к этому арабскому напитку, что в XVIII в. Аравия станет для нее прежде всего страной кофе.

В XVII же веке она была пока лишь одной из ставок в борьбе, которую вели между собой на дорогах пряностей Ост-Индские компании. Морское и торговое главенство португальцев, установленное веком раньше, не смогло устоять под ударами, которые наносили ему сообща голландцы и англичане.

А для самой Аравии этот век был веком господства утопающих в роскоши взяточников — турецких пашей;

заслуга в описании их образа жизни, полностью заимствованного у правителей Ирана и достойного сказок «Тысячи и одной ночи», принадлежит ван ден Брёке.

Новый век покончит и с этим: в результате восстания арабов турки будут полностью изгнаны из Аравии.

Глава III

ПАЛОМНИКИ В МЕККУ

Коран (III, 90–92): Поистине, первый дом, который установлен для людей, — тот, который в Бекке (Мекка) — благословенным и в руководство для миров?

Там — ясные знамения для людей — место Ибрахи-ма, и тот, кто вошел в него, безопасен. А у Аллаха — на людях обязательство хаджа к дому, — для тех, кто в состоянии совершить путь к нему.

А кто не верует... то ведь Аллах — богат, превыше миров!

(II, 193–196): Хадж — известные месяцы, и кто обязался в них на хадж, то нет приближения [к женици-не], и распутства, и препирательства во время хаджа, а что вы сделаете хорошего, то знает Аллах. И запасайтесь, ибо лучший из запасов — благочестие. И бойтесь Меня, обладатели рассудков!

Нет на вас греха, если вы будете искать милость от вашего Господа. А когда вы двинетесь с Аравата, то поминайте Аллаха при заповедном памятнике. И поминайте Его, как Он вывел вас на прямой, путь, хотя до этого вы были из заблуждающихся.

Потом двигайтесь там же, где двинулись люди, и просите у Аллаха прощения, — поистине, Аллах — прощающий, милосердный!

А когда вы кончите ваши дела благочестия, то поминайте Аллаха, как поминаете ваших отцов или еще сильнее³.

---

³ Цитата дается по русскому академическому изданию: «Коран», перев. и комментарии И. Ю. Крачковского, М., 1963. — Прим. перев.

В то время как Счастливая Аравия постепенно открывалась европейцам, стремящимся к ее берегам с торговыми целями, территория священных городов так яростно охранялась от проникновения чужеземцев, что, как мы уже видели, доступ в гавани этого района был для них полностью закрыт.

Никто из неверных под страхом смерти не смел преступить границы священных земель, лежащих вокруг храма в Мекке. Вступить на эти земли и идти к «дому божию», чтобы приобрести свидетельство божественного милосердия, было мечтой каждого убежденного мусульманина, мечтой, ради осуществления которой хоть раз в жизни он сделал бы все, что было в его силах, и даже больше того.

Поэтому со всех концов мусульманского мира вели в Мекку пути, по которым нескончаемой вереницей шли верующие.

Между 1604 и 1739 гг. было совершено четыре путешествия в Мекку, о которых сохранились воспоминания самих паломников. Один из них шел из Стамбула, другой — из Индии через Йемен, третий — из Алжира, а четвертый — из Персии; из четверых только последний был мусульманином.

В 1643 г. священные города (Мекка и Медина. — *И. М.*) посетил инкогнито один любознательный путешественник — не больше не меньше, как епископ Матье де Кастро, папский легат в Индии. Этот человек занимает в истории церкви особо важное место, так как, будучи по рождению брахманом с маленького островка к северу от Гоа, в португальской Индии, он стал первым местным священником и епископом. Этим редкостным превращением объясняется вся бурная и богатая событиями история его жизни.

В самом деле, португальцы хотели сохранить монополию на учреждение католических миссий в Индии. Однако Рим прекрасно понимал опасность, возникающую из связи христианизации с колонизацией и зависимости миссий от португальского короля. Поэтому в Риме мечтали о создании местного духовенства, способного нести христианство в отдаленные районы, не преследуя при этом никаких политических или экономических целей и имея максимальный контакт со своими будущими прихо-

жанами⁴. Португальцы же ни в коем случае не желали иметь священников из местного населения. Именно в это время юный Матье, которому местные власти отказали в сане, отправился получить его в самый Рим, куда он добирается через Иерусалим.

Глубоко изучив богословие, Матье быстро становится в Риме доктором, а вскоре получает не только сан священника, но и наместничество в Индии. Сам папа поручает ему создание новых миссий за пределами завоеванной португальцами территории, с правом посвящения в сан местных священников.

Возвращение Матье в Индию послужило сигналом к началу против него такой широкой кампании португальцев, усугубленной к тому же буйным нравом этого человека и отсутствием у него дипломатических способностей, что очень скоро, видя, как оклеветана его миссия и как один за другим попадают в тюрьму его священники, понимая, что самого его ждет такая же участь, он решается сообщить об этом в Рим. И, стремясь избежать встречи с португальскими судами, отправляется в путь по суше до Египта через Аравию.

Вот почему и повстречал его однажды в Мохе иезуит Антонио д'Альмейда, у которого он, назвавшись капелланом епископа Матье де Кастро, попросил денег в обмен на вексель епархии. Д'Альмейда дал ему немного денег и только позднее узнал, что его должник — сам епископ. Расставшись с ним, де Кастро посетил гробницу Мухаммеда и живой и невредимый добрался до Египта, а потом и до Рима.

Он, без сомнения, — единственный священник, тем более епископ и наместник папы, посетивший священные города ислама; однако сам он ничего об этом не написал.

Зато двое молодых людей, взятых в плен и проданных в рабство, оставили нам описание приключений, в результате которых они попали в священные города.

---

⁴ Здесь автор явно преувеличивает альтруизм римской церкви, хотя и верно указывает на «несовпадение интересов» католического мира в целом и Португалии в отдельности. Нечего и говорить, что такое несовпадение не имело ничего общего с якобы чисто просветительской деятельностью Рима, и история дает достаточно примеров того, как колонизаторы шествовали по тропам, проложенным миссионерами. — *Прим. ред.*

Один из них — Иоганн Вильден, уроженец Нюрнберга, — служил в венгерской императорской армии, был взят в плен турками и привезен в Константинополь. Его хозяин заставил его в 1604 г. вместе с ним совершить паломничество в Мекку и Медину, о чем Вильден и написал в своих мемуарах в 1611 г., когда ему была возвращена свобода и он вернулся на родину.

В конце того же века подобное приключение пережил молодой англичанин Джозеф Питтс из Эксетера.

В 1678 г. в возрасте пятнадцати лет он был похищен алжирскими пиратами и куплен одним капитаном кавалерии, который решил сделать из него мусульманина. Побоями добившись от него отступничества, хозяин несколько лет спустя взял его с собой в паломничество в Мекку. Там Питтес был освобожден от рабства и, оставаясь слугой на жалованье, начал искать возможностей покинуть землю ислама. Он завербовался в один эскадрон, отправлявшийся в Алжир по приказанию «Великого турка», по дороге, в Смирне, дезертировал и оттуда добрался до Англии.

Опубликованный им в 1704 г. рассказ был известен только в Англии, но даже и там не был оценен по достоинству.

А между тем даже и сегодня, читая то, что написал Питтс о паломничестве и о священных городах, поражаешься точности его описаний.

Маленький раб, безусловно, обладал живым умом и не прятал глаза в карман. Все, что он видит, он описывает безыскусно, с изумительной объективностью, проникая даже в религиозное умонастроение паломников и говоря о нем с уважением, хотя и не без легковерия. Так, он сообщает сведения о культе марабутов (мусульманские святые), тем более интересные, что культ этот был проклят ваххабитами и никаких старых описаний его не сохранилось.

«Выйдя из Суэца и пробыв в море двенадцать дней, мы прибыли к месту, где на берегу был погребен один марабут, что значит святой или человек, имеющий репутацию в высшей степени набожного и религиозного; его похоронили там много сотен лет назад. Когда мы туда приехали, один человек из экипажа с согласия других сделал маленькую лодочку, не более двух футов длиной, и подходил с ней к каждому пилигриму, который

хотел проявить щедрость в честь названного выше марабута и давал несколько монет милостыни. Потом паломники взяли несколько свечек и маленькую бутылочку с маслом и положили их в лодку вместе с деньгами (однако я склоняюсь к мысли, что если они и положили туда деньги, то лишь небольшую их часть, а остальное оставили себе). Покончив с этим, они воздели вверх руки, прося у марабута благословения и молясь о благополучном пути. Затем они пустили лодку в море, ни минуты не сомневаясь, что лодка благополучно дойдет до марабута, доставит средства на содержание его гробницы, хотя это совершенно пустынное место и никто там не живет. Бедные невежественные создания! Согласно их преданию, этот марабут умер во время своего путешествия в Мекку, и потому память его так высоко чтут и уважают».

А несколько дней спустя Питтс наблюдает главный обряд паломничества и лучше, чем кто бы то ни было из более поздних свидетелей, показывает его значение как комплекса физических и главным образом духовных действий, направленных к моральному совершенствованию. «В Раббоке, расположенном в четырех днях пути от Мекки, все паломники (кроме женщин) облачаются в ихрам⁵, то есть снимают все свои одежды и окутывают себя двумя хирравемами, так называются широкие шарфы из белого хлопка. Они опоясывают среднюю часть тела одним полотнищем, которое доходит им до лодыжек, а другим — покрывают верхнюю часть тела. И не носят ничего другого, если не считать едва прикрывающих пальцы ног пары башмаков с тонкими подошвами. Таким образом, подобно смиренным грешникам, идут они из Раббоки в Мекку, чтобы только приблизиться к храму, страдая от палящего зноя настолько, что с рук их и спины сходит кожа, а голова раскалывается от жара. Во все время, пока они носят эти убогие одежды, то есть почти семь дней, им не разрешается ни стричь себе ногти, ни убивать вошь либо блоху, хотя бы они и высасывали из них кровь. ...В продолжение этого времени они внимательно следят за своим поведением, рев-

---

⁵ Ихрам — по мусульманской терминологии также «Состояние святости», связанное или с участием в паломничестве, или с совершением молитвы. — *Прим. ред.*

ностно оберегают себя от страстей и устанавливают строгий контроль над своей речью, постоянно думая о том, чтобы употребить побольше выражений, свидетельствующих об их набожности. И они хотят оставаться в добром согласии и мире со всеми, почитая за грех и за постыдный поступок сохранение в сердце своем малейшего чувства злобы к кому бы то ни было».

Нам кажется, что никто прежде Питтса не описал с таким пониманием и объективностью религиозное поведение толпы паломников, идущих в Мекку.

Мы увидим, как Али-бей в XIX в. будет объяснять с точки зрения философии акт высшей набожности у паломников — собрание их на вершине горы Арафат. Но Питтс, может быть, лучше, чем он, понял истинный смысл этого акта в соответствии с учением ислама. «Действительно, это было зрелище, способное разорвать вам сердце видом столько людей в их одежде смирения и унижения, с непокрытыми головами, с мокрыми от слез щеками, вздохами и горестными рыданиями, неумолчными мольбами об отпущении грехов и обещаниями начать новую жизнь».

Питтс исправляет ошибки или преувеличения, которые он находит в современных ему книгах, и очень точно описывает все места и обряды (он заблуждается только относительно местоположения могилы Ибрахима). Если бы книга Питтса была известна и оценена по достоинству, Али-бею в 1807 г. не так уж много нового осталось бы поведать Европе.

Но, видимо, объективный и лишенный вычурности рассказ со слишком грубо реалистическим тоном не мог произвести сильного впечатления на XVII в.

Я не думаю, что можно было бы найти, например, более верное и более живое описание сборов каравана, чем то, которое дает Питтс: «В первый день, когда мы покидали Мекку, не было никакого порядка вовсе, полнейший кавардак; на следующий день каждый стал предпринимать попытки протолкнуться вперед, и из-за этого без конца происходили ссоры и распри. Но раз заняв свое место в караване, каждый уже сохранял его, соблюдая порядок и спокойствие, до самого прибытия в Великий Каир. Шли они рядами по четыре верблюда в каждом, и следующие ряды равнялись на идущих впереди, образуя строй».

Все это в целом называется караван, и он разделяется на многие котторы, или «содружества», из которых каждое имеет свое имя и включает несколько сотен верблюдов. Каждый коттор идет вслед за другим, как в войске. Во главе коттора находится какой-нибудь важный сеньор или офицер, он восседает на носилках, поддерживаемых двумя верблюдами, одним спереди, другим сзади, носилки же застланы тканью, пропитанной воском, а сверху еще — зеленым сукном, положенным очень изящно... Во главе каждого коттора идет также вьючный верблюд, который несет казну. У верблюда с обоих боков подвешено по колокольчику, и звон этих колокольцев слышен издали. У некоторых других верблюдов вокруг шеи, а иногда и вокруг ног тоже подвешены маленькие круглые колокольцы; звук их, смешиваясь с пением погонщиков (они идут пешком за верблюдами), создает весьма приятный шум, и путешествие продолжается, исполненное приятности. Они [арабы] говорят, что эта музыка придает верблюдам живость и подвижность. Так путешествуют они в полном порядке, и если бы не этот порядок, вы смогли бы догадаться, какое смятение царит-ло бы среди такого множества людей.

Ночью (а это основное время для передвижения вследствие чрезвычайной жары днем) они зажигают огни и несут их на высоких мачтах, чтобы указывать паломникам путь. Это нечто вроде медного очага, где жгут сухие дрова, которыми нагружен один из верблюдов. Дрова везут в больших мешках, отверстие которых обращено книзу, чтобы служитель мог постоянно поддерживать огонь. В собственности каждого коттора имеется такая мачта; на вершине некоторых из этих мачт помещается десять-двенадцать огней, у других — немногим больше или меньше. Огни образуют различные фигуры: иногда это — овал, как у каминной решетки, иногда — треугольник или буква N или M и т. д. По этой фигуре каждый узнает свой коттор. Мачты несут впереди, а на стоянках они указывают место сбора каждого коттора, маня отставших своими огнями. Их несут также и днем, не зажигая огней, но по форме и по числу светильников узнают, какому коттору они принадлежат».

Джозеф Питтс видел, как караван отправлялся из Алжира и каким праздником был весь его путь. Но только в Каире караван формировался полностью. Ирланд-

ский богослов Ричард Покок, который наряду с другими путешествиями совершил также путешествие в Каир и на Синай, в 1739 г. живо описал, как выглядел караван в Каире.

Действительно, первая из церемоний паломничества состоит в том, что к каравану паломников с большой торжественностью приносятся ткани, которыми потом покрывают Каабу и гробницу пророка в Медине и которые в течение всего года ткуются в «замке».

На третий день после праздника байрама, венчающего великий пост рамадан⁶, процессия идет в «замок» за тканями и переносит их в мечеть Хасана.

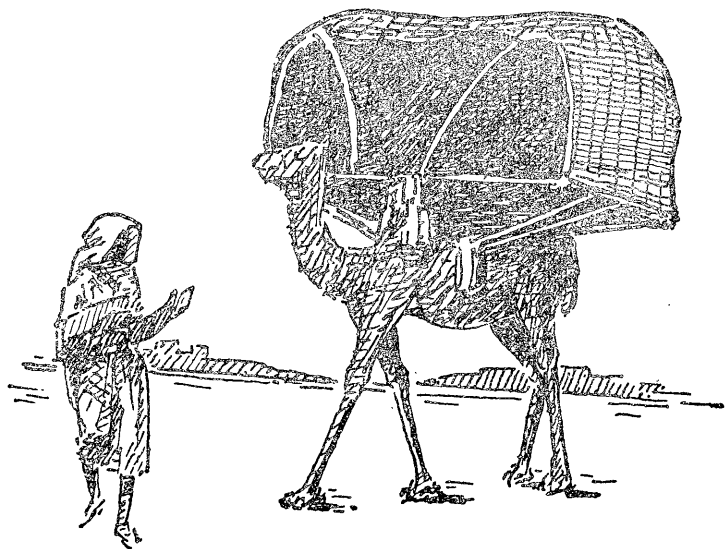
«Все шейхи из мечетей и различные купеческие гильдии отправляются в замок, неся впереди свои флаги». Затем выносят ткани. Люди торопятся коснуться их, потом целуют себе руки и возлагают их на голову... Различные сословия приходят со своими флагами, одних сопровождают музыканты, других — танцоры. Среди последних «одни были безумны или, казалось, пребывали в состоянии религиозного экстаза, совершая тысячу движений руками и головой; на некоторых не было ничего, кроме обычного нижнего белья¹³, другие падали без чувств, совершенно бездыханные».

Затем появляется Махмаль⁷ — покрывало на гробницу Мухаммеда, вышитое золотом по красному и зеленому. Его несет верблюд, покрашенный хной в желтый цвет. «Мне сказали, — пишет Покок, — что этих верблюдов специально выращивают для церемонии и не используют ни на что другое, почитая их священными. Меня уверили также, что в своем религиозном фанатизме турки подбирают слюну, падающую из их рта. Верблюд почти целиком покрыт парчой и богато расшитыми тканями. Следом за ним идут еще три верблюда, упряжки которых не уступает упряжи первого, а затем и еще

---

⁶ Рамадан (или, в русской литературе, также рамазан) — название девятого месяца мусульманского календаря и праздника («Великий пост»), падающего на этот месяц. Конец поста знаменуется торжествами, начинающимися первого числа следующего, десятого, месяца и продолжающимися несколько дней. Эти торжества носят название «идал-фитр», тур. «кучук-байрам». — *Прим. ред.*

⁷ Махмаль (махмил) — покрывало, которое правители мусульманского мира посылали в Мекку как знак своей независимости. — *Прим. перев.*

Паланкин на спине верблюда

шесть верблюдов, в седлах которых сидят юноши». Потом следует покрывало на могилу Авраама, а вслед за ним — представители шаузов и главный офицер всех пашей в сопровождении главного надзирагеля за гардеробом, который везет все, что посылается в Мекку, и лошадь которого восхитительно убрана. Затем идут янычары и офицеры пашы, сопровождая ткань, предназначенную для Каабы.

Носильщики время от времени останавливаются, чтобы дать народу возможность дотронуться до ткани. И наконец, завершает шествие караван со всеми своими украшениями.

«У пяти первых верблюдов на голове и на морде были очень красивые перья красного страуса с кисточками по сторонам и с верхушкой, украшенной перьями того же цвета. Их сбруя была украшена раковинами. Второй и третий верблюды имели по обе стороны головы по колокольчику, длиной приблизительно в фут, и те же украшения».

Выйдя из города в беспорядке, караван направляется к Сибиль Алламу, расположенному в трех-четырех ми-

лях от Каира, и там стоит три дня. Потом он стоит лагерем на озере, и эмир-хаджи (глава каравана паломников) больше в город не возвращается.

«Нет ничего прекраснее, чем этот лагерь. Все знатные люди раскидывают свои шатры и проводят время в ширешествах. Туда приходят и все городские жители, чтобы принять участие в празднике, и вечер оканчивается иллюминацией и фейерверком».

Через неделю процессия с тканями и караван, приблизительно 40 тыс. душ, отправляются в путь. Наряду с паломничеством они будут заниматься торговлей и вернутся нагруженные товарами из Персии и Индии.

Таким был караван, отправлявшийся из Каира в начале XVIII в., таким же, вероятно, был он и пятьюдесятью годами раньше, во времена Джозефа Питтса.

Как помним мы из записок дн Вартема, у другого каравана, идущего из Дамаска, был в высшей степени неблагоприятный маршрут — через области Петрейской и Пустынной Аравии. Два года спустя после пребывания в Каире Ричарда Покока в Багдаде к каравану, идущему из Дамаска в Мекку, присоединяется знатный кашмирец Абдалькерим, оставивший нам рассказ о своем паломничестве.

Ревностный мусульманин, он давно мечтал исполнить этот завет своей религии и добился от своего суверена Тахмаса Кули-хана разрешения сопровождать в Мекку первого придворного врача Абуи-хана. В Дамаске каждому назначили его место в караване, за верблюдами тоже закрепили их места на время стоянок... И начался трудный путь.

«Если стоянки находятся далеко друг от друга, паломники идут день и ночь и останавливаются только на один час для совершения каждой из пяти молитв; во время коротких стоянок верблюды ложатся вместе с грузом; в полночь им дают еще один час отдыха.

Эмир-хаджи пускает ракету, чтобы предупредить о ночной стоянке тех, кто идет в хвосте каравана. Войска эмир-хаджи гарцуют по сторонам...

На третьей после Дамаска стоянке караван запасается всем, что понадобится ему при переходе через пустыню. Арабы-бедуины приходят и предлагают свои товары; пополнив запасы провизии, караван снова отправляется в путь.

Минуя горы, где племя самудов⁸ перерезало сухожилия у верблюда пророка, караван дал ружейный залп, ударил в барабаны, захолопал в ладоши и произвел удивительный шум. Погонщики верблюдов боятся, что без этих предосторожностей их верблюды умрут от горя, услышав стоны верблюда пророка».

Затем караван идет мимо «Содома и Гоморры» Лодовико ди Вартема и проходит вблизи от Хайбара, где, как говорит Абдалькерим, «остается еще много евреев и христиан, которые верят, что нет ничего приятнее для Господа, чем убийство паломника, направляющегося в Мекку... Несмотря на все мудрые меры предосторожности, принятые нашим эмир-хаджи, невозможным оказалось помешать этим презренным похитить, а затем умертвить выстрелами из пистолетов троих из наших спутников...».

Как и Питтс, Абдалькерим вспоминает об удовольствии, которое доставляет ему «большое число огней, разбросанных по всему каравану и образующих восхитительную иллюминацию», и пение погонщиков верблюдов. Все это несколько компенсирует чрезмерную усталость, вызванную путешествием через пустыню.

«Можно было бы еще вынести усталость, если бы не постоянное беспокойство, причиняемое арабами-бедуинами. Я мог бы составить целый том из описаний всех хитростей, которые употребляют эти разбойники: однако те, кто их не знает, заподозрили бы меня, наверное, в лживости или же в преувеличении. Достаточно упомянуть здесь лишь о некоторых наиболее распространенных их выходках. Например, ночью, когда большая часть каравана, изнуренная усталостью, спит, сидя на верблюдах, которые продолжают идти, пять-шесть арабов приближаются к тем, что богаче других нагружены (известно, что верблюдов навьючивают таким образом, что товары расположены с одного его бока, а провизия — с другого).

---

⁸ Самуд — хорошо засвидетельствованная надписями племенная группа в древней Аравии; самуды играли весьма важную роль в организации внутриаравийской и транзитной караванной торговли между южноаравийскими государствами и Ближним Востоком. Упоминается греческими и римскими авторами. В Коране самуд встречается довольно часто в назидание верующим как племя, отказавшееся идти за пророками Аллаха и погубленное богом. Относительно истории с «верблюдицей Аллаха» см. Коран, VII, 71—77. — *Прим. ред.*

В то время как одна часть жуликов вскрывает тюк и вытаскивает из него товары, остальные поддерживают с другой стороны продовольствие, чтобы не дать ему упасть, так как это разбудило бы странника и подняло бы тревогу по всему каравану; но как только они опустошают выюк с товарами, они отпускают все и бегут. Верблюды же, напуганный внезапным падением своего хозяина и остатков поклажи, пускается в бешеный бег, пытаясь избавиться от седока. Часто в этой скачке бедняга седок сильно разбивается, иногда даже насмерть...

Арабы передвигаются с большой скоростью... Однажды, когда бей Шираза совершал омовение, позади него появился араб, схватил его кувшин и был таков» (скоро с помощью д'Арвьё и Буркхардта мы узнаем, как относились к этим похитителям сами бедуины и что крылось за этим своеобразным спортом).

Наконец, потеряв одного спутника, умершего в пустыне от изнурения, караван прибыл в Медину.

Описание священных городов, которое дает Абдалькерим, не представляет для нас интереса, так как оно целиком заимствовано из труда Карстена Нибура. К этому описанию Абдалькерим добавляет лишь воспоминание о богатствах, принесенных на гробницу пророка в Медину. Гробница охраняется четырьмя евнухами. У этих людей нет потомства, поэтому считается, что алчность не может их толкнуть на воровство.

Абдалькерим описывает также и священную землю Мекки, используя данные турецкого автора Катиба Челеби⁹.

Мекка «лежит на расстоянии трех дней пути от Медины, в семи милях от Йемена и Ирака и в десяти — от Джидды (Sic!). Вся территория города, вместе с горами, на ней расположенными, почитается священной». И среди этих гор он особенно настойчиво говорит о Джебель Абу-Кубейс, ибо 1) черный камень был принесен туда самим всевышним; 2) там осталось тело Адама; 3) с вершины этой горы старец Авраам приглашал все народы земли посетить Каабу; 4) там же совершил про-

---

⁹ Мустафа ибн Абдаллах Катиб Челеби (1609—1657) — крупнейший турецкий ученый, географ и политический деятель. Известен также под именем Хаджи Хальфа. Родился в Стамбуле. Посетил Аравию во время паломничества в 1635 г. — *Прим. ред.*

рок чудо, расколов луну взмахом руки. Чтобы увековечить это якобы происшедшее чудо, мусульмане первых веков воздвигали на этой вершине памятник в форме грота, называвшийся махаллу шанк-иль-камар, что значит «место, где была расколота луна». Несомненно, это одно из тех священных мест, культ которых был запрещен ваххабитами; у более поздних путешественников мы больше уже не встретим никакого упоминания об этом предании.

Проведя в Мекке три месяца, Абдалькерим, рассказ которого в общем не богат новыми данными, прибыл в Джидду, а в 1742 г. был уже в Бенгалии.

Более подробное описание священных мест еще предстояло сделать. Но теперь по крайней мере уже можно было составить понятие о том, что представляла собой религия мусульманских паломников, исполненная наивности, но содержащая наряду с этим и подлинную религиозную доблесть, выражением которой был обряд паломничества. Достаточно было представить себе два огромных каравана, идущих один из Каира, другой из Дамаска, с которыми верующие через невзгоды, опасности, роскошь и нищету добирались в священные места из самых отдаленных уголков мусульманского мира.

Глава IV

АРАВИЯ «КОФЕЙНАЯ»

Аравийский полуостров на протяжении веков был для европейцев сначала страной благовоний и благоухания, затем побережьем на морском пути в Индию. С XVIII в. он станет для многих поколений страной кофе.

Лучше всего дает представление о том, чем была Аравия и какое значение имела она для Европы, небольшая книжка французского дворянина де Ля Рока «Путешествие в Счастливую Аравию», насыщенная духом объективности и любознательности, эклектически сочетающая критику и веру, как многие труды энциклопедистов того времени.

Сумев собрать письма и записи моряков из Сец-Мало, совершивших в 1708—1710 гг., а потом в 1711—1713 гг.

путешествие к берегам Йемена, Ля Рок публикует их. Но зачем же так далеко отправились эти бретонцы? За кофе: это было их целью и средоточием их интересов. Главный корабельный врач, прекрасный наблюдатель и натуралист, все свое свободное время на берегу посвятил собиранию сведений о культуре драгоценного кустарника и его зарисовкам, и сведения эти Ля Рок печатает в форме небольшой докладной записки. Собственная любознательность побуждает в свою очередь и Ля Рока собрать все, что можно было узнать о кофе из других источников. Он использует и подвергает критике уже существующие на эту тему трактаты; насмешки его относятся в основном к сравнительно позднему труду де Галлана, написанному на основании двух арабских источников того времени. Так мы узнаем чрезвычайно занимательную историю распространения обычая употреблять кофе в пищу на Востоке.

От себя лично Ля Рок, парижанин, весьма сведущий в истории своего города и сын знаменитого путешественника из Марселя, который уже в 1644 г. привез кофе для собственного употребления, добавляет данные о распространении кофе в Париже и во Франции. Он даже иллюстрирует этот исторический очерк подборкой латинских и французских стихов, посвященных лучшими умами того времени восхвалению этого «приятственного напитка», отнюдь не пренебрегая сюжетом, которому сам Иоганн Себастьян Бах посвятил кантату.

У нас кофе настолько широко распространен, что мы легко могли бы представить себе, будто он употреблялся во все времена, и нам трудно поверить, что на Востоке его пьют лишь на протяжении четырех веков, а в Европе он известен только двести лет. И уже совсем непонятен нам лирический восторг, вызванный его появлением повсюду в Европе.

Когда искусная тебя рука готовит,
Сравнится ли другое наслажденье
С той радостью, что доставляешь ты?
И самый аромат твой возвещает
Грядущие победы над несчастным,
Не испытавшим прежде чар твоих.

О ты, напиток, что люблю я,
Лейся, царствуй повсюду

И самый нектар прогони
Со стола богов.
Воюй с крамольной влагой
И землю напои спокойствием небес.

(Стихи Фюзелье, музыка де Бернае)

Но еще меньше знаем мы о том, какие яростные бои между любителями кофе и учеными мужами вызвало его появление как на Востоке, так и на Западе.

Согласно легенде, первыми открыли достоинства кофейного дерева пастухи, заметив, что козы, пасшиеся возле этих деревьев, приобретают удивительную легкость в прыжках. Как бы то ни было, обычай употреблять кофе в пищу и использовать его в качестве товара возник

Современные арабские кофейники

не в Эфиопии, где есть дикорастущий кофе, а в Южной Аравии. Первым ввел кофе в употребление и распространил его среди своих набожных дервишей, чтобы им легче было проводить ночи в молитвах, один муфти из Адена: он обратил внимание на то, что кофе обладает способностью снимать усталость и сон. Но жители Адена, видимо, быстро оценили бы достоинства напитка и без этого привкуса мистицизма.

Из Адена обычай перешел в Мекку, к 1500 г. дошел до Медины и других арабских городов, а потом и до Каира. В этих столицах, а после 1554 г. и в Стамбуле возникают кофейные дома, где смакуют кофе, где принимают всех и где можно, попивая кофе, играть в шахматы и в триктрак.

Нельзя сказать, что победа досталась кофе без боя. Мусульманские богословы не замедлили выступить против этого возбуждающего напитка, требуя, чтобы он был запрещен наравне с вином. В Мекке и в Каире происходят яростные богословские сражения; в Стамбуле кофейные дома были даже одно время закрыты, но потом открылись вновь. В конце концов богословы проиграли: кофе прочно вошел в семейный быт, и кофейник стал столь же необходимым предметом в хозяйстве, как кувшин для воды или котел.

Тогда-то и удалось попробовать этот черный напиток путешественникам, посещавшим Аравию. А в Европу кофе стал проникать как через Турцию, так и через Египет.

В начале XVII в. кофе появляется в Венеции. В 1633 г., как мы помним, его впервые получает Амстердам и примерно в это же время и Лондон. После того как путешественники из Марсея познакомили с кофе своих друзей, купцы установили торговые отношения с Каиром.

Марсель и Лион стали ареной новой кофейной битвы. И вели ее уже не мусульманские богословы, а доктора факультета медицины.

Кульминацией в борьбе явилась публичная защита диссертации, состоявшаяся в 1679 г. Соискателем выступал молодой врач. Наряду с тремя другими темами он должен был рассмотреть вопрос и о том, «является ли употребление кофе пагубным для жителей города Марсея». И со всей решительностью восходящая звезда факультета заявляет: «Мельчайшие частицы, которыми изо-

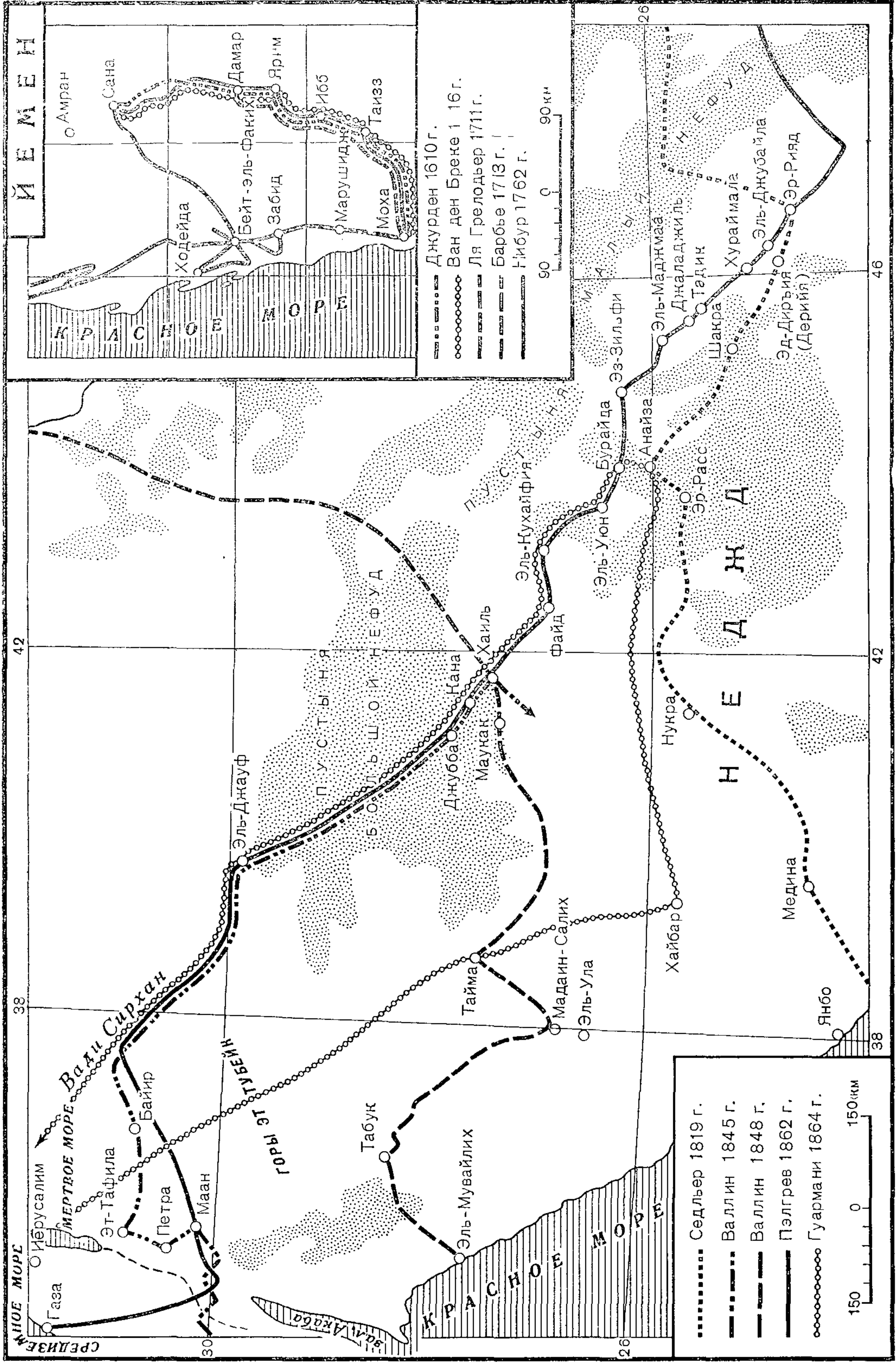
билует кофе, так малы и так быстры в движении, что, будучи распространены в массе крови, они сначала увлекают за собой в другие части тела серозную жидкость. Оттуда они атакуют мозг, предварительно извлеки из него всю влагу и грубые корпускулы, и держат открытыми все его поры, мешая животному сознанию, являющемуся причиной сна, проникнуть в среду мозга, ибо сон наступает лишь тогда, когда поры засоряются; отсюда случается, что достигшие полной силы эти частицы являются вследствие своих особенностей причиной бодрствования, часто столь длительного, что нервного сока, сила которого необходима для восстановления сознания, совершенно уже не хватает и нервы ослабевают; результатом является паралич и половое бессилие. Едкость же и сухость крови, уже полностью сгоревшей, способствует тому, что все части тела вместе настолько лишаются соков, что самое тело сокращается до страшной худобы... Из всего этого необходимо следует заключить, что кофе пагубно для большинства жителей Марсея».

Факультету не удалось отвлечь марсельцев от нового арабского напитка, опасного соперника французского вина. Однако не все было так уж ошибочно в этом памфлете; и потребители кофе скоро сами убедились в этом, правда, не столь ученым способом и не по аристотелевской методе, но зато более наглядно.

Париж официально открыл двери для кофе в 1669 г. во время визита турецкого посла. Попробовали было начать торговлю кофе армяне и левантинцы, но их лавочки не понравились парижанам. Уличным торговцам повезло больше.

В конце века у французов возникла идея открыть дегустационные залы, но уже не простонародные и общедоступные, а украшенные коврами, зеркалами, люстрами, где можно было бы попробовать также и чай, и ликер, съесть бисквиты, варенье, сладости. Идея была превосходной: уж что парижане были в состоянии оценить лучше, чем любой арабский нектар, так это прелесть хорошего общества и беседы. Кафе стало местом свидания «порядочных людей», и, как пишет Ля Рок, «литераторы и особы в высшей степени серьезные вовсе не пренебрегали этими собраниями, столь удобными для беседы на темы, требующие эрудиции, что ведутся без стеснения, без церемоний, так сказать развлекаясь».

Северная и Центральная Аравия и Йемен

В момент, когда Ля Рок это писал, в Париже было уже не менее трехсот кафе. И всем известно, какую большую роль сыграли они в истории французской литературы XVIII в. Таким образом, зернышко аравийского кустарника стало в первые годы этого века не только драгоценной находкой для всей Европы, но и необходимым элементом жизни французского общества.

Марсельские торговцы продолжали держать в своих руках монополию на торговлю кофе, который они покупали в Каире. Но почему не попытаться съездить за ним в самую Аравию?

Арабское восстание привело к изгнанию турок (за ними сохранился только порт Джидда). В Йемене правил имам. Когда водворилось спокойствие, голландцы вновь открыли свою контору в Мохе, так как опыт, который они произвели с культурой кофе в Батавии, не принес желаемых результатов. Что касается английской Ост-Индской компании, то она каждый год посылала в Моху суда, и каждые два года английское судно привозило кофе в Лондон.

Приняв решение получать товары из первых рук, купцы из Сен-Мало основали компанию и снарядили суда. Отсюда и два путешествия, имевшие место в 1708—1710 гг. и 1711—1713 гг. Именно их описание и оставил нам Ля Рок. Второе из этих путешествий имело особое значение для истории открытия Аравии, так как оно дало возможность двум из членов экипажа пройти путь до столицы Йемена, остаться там достаточно долго и как следует осмотреть город и его окрестности в качестве почетных гостей, принимаемых со всей возможной любезностью.

Вот как это произошло. «Король» Йемена, страдая от двух нарывов, послал к французам, которые только что высадились в Мохе, спросить, нет ли среди них врача, который мог бы ему помочь. Решено было послать второго корабельного хирурга Барбье и в качестве представителя Франции — господина де Ля Грелодьера, военного врача гарнизона в Пондишери. Запасшись подарками, они двинулись в путь в сопровождении эскорта из всадников, а также вьючных верблюдов.

Путь был пройден в максимально короткие сроки; шли через Мозаа, Таизз, Манзуэль (?), Габалу, Ярим, Дамар, что приблизительно соответствовало маршруту,

по которому шел ван ден Брёке. Но остановились не доходя четверти лье до Дамара, так как здесь, в Муабе, «король», воссевший на трон в результате арабского восстания, построил в красивой долине свою столицу. Вокруг выращивали рис, пшеницу, фрукты и виноград, не говоря уже о кофе, который путешественники заметили еще в районе Таизза.

Они оставались при «короле» ровно три недели, вплоть до его полного выздоровления.

Историку было бы крайне интересно сравнить образ жизни при дворе арабского владыки, как его описывают путешественники, с тем, что наблюдал ван ден Брёке при турецком режиме. На смену пышности пришла необычайная простота. «Королевский» дворец скромн и почти ничем не украшен. В дворцовом саду растут лишь кофейные деревья. Платье «короля» из тонкого сукна, одноцветно и не имеет украшений. Единственный его знак отличия — головной платок из тонкого белого шелка.

Ля Грелодьер хорошо понял, что это стремление к простоте связано с религиозным принципом. Он, кстати, первым вскрыл особый теократический характер власти арабского «королевства»: имам или шериф должны быть непременно потомками пророка; они олицетворяют религиозную традицию и одновременно светскую власть^{9а}.

Может быть, именно поэтому имам окружает себя истинно царской роскошью во время пятничной молитвы в мечети. Обычай этот сохраняется до наших дней, и картина, впервые описанная Ля Грелодьером, дает некоторое представление об этом типично мусульманском и арабском празднестве.

Движение к мечети в два часа пополудни «начинает» тысяча пехотинцев. При выходе из дворца они дают залп из своих ружей и затем следуют в замечательном порядке. Две шеренги солдат несут остроконечные знамена (их называют знаменами Мухаммеда и Али). Сразу за солдатами следуют две сотни всадников королевской гвардии. Эти всадники кроме обычного оружия, то есть сабли и карабина, вооружены еще эспонтами¹⁰, наконечники которых украшены бахромой. За кавалерией движутся

^{9а} См. прим. 2 на стр. 115.

¹⁰ Эспонтон — пика с укороченным древком, которую носили в XVII в. пехотные офицеры как знак принадлежности к офицерскому сословию. — *Прим. перев.*

офицеры королевского дома и придворные, великолепно экипированные; и на некотором расстоянии от них можно видеть короля на прекрасной белой лошади, очень смиренной, которая давно служит ему только для выезда. По обе стороны от короля едут два принца, его сыновья, на дорогих лошадях, чудесно убранных. Один офицер, сидящий очень высоко, держит над королем большой белый зонтик или, скорее, что-то вроде балдахина, который его защищает от солнечных лучей...

Непосредственно перед королем один из его конных офицеров несет Коран в мешке из красного сукна. Рядом с ним другой офицер несет четырехугольный штандарт из зеленой камки, штандарт короля... Его отличают лишь несколько вышитых арабских букв да золотая бахрома по краям. Наконец, еще один офицер, едущий на копе позади короля, вооружен саблей, рукоять и ножны которой весьма богато разукрашены...

Пока длится шествие, не прекращается барабанный бой, и звон лигавр, и игра гобоев...

В то время как государь совершает этот путь, перед ним предстают сначала пятьдесят лучших его лошадей под богато расшитыми чепраками и попонами, ведомых за поводья, украшенные серебром и золотом. К седлу каждой лошади привязаны с одной стороны необычайно красивая сабля, с другой — бердыш. Это лошади из Дамара, где король держит свои главные конюшни. Вслед за лошадьми идут верблюды, столь же роскошно убранные, причем выючное седло у каждого из них украшено тяжелым серебряным шишаком. Над головами верблюдов колышутся черные страусовые перья. Всех этих животных привели сюда только для пышности и украшения праздника...

Король один входит в шатер (он служит ему мечетью) и остается там в течение часа, совершая обряд, исполнение которого входит в его обязанности главы государства и имама. Обряд включает начало или заповедей общей молитвы, а затем хотхаб — нечто вроде проповеди или наставления, в котором после вознесения хвалы господу воспевают Мухаммеда и молятся за царствующего владыку. Принцы и все, кто сопровождает короля, творят свою молитву одновременно с королем, подражая ему во всем, как это надлежит по церемонии; шатер же совершенно открыт, и почти все могут видеть имама.

После молитвы король снова садится в седло под звуки литавр, барабанов и гобоев и совершает обратный путь точно таким же образом, как и путь сюда; его выход из шатра солдаты сопровождают пальбой из ружей, а народ — добрыми пожеланиями и приветственными кликами.

По прибытии в Муаб часть всадников въезжает во двор дворца, остальные остаются снаружи. Они устраивают скачки и показывают различные упражнения на лошадях, представляя собравшемуся народу картины войны, совершая атаки по всем правилам и нападая на всем скаку друг на друга».

Известен следующий факт из истории дипломатии. Французам пришлось наблюдать прибытие посланников «Великого константинопольского владыки». Они приехали как друзья, но это не помешало им резко протестовать против продажи европейцам в аравийских гаванях больших грузов кофе, поскольку это вызывало повышение цен на него и вело к сокращению товарооборота турецких гаваней. Имам любезно принял послов недавнего захватчика своих земель, но долго их не задержал. Вместе с тем он ни в чем не изменил своего дружественного отношения к французам, с интересом расспрашивая их о родине, короле, дворе и Версале, системе управления и армии.

Ля Грелодьер и Барбье первыми представили читателям картину различных этнических и социальных категорий Южной Аравии. Они отмечают, что в столице есть квартал, «заселенный полностью одними евреями, которые обязаны оставаться там каждый вечер; спать в городе они не вольны».

Но самая любопытная категория — это банья, «которые выполняют в Аравии все функции евреев в Турции и комиссионеров в Европе, прежде всего это относится к торговле кофе».

«Все они уроженцы Индии, в частности острова Диу в королевстве Камбей, рядом с Суратом. Они приезжают в Аравию в самом юном возрасте, чтобы попытаться добыть себе состояние торговлей; с этой же целью едут они и в другие районы Индии. Среди них есть и очень богатые торговцы, много весовщиков серебра и золота и, наконец, — люди всевозможных других профессий... Религия банья — это странное и грубое идолопоклонство: как го-

ворят, они с обожанием относятся ко всякого рода животным и более всего — к корове, которая является предметом их культа и величайшей любви. Упорствуя в своей вере в метампсихоз¹¹ — до такой степени, что никогда они не делают зла ни одному живому созданию... они и умирая заботятся более всего о том, чтобы иметь в этот момент возможность держать за хвост корову, дабы, как они говорят, душа их могла переселиться в тело этого обожяемого существа... В них хорошо еще и то, что они с легкостью прощают обиды и никому не причиняют зла. Они обладают, по-видимому, необычайной чистотой нравов; говорят даже, что самое имя их — банья не обозначает ничего другого, кроме как чистый человек.

У них особая письменность и язык, как мне кажется — малабарский. К тому же и платье их чрезвычайно своеобразно, в особенности — головной убор, представляющий собой нечто вроде тюрбана из белого муслина, который они пытаются, насколько это возможно, сделать похожим на голову и рога коровы; кроме того, они носят длинную ниспадающую белую одежду из хлопка... не надевая при этом ни чулок, ни штанов; большинство ходит с голыми ногами. Самых знатных отличает шарф из белого шелка, вышитый по краям шелком различных других цветов. Арабы, которые ненавидят банья и мирятся с их присутствием только в торговле, не позволяют им жениться в Аравии и иметь какие-либо отношения с женщинами, так что они вынуждены возвращаться в Индию, когда им настает пора жениться и если они уже составили себе хоть какое-то состояние в Аравии».

По сути дела, Йемен уже стал мировым рынком кофе. Причем торговая биржа находилась даже и не в самой Мохе, а в Бейт-эль-Факихе, расположенном в двух днях пути от нее. Город этот с его замком и мечетями был больше Мохи. Продажа кофе производилась на «очень большом базаре, который занимает два обширных двора с крытыми галереями. Именно сюда привозят арабы из сельской местности свой кофе в плетеных мешках: по два на верблюде. Торговцы, которые хотят его купить, делают это при посредничестве банья... В самом центре базара

---

¹¹ М е т а м п с и х о з — учение о «переселении душ», являющееся составной частью буддизма и некоторых других религий. — *Прим. перев.*

стоит диван, или софа, на четырех ножках, покрытая ковром; на ней сидят таможенные офицеры, а иногда и губернатор собственной персоной. Офицеры эти регистрируют вес всего проданного на рынке кофе, который взвешивается тут же, и его цену, чтобы собрать королевскую пошлину. Весовщики пользуются огромными весами, а вместо гирь — большими камнями, завернутыми в полотно.

...С гор каждый день привозят кофе в Бейт-эль-Факх, который находится от них не более чем в трех лье».

Именно здесь производятся закупки кофе для Турции и Египта. Его перевозят затем на верблюдах до ближайшей гавани, а оттуда морем — до Джидды, остающейся турецкой гаванью. Из Джидды товар идет до Суэца, а потом караваны развозят кофе по всему Египту, или он идет морем в средиземноморские турецкие порты.

Основное внимание наших путешественников привлекло выращивание этого драгоценного кустарника. Они отмечают, что на высоте, не превышающей тысячу метров, кофейные деревца необходимо оберегать от солнечного зноя и сажать, например, под тополями. Выше тысячи метров (а самые высокие вершины Йемена поднимаются до 3 тыс. м и выше) их можно уже сажать без прикрытия. Орошают деревца (более или менее в соответствии со стадиями цветения) при помощи небольшой канавки, вырываемой вокруг корня. В одно и то же время можно видеть на нем и цветы, и красные плоды, и сухие плоды; чтобы собрать плоды, деревца трясут, предварительно расстелив под ветками циновки. Тщательно сделанные рисунки дополняли представление сограждан Ля Грелодьера и Барбье о ветвях, цветах и плодах кофе.

Однако привилегированная часть парижан могла увидеть и сам драгоценный куст бун, как он называется по-арабски, собственными глазами вместе с плодами: привезенный голландцами из Аравии, он был подарен городом Амстердамом королю Людовику XV и выставлен в королевском саду.

Конечно, путешествие Ля Грелодьера и Барбье не обогатило географических знаний об Аравии; путь их был уже пройден другими, да они и не делали топографических съемок. Но кроме географических существуют и другие сведения о стране. Заслуга этих дворян прежде всего в том, что они жили среди арабов, проявляя в от-

ношении их столько же любезности и почтительности, сколько и симпатии. Однако они не считали, что любезность должна доходить до приятия всех обычаев их хозяев; так, они наотрез отказались снять обувь перед дверью дворцовой залы для аудиенции. Нибур упрекнул их за это. Однако нужно сказать, что если для достоинства людей, носящих туфли без задников и каблуков, обычай этот не представляет опасности, то совсем по-другому обстоит дело с теми, кто носит чулки и башмаки.

С точки зрения дипломатии соглашение, заключенное с такой легкостью, не могло не вызвать в последующее время осложнений. Действительно, когда наместник Мохи некоторое время спустя нарушил договор 1709 г., французская Индийская компания в 1736 г. послала эскадру, чтобы «выяснить» причины этого, как она считала, вероломства. Во главе эскадры стоял Ля Гард Жазье; прибыв в 1737 г. к Мохе, он попытался сначала пойти по пути мирных переговоров, но, поняв их тщетность, начал обстреливать форт ядрами. Этого было достаточно, чтобы добиться удовлетворения требований.

Каковы бы ни были коммерческие результаты экспедиции моряков из Сен-Мало, ее документальные материалы, тщательно собранные Ля Роком, имели очень большую ценность. Живой рассказ позволил нам увидеть Йемен XVIII в. при реставрированном арабском режиме, в ту бесследно ушедшую эпоху, когда страна была крупнейшим мировым рынком; всего этого не мог, конечно, видеть ван ден Брёке.

В самом деле, вскоре голландцам удалось вырастить кофе на Яве, а потом оказалось, что и Бразилия способна производить его в огромных количествах. Все меньше и меньше ощущалась необходимость в кофе из Мохи. То был ее закат. Наводненный богатствами Востока величайший порт, который посетил ван ден Брёке, крупнейший центр мировой торговли, описанный дворянами из Сен-Мало, станет в последующие два века сонной бухточкой, знакомой по рассказам Анри де Монфрея.

Но забытая и потерявшая былую славу Моха дала все же свое название «Мокко» лучшему в мире кофе, тому, что растет на высоких горных террасах Йемена.

Заслуга Ля Грелодьера и Барбье в том, что они оставили живую картину минувшей истории Аравии, ряд черт которой сохранился и поныне.

ФРАНЦУЗСКИЙ КОНСУЛ У БЕДУИНОВ

Чтобы открыть Счастливую, то есть Южную, Аравию, необходимо было обогнуть мыс Доброй Надежды; Аравия же Пустынная находилась совсем рядом со Средиземным морем. Достаточно было пересечь долину реки Иордан, преодолеть вершины, возвышающиеся к востоку от моря, и перед вами уже простирались безводные и безмолвные пространства; черная лавовая пустыня Сафа, степи или небольшие естественные возвышенности лишь оттеняют широту и беспредельность низких равнин, тянущихся к югу, насколько хватает глаз.

На этих холмах покоятся развалины римских укреплений; изредка попадаются верстовые столбы с латинскими надписями, они одни оживляют однообразие ландшафта.

По границам возделанных земель римляне строили укрепления, обращенные своими бойницами к пустыне. Если бы в пустыне не было людей, в укреплениях не было бы смысла. Но люди там были. На этих пространствах, внешне таких безжизненных, жили люди; они назывались бедуинами, что значит жители пустынь (по-арабски — бадия, откуда прилагательное — бедави).

Если выпадает хоть немного дождей или просто зимняя роса дает жизнь поросли низких трав, бедуины остаются в пустыне, где их верблюды, все время передвигаясь, находят достаточно корма для пропитания. Когда же летняя жара делает эти пространства непригодными для жизни, бедуины приходят к границам оседлых районов Палестины и Сирии и добывают себе пропитание либо при помощи резу (т. е. грабежа. — И. М.), либо посредством мирного обмена с оседлыми жителями. За этой сезонной инфильтрацией бедуинов необходимо было следить, контролировать ее: отсюда и римские укрепления. Когда исчезли римляне, развалились и укрепления. Контроля больше не было, бедуины могли теперь свободно вторгаться в пограничные районы Сирии и Палестины, вследствие чего жить в них становилось опасно. Путешественники не могли больше передвигаться без риска лишиться всего своего имущества.

Ни один из представителей цивилизованных народов

не решался проникнуть в районы, где пиратствовало племя опасных грабителей.

Вот почему северная граница Аравии, лежащая в каких-нибудь 150 км от побережья Средиземного моря, на расстоянии птичьего полета, была еще более труднодоступной, чем далекая Счастливая Аравия.

Со времен Рено де Шатийона ни один европеец не пробовал проникнуть в Аравию с севера.

Тем временем бедуины так расширили свои владения и так укрепили свое могущество, что в XVII в. занимали уже весь Синайский полуостров.

Они прогнали босоногих кармелитов, которые жили в древнем монастыре на горе Кармел. Кармелиты обратились к Людовику XIV с просьбой договориться с эмиром бедуинов о разрешении монахам вернуться в их монастырь. «Король-солнце» велел предупредить своего консула в Сайде, в Палестине, чтобы он взял на себя эту миссию. Консул был не слишком молод для подобного предприятия, но у него в доме воспитывался дальний родственник, сирота, по имени Луи д'Арвьё, настолько способный молодой человек, что он сумел, используя свое пребывание на Востоке, выучить пять языков. Он свободно говорил, например, по-арабски, по-турецки и по-персидски. Миссия была поручена ему.

Таким образом, в 1660 г. наш герой, одетый как знатный турок, верхом на породистой лошади пустился в путь до владений страшных бедуинов, чтобы передать их эмиру просьбу Людовика XIV.

Впервые у Европы появятся авторитетные свидетельства о том, что представляли собой на самом деле эти «пираты пустыни».

Правда, д'Арвьё написал об этом лишь много лет спустя, когда, сделав блестящую карьеру в качестве посредника при заключении договора с Тунисом (1668 г.), а затем посла при Османской Порте (1672 г.), консула сначала в Алжире (1674 г.), а потом в Халебе (1679—1686 гг.), он поселился в Марселе, где женился на весьма достойной девушке. Время свое он посвящал размышлениям над священными книгами, которые читал по-древнееврейски, и над писаниями апостолов. Кроме того, он писал воспоминания обо всем, что видел и пережил.

Только после смерти кавалера д'Арвьё Ля Рок (снова Ля Рок!) счел интересным опубликовать собранные им

сведения о бедуинах. Так появилось в 1717 г. «Путешествие в Палестину к великому эмиру, вождю арабских князей пустыни, известных под именем бедуинов».

Было бы совершеннейшим заблуждением считать на основании этого заголовка, что данная книга не имеет никакого отношения к открытию Аравии. Пятьюдесятью годами позднее, работая над трудом об Аравии, Нибур прочел эту книгу (которую неоднократно цитирует), и он не ошибся. Не показать важности «Путешествия» в развитии наших знаний об Аравии — значит быть плохим историком.

В самом деле, достаточно прочесть произведение д'Арвьё, чтобы стало ясно, что бедуины, которых он описывает, — это кочевые племена арабов, вышедших со временем за пределы своих границ. В эпоху, о которой говорит Ля Рок, они снова вернулись туда, оставив Синайский полуостров туркам. Конечно же, это были бедуины из Аравии. Кроме турецкого влияния на это указывает также образ жизни эмира и главных вождей. Действительно, «Великий константинопольский владыка» признавал эмира и даже даровал ему право «извлекать доход из деревень и портов Синая при условии, что он не будет мешать свободе передвижения по дорогам и люди его будут сопровождать гонцов и торговые караваны, направляющиеся в свои страны». В подтверждение его прав эмиру давался титул и полномочия «однобун-чужного паши».

Поэтому совершенно естественно, что в costume эмира, его жены и «придворных дам» или в убранстве шатров знати можно было найти следы турецкого влияния. Но если не считать этого, д'Арвьё увидел типичных жителей пустыни, и именно ему принадлежит слава первого описателя и толкователя их столь своеобразного общественного строя. Можно только восхищаться тем, что за сто лет до Буркхардта и Зеетцена д'Арвьё сумел почувствовать дух этого общества, сформулировать его принципы, отнестись к нему с глубоким пониманием и симпатией, что свидетельствует о его собственных человеческих качествах.

Своей изысканной вежливостью д'Арвьё удалось поразить воображение эмира — с большой пользой для себя; долгие недели в лагере бедуинов он провел в качестве уважаемого и почетного гостя. Его принимали в раз-

личных шатрах, приглашали разделить удовольствия охоты, принять участие в скачках и в беседах, и он жил среди них как равный, не упуская при этом случая чему-нибудь научиться.

Кроме книги, которую д'Арвьё написал о своем путешествии, им был собран еще и материал для настоящей диссертации с «нравах и обычаях арабов пустыни». Речь идет не только о документальных описаниях, но также и о разъяснении жителям Запада невероятного парадокса: бедуины действительно племя воров, и, однако, они полны достоинств: доверчивы, чрезвычайно гостеприимны, благородно горды и честны до щепетильности. Как же все это может в них уживаться?

Конечно, д'Арвьё оставил своим последователям возможность многое углубить и объяснить, но он сумел понять сущность принципов, на которых основаны различные элементы мировоззрения и само общество бедуинов, подобного которому нет нигде в мире.

Воры? Да. И их «воровство делает из них врагов всех других наций». Если не считать забот о стадах, у них нет никакого другого занятия, кроме ограбления путников. «Стоит им кого-нибудь заметить, как они закрывают тюрбаном нижнюю часть лица до самых глаз... чтобы не быть узванными, поднимают копьё и со всех ног устремляются вперед. Сначала они говорят на своем языке: „Раздевайся, неверный, твоя тетка совсем голая (то есть они хотят сказать: у моей жены ничего нет, чтобы одеться). Разве справедливо, что ты одет лучше, чем она?“». И они до тех пор держат свое копьё у груди путешественника, пока не получают то, что хотят.

Иногда, в случае, если, лишившись всего своего добра, путешественник просит не отпускать его совсем голым, бедуины оставляют ему штаны или рубашку. Оставляют они и лошадь, потому что... не хотят бросать ограбленного человека на дороге без всякой возможности добраться до дома.

Более того, они считают совершенно естественным ограбление судов, потерпевших крушение у их берегов (Тамизье и другие авторы добавляют потом, что бедуины не колеблясь помогут кораблю заблудиться в опасных проходах Красного моря, если команда оставит их без подарков). С кораблями поступают, как с караванами: людей раздевают догола, а добычу делят. Д'Арвьё пере-

сказывает очаровательную историю брата Альфонса с его грузом четок для Испании, попавшего вместе с судном в руки бедуинов. Бедного священника ждало полное приключений возвращение на родину в costume Адама среди пассажиров обоого пола, попавших в такое же положение. Зато не было в этот вечер ни одной бедуинской дамы, которая не украсила бы себе рук множеством четок, и ни одного мужчины, который не развлекался бы, попивая кофе, тем, что перебирал четки, слушая, как они трещат у него в руках.

Это не похоже на войну: бедуины атакуют только тогда, когда уверены в своем превосходстве. Если же такового нет, они «скрываются в пустыне, где одолеть их совершенно уже невысмыслимо». Бедуины стремятся только захватить добычу и в тех случаях, когда преимущество их очевидно, как правило, не убивают, хотя и приходят в ярость, если им оказывают сопротивление или ранят одного из них.

Д'Арвьё очень хорошо понимает, что «обокрасть или раздеть прохожего для них не большее преступление, чем для европейца пойти на охоту». Более того, они считают, что это их призвание, полученное всеми потомками Исмаила, то есть бедуинами, от бога.

Известна библейская легенда, согласно которой Сарра, жена Авраама, видя, что она стареет, а ребенка у нее нет, предложила своему мужу в качестве замены себе свою служанку египтянку Агарь, сказав при этом: «Войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее» (Кн. Бытия, XVI, 2).

Но, зачавши, Агарь стала презирать свою госпожу... Несколько лет спустя Сарра сама, как и обещал ей таинственный вестник, родила сына Исаака, которому ангел предрек, что господь поставит завет свой с ним заветом вечным и потомству его после него (Кн. Бытия, XVII, 19).

«Дитя выросло, и отнято от груди; и Авраам сделал большой пир в тот день, когда Исаак отнят был от груди. И увидела Сарра, что сын Агари египтянки... насмехается. И сказала Аврааму: выгони эту рабыню и сына ее; ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком». И показалось это Аврааму неприятным ради сына ее. Но Бог сказал Аврааму: не огорчайся ради отрока и рабыни твоей; во всем, что скажет тебе Сарра, слушайся голоса ее; ибо в Исааке наречется тебе семья.

чало, которым они так хвастаются, не позволяет им заниматься ремеслами, равно как и обрабатывать землю. Они совершенно не работают: весь их труд — скакать верхом, пасти стада да разбойничать на больших дорогах».

Кстати, на всех других мусульман, небедуинов (то есть не собственно арабов¹²) они смотрят как на «ублюдков и узурпаторов своего наследства», почитая брак с кем-нибудь из них за бесчестие, которое «умалило бы благородство их рождения».

Если бы Тамизье (он попадает в Джидду в 1834 г.) читал д'Арвьё, он не удивился бы тому, что молодая бедуйка, в расцвете красоты, предпочитает жизнь в бедности любой прекрасной партии в городе, на которую она могла бы рассчитывать, но которая по каким-либо причинам кажется ей мезальянсом.

Нужно хорошо уяснить себе это, чтобы понять и измерить необычайную гордость этого народа.

Конечно, у них есть религия, однако «они очень много говорят о боге и очень мало — о религии, потому что не очень-то в ней сведущи».

Гордость — вот чувство, преобладающее у них над всеми прочими. Честь семьи, и потомства прежде всего, защищается необычайно ревностно. Д'Арвьё очень хорошо замечает, что заботы о сохранении этой чести возложены не на мужа: ему достаточно просто бросить виновную женщину, чтобы освободиться от бесчестия. Ревностный страж — это отец или, если нет отца, — брат. Наш автор приводит пример, в котором отец, узнав, что дочь беременна, собрал всех родственников на семейный обед, чтобы за чашкой кофе показать им голову молодой женщины, убитой им собственноручно во спасение фамильной чести, — плод концепции, чрезвычайно близкой той, что придерживались древние евреи, по Библии. Вспомним, что вся печальная история Авессалома, мятежного сына Давида, произошла оттого, что один из его сводных братьев обесчестил его сестру Фамарь. Авессалому достаточно было убить своего брата, чтобы спасти честь сестры.

Д'Арвьё не удалось установить, до какой степени под-

---

¹² «Араб» в доисламских источниках означает «кочевник из пустыни», в противоположность выходцам из оседлых царств.

робно и точно разработан у бедуинов кодекс чести, который обуславливал бы воровство лишь необходимостью кровной мести и говорил бы при этом еще и о милосердии. Он предоставил это своим последователям.

Д'Арвьё не увидел также, что щедрость в отношении гостя означает здесь не просто доброжелательное гостеприимство, но долг чести. Но он по крайней мере оставил точное описание самого факта. «Когда приходишь к ним с добрыми намерениями, наблюдаешь у них такие порядки, которые должны были бы устыдить европейские народы в их привычке жить с помощью денег. У арабов же все совершенно по-иному: как только в их лагере появляется чужестранец, его тут же принимают в шатер; араб может ему предложить только циновку, на которую он может сесть или лечь, потому что никакой другой, более удобной или более ценной мебели у них нет, но зато у гостя не будет недостатка в радушии и хорошей пище. С него ничего не берут; к слугам его и экипажу относятся с такой же заботой, и это не стоит ему ничего, кроме слов «господь вас вознаградит», когда он прощается, чтобы снова пуститься в путь». Если же он желает остаться на несколько дней, «ему наносят визиты, берут его на охоту, учат обращаться с копьем... ведут в лагерь других эмиров и всюду, где он может найти для себя какое-нибудь развлечение; и все люди кругом выражают ему свою симпатию. Когда же хочет он продолжить свое путешествие, то благодарит своих хозяев и вместе со своими людьми садится в седло без всяких церемоний».

Однако эти щедрые и на широкую ногу живущие люди отличаются скромностью и простотой быта. Некоторым, правда, пошел на пользу союз с турками, в результате которого они стали пользоваться благами, прежде неизвестными в пустыне. Так, в шатре эмира или шейхов можно было увидеть подушки, китайский фарфор. Но у простого бедуина не было ничего, кроме циновки, на которой он спал; подушкой же ему служил камень. Ночью лагерь охраняют сторожевые собаки. Что же касается кобылиц (ибо бедуины предпочитают именно их, а жеребцов-производителей продают туркам), то они составляют главную любовь арабов, являются как бы членами семьи и поэтому спят в шатрах: «Там можно видеть маленьких детей, уснувших на брюхе или на шее кобылицы или жеребенка и не испытывающих при этом ни ма-

лейшего неудобства. Кажется, что животное боится пошевелиться из страха причинить им беспокойство».

Арабы, которых нам рисует д'Арвьё, строги, скромны и серьезны, они мало говорят и мало смеются, речь их учтива, а игры (шахматы и шашки) носят общественный характер, на деньги они никогда не играют, о женщинах никогда не говорят.

У женщины оригинальная косметика: «Они накальвают на руках и кистях различные фигуры, цветы и т. д., мажут себе ступни ног и кисти рук темно-коричневой краской, а ногти красят в красноватый цвет, делая краску из зеленой глины, называемой хна». На лицо они сажают голубых мушек, не только для красоты, но также «чтобы задержать взгляды людей на цвете этих мушек, ибо тогда их минуют злые чары волшебников, не причинив никакого вреда».

Действительно, «дурного глаза» здесь боятся безмерно; поэтому никогда не следует хвалить красоту ребенка или восхищаться его здоровьем, дабы не навлечь на него уродства или болезни; мужчина же никогда не назовет свою жену иначе, чем «моя старушка», в особенности если она молода и красива.

Естественно, что манера бедуинов есть, столь необычная в глазах европейца, поразила воображение д'Арвьё.

У эмира — стол, то есть большой кожаный круг, как у турок, положенный на пол. Но «что касается простого араба, то у него нет ни стола ни скатерти: три-четыре котелка и большие деревянные миски, нечистые и весьма грубо сделанные, полные супа с мясом, плова (рис плав) и других видов рагу — вот и вся их сервировка. Арабы садятся кружком, таким образом, что плечо одного упирается прямо в грудь сидящего рядом, а правая рука каждого касается блюда; левая же рука обращена наружу и служит только для того, чтобы на нее опереться — в том случае, если слишком большое количество неожиданных гостей обязывает их оставаться в этом неудобном положении. Суп они едят из горсти, пригоршнями же берут и плов, и рис, мнут его в ладонях и делают из него комок, которым забивают весь рот. Если же на бороде или на руке что-нибудь остается, то они отправляют это обратно в общее блюдо без лишних церемоний. Когда те, что сидят, встают, стоявшие занимают их места, а слуги, которые едят последними, ставят миски

одну в другую и несут их к эмиру. Тот, кто уже поел, пьет большими глотками из кружки, которую затем передает соседу... Руки они моют песком, так как не знают мыла».

Этот обычай принимать пищу бедуины тоже соотносят со своей религией (что делает его неприкосновенным и незыблемым): в самом деле, если они едят руками, то «многие делают это вследствие набожности, говоря, что Мухаммед отпускал грехи тем, кто ел с помощью трех пальцев руки, являющихся естественной вилкой, данной им богом, чтобы пользоваться ею за столом».

Д'Арвьё сообщает множество деталей о нравах и обычаях, правосудии, браке, еде, вооружении, медицине и т. д. Но заслуга его, повторяем, состоит главным образом в том, что он понял сложность характера этого воровского народа, щедрого и верного, непримиримо гордого и верящего, что происхождение ставит его выше всякого другого народа и дает право присваивать собственность других людей. Итак, был сделан первый и весьма удачный шаг в направлении познания характера арабов, ибо каждый истинный араб обладает характером, достоинствами и мировоззрением бедуина.

Другая часть пустыни будет описана век спустя (1757 г.) Плейстедом и Элиотом, капитанами сухопутной службы лондонской Индийской компании, а также в 1786 г. английским путешественником Гриффитсом: речь идет о северо-восточном районе, расположенном на границе с Месопотамией, где постоянно проходят караваны, идущие из Басры (в дельте Тигра и Евфрата) в Халеб, в Сирию.

С этнографической точки зрения их наблюдения ничего не стоят, и не только потому, что они просто проезжие путешественники. Так, если Гриффитс и проявляет интерес к арабам и их нравам, то имеет в виду при этом караванных погонщиков верблюдов, которых он противопоставляет грабителям-бедуинам, а Плейстед и Элиот не испытывают к местным жителям вообще ничего, кроме презрения и безразличия: для них это лишь наемные проводники, с которыми к тому же они имели столкновения.

Было бы в тех условиях безумием другое отношение к бедуинам? Французы в таком случае всегда были безумцами, к тому же неисправимыми. Подтверждением

может служить следующий случай, рассказанный Плейстедом:

«Некий молодой француз, с которым я жил в одной палатке, отделился от каравана и, влекомый бессмысленным любопытством, скрылся в направлении арабских шатров... Видя, что он не возвращается к ужину, я подумал, что он решил нанести визит другим европейцам, лагерь которых находился неподалеку от нас. Я послал к голландцу, но там его не оказалось. Я велел трем арабам верхом на верблюдах объехать все окрестные места — тщетно, ничего найти не удалось. Наконец, его нашли в одном из шатров этого арабского племени, в окружении толпы арабов, от которых он отбивался, так как, уже полностью его обокрав, они хотели теперь непременно лишить его и жизни. Лишь с большим трудом, используя силу угроз и откупившись от них деньгами, мы смогли его спасти. Я ничего не стал ему говорить; послушать его, так он еще и был прав».

Наши путешественники интересуются вовсе не этнографией. В сущности их маленькая книжка была предшественницей «бедекера»¹³. Они предлагают воспользоваться своим опытом тем, кто пройдет их дорогой после них. Так, Элиот дает следующие советы: одевайтесь потурецки... Не забудьте обзавестись ружьем, шпагой и парой пистолетов... Возьмите с собой то-то и то-то и т. д. Плейстед более склонен к описаниям, он рассказывает о различных видах «пустыни», сначала «песчаной и как бы усыпанной гравием» с «попадающимися изредка густыми зарослями», потом «с мягкой ноздреватой почвой, покрытой песком и заросшей кустарником», затем «неровной, с частыми подъемами и спусками... с редкими, разбросанными там и сям кустами или грудками песка, нанесенного ветром», и, наконец, сплошь состоящей из песка в районе Пальмиры. Гриффитс, прошедший путь в обратном направлении, делает более точные наблюдения и даже замеряет температуры.

Но подлинно ценные с точки зрения географической воспоминания об этом районе оставит позднее Валлин.

Таким образом, сведения, собранные в данную эпоху,

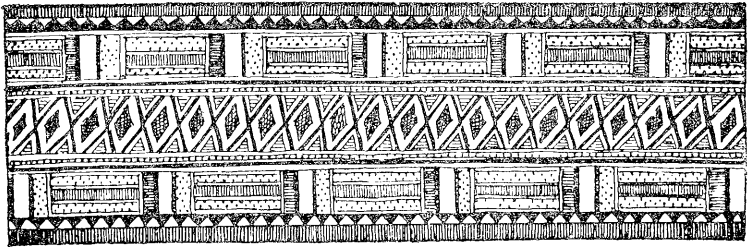
¹³ Бедекер Карл (1801—1859), немецкий книгоиздатель, известен своими туристическими путеводителями — откуда и их название «бедекер». — *Прим. перев.*

относятся не столько к самой пустыне, сколько к ее жителям, которых д'Арвьё наблюдал на Синае.

Вообще же можно сказать, что в конце XVII в. были получены основные знания о каждой из областей: Счастливой Аравии, священных городах, землях бедуинов. Но кроме ди Вартема, исследователя сознательного и бескорыстного, все путешественники были исследователями волей случая.

Два тома Ля Рока, рассказывающие о двух из этих случайных путешествий, уже несут на себе отпечаток научного метода и подхода, благодаря которым начиная с XVIII в. путешествие станет научной экспедицией в полном смысле этого слова.

Отныне исследование, если только оно не преследует политических целей, состоит в увеличении наших знаний об Аравии в той или иной области. Это не значит, конечно, что в некоторых случаях вкус к авантюре, желание увидеть первым не увиденное никем перестает выступать в качестве важнейшего стимула. Одни умеют быть в большей или меньшей степени исследователями, другие остаются в большей или меньшей степени любителями приключений. А между тем страна была такова, что каждому из этих людей решившихся отправиться туда за знаниями, будь даже это ученый, меньше всего расположенный к риску и приключениям, она предлагала жизнь, полную опасностей.

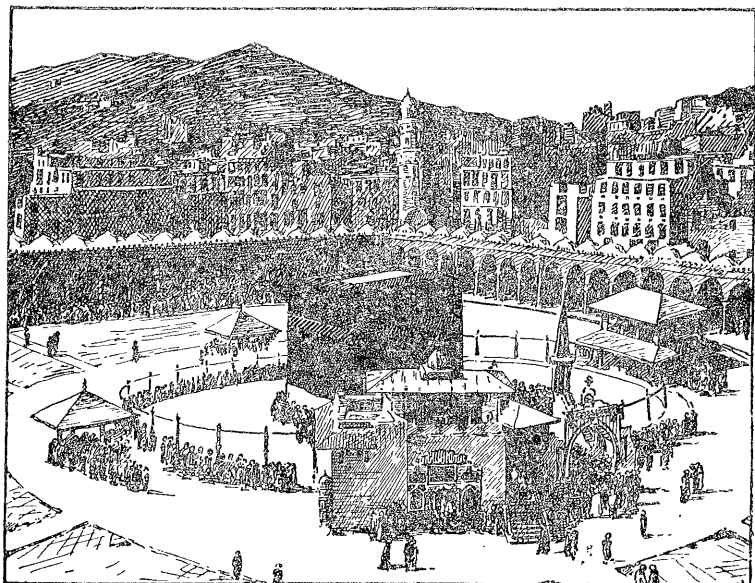
Часть третья **РОЖДЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Глава I НА ЗАРЕ ИЗУЧЕНИЯ

С течением веков в Европе развивалась и наука. Позднейшие исследования должны были стать более плодотворными, потому что путешественники были вооружены знаниями. В самом деле, чтобы быть хорошим исследователем, уже недостаточно было просто приезжать, наблюдать и описывать: больше замечал тот, кто больше знал, и чем больше он знал, тем лучше понимал то, что видел, тем лучше оценивал важность вновь приобретенных знаний. Таким образом, в грядущих веках людям науки предстояло просветить путешественников, а затем использовать их открытия, чтобы обогатить новыми знаниями последующие поколения.

Наукой, прогресс которой был непосредственно связан с мореплаванием и землепроходством, была, конечно, география и в особенности картография.

До Васко да Гамы и открытия пути вокруг Африки через мыс Доброй Надежды Аравия на географических картах изображалась не иначе как в соответствии с данными Птолемея. Поэтому первые планисферы (Фра Мауро в 1460 г., Хуана де ля Коса в 1500 г., Кантино в 1502 г.) и карта полушарий Ами 1505 г. воспроизводили Аравию так, как это было принято у древнегреческих географов.

Мекканская мечеть

Но мы не забываем и того, что Васко да Гама (в 1498 г.) и Лодовико ди Вартема (в 1505 г.) почти одновременно пришли — один в открытое море у берегов Южной Аравии, другой — в Йемен через Красное море. Новые знания, приобретенные в результате этих двух путешествий, не могли быть оставлены без внимания картографами того времени. Замечательный картограф, работавший в Сен-Дье, отпечатал две планисферы, одну — в 1507 г., другую — в 1516 г.

На планисфере 1507 г. Аравия обозначена по-прежнему. Но зато на карте 1516 г. ясно видно, что Аравия имеет уже новые береговые очертания (хотя и неточные); видно также, что автор карты уже имеет новые сведения и о Йемене, где мы находим Сану, Таизз, Забид и Эль-Мукрану. Упоминание последнего города указывает, как мне кажется, на источник его знаний: это рассказ Лодовико ди Вартема (вышел в 1510 г.), так как знаменитый замок Эль-Мукрана, описанный им, не упоминается ни

в арабских текстах, ни у более поздних путешественников.

В это же время Вальдземюллер использует результаты береговых измерений, полученные португальскими мореплавателями.

В сущности именно последователям Васко да Гамы мы обязаны новой формой картографии. Они не заботятся о том, чтобы изобразить территории, о которых не имеют сведений, но зато стараются как можно лучше обозначить береговую линию и местоположение портов. Благодаря появлению таких карт (их называют портуланы¹) удалось получить еще более точные знания об очертаниях берегов, то есть о конфигурации континентов.

В 1510 г. один анонимный португальский портулан, хранящийся в библиотеке Вольфенбюттеля и репродукции с которого были опубликованы совсем недавно (1929 г.), синтезировал все знания об очертаниях Индийского океана и Красного моря, собранные после Васко да Гамы. В 1524—1530 гг. португальский лоцман Франциско Родригес нанес на карту берега Индийского океана и Дальнего Востока.

Но портулан, окончательно определивший физиономию Индийского океана и заметно уточнивший периметр Аравии и Персидского залива, был создан Педро и Георгом Рейнелями в 1519—1521 гг.; это легко заметить, если сравнить портулан с картой Аравии по Птолемею.

Однако картографам доступны были лишь берега; Аравия Рейнелей изображена чрезвычайно живописно, но абсолютно пуста внутри — портулан не содержит никаких сведений о самой стране.

В 1561 г. Джакобо Гастальди создал карту, получившую широкое распространение. Территория Аравии там на первый взгляд казалась чрезвычайно заполненной; на деле же она была по-прежнему пуста, по крайней мере на ней отсутствовали какие бы то ни было конкретные указания. А. Каммерер совершенно справедливо заметил, что кроме обозначения берегов и портов точно указаны лишь Медина, Мекка, Сана, Наджран, Мариб, Ши-

---

¹ Портулан — морская навигационная карта, употреблявшаяся в средневековье. В связи с условиями плавания той эпохи содержала в основном очертания береговой линии. — *Прим. ред.*

бам, Карнаву, Дамар и Райда; остальное — плод чистойшей фантазии. Но все прекрасно объясняется, если вспомнить, что начало этим фантастическим названиям положили «Знаменитые путешествия събра Венсана Лесблана», первое издание которых появилось в 1648 г. и где названия эти встречались рядом с наименованиями, не вызывающими сомнений. Картограф способствовал тому, что выдумка Пьера Бержерона стала казаться еще более достоверным фактом.

Теперь мы видим, насколько полезным науке является точный рассказ о путешествиях и как обман, с какими бы добрыми намерениями он ни делался, задерживает ее развитие и уводит в сторону от предмета исследования.

В соответствии с новыми сведениями, добытыми исследователями, пересматриваются и карты Аравии. Так, в архивах географа д'Анвиля, хранящихся в Национальной библиотеке в Париже, можно найти карту голландского географа Ван дер Аа, которая датируется 1713 г. и на которой отмечен маршрут Генри Миддлтона. Мы помним также, что Ля Рок пытался нанести на карту Йемена путь Ля Грелодьера и Барбье.

Но честь создания в 1755 г. более или менее точной карты Аравии, первого произведения, на которое, как мы можем сразу же заметить, наложил свой отпечаток XVIII век, знаменовавший новый подъем научной мысли, принадлежит д'Анвилю, географу Людовика XV.

Карта д'Анвиля достаточно далека от того, чтобы быть безупречной: не говоря уже о Персидском заливе (сравните современную карту на стр. 263), на ней не хватает полуострова Кашар и залива Кувейт. Что касается внутренней части страны, то мы не удивимся, обнаружив там путаницу в широтах, белые пятна, неточности: ведь ни одному европейцу не удалось еще проникнуть в эти районы; удивит нас скорее то, что д'Анвиль сумел все же дать в целом столь верное представление об Аравийском полуострове.

Очевидно, дело тут в том, что д'Анвиль не только тщательно и в течение долгого времени изучал старые карты и рассказы путешественников, но обращался еще и к трудам арабских географов, к тому времени открытым и переведенным.

Развитие науки шло и в других направлениях.

В то время как португальцы, голландцы и англичане высаживались на арабских берегах, гуманисты постепенно начинали осознавать, какой большой интерес представляет изучение мусульманских авторов. В 1592 г. в типографии Медичи был издан первый арабский труд по географии: то было краткое изложение произведений Идриси², который жил... при дворе сицилийского короля в XII в. Он пользовался трудами Птолемея, Масуди и других авторов и сам совершал путешествия. Но ему хотелось написать «Книгу о климатах», темой которой были бы климатические зоны мира. Поэтому Идриси не останавливался подробно на рельефе страны. В отношении Аравии он дает не более чем топографические указания общего характера, ограничиваясь к тому же лишь западом и юго-западом полуострова. Для остальной части страны он либо использует данные Птолемея, либо ссылается на слухи; сам же страны не знает вовсе. О Хадрамауте Идриси упоминает только в одной фразе, столько же места отводится и Большой Центральной пустыне.

Труд этот в сокращении был переведен на латинский язык двумя маронитами и вышел в Париже в 1619 г. под названием «Geographia Nubiensis».

Карты, приложенные к арабским рукописям, более всего напоят западному читателю произведения абстрактного искусства: аравийская земля очерчена изломанной кривой, ее окаймляет светлый полумесяц, и в темном пространстве, изображающем полуостров, выделяются прямые линии, пронзающие разноцветные пятна; все это усеяно названиями, написанными по-арабски.

Подобное представление о картографии приводит нас в замешательство. И тем не менее атлас Идриси (маленький — 1192 г. и большой — 1154 г.) — исключительно важный труд, всю значимость которого можно представить, лишь осознав, что в XII в. с его помощью можно было все-таки получить понятие об Аравии и где (честное

---

² Абу Абдаллах Мухаммед ибн Мухаммед аль-Идриси (1110—1165) — известный арабский географ. Уроженец Сеуты (Марокко). Образование получил в Кордове. Бывал во Франции, Англии и около 20 лет прожил на Сицилии при дворе короля Роджера II. В римском издании текста географический труд Идриси имеет название «Книга развлечения истомленного в рассказе о столицах, округах, странах, островах, городах и областях». -- *Прим. ред.*

слово!) можно узнать Францию, причем не более деформированную, чем Аравия.

Однако, когда Запад познакомился с этим трудом в конце XVI в., давно уже существовали портуланы, дававшие действительные очертания берегов и изображение их рельефа. Речь, таким образом, могла идти лишь о возможности почерпнуть сведения о внутренней части страны. Однако у Идриси на этот счет мало что можно найти.

Более полезным оказался другой мусульманский географ — Абу-ль-Фида³ (1273—1331), хотя и он знал об Аравии не больше, чем всякий, кто идет дорогой паломников, и оставил только очень общие сведения о западе и юго-западе. Ля Рок был первым издателем французского перевода «Описания Аравии» в 1717 г. (сразу после записок д'Арвьё), латинский же перевод был издан в Лондоне еще в 1650 г. Абу-ль-Фида тоже не занимается географией в европейском понимании этого слова: он пытается дать этимологию географических названий, составить список городов и провинций, дополненный всеми сведениями, которые ему удалось о них собрать, цитатами из поэтов, устными сообщениями, а иногда и указанием расстояния от одного пункта до другого, исчисляемого в днях пути.

Вот, например, одна из самых полных справок; она касается Хаджара, где ди Вартема видел развалины «проклятых» городов и куда стремились дойти в начале XIX в. многие путешественники: «По мнению Ибн Хаукаля⁴, [Хаджар] находится в горах, отделенных от долины Эль-Кари одним днем пути, но это неточно, и я знаю, что оное расстояние равно более чем пяти дням пути. Он говорит, что это район, занимаемый племенем самуд, о котором

---

³ Абу-ль-Фида Исмаил ибн Али аль-Аййуби (1273—1331) — крупнейший мусульманский ученый и географ. Родился в Дамаске. Происходил из знатной семьи, состоявшей в родстве с Салах ад-Дин; участник войны с крестоносцами; во время походов и странствий посетил Малую Азию, Армению, Египет, Аравию. География Абу-ль-Фиды компилятивна и составлена в основном по книжным источникам. — *Прим. ред.*

⁴ Абу-ль-Касим ибн Хаукаль ан-Насиб (X в.) — известный арабский географ, родился в Ираке. объездил Северную и Центральную Африку, Испанию; посетил Италию, Иран, Индию и оставил весьма подробное описание как увиденного, так и общих знаний о мусульманских территориях. — *Прим. ред.*

сказал Аллах: „Самудиты, ответ которым дали камни долин”, и добавляет, что видел сам эти горы, с гротами и источниками, те самые, о которых также сказал Аллах следующими словами: «Ударами молота и хитростью выроют они жилища в горах». Горы эти зовутся Аль-Аталеб. Монахи и путники из Сирии останавливаются здесь по пути в Мекку. Говорят, что пророк запретил пить воду, текущую с этих гор».

О местоположении такого большого района, как Дахна, Абу-ль-Фида говорит только следующее: «Дахна, по Аль-Мусхтареку, — обширная и далеко лежащая земля, которая начинается в стране Неджд и продолжается до границ племени Тамин». Понятно, почему д'Анвиль, который с большой тщательностью использовал все эти данные, все же не смог прийти к полной ясности относительно расположения местности. У Абу-ль-Фиды, чьи сведения получены из вторых рук, неточность доходит иногда до ошибочности. Так, например, он пишет: «В Йемен входит также Хадрамаут, цветущая земля, населенная детьми племени намуд. Лежит она в четырех днях пути от Шихра».

Однако Хадрамаут — не в Йемене. И скоро мы, последовав за фон Вреде в самое сердце этой страны, почувствуем нелепость этого замечания. Нет ничего удивительного в том, что д'Анвиль не нанес на свою карту систему трех больших вад, составляющих центр этого района.

Кроме того, иногда Абу-ль-Фида, который видел свою цель в простой классификации полученных сведений под рубрикой различных географических названий, бывает обманут омонимией. Так, в раздел «Шибам» он включает и данные, относящиеся к Шибаму, расположенному в Йемене, и сведения о Шибаме в Хадрамауте. Сегодня нам это понятно, но д'Анвилю и его современникам не оставалось ничего другого, как поддаться заблуждению. В самом деле, Абу-ль-Фида писал: «Шибам — одна из самых знаменитых гор Йемена, на ней построена крепость. Шибам — как бы столица Хадрамаута. Между ней и Саной насчитывают 61 фарсанг⁵ и 11 других станций, а между Шибамом и Дамаром — одна станция». Оче-

---

⁵ Фарсанг — мера длины, равная 6—7 км. — Прим. перев.

видно, именно это смешение привело к перенесению Хадрамаута в Йемен.

Мы видим, что сорок два пояснения Абу-ль-Фиды, касающиеся географических наименований Аравии, — не самый надежный источник, которым можно было бы пользоваться для составления карты.

Между тем интерес к трудам на арабском языке все возрастал. Первые шаги в публикации собрания трудов мусульманских авторов были сделаны крупным французским ориенталистом Эрбло. В своей «Восточной библиотеке», выходявшей в 1697 г., он дал отрывки из Якута, Ибн Халдуна⁶ и Хаджи Хальфа⁷. Но только в середине XIX в. развитие арабистики привело к опубликованию и полному переводу произведений этих авторов и других мусульманских географов — Истахри, Мукаддаси⁸ и Ибн Баттуты. Однако к тому времени Запад уже так далеко продвинулся в открытии живой Аравии, что изучение древних авторов на первый взгляд не приносило в этом отношении никакой пользы.

Со времен Ренессанса, когда Эразм Роттердамский создал в Лувенском университете «Коллеж трех языков» (латинского, греческого и древнееврейского) и тем дал толчок к изучению семитских языков, наши знания об этих языках чрезвычайно возросли. Изучение текста священного писания требовало знания древнееврейского языка; а в Испании, долгое время находившейся под влиянием ислама, оставались еще знатоки арабского языка. Обнаружился интерес к сравнению общих по корню слов различных семитских языков, состоящих в таком же родстве между собой, как итальянский и французский в группе романских языков. Так прояснялось значение этих слов, равно как и понимание грамматики самих языков. В начале XVIII в. рождается сравнительное семитское языкознание.

---

⁶ Абу Зайд Абд ар-Рахман ибн Мухаммед ибн Халдуи (1332—1406) — великий арабский философ и историк. Родился в Тунисе. Автор знаменитого «Введения» в историю, где попытался объяснить закономерность развития человеческого общества. — *Прим. ред.*

⁷ См. прим. на стр. 71. — *Прим. ред.*

⁸ Абу Исхак аль-Фариси аль-Истахри (ок. 850—934 г.) — известный географ и путешественник; родился в Иране; посетил Среднюю Азию, Аравию, Сирию, Египет. Шамс ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммед аль-Мукаддаси (946—ок. 1000 г.) — арабский географ и путешественник. — *Прим. ред.*

Ирландский ученый Эдвард Покок⁹ взялся написать историю арабов насколько о ней можно было судить на основании литературных источников. И труд его под названием «*Specimen historiae Arabum*», вышедший в 1650 г., был до такой степени авторитетен, что в начале XIX в. С. де Саси¹⁰ позаботится о его переиздании.

Но ощущалась также и нужда в объективном историческом методе, базирующемся на использовании письменных источников—свидетелей прошедших веков; поэтому прочесть старались не только арабские письмена манускриптов, но и старые надписи на камнях начала эпохи ислама. Мы увидим, что в XVIII в. европейские ученые умели читать раннеарабские куфические тексты, которых не могли прочесть, например, образованные люди в Йемене.

Изучение подлинных документов прошлого признавалось в ту эпоху столь важным, что в 1663 г. в Париже наряду с Французской академией и Академией наук была основана и Академия надписей и словесности, до сих пор существующая в качестве составной части Французского института.

Наконец, требование научной объективности проявилось и в том, что касалось знаний о людях, странах и цивилизациях. Светлые умы XVIII в., известные тогда как «философы» и «энциклопедисты», были воодушевлены (в той мере, в какой им это позволяли заблуждения, вызванные крайней антирелигиозной полемикой, противоречащей идее взаимопонимания и терпимости, которую они сами же отстаивали) новым разумным интересом к нравам и всему, что касалось далеких народов. Терпимость же была залогом здорового понимания мировоззрения, отличающегося от их собственного.

Все ученые — географы и филологи, историки и философы, равно как и естествоиспытатели, ощущали нетерпеливое желание на месте изучить все, что таили в себе неизведанные земли.

Рождалась научная любознательность, способная толкнуть ученого на самые «безрассудные» действия. Отныне

---

⁹ Покок (или Пококиус) Эдвард (1604—1691). Основал в Оксфорде кафедру арабского языка и литературы. — *Прим. ред.*

¹⁰ Сильвестр де Саси Антуан (1758—1838) — выдающийся французский востоковед. Один из основателей научной арабистики. — *Прим. ред.*

она будет поставлять каждой эпохе своих героев, а иногда и мучеников.

Что касается непосредственно Аравии, то идея послать туда научную миссию принадлежит ученому-филологу Микаэлису из Гёттингенского университета. Он говорит об этом с министром датского короля Фредерика V. Королю так понравилось предложение, что он поручил осуществить его пятерым ученым, разработал для них инструкции и одновременно велел опубликовать список вопросов и проблем, предложенных М. Микаэлисом для выяснения. Иностранных ученых приглашали дополнить этот список их собственными вопросами; накануне отъезда миссия получила много таких дополнений, «среди которых самыми замечательными, — напишет позднее Нибур, — были вопросы Королевской Академии надписей и словесности во Франции». Вопросы, составленные англичанами, пришли только в Бомбей. Они касались филологии, географии, естественной истории, медицины, религии, общества, права и нравов.

Так в январе 1761 г. пять посланцев ученой Европы отправились в Йемен, вооруженные как собственной любознательностью в самых различных областях, так и знаниями уже приобретенными: рассказами путешественников (главным образом — ди Вартема и Ля Рока), арабским трудом Абу-ль-Фиды и картой д'Анвиля.

Глава II

КАРСТЕН НИБУР, ИЛИ ИДЕАЛ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК — ТРУД ГУМАНИСТА И УЧЕНОГО

29 октября 1762 г. члены научной экспедиции, посланной в Аравию королем Дании, высадились в маленьком порту Эль-Кунфида. Их было пятеро: профессор Фредерик Кристиан фон Хавен, специалист по восточным языкам; профессор Петер Форскал, швед по происхождению, ученик великого ботаника Линнея, ему были поручены наблюдения, касающиеся естественной истории; врач Кристиан Карл Крамер, он должен был заниматься наблюдениями в области зоологии; Георг Гийом Бауренфейд, художник, ему было поручено зарисовывать образцы, со-

бранные натуралистами, пейзажи, костюмы; и наконец, Карстен Нибур, инженер, который должен был заниматься всякого рода географическими измерениями. С ними был слуга, швед по происхождению.

Судьбе было угодно, чтобы из этих шести человек, покинувших корабль в октябрьский день 1762 г. и полных энтузиазма, в живых остался только один — Нибур.

Причина тому вовсе не какая-то драма, происшедшая с ними. По мнению Нибура, товарищи его погибли от страшного истощения сил, вызванного слишком большим их нетерпением увидеть страну. Даже жара не останавливала их, и они подвергали себя страшным перегрузкам. Кроме того, они не сочли необходимым приспособиться к образу жизни, характерному для жителей Йемена, и в маленьком своем обществе сохраняли европейские привычки: ели слишком много мяса, подолгу наслаждались вечерней прохладой, не остерегаясь воздействия колоссальной разницы в температурах дня и ночи, не обращали внимания на утреннюю росу, от которой берегутся арабы, накрываясь во время сна.

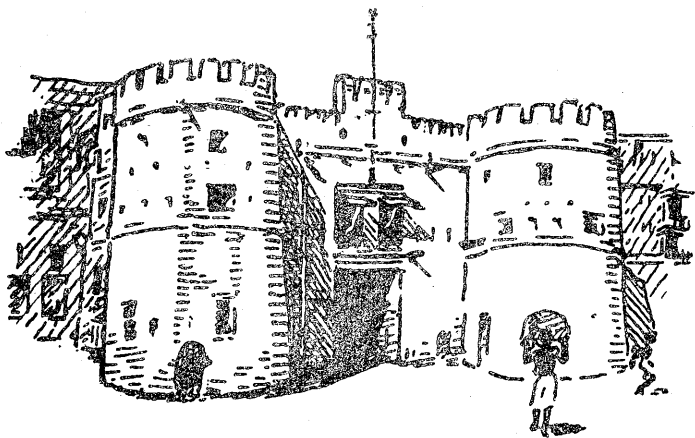
Здоровье Нибуру, как он сам считает, сохранило только то, что, оставшись один, он стал жить подобно людям Востока. Новый образ жизни способствовал уменьшению трудностей в общении с местными жителями. Этот урок заслуживает того, чтобы принять его во внимание, как, впрочем, и все поведение Нибура.

У него совершенно отсутствует чувство собственного превосходства или презрения к окружающим. Он умеет оказывать правителю Йемена почтительность, которую проявил бы по отношению к собственному монарху. Без сомнения, Ля Грелодьер и Барбье действовали точно так же. Однако Нибур идет еще дальше, и здесь заслуга его тем больше, что, по его собственному свидетельству, «население часто было причиной наших горестей». Прежде чем осуждать людей или на что бы то ни было обижаться, он использует всю свою проницательность, чтобы попытаться их понять. Так, он сразу же оговаривается: «По крайней мере, мы сочли себя вправе на это посетовать, так как не знали ни страны, ни людей, ее населяющих, не говоря уже о том, что даже и в Европе мы не всегда путешествуем с приятностью». И если где-то в караван-сараях их обокрали, а где-то таможенники вели себя как тираны, то разве нельзя то же самое встретить

и у нас? И он восстает против поспешного суждения своих соотечественников, воспринимавших всех арабов как жуликов. К тому же прекрасно подготовленный благодаря чтению д'Арвьё, Нибур понял, конечно, что «в Аравии есть воры, как и в любой населенной стране, но это самые цивилизованные воры в мире, ибо, в отличие от воров европейской Турции, которые убивают, прежде чем ограбить, шейхи крайне редко убивают тех, кого грабят, если, конечно, им не оказывают сопротивления и не ранят кого-нибудь из них. Они даже проявляют гостеприимство и услужливость в отношении тех, кого обирают, оставляя им немного продовольствия и старое платье; они доходят даже до того, что сопровождают их в дальнейшем путешествии, опасаясь, как бы они не погибли в пустыне». И Нибур добавляет: «...было бы ошибкой называть шайкой воров войска, во главе которых стоят великие шейхи, истинные властители пустыни. Они имеют право противостать тем, кто хочет силой проложить себе путь через их земли, и считают себя облеченными полномочиями требовать от проезжающих подарков, а также дорожной и других пошлин, точно так, как и другие народы, взимающие плату с путешественников и торговцев».

Нибур не встретил на своем пути никакой враждебности в отношении к европейцам. «Жители Йемена, — пишет он, — вежливы к иностранцам, и путешествовать там, по крайней мере в империи имама, можно с такой же свободой и безопасностью, как и в Европе». Но со своей стороны европейцы должны остерегаться обидеть туземца. Нетрудно снискать «дружбу жителей страны, передавая им свои знания, ибо арабы, в отличие от турок, не стыдятся чему-нибудь научиться у европейцев», однако путешественник «должен быть достаточно осторожным, чтобы не критиковать то, что ему не нравится... он не должен при этом пытаться завоевать расположение арабов лестью; они любят искренность и сами прекрасно знают, что у них есть недостатки, но столь же мало, как и другие народы, они желают, чтобы их за это высмеивали».

Говорит он и о «замечательном обычае, которого не найдешь, конечно, ни у какого европейского народа, помогать чужестранцу, стремящемуся говорить на их языке, и никогда не смеяться над ним, если даже объясняется он плохо».

Старые ворота в Ходейде

Наконец, Нибур предупреждает о том, что «не следует принимать путешествие в Аравию за увеселительную прогулку». Молодым людям, любящим жить в свое удовольствие, любящим изысканную пищу и общество женщин, «не следует отправляться в Аравию»; надо знать, что если многие арабы и едят изысканную пищу, то вам, может быть, придется довольствоваться караван-сараями, где каждый сам готовит себе еду, придется «носить за собой свою постель и кухонную утварь и вследствие этого иметь многочисленные расходы, чтобы жить так же удобно, как живут обитатели страны». И наконец, «посещение женщин абсолютно запрещено».

Отношение Нибура к жителям далекой страны, какими бы странными они ни казались, представляется нам одним из лучших проявлений гуманизма XVIII в. Руссо с таким усердием пытался понять «дикарей», что кончил их восхвалением, а Монтескье бичевал своим остроумием ограниченность людей, способных воскликнуть: «Ну разве можно быть персом!» Они поняли, что нравы — это как раз то, что главным образом и различает людей, что стоит лишь как следует понять нравы, как в каждом увидишь человека, у которого есть свои достоинства, свои недостатки и, быть может, свои заблуждения, но у которого прежде всего есть честь и человеческое достоинство, за что он заслуживает безусловного уважения.

Это не то же самое, что наше сегодняшнее «братство», в утверждении которого явственно слышится «любовь», а иногда и ее противоположность — «ненависть». Это — покоящаяся на ясности и трезвости ума убежденность в том, что каждый человек имеет человеческую ценность и наделен человеческим достоинством, надо лишь уметь распознать в нем и то и другое. Именно так и делает Нибур.

Опыт покажет, что подобная позиция обеспечивала в то же время и наилучшие результаты при достижении поставленной цели — сборе информации.

Сначала все пятеро ученых усердно занялись этим вместе. Из Эль-Кунфиды они отправились в Лохейю, пытаясь себя уверить, что движутся в направлении к Индии, но, подобно детям, отлынивающим от обязательного посещения занятий, долго бродили по окрестным местам. Прежде всего они посетили большую кофейную ярмарку в Бейт-эль-Факихе. Затем, видя, что их путешествие проходит без всяких трудностей, рискнули разделить и пошли каждый в свою сторону. Форскал в поисках растений направился к горным отрогам; Нибур решил обследовать прибрежный район — низменную и знойную Тихаму. Другие продвинулись в горы вплоть до Таизза и Забида. С наступлением жаркого сезона они вновь встретились в Бейт-эль-Факихе, а затем вернулись в Моху.

Там у них возникли серьезные осложнения с таможенней. Роясь в их вещах, таможенники нашли сосуды с заспиртованными змеями и не замедлили обвинить путешественников в намерении опьянить и отравить людей. Пришедший в ярость наместник поклялся тотчас же изгнать их из страны. Багаж был задержан в таможне; те вещи, которые находились у них на квартире, книги и бумаги, были выброшены на улицу. Возможности найти другое жилье не было никакой. К счастью, в конце концов их приютил какой-то горожанин, а один английский купец предложил свою помощь. Что касается наместника, то к нему вскоре вернулось хорошее расположение духа — сразу же после того, как доктор Крамер успешно вылечил ему ногу.

Однако здоровье всех шести членов экспедиции было подорвано тяжелым климатом низинных районов. Первым умер фон Хавен. Тогда остальные решили отправиться из Мохи в Таизз, где был более здоровый, горный климат.

Встречая в этих районах отношение гораздо менее приветливое, чем в портах, где люди уже привыкли видеть иностранцев, они собрались было уже вернуться в Моху, но в этот момент получили приглашение имама посетить его столицу и двинулись по направлению к Сане.

Едва пройдя половину пути, они вынуждены были остановиться в Яриме, так как очень плохо почувствовал себя Форскал. Несколько дней спустя ботаник умер. Маленький отряд продолжал путь через Дамар и Хадафу до самой Саны, куда он прибыл 16 июля.

Имам принял их так же сердечно, как его предшественник принимал французов. Они могли осмотреть все, что хотели, и особенно интересовались многочисленной еврейской колонией в этом городе.

Но, чувствуя себя совершенно изнуренными, они через десять дней двинулись в обратный путь в Моху, минуя Бейт-эль-Факих и Забид. Один английский купец согласился взять их на свое судно, идущее в Индию. Во время путешествия умер Бауренфейд и слуга, а вскоре после прибытия — и Крамер. Нибур остался один.

Чтобы выполнить до конца свою миссию, он решил вернуться в Аравию, но на этот раз — в Оман. Он высадился в Маскате в январе 1765 г. В этой провинции Нибур не задержался и, следуя советам, полученным от короля, возвратился через Иран, Месопотамию, Кипр и Малую Азию.

Описание его путешествий было опубликовано по-немецки в 1772 г., по-французски — в следующем году, но так как это издание было признано несовершенным, в 1779 г. появилось новое, пересмотренное и исправленное. Английский перевод вышел в 1792 г., затем в 1837 г. вышел окончательный вариант немецкого издания. Заметки Форскала о флоре и фауне были изданы Нибуrom отдельно в 1775 г.

Нибур находился в Аравии вместо предусмотренных двух-трех лет только двенадцать месяцев. Сам он осмотрел лишь очень незначительную часть полуострова, более того, ту самую часть, которая лучше всего была известна европейцам, то есть Аравию «Кофейную» — от Мохи до Саны.

Тем не менее путешествие это, одно из наименее сенсационных, чрезвычайно умножило наши знания об Ара-

вии, и не только с точки зрения их количества, но и с точки зрения их значимости. Уже из этого можно сделать вывод о действенности метода Нибура.

Взглянуть и пройти мимо — этого мало; польза от увиденного извлекается лишь тогда, когда смотришь, задавая вопросы, и осознаешь, какой интерес может все это представлять с той или иной точки зрения. А, как мы помним, наши ученые отправились в путь, вооруженные вопросами короля и академиков; и ничто иное не могло бы помочь им больше в их наблюдениях. И если собранные сведения охватывают такой большой круг вопросов, начиная с некоторых разъяснений относительно тех или иных мест Библии и древнееврейских терминов и кончая случкой верблюдов; если они содержат массу полезных сведений о ветрах пустыни, саранче, болезнях, праве и т. д., причиной тому является интерес ко всем этим вещам, пробужденный поставленными перед путешественниками вопросами. Чтобы удовлетворить столь жадное любопытство, нужно было не только собрать различные сведения, но и сделать так, чтобы они были возможно более точными. И Нибур прекрасно это понимал.

Он путешествовал на осле, одетый на турецкий манер — в тюрбане, в тунике без рукавов поверх льняной рубахи, в туфлях без задников, — и ничем не отличался от сотен других таких же всадников. Кусок ковра служил ему седлом, а в случае необходимости — столом и кроватью. Плащ, которым он укрывался ночью, дорожная фляга с водой, измерительные инструменты: компас, часы, квадрант, сделанный для него одним гёттингенским профессором, и подзорная труба для наблюдений за звездами — вот и все его имущество, не считая нескольких книг и документов. Он привык обходиться без всякого комфорта и употреблять в пищу плохой хлеб.

Не привлекая в таком виде ничьего внимания, Нибур не искал встреч с именитыми людьми. Он установил, что люди эти зачастую не очень много знают и, во всяком случае, не дают себе труда поделиться своими знаниями с иностранцем. Нибур достаточно хорошо изъяснялся по-арабски, так как начал изучать этот язык еще до путешествия, а приехав, договорился с одним маронитом, знавшим итальянский язык, чтобы тот учил его разговорной речи. Таким образом, он пытался завести знакомство с купцами и учеными и вообще с людьми самыми разно-

образными, будь то еврей, бедуин, вероотступник-европеец — неважно кто, лишь бы он был в состоянии отвечать на вопросы. Вопросы же были у него припасены на все случаи жизни, и каждый встречный, следовательно, мог быть ему в чем-либо полезен. Раввина он расспрашивал о древнееврейских словах, арабского ученого — о мусульманском законодательстве и традиционной астрономии, любого встречного — о местности, обычаях и обо всем на свете. Он сумел извлечь огромную пользу даже из знаний, полученных от одного отступника из Голландии, который увлекался историей царствовавших в то время государей и целые годы посвятил се восстановлению.

Нибур не умел просто расспрашивать — все полученные сведения он пропускал сквозь призму блистательно-го критического ума. Насколько это было возможно, он ставил одни и те же вопросы многим людям и мог таким образом контролировать ответы и судить о том, какие из них лучше. Когда он не мог добиться достаточных гарантий правдивости какого-либо утверждения, он оставлял его в том виде, в котором услышал, но предупреждал читателя, что предоставляет ему самому делать выводы и выносить суждения о прочитанном. Естественно, что собранные таким образом сведения превосходны.

Чтение «Описания Аравии» дает уйму знаний об арабах, социальных классах, родословных и знати; о религии, оттенках верований, разделяющих мусульман на секты (ортодоксов суннитов, шиитов и зейдитов); о мести, карающейся законом, и о легальном существовании кровной мести — причинах стольких войн между племенами; о пище, жилье, обычае принимать и приветствовать друг друга, есть и одеваться; о свадьбе, кастрации, обрезании; о поэтах и ораторах, так почитаемых арабами, о мусульманских школах и университетах; о принятой хронологии, об астрономии и оккультных науках; о необычайных религиозных обрядах дервишей; о медицине и болезнях. Используя заметки своих спутников, Нибур говорит о продуктах и хозяйстве Аравии: металлах, драгоценных камнях; о деревьях и растениях; о сельском хозяйстве и животных.

Так как ему показывали множество арабских рукописей, он позаботился о том, чтобы сказать о различных стилях каллиграфии, и даже составил сравнительную таблицу начертаний. Он заметил и тщательно воспроиз-

вел факсимиле всех виденных им куфических надписей на камнях, а также и всех надписей на монетах.

Однако в центре его внимания оставалась география. Конечно, Нибур не мог дать карту всей Аравии, потому что он прошел со своими измерительными инструментами лишь весьма незначительную ее часть. Но для каждого из пройденных им районов он составил отдельные карты, существенно дополнявшие прежние (правда, все неточности карты д'Анвила не были им исправлены).

В тех случаях, когда Нибур не мог нанести на карту какие-то районы полуострова, он не упускал возможности приобрести хоть какие-нибудь знания об их характере и первым представил европейским читателям описание этих районов.

Более всего, бесспорно, он был знаком с Йеменом. Нибур описывает как богатые, так и бедные его области, его города, ярмарки, крепости и деревушки. Четыре города дают нам представление о цивилизации Йемена. Это Сана, воспетая поэтами как «город»; Таизз, фигурирующий в стихах как «сад» вследствие соседства с горой Сабер, склоны которой на высоте 2—3 тыс. м покрыты самой пышной растительностью во всей Аравии; Забид, называемый обычно «школой», так как там находился мусульманский университет, и, наконец, Дамар, получивший название «конь», ибо там разводили самых лучших йеменских лошадей знаменитой арабской породы.

О чем Нибур впервые дал представление, так это о политической карте Йемена, являвшего собой в то время настоящую мозаику из независимых княжеств. Собственными землями обладал, конечно, и имам, резиденция которого находилась в Сане, но его владения не превышали 48 лье в длину и 20 — в ширину. Кроме столицы в них входили порты Красного моря и часть прибрежного района — Тихамы. На юге же мы видим район Адена с независимым шейхом во главе.

На северо-западе находились земли Абу-Ариш, управляемые шерифом, а выше, к Хиджазу, простирался обширный район, населенный бедуинами.

На северо-востоке лежала область Хашид-и-Бакиль, представлявшая собой союз племен, управляемых шейхами, к северу от нее — независимая область Наджран. Наконец, на востоке мы находим большую провинцию Джоф; расположенный в этой провинции город Мариб

имел своего шерифа, но зато в деревнях и в пустыне правили независимые шейхи.

Между этими территориями вклинивались меньшие по размеру области: Исхм, Хаулан, Яфа, где правили один или сразу несколько шейхов, а также — Каукабан во главе с сейидом. Эта последняя область оставалась независимой даже во времена турецкого ига, а ее правитель носил титул имама¹². Однако Нибур рассказывает нам, как один из предков санского имама, прогнав турок, установил свою власть на большей части территории Йемена и низвел имама Каукабана до ранга сейида.

Нибур отмечает особенности каждой из провинций. Так, Хашид-и-Бакиль населена необычайно воинственным племенем, поставляющим воинов в войско санского имама. Происхождение этого племени восходит к романтическому союзу вифинийской княжны с юношей, которого она полюбила вопреки воле своего несговорчивого отца. «Боюсь, однако, — пишет Нибур, — что вся эта история — не более чем басня, придуманная для развлечения посетителей кафе». Действительно, роман этот должен был бы иметь место в самые отдаленные времена, ибо племя хашид-и-бакиль упоминается уже в известных нам ныне древних надписях.

Район Джоф — обширная равнина, простирающаяся между областью Хашид-и-Бакиль на севере и Хадрамаутом на юго-востоке, граничащая с районом Саны, где песчаные пустыни чередуются с возделанными землями.

---

¹² И м а м — вообще лицо, возглавляющее молитвенное собрание мусульман; уже в раннее время становления государственности в халифате титул «имам» был присвоен халифам как главам религиозной общины — государства.

В Йемене, где правители возводили свою родословную к Мухамеду, звание имама характеризовало как раз этот теократический характер власти на подвластной им территории, в то время как халифом (и соответственно имамом) всех мусульман в описываемый в книге период формально считался турецкий султан.

С е й и д — букв. «господин»; ш е р и ф — досл. «благородный, знатный». В Йемене оба последних титула имели совершенно определенное значение в теократической иерархии управления; так, сейидом считалось лицо, ведшее свое происхождение от внука пророка Хусейна, а шерифом называли того, кто считал себя потомком Хасана. С другой стороны, титул, основанный на приведенной родословной, давал право на наследственное замещение определенных административных должностей. И сейиды и шерифы являлись самой высокой знатью страны. — *Прил. ред.*

На северо-востоке к ней подходит Большая пустыня. Главный город района — Мариб, «состоящий не более чем из трех сотен убогих домов». Далее Нибур добавляет: «Считают, что там находятся развалины дворца царицы Билкыс, то есть царицы Савской, но нет ни одной надписи, подтверждающей это; таким образом, они едва ли стоят труда быть увиденными». Как он ошибался!

Ему также говорили об огромной плотине сабейцев, которая некогда перегораживала речной поток и образовывала резервуар для орошения всей равнины. «Стена имела от 40 до 50 футов в высоту, построена она была из камней чрезвычайно большого размера, развалины ее еще можно видеть с обеих сторон. Но она больше не задерживает воду, которая течет в долину... Таким образом, — заключает он, — нет ничего чудесного в большом резервуаре близ Мариба».

Здесь Нибур, проявлявший интерес к стольким разнообразным вещам, проходит мимо потрясающего открытия, не заметив его важности. Насколько справедливо суждение о том, что само по себе наблюдение какого-либо факта ничему не служит, если наблюдающий не понимает, какой интерес представляет этот факт, и не знает, какую пользу можно из него извлечь! Однако в данном случае не сам Нибур, а весь его век не знал еще, какую пользу может принести изучение развалин древних сооружений для познания их истории. Археология еще не родилась. Внимание тогда уделяли лишь надписям, прочесть их стремились с единственной целью — иметь новый письменный источник. Поэтому развалины без надписей, плотина, которая не может даже задержать воду, — все это были вещи, мало значимые для Нибура. Нужно было пройти целому веку, чтобы ученые изменили свое мнение и решились отправиться в Йемен с целью — увидеть и изучить развалины старой плотины.

Об остальной части Аравии Нибур дает правильное представление. В частности — о Хадрамауте с его независимыми племенами бедуинов, его городами, благоволиями, торговлей (значительно сократившейся с тех пор, как европейцы сами занялись перевозкой товаров с Востока).

В Омане он видел только Маскат, но ему известно, что склоны гор там изобилуют всеми видами фруктов, что оттуда экспортируют большое количество фиников,

что рыбы там в море — видимо-невидимо. Нибур рассказывает историю правящих имамов, говорит о превратностях судьбы этой страны, которую завоевали персы, воспользовавшись междоусобицами соперничавших князей, а потом освободил мужественный и бесстрашный герой.

В Персидском заливе Нибур знакомит нас с голландцами, сообщая историю их водворения на острове Харк, дерзко соседствующем с персидским берегом, и историю их борьбы против Ирана, решившего изгнать голландцев с этого острова. Вдоль всего арабского берега живут одни независимые племена, «и нет среди них ни одного, которое жило бы в мире с другими».

Остров Бахрейн, который насчитывал, как говорят, 365 городов и деревень, имеет лишь один укрепленный город и 40—50 деревень. Известность ему приносит добыча жемчуга (известно, что сегодня он знаменит своим «черным золотом»). Оттуда Нибур отправляется, наконец, в Хиджаз, прибрежную область Красного моря и область священных городов — Мекки и Медины.

Относительно этих городов он не сообщает никаких новых (по сравнению с ди Вартема) данных, хотя собранных сведений ему вполне было достаточно, чтобы дать читателю сносное описание мекканского храма.

Что касается Центральной Аравии, то это преимущественно страна кочующих бедуинов. Там не протекает ни одной реки и воду можно найти только в колодцах. Лучшую часть этой территории занимает Неджд, где есть горы, города и деревни и где правят местные шейхи. В числе городов Нибур называет Дерийю, расположенную в районе Вали-Ханифа, и Айяну; город этот (о чем Нибур не знал)¹³ был местом рождения (в 1703/04 г.) Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, сына кади (религиозный судья и ученый) этого города. Ибн Абд аль-Ваххаб был не кем иным, как основателем ваххабизма. Он был еще жив, когда Нибур путешествовал в районе Персидского залива, намереваясь собрать информацию о религиозном движении, которое ляжет в основу создания нынешнего Саудовского государства.

В самом деле, Дерийя была городом, где правил тог-

---

¹³ Сведения взяты нами из написанной по арабским источникам книги Филби (H. St. I. Philby, Saudi Arabia, London, 1955, стр. 33—39).

да Мухаммед ибн Сауд, который после своего обращения в реформатскую веру, проповедуемую Мухаммедом ибн Абд аль-Ваххабом (он укрывался в этих землях), торжественно присоединился к пророку и поклялся поддерживать его учение огнем и мечом.

В 1745 г. сын Абд аль-Ваххаба пообещал сыну Сауда завоевать Аравию в обмен на обещание последнего всю свою власть и оружие поставить на службу ваххабитам.

Когда Нибур проезжал по Месопотамии, 20 лет уже минуло с тех пор, как пророк и шейх Дерийи воевали с целью привести соседние города и бедуинские племена к повиновению Ибн Сауду и сделать их сторонниками религиозной реформы Ибн Абд аль-Ваххаба.

Именно по главе, посвященной Неджду, может быть, лучше всего оценят в будущем прозорливость Нибура и правильность собранных им сведений. Он не ограничивался тем, что показал плачевное состояние священных городов, вызвавшее негодование Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба и побудившее его к проведению реформы. Шериф Мекки, говорит Нибур, не что иное теперь, как временный владыка: мусульмане едва ли видят в нем правоверного суннита. Он извлекает из паломничества значительные доходы. Для законных претендентов на управление городом (т. е. для какой-то ветви потомков Мухаммеда, происшедших от Хасана, сына Али, зятя пророка), число которых достигало трех сотен, власть была предметом бесконечных распрей. Эти враждующие князья не опасались больше вопреки предписаниям Корана разжигать войну даже в пределах священных мест.

Нибур сумел также понять самую суть учения реформаторов, хотя сведения, которые он собрал, большей частью были, безусловно, тенденциозными. «Сунниты — их враги, и, как это обычно бывает, они пытаются представить религию ваххабитов с дурной, отвратительной стороны; либо внушить посторонним, что между старым и новым учением нет существенной разницы... Один шейх, который в дни своей молодости прошел всю пустыню, отдавая верблюдов внаем торговцам, считал, что он лучше других информирован относительно этой новой веры. Шейх говорил, что Ибн Абд аль-Ваххаб учил своих учеников, будто только бога должно призывать, только ему поклоняться, как создателю и владыке всего сущего; будто бы он запрещал упоминать в молитвах имя Мухаммеда

или какого-либо другого святого или пророка, а также свое собственное имя, ибо это могло привести к идолопоклонству; будто он считал Мухаммеда, Иисуса Христа, Моисея и множество других, кого сунниты возводят в ранг пророков, великими и уважаемыми людьми, читать и слушать о поступках которых не будет грехом, но что он не верил, будто книга была написана по божественному внушению или архангелом Гавриилом» (под книгой подразумевается Коран, который, по мнению правоверных мусульман, был создан именно так).

Хотя Мухаммед ибн Сауд покори́л уже многих шейхов и заставил их принять ваххабитскую реформу, Нибур не обнаруживает особого знакомства с саудовским государем; для Нибура (и, возможно, эта точка зрения более всего соответствует фактам) «маленькие государства на самом деле все еще управляются шейхами и номинально и формально. Истинным же правителем является сын Абд аль-Ваххаба Мухаммед. Он требует от всех своих подданных определенной дани, называемой закят, или помощи на содержание бедных и для поддержки своей религии против тех, кого он называет неверными».

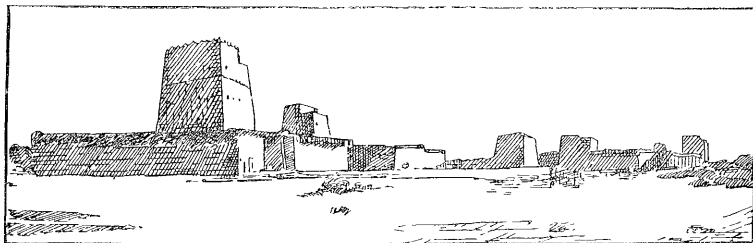
Нибур сообщает о войнах между армиями, принявшими ваххабизм, и соседними князьями, выступившими против расширения завоеваний вследствие собственной их приверженности к ортодоксальной религии, а также из продиктованного политикой страха перед новой державой. При этом он дает верное представление о непосредственной реакции населения: «Сунниты, которые оказываются столь упрямы, что не желают отказаться от религии своих предков, в такой степени притесняются Мухаммедом ибн Абд аль-Ваххабом и членами его секты, что многие из суннитов покидают родину, чтобы искать в других краях свободы и безопасности. В городе Зобейре, который построен на том месте, где стояла древняя Басра, некогда было очень мало домов; но за несколько последних лет этот город значительно вырос за счет беженцев». Одна из заслуг Нибура, и немалая, состоит в том, что еще при зарождении ваххабизма он предвидел всю серьезность последствий, которые может вызвать это религиозное движение, и дал об этом Европе реальное представление, пропустив все увиденное и услышанное через фильтр собственного суждения, точного и беспристрастного.

В свое время, когда Французская академия получит от отправляющегося в Египет Наполеона поручение организовать и послать вместе с ним экспедицию ученых, труд Нибура послужит ей эталоном для выполнения этого поручения. Но эталоном станет не только книга Нибура. Ему самому удалось занять такую позицию во взаимоотношениях с арабами, избрать такую линию поведения, которые и поныне могут научить многому.

По своему складу, по точности топографических съемок, осуществляемых с помощью привезенных им инструментов, Нибур, бесспорно, был ученым. Но ученый этот оказался брошенным в такие условия жизни и научных исследований, которые не имели ничего общего с нормальным образом жизни датского дворянина или с обычной работой инженера. Приспособление к этим условиям было настолько трудным, что пятеро его спутников отдали за это свои жизни.

Но другого пути не было. Нибур остался единственным хранителем вопросов, которые подготовили для него его король и европейские академии и в которых заключена была вся сумма их научного любопытства в отношении Аравии. Нужно было, чтобы он выжил и выполнил свою миссию. И он сумел понять, что необходимо приспособиться, выработать особый образ жизни и стиль исследования. Он стал образцом, который остается идеальным до сих пор.

Нибур, маленький турецкий торговец, путешествующий на осле, избегающий знатных и ищущий компании всех остальных, вежливый, умеющий уважать человека в арабе, как и во всяком другом, охотно делящийся своими знаниями и, наконец, преследующий единственную цель, всеми своими силами стремящийся к одному: спрашивать, собирать факты, сортировать, взвешивать, проверять собранную информацию, чтобы получить сведения точные и устойчивые, насколько это только возможно, — не воплотил ли в себе этот Нибур первым и лучше, чем кто-либо другой, идеал «репортера»? То, что он хотел сделать, и то, что он осуществил, разве это не репортаж? Но своим примером он доказал, что призвание репортера требует многих качеств, тренировки и, наконец, оно немислимо без жажды знаний, но знаний точных, с помощью которых можно значительно пополнить уже имеющиеся сведения.

Часть четвертая

АРАВИЯ ПУСТЫННАЯ И АРАВИЯ ПЕТРЕЙСКАЯ

Глава I

АЛИ-БЕЙ В МЕККЕ И ПЕРВЫЕ ВАХХАБИТЫ

После Нибура современная Южная Аравия стала страной знакомой, во всяком случае в значительно большей степени знакомой, чем Центральная Аравия, которую не прошел еще ни один европеец.

Именно на Центральной Аравии будет сконцентрирован интерес жителей стран Запада в течение почти всей первой половины XIX в.

У этого любопытства в отношении Центральной Аравии были и объективные причины: там появилась на свет держава — государство ваххабитских правителей, потомков Сауда, которая не прекращала оказывать влияние на самое сердце Аравийского полуострова. А с тех пор как наполеоновская кампания в Египте открыла Западу политическую важность Ближнего Востока, Аравия перестала быть незаметной пешкой на шахматной доске мира политики. Ваххабитское государство грозило нарушить существовавшее равновесие, и Наполеону, с одной стороны, туркам — с другой — было совсем не безразлично, что там происходит.

До сих пор власть шейхов Неджда и Джофа не выходила за пределы господства над одним маленьким городом с оседлым шасслением или над одним племенем;

борясь друг с другом, шейхи поддерживали политическое равновесие, при котором сила каждого была нейтрализована. В этих условиях никакая опасность не грозила соседним государствам: турки сохраняли контроль над дорогой, по которой шли паломники из Дамаска в Мекку, а шериф священного города был у них в подчинении.

Но всесокрушающий союз ваххабитского пророка с саудовским правителем, как прекрасно заметил уже Нибур, положил конец этому стабильному равновесию.

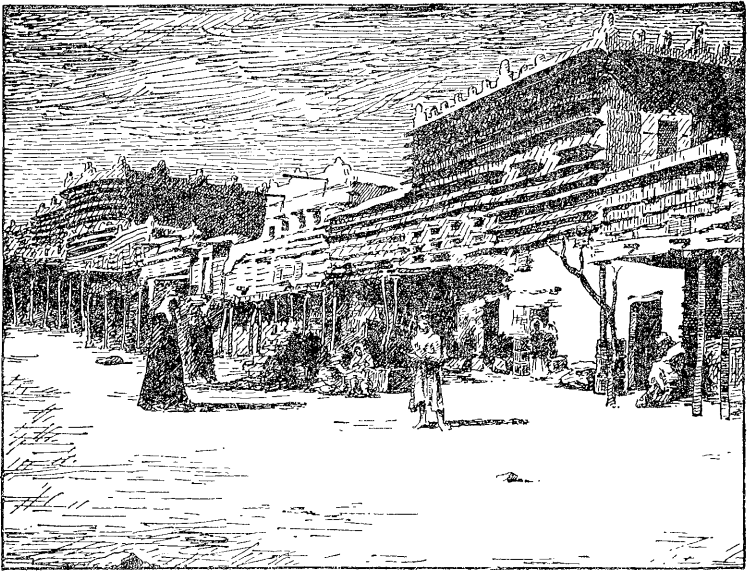
Благодаря Филби, снабдившему Запад историей ваххабитов, такой, какую она выглядит в их собственном изложении, мы можем сегодня год за годом проследить последовательность походов против маленьких городов Неджда и кочевых племен, которые снаряжал сначала Мухаммед ибн Сауд, а потом его сын Абд аль-Азиз. Набеги, осады, казни упорствующих, карательные экспедиции против восставших кончились тем, что сопротивление всей страны было сломлено. На деле объективное изложение всех этих фактов в конце концов вызывает у читателя чувство ужаса — и король и реформатор убеждают в правильности нового учения при помощи меча. Каждый город, доведенный до капитуляции осадой и голодом, принимает ваххабитского проповедника и наместника. Если же, собрав достаточно сил для того, чтобы вернуть себе независимость, горожане убивают проповедника и восстают, их ждет страшное возмездие.

В продолжение всех этих лет войны сильно сократилось население, и зрелище ваххабитских армий, рубящих пальмы и уничтожающих посевы (в стране, где оазис — это все!) с целью доказать силу своей власти, повсюду вызывает содрогание.

Во всяком случае, к 1800 г. весь Неджд оказался обращенным в ваххабизм и подчиненным Абд аль-Азизу, сын которого Сауд возглавлял военные кампании. До этого времени его победы оставались внутренним делом страны и никого за пределами Центральной Аравии не занимали.

Между тем ваххабиты продвинулись уже до Персидского залива; вблизи от Кувейта они дали бой английскому судну.

Бой этот стал причиной отправки английским резидентом в Басре гонца к саудовскому эмиру с предложением о примирении. Таким образом, из Катифа в Дерийю,

Дома в Абхе

столицу Абд аль-Азиза, следуя через Хуфуф, отправился в 1799 г. некий Рейно. Он пробыл там неделю. Единственным опубликованным им документом, относящимся к этому путешествию, было письмо, датированное 1805 г. Его удивило, что город оказался таким маленьким, хотя и прекрасно расположенным, удивила простота образа жизни эмира, контрастирующая с огромным его могуществом.

Но в 1801—1802 гг. Сауд властно привлек к себе внимание турок и всего мира, внезапно атаковав Кербелу (на границе с Ираком). В этом священном для мусульман-шиитов городе в роскошном храме, полном сокровищ из Турции и Персии, находилась могила внука Мухаммеда — Хусейна. Для ваххабизма же символы веры — не что иное, как ересь. Ничто не должно быть почитаемо на земле, будь то сам Мухаммед, чтобы не лишить бога хотя бы самой малой доли поклонения, целиком предназначенного лишь ему одному.

Поэтому после недолгой осады город был взят штур-

мом; мужчины и мальчишки независимо от возраста были перебиты захватчиками на улицах или у себя дома при участии одного из реформатских мудрецов, поощрявшего их с высоты городской башни. Могила Хусейна была разрушена, украшавшие ее драгоценности унесены как трофеи и разделены между воинами, равно как и все другие ценности, награбленные в городе.

Не только Турция и Персия, исповедовавшие шиизм, но и весь цивилизованный мир были исполнены негодования и ужаса, в то время как Сауд, гордый своими религиозными успехами и бесценной добычей, возвращался в Дерию.

Вскоре он дал миру новый повод для беспокойства, на этот раз — на противоположной границе своих владений. Один вождь, перешедший из-под власти шерифа Мекки к саудовскому эмиру, присоединил к его землям ряд новых территорий, расположенных по направлению к Мекке, после того как шериф Мекки, обороняясь от захватчика, потерпел поражение.

Чтобы овладеть священным городом, Сауд решил прежде всего помешать прибытию каравана паломников из Дамаска, сопровождаемого турецкими солдатами, что и было сделано. Паломникам пришлось вернуться. Испуганный шериф бежал в Джидду вместе с оружием и багажом, а Сауд, исполняя обряды паломничества, во главе своих войск вошел в Мекку, объявив всеобщую амнистию и раздав обязательную милостыню. Мекка стала вахабитской.

Турецкий халиф тотчас усмотрел в этом посягательство на свою религиозную и светскую власть. Запад же имел все основания опасаться потрясений на Ближнем Востоке, которые не замедлили бы сказаться и на положении в Европе.

В этих условиях в январе 1807 г. в Джидду прибыл весьма знатный паломник в сопровождении многочисленных слуг, которые расстелили в мечети молитвенный коврик их господина рядом с ковром имама. То был один из потомков Аббасидов, Али-бей аль-Аббаси, собственной персоной.

Никогда ни одному арабу не пришло бы в голову усомниться в том, что перед ним — мусульманин из знатного рода, погруженный в изучение западных наук и владеющий многими европейскими языками: достаточно

хорошо, как он сам сказал шерифу, — французским, но главным образом — испанским и итальянским. Даже склонный ко всякого рода подозрениям шериф счел его арабский язык не вызывающим никаких сомнений, и местный «отравитель», очаровательный молодой араб, исполнявший функции «хозяина колодцев Земзема» и в качестве такового предлагавший святую воду знатым паломникам, не получил приказа отправить Али-бея на тот свет. Кстати, на этот случай у Али-бея была припасена щепотка рвотного порошка.

В действительности путешественника звали Доминго Бадиа-и-Леблих, он был испанцем и в 1803 г. выехал из Кадиса; предварительно он был принят некоторыми знатыми особами Парижа и Лондона. Он совершил уже путешествие из Марокко в Александрию, куда приехал в 1806 г. и где встретился с Шатобрианом.

Полагали и говорили, что Али-бей был на самом деле шпионом Наполеона. Возможно, что император пожелал узнать об отношении мусульман Ближнего Востока к ваххабизму и думал использовать это движение для осуществления своих проектов на Востоке.

Говорили также, что Али-бей был агентом французского адмиралтейства, посланным якобы изучать Красное море. Узнаем ли мы когда-нибудь наверняка, кем он был на самом деле? Ученым — во всяком случае; у него были весьма совершенные измерительные приборы: гигрометр, секстант, телескоп и т. д.

Али-бей обогатил географическую науку точными данными, отметив с помощью астрономических наблюдений широты различных пунктов в Красном море, где он побывал: Янбо, Джидды и других, а также приблизительную широту Медины, где он не был, и точную широту Мекки. Впервые была измерена широта пункта, расположенного во внутренней части полуострова. Он описал с точки зрения геологии горы между Янбо и Мединой, то сланцеватые, то из вулканических пород. Кроме того, он собирал растения и насекомых. Мы увидим, что, к несчастью, он вынужден был в опасной ситуации уничтожить свою коллекцию насекомых, дабы не возбудить на свой счет подозрений.

Рассказ о своих путешествиях Али-бей опубликовал в 1814 г. в Париже и в 1816 г. — в Лондоне.

В 1818 г. он внезапно умер в 120 милях от Дамаска,

откуда направлялся в Мекку. Была ли это дизентерия? Или яд, предназначенный ему Англией как французскому агенту? Уж этого-то мы, конечно, никогда не узнаем.

Последняя тайна: был ли он на самом деле таким убежденным приверженцем ислама, как сам об этом заявлял? Говорят, что после его смерти у него под одеждой нашли крестик. Значит, он остался христианином. Но как проверить это предположение?

Вообще говоря, хотя Али-бей предстает перед нами в собственном его рассказе как благочестивый мусульманин, уважающий все обряды и верования, по некоторым штрихам можно все-таки заподозрить, что благочестивость эта была притворной. Так, будучи человеком дотошным и ученым, он замечает, что прежний уровень земли вокруг Каабы должен был соответствовать уровню внутренней комнаты, куда теперь добираются по веревочной лестнице, которую перед дверью сворачивают. Храм некогда должен был бы располагаться на одном уровне с порогом двери: «Следовало бы предположить, что черный камень помещался тогда в другом месте, не там, где он находится сейчас, ибо он почти на два фута ниже уровня двери. Неверный сказал бы, что, возможно, его (камня) и не существовало вовсе или что он находился под землей. Что касается меня, то подобная мысль об этом драгоценном божественном знаке не могла бы прийти мне в голову».

Или еще пример: дав точные размеры черного камня, он добавляет: «Мы полагаем, что этот чудесный камень есть прозрачный яхонт, принесенный с небес Аврааму архангелом Гавриилом как божественный знак. Когда же коснулась его рука нечистой женщины, камень стал черным и непрозрачным. С точки зрения минералогии это глыба вулканического базальта, усеянная на срезе маленькими черепично-красного цвета кристалликами полевого шпата в виде точек, чешуек и ромбиков. Цвет самого базальта — черный, очень густой, как у бархата или угля, за исключением одной выпуклости, тоже слегка окрашенной красным».

И наконец, его анализ воды различных колодцев Мекки: «Я изучил каждый колодец в отдельности. Все они одинаковой глубины; вода, которую оттуда извлекают, имеет такую же температуру, такой же вкус и ту же прозрачность, что и вода Земзема. На соседних с хра-

мом улицах расположены четыре общественных колодца, абсолютно ничем не отличающихся один от другого; такие же колодцы находим мы и в самых отдаленных уголках города. Я убедился, внимательно изучив глубину колодцев, качество, температуру и вкус воды, что вода эта поступает из одного и того же водоносного пласта, расположенного на уровне пятидесяти пяти футов ниже поверхности земли и возникшего в результате просачивания дождевых вод. Солоноватый привкус, который приобретает вода, следует отнести за счет разложения селенита, имеющегося в почве; отсюда с очевидностью проистекает, что хотя все эти колодцы имеют одинаковое происхождение и питаются из того же источника, что и колодец Земзем, они, однако, не обладают свойством вызывать божественную милость и благословение, коим обладает чудодейственный колодец... Да будет славен господь...»

Однако Али-бей взял все же на себя заботу лично поведать нам о сущности мусульманской религии, описывая эпизод восхождения на гору Арафат, обязательного для паломников: «Некоторые богословы полагают, что в случае, если дом господень когда-нибудь перестанет существовать, паломничество на гору Арафат сочтется такой же заслугой, как если бы вы сделали семь кругов вокруг Каабы: *таково и мое мнение* ¹.

Только на горе Арафат можно составить себе представление о том величественном зрелище, которое являет собой паломничество у мусульман: это бесчисленная толпа людей всех национальностей и цвета кожи, пришедших с разных концов земли, прошедших через тысячи опасностей и преодолевших страшную усталость ради того, чтобы вместе вознести хвалу общему господу, данному им природой; это — обитатель Кавказа, протягивающий дружественную руку эфиопу или негру из Гвинеи; это — индеец и перс, братающиеся с бербером и марокканцем. Все они относятся друг к другу как братья или как члены одной семьи, ибо объединены узами религии и говорят или, по крайней мере, кое-как понимают один и тот же язык — священный язык аравийской земли. Нет, ни один культ не дает чувствам впечатления более простого, более трогательного и более величествен-

---

¹ Подчеркнуто в тексте. — *Прим. перев.*

ного... Философы земли, позвольте Али-бею защитить его религию, как вы защищаете спиритуализм или материализм, наличие или отсутствие материи, [извечную] реальность всего сущего или сотворение этой реальности. Здесь, как я уже обращал ваше внимание на это в рассказе о моем путешествии в Марэкко, абсолютно отсутствует посредник между человеком и божеством: все индивиды равны перед создателем; каждый внутренне глубоко убежден, что только собственные его дела могут приблизить его к верховному существу или отдалить от него и ничья чужая рука не в состоянии изменить характер этой незыблемой справедливости. Какая узда, чтобы остановить преступление! Какая поддержка добродетели! Но какое несчастье, что обладатели стольких преимуществ, мы не становимся от этого лучше, чем сторонники других религий!»

Есть в этом некий философский деизм, вполне соответствующий идеям XVIII в.

Если судить по собственному его свидетельству, Али-бей предстает перед нами как вольнодумец и вовсе не жертва легендарных преданий, но искренний деист и философ.

Первый визит в Каабу, кстати, потряс Али-бея до глубины души, хотя его впечатления и не были свободны от романтизма.

«Паломники должны войти в Мекку пешком, однако вследствие моего болезненного состояния я оставался на своем верблюде.

Сразу же после того, как вошли в город, мы совершили общее омовение, и я тотчас же вместе со всей моей свитой был препровожден к храму. Человек, которому поручено было нас проводить, всю дорогу громко читал различные молитвы, мы же все вместе монотонно вторили ему слово за словом. Я был еще так слаб, что двое из моих людей должны были поддерживать меня.

В таком состоянии я и добрался до храма, проехав всю главную улицу, чтобы войти туда через Баб-эс-Салам, то есть Ворота спасения, что почитается счастливым предзнаменованием. Сняв сандалии, я прошел через эти приносящие счастье ворота. Вот мы прошли портик, или галерею, и в тот самый момент, когда мы должны были войти в большой двор, где расположен дом господень, наш гид остановил нас и, указав пальцем на Каабу, с

пафосом произнес: «Шуф, шуф эль-бейт аллах эль-хамрам» (Посмотрите, посмотрите, дом господень, — защита). Окружавшая меня свита, бесконечная, насколько хватало глаз, колоннада галереи, огромный двор храма, дом господень, покрытый снизу доверху черным покрывалом и окруженный кольцом ламп, поздний час, и молчание ночи, и наш гид, вдохновенно говоривший перед нами, — все это создавало величественную картину, которая никогда не сотрется в моей памяти».

Каковы бы ни были истинные чувства Али-бея, заслуга его состоит в том, что он первым подробно рассказал Западу о паломничестве в Мекку, которое он увидел глазами мусульманина.

Местоположение храма обозначено с точностью. Судя по описаниям, мечеть и ее главная часть — Кааба находились там же, где и сейчас. Даже электрические фонари, изображенные на последних фотографиях и пришедшие на смену прежним стеклянным зеленым колпакам, подвешенным к перекладинам, опирающимся на тонкие стойки, расположены в точности так же.

Большую мечеть Али-бей описывает как огороженное пространство почти прямоугольной формы, образованное роскошно украшенными галереями с тройным рядом сводов (своды ряда, находящегося со стороны двора, были увенчаны маленькими куполами); поддерживались же своды колоннами с резными капителями.

Девятнадцать ворот открывают вход в эти галереи, и семь минаретов возвышаются над ними. Пол в храме земляной, чтобы сесть, на нем расстилают циновки. Но от галерей шесть дорог, мощенных крупным кварцевым камнем, ведут к центру, к первому кругу, вымощенному точно таким же образом: там стоят четыре здания: это молитвенные места, предназначенные для тех, кто выполняет четыре главных обряда правоверных мусульман. Два маленьких здания предназначены для совершения обрядов малекитов и ханбалитов, двухэтажное — для турок, отправляющих обряд ханефи. Наконец, терраса самого большого строения служит местом молитв для шафиитов^{1а}.

---

^{1а} «Маликиты», «ханбалиты», «ханифиты», «шафииты» — обозначение приверженцев различных толков в ортодоксальном исламе, названных по имени их основателей. — *Прим. ред.*

Здесь же находится колодец Земзем и маленькая комната, где собраны кувшины, которыми паломники черпают воду из колодца. Именно здесь хлопочут многочисленные служители во главе с «хозяином колодца», о специфических функциях которого во времена Али-бея мы уже говорили. На маленькой террасе находятся два горизонтальных циферблата солнечных часов, указывающих время молитвы.

Согласно преданию, колодец этот был будто бы сотворен господом, чтобы спасти от смерти Агарь и ее сына Исмаила, изгнанных Авраамом в пустыню. Из этого колодца в изобилии берут воду для питья и для кропления.

Разукрашенная арка, называемая Баб-эс-Салам, или Ворота спасения, ведет к центральному кругу, вымощенному мрамором. Справа от арки — Минбар, то есть кафедра для пятничных проповедей; она стоит на возвышении. Слева — Макам Ибрахим, что значит место Авраама; оно покрыто крышей, покоящейся на шести пилястрах. Половина заполненного таким образом пространства окружена решеткой, дверь которой закрыта на серебряный замок. Как говорит Али-бей, «решетка эта окружает некий предмет, напоминающий саркофаг. Он покрыт черной тканью, расшитой золотом и серебром и с большими золотыми кистями; саркофаг этот есть не что иное, как большой камень, который служил Аврааму подставкой, когда он строил Каабу. Как говорят, камень, дабы облегчить работу, выростал по мере того, как строительство продвигалось вперед, в то время как строительные камни, чудесным образом выходя из земли уже обтесанными, в том самом месте, где сейчас помещается подставка, переходили из рук Исмаила в руки его отца».

Наконец, в центре возвышается Кааба, покрытая до уровня мраморного цоколя черным покрывалом с расшитой золотом полосой. Покрывало меняют каждый год, причем старое режется на кусочки и раздается в качестве реликвий, а храм одевают новой «рубашкой», подаренной Каиром и привезенной караваном паломников.

Здание (во времена Мухаммеда оно было языческим храмом) — очень старое. Оно состоит из единственной комнаты с дверью, расположенной на высоте человечес-

кого роста, как это заметил уже ди Вартема. По свидетельству Али-бея, некогда существовала как будто и другая дверь — напротив, следы которой сохранились. Черный камень плотно вставлен в угол стены, ниже уровня двери; часть, выступающая из стены, оправлена в серебро.

«Против северо-западной стороны Каабы мы видим нечто вроде парапета пяти приблизительно футов в высоту и трех футов толщиной под названием эль-Хаджар Исмаил, то есть камни Исмаила. Парапет ограничивает пространство в виде десятиугольника и почти полукруглое, вымощенное прекрасными мраморными плитками, среди которых особо обращают на себя внимание несколько зеленых, необычайно ценных. Думают, что в этой ограде был погребен Исмаил».

Только Али-бею, единственному из жителей Запада, посетивших Мекку, удалось увидеть внутреннюю часть Каабы и участвовать в уборке храма — честь, которая предоставлялась лишь самому шерифу и немногим другим знатным лицам, им приглашенным.

«Двадцать девятого января, — пишет Али-бей, — дверь Каабы была уже открыта и перед ней стояла огромная толпа, но лестницы не было.

Султан-шериф, взобравшись на плечи одних и на головы других, вошел в Каабу вместе с главными шейхами племен; другие хотели сделать то же самое, но стражники-негры охраняли вход от толпы, раздавая удары направо и налево.

Я держался подальше от дверей, опасаясь толпы, как вдруг по приказу шерифа хозяин Земзема рукой сделал мне знак приблизиться. Но как пройти через тысячу людей, стоявших впереди меня?

Все мекканские водоносы подходили сюда, неся наполненные водой мехи, которые они передавали по рукам до самых стражников-негров у двери, вместе с мехами передавали и маленькие метелки из пальмовых листьев.

Негры начали брызгать водой на пол залы, выложенный мрамором; туда же лили и розовую воду. Вода протекала через отверстие под порогом двери, и верующие с жадностью ее собирали. Но так как этой воды было недостаточно и так как самые дальние громкими криками требовали воды — испить и омыться, стражники-негры

кружками и просто руками стали обильно поливать ею народ. Они позаботились о том, чтобы передать мне маленький кувшин и кружку, я выпил столько, сколько смог, а остальное вылил на себя, ибо эта вода, пусть очень грязная, несет в себе благословение божие, к тому же розовое масло придает ей прекрасный запах.

Затем я сделал усилие, чтобы приблизиться; несколько человек приподняли меня над толпой, и, идя по головам, я, наконец, добрался до двери, где стражники-негры помогли мне войти.

Я был подготовлен к этой процедуре: на мне не было ничего, кроме рубашки, касшаба, то есть одежды из белой шерсти без рукавов, тюрбана и ххайка.

Султан-шериф подметал залу. Лишь только я вошел, стражники сняли с меня мой ххайк и дали мне пучок маленьких метелок; я взял несколько штук в каждую руку. Как раз в этот момент стражники обильно полили пол водой, и я счел себя обязанным со всем усердием веры мести обеими руками, хотя пол был уже чист и блестел, как зеркало. Во время этой процедуры шериф, который уже кончил подметать и орошать зал благовониями, был погружен в молитву.

Затем мне передали серебряную чашу, наполненную массой из опилок весьма ароматного сандалового дерева, пропитанных к тому же розовым маслом. Этой массой я смазал нижнюю часть стены, инкрустированную мрамором и не закрытую ковром, покрывающим стены и потолок. Потом мне дали кусок дерева алоэ, который я сжег на большой жаровне, чтобы наполнить залу его ароматом.

Тогда султан-шериф провозгласил меня хаддабейт-аллах-эль-харам, что значит служитель дома господня — защита, и я принял поздравления всех присутствующих.

Вслед за тем я прочел молитву в трех углах залы, как и в первый раз, на чем полностью кончались мои обязанности. В то время как я был погружен в этот акт благочестия, султан-шериф удалился.

Большая группа женщин, находившихся во дворе на некотором расстоянии от двери в Каабу, время от времени испускала пронзительные крики ликования.

Мне дали немного сандаловой массы и две маленькие метелки, которые я тщательно хранил потом, как доро-

гие реликвии. Стражники опустили меня на головы толпе, которая в свою очередь опустила меня на землю, обращая ко мне слова приветствий и поздравления. Оттуда я отправился в Макам Ибрахим, чтобы там помолиться; меня снова одели в мой ххайк, и я возвратился к себе промокший до нитки».

Ди Вартема хорошо запомнил обряд семи кругов вокруг Каабы, который паломники совершают, молясь на каждом углу, целуя черный камень и убыстряя движение с каждым кругом. Но совершенно вне поля его зрения остался обряд «семи путешествий» между священными холмами Сафва и Меруа, который следовало совершить вслед за первым.

«Оба эти холма, во времена пророка расположенные вне города, ныне составляют его часть; дома, покрывающие их, теперь образуют улицы».

Обязательную молитву совершают сначала в галерее на вершине Сафвы, затем на террасе Меруа. «Так как главная улица как раз и есть дорога, ведущая из Сафвы в Меруа, и в то же время — рыночная площадь, люди, которые там постоянно толпятся, значительно затрудняют передвижение паломников, идущих поклониться священным холмам».

На этой улице расположились лавочки цирюльников, так как обряд требует, чтобы паломник прежде всего обрил себе голову.

Паломничество включает в себя также восхождение на гору Арафат. Али-бей, отправившийся туда после полудня, описывает дорогу как «узкую ложбину между скалистыми гранитными горами, абсолютно лишенными растительности». Затем вы приходите в деревню Мина, состоящую из единственной узкой улицы. «Первое, что замечаешь, входя в деревню, — это фонтан, напротив которого находится древняя постройка, созданная, как говорят, рукой дьявола».

Когда паломники приходят на небольшую равнину, на которой стоит мечеть, «они разбивают там лагерь, так как, согласно преданию, то же самое делал святой пророк всякий раз, когда он шел на Арафат».

Вся толпа скопится на этой небольшой равнине. Рано утром она снова отправляется в дорогу и после трех часов пути по узкому ущелью приходит к подножию горы (как раз в это время ваххабиты сносили часовню

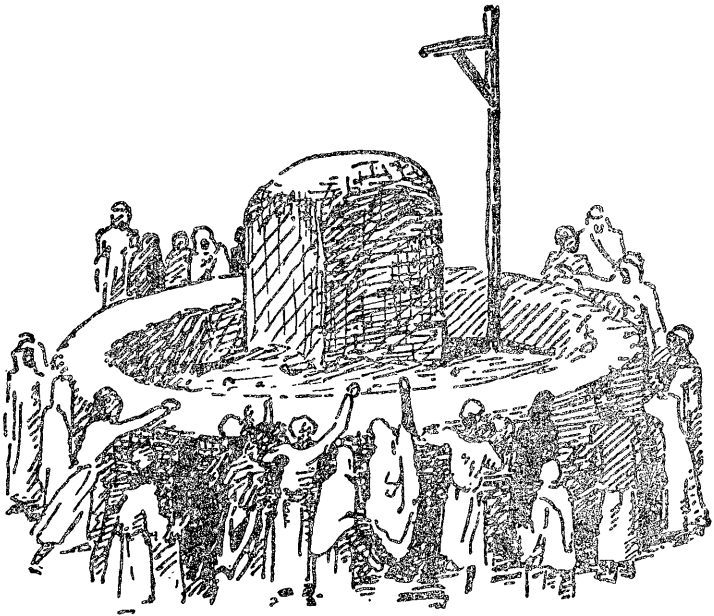
на вершине горы). Четырнадцать больших бассейнов, приведенных Саудом в порядок, служили для питья и умывания.

«Именно на горе Арафат отец всех людей встретил и узнал нашу мать Еву после долгой разлуки; потому и гора называется Арафат, что значит узнавание. Полагают, что часовню, которую начали сносить ваххабиты, построил сам Адам.

После полуденной молитвы аасар, которую каждый совершает в своем шатре, необходимо, как того требует обряд, дожидаться захода солнца у подножия горы». Когда же наступает закат, «начинается подлинный водоворот! Вообразите себе сборище людей, состоящее из восьмидесяти тысяч мужчин, двух тысяч женщин и тысячи маленьких детей, а также шестидесяти или семидесяти тысяч верблюдов, ослов и лошадей, которые с наступлением ночи одновременно стремятся как можно быстрее (это тоже часть ритуала) войти в узкую долину и буквально идут по головам друг у друга сквозь облако пыли и через лес пик, ружей и мечей.

Спешка эта, предписанная обрядом, объясняется тем, что вечернюю молитву Могареб нельзя совершать на Арафате, нужно непременно успеть дойти до Мосделифа, где в самую последнюю минуту сумерек, то есть полтора часа спустя после захода солнца, следует прочесть и ночную молитву Асша». Лагерь разбивают в Мосделифе.

Рано утром на другой день паломники идут к следующей стоянке — в Мине. Там, как уже рассказывал ди Вартема, они направляются к «дому дьявола» и бросают в него по семь камней, произнося следующее: «Во имя бога; бог велик!» Али-бей не без юмора добавляет: «Поскольку дьявол был так хитер, что поставил свой дом в очень узком месте, — наверное, не более чем в тридцать четыре фута шириной, и к тому же, чтобы получить возможность бросить камни, нужно миновать крутые скалы; поскольку, наконец, все паломники желают совершить эту священную процедуру немедленно по своем прибытии в Мину, там царит страшное смятение. Однако в конце концов с помощью моих людей мне удается вопреки толчее и суматохе исполнить сей священный долг, отделавшись лишь двумя ранами на левой ноге. Вслед за тем я удалился в свой шатер, чтобы отдохнуть от всех этих треволнений».

«Дьявольский столб» в Мине

Именно в тот день было совершено пасхальное жертвоприношение.

На следующий день, опять-таки в Мине, после полуденной молитвы паломники отправились «бросить семь небольших камней, омытых в воде, в столб из камня или известняка шести футов высотой и почти двух футов в поперечнике, стоящий посреди одной из улиц Мины и, по преданию, также построенный дьяволом; я бросил еще семь камней в столб, похожий на предыдущий и возведенный тем же архитектором в сорока шагах от него; наконец, еще семь камней предназначались для лачуги, о которой было говорено выше».

На третий день пасхи, повторив эту же церемонию, Али-бей возвратился в Мекку. «Тотчас по приезде в город я отправился в храм и там, в доме господнем, провел еще семь дней; затем, помолившись и испив воды Земзема, я вышел через сафвские ворота, дабы завершить паломничество семью путешествиями между Сафвой и Меруа, как и в ночь моего приезда».

Этот торжественный акт сопровождался некогда множеством других обрядов, добавленных различными вероучителями и благочестивыми душами; однако ваххабиты упразднили все эти добавления как формулы суеверия; ныне осталась только следующая церемония, которую я наблюдал на всем ее протяжении.

В воскресенье 22 февраля почти все паломники отправились в расположенное на расстоянии одного лье к западу — северо-западу от Мекки местечко Аамра, где находятся развалины старой мечети. Вначале там совершают молитву, затем недалеко от мечети с благоговением сооружают пирамиду из трех друг на друга поставленных камней. Вслед за тем все отправляются к жилищу подлого Абу Джахля², заклятого врага нашего святого пророка, и там со священной яростью проклинают его и бросают семь камней, ему предназначенных. Возвратившись в город, мы совершили семь кругов вокруг дома господня и семь путешествий в Сафву и Меруа; теперь уже нечего было добавить к церемонии паломничества для нашего освящения».

Таким образом, с помощью Али-бея нам открылась тайна паломничества и жизни паломников во всей ее полноте.

С точки зрения документальной точности рассказ Али-бея ставит его значительно выше всех его предшественников. Но для понимания религиозного мышления простого паломника, искренне верующего, более полезно прочесть рассказ Джозефа Питтса. Али-бей видел лишь обряды и объяснял их религиозную значимость с позиций философа-деиста.

Однако его рассказ чрезвычайно интересен еще с одной точки зрения: Али-бей наблюдал ваххабитов на самой заре их появления.

В самом деле, наш путешественник не успел пробыть в священном городе и нескольких дней, как «корпус армии ваххабитов вошел в Мекку, чтобы исполнить обряд паломничества и завладеть этим священным городом».

Если мы обратимся к Филби и к ваххабитской хронике, которую он прослеживает (и которую великолепно

---

² Абу Джахль — знатный курейшит, житель Мекки, по преданию, один из тех, кто более всего преследовал Мухаммеда в то время, когда он начал свои проповеди в Мекке. Был убит в битве с последователями пророка. — *Прим. ред.*

сопоставляет с данными Али-бея), то увидим, что по сравнению со временем первого похода в Мекку в 1803 г. положение вещей при новом шерифе Галибе еще более ухудшилось. Наместник горной провинции Асир, некий Абу Нукта, должен был по приказанию Сауда принудить шерифа к повиновению более явному и прежде всего заставить его пойти в поход против Джидды, порта Мекки. Шериф предвидел нападение и вышел навстречу Абу Нукте, но был разбит и бежал в Мекку.

Осенью 1805 г. Сауд приказал Абу Нукте завладеть Меккой и помешать каравану паломников войти туда с оружием. Тогда царил страшный голод, который начиная с 1804—1805 гг. мучил потом Аравию в течение шести лет. Этим объясняется замеченная Али-беем необычайная худоба жителей Мекки, «настоящих ходячих скелетов, обтянутых пергаментом».

Доведенный до крайности продовольственной блокадой и неспособный сопротивляться многочисленной армии, шериф обещал полнейшее подчинение. Появилось продовольствие. Вошли паломники.

Однако было ясно, что Галиб думает об освобождении.

Между тем ваххабитам подчинилась Медина.

В декабре 1806 г. Сауд послал в Медину сильную армию, чтобы остановить караван паломников, так как он боялся, что шериф, в преданности которого Сауд не был уверен, найдет поддержку у паломников. Действительно, Али-бей свидетельствует о том, что паломники не вошли в город и вынуждены были вернуться.

Доказав таким образом султану свою власть над священными городами, Сауд пошел на Мекку во главе своей армии, чтобы войти туда еще раз под видом паломничества. И именно при этом вступлении армии присутствовал Али-бей.

«В девять часов утра я находился на главной улице, когда увидел вдруг множество людей... Вообразите себе огромную толпу тесно прижавшихся друг к другу мужчин, не имеющих другой одежды, кроме узкой повязки вокруг бедер и, в редких случаях, — куска ткани, перекинутого через левое плечо, в остальном же — совершенно нагих, вооруженных фитильными ружьями, с ханджарами, то есть кривыми ножами, у пояса.

При виде этого потока обнаженных и вооруженных людей все обратились в бегство, чтобы освободить ули-

цу, которую армия заполнила. Я же решил остаться на своем месте и, чтобы лучше ее разглядеть, взобрался на мусорную кучу.

Я видел, как проходила колонна, состоящая, как мне показалось, из пяти-шести тысяч человек, настолько тесно прижатых друг к другу по всей ширине улицы, что у них не было никакой возможности даже пошевелить рукой. Колонну, во главе которой следовали три-четыре всадника, вооруженных копьями длиной около двух футов, замыкали пятнадцать-двадцать других всадников верхом на лошадях или верблюдах, с такими же копьями в руках; но у них не было ни знамен, ни барабанов, ни других инструментов, ни военных трофеев. Во время их пути одни испускали крики священного ликования, другие вслух невятно читали молитвы, каждый на свой манер. В таком порядке они поднялись до верхней части города, где шли уже по взводам, чтобы войти в храм через Баб-эс-Саламские ворота.

Множество городских детей, которые обычно служат гидами иностранцам, устремилось им навстречу, по одному к каждой группе, чтобы служить им в этом качестве при совершении священной церемонии; я заметил, однако, что среди этих добровольных гидов не было ни одного взрослого. Первые группы уже начали совершение семи кругов вокруг Каабы, торопясь поцеловать черный камень, другие же, которым, без сомнения, наскучило ждать, стали беспорядочно продвигаться вперед; они смешивались с первыми, и вскоре смятение, достигшее высшей степени, не позволяло уже слышать голосов юных гидов. За смятением последовало возбуждение. Все торопились поцеловать черный камень и устремлялись вперед; некоторые расчищали себе дорогу палками. Напрасно один из военачальников поднялся на возвышение возле священного камня, чтобы водворить порядок: крики и жесты были бесполезны, ибо священное рвение, овладевшее ими в доме господнем, не позволяло им услышать ни увещаний, ни самого голоса их вождя. Движение по кругу ускорилось вследствие произведенной ими толчеи. В конце концов они стали похожи на рой пчел, кружащих вокруг улья; беспорядочно кружась вокруг Каабы в своем шумном усердии, люди ружьями, которые оставались у них на плечах, побили все стеклянные лампы, окружавшие дом господень.

После различных церемоний, совершаемых вокруг храма, каждый должен был испить воды из чудесного колодца и окропить себя ею. Но вследствие того, что двигались все толпой и слишком торопились, веревки, ведра и блоки очень быстро превратились в обломки и обрывки, хранитель и служители Земзема покинули свои места, ваххабиты остались единственными хозяевами колодца и, взявшись за руки, образуя цепь, спустились на дно колодца и доставали воду как могли.

Колодцы требуют милосыни, дом господень — приношений, гиды — жалованья. Но большинство ваххабитов не принесло с собой никаких денег. Они выполняли свой долг совести, оставляя либо двадцать-тридцать чрезвычайно крупных пороховых зерен, либо кусочки свинца, либо кофейные зерна.

Вернувшись к себе, я узнал, что войска ваххабитов, желающих совершить паломничество, все еще прибывают. Что делал в это время султан-шериф?.. В своем бессилии противостоять такой лавине он не выходил, вернее сказать — спрятался, опасаясь нападения; крепости были снабжены провизией и готовы к обороне; арабские солдаты, турки, магрибинцы и негры заняли свои посты: в фортах я видел стражу и часовых; некоторые ворота были замурованы, все было подготовлено на случай нападения. Но умеренность ваххабитов и переговоры шерифа сделали эти предосторожности излишними».

Всю армию целиком Али-бей смог увидеть, когда она спускалась с горы Арафат, так как «ваххабиты, лагеря которых были разбиты на большом расстоянии, тоже начали приближаться. Во главе шел султан Сауд и второй их вождь — Абу Нукта. Через короткое время я увидел на марше армию в сорок пять тысяч ваххабитов; почти все они были верхом на верблюдах... еще тысяча верблюдов несла воду, шатры, дрова и сухую траву для верблюдов, на которых ехали вожди.

Корпус из двухсот всадников на лошадях ехал со знаменами всех цветов, насаженными на пики. Как мне сказали, кавалерия эта принадлежала полководцу — Абу Нукте. Можно было разглядеть также семь или восемь знамен и у всадников на верблюдах, но больше никаких флагов не было, равно как и барабанов, труб или каких-либо других военных музыкальных инструментов.

Поскольку все эти люди, включая полководцев, были совершенно обнажены, невозможным казалось различить среди них Сауда и Абу Нукту. Однако мне показалось, что я узнал султана в почтенном старце с длинной белой бородой, следовавшем непосредственно за шахским штандартом. Этот штандарт, зеленого цвета, имел в качестве отличительного знака вышитый большими белыми буквами символ веры *ля илях иля Аллах* (нет бога, кроме Аллаха).

Я прекрасно узнал издалека по длинным вьющимся волосам одного из сыновей Сауда, ребенка лет семи-восьми, с такой же темной кожей, как и у других, одетого в длинную белую рубаху, окруженного специальным эскортом и верхом на изумительной белой лошади, на которой он ехал согласно ваххабитскому обычаю без стремян, сидя на седельной подушке, покрытой красной тканью, богато расшитой и сплошь усеянной золотыми звездами.

Вскоре гора и ее окрестности были уже покрыты ваххабитами».

Впечатление Али-бея от них отнюдь не было неблагоприятным.

«Представьте себе толпу вооруженных людей, не имеющих почти никакого представления о цивилизации и говорящих на варварском языке. Зрелище это сначала пугает воображение и кажется ужасным, но если преодолеть первое впечатление, то можно найти в ваххабитах похвальные свойства: они никогда не крадут, не используя для этого ни силу, ни хитрость; исключение составляют лишь те случаи, когда они считают, что предмет принадлежит врагу или неверному. За все, что они берут, равно как и за все оказанные им услуги, они платят. Слепо преданные своим вождям, они безропотно сносят любую усталость и позволяют вести себя на край света.

В сущности я должен признать, что у всех ваххабитов, с которыми я общался, я находил много разума и умеренности. Большинство сведений об их секте, которые я здесь даю, я почерпнул от них самих. Однако, несмотря на эту умеренность, и уроженцы страны, и паломники не могут произнести имени их без содрогания и говорят о них только шепотом. Поэтому их избегают и по возможности стараются не говорить с ними, и всякий раз, когда

сам я пытался с ними заговорить, я должен был преодолеть недовольство тех, кто меня окружал».

Как мы уже видели, враждебность эта была небеспричинной. И сам Али-бей свидетельствует о фанатической нетерпимости, которая была характерна для ваххабитов. Он рассказывает, что «Сауд повелел снести все мечети и часовни, посвященные памяти пророка и членов его семьи; он велел также разрушить все гробницы святых и героев, которые были почитаемы. Та же судьба постигла дворец султан-шерифа, и от всех этих зданий, как я слышал, осталось теперь лишь бесформенное нагромождение руин».

Были отменены некоторые прежние обычаи паломников, представлявшие собой часть обряда, — например, бритье головы с оставлением пряди волос. Теперь следовало брить всю голову целиком. Некоторые традиционные святые места больше не признавались святыми. Так, часовня Джебель-Нур, то есть «Гора света», где, по преданию, архангел Гавриил будто бы диктовал пророку первую главу Корана, была снесена, и у подножия горы была выставлена стража, не пускавшая паломников, шедших туда молиться. Также разрушили, как мы видели, и часовню на горе Арафат.

В других местах ваххабиты с таким суровым усердием следили за предписаниями Корана, что никто уже не осмеливался курить. В Джидду, где, по обычаю, всегда правил наместник-негр, утверждаемый в должности шерифом, Сауд послал ваххабитского кади. С тех пор там воцарилась власть полиции особого типа. Специальные служители следили за пунктуальностью в исполнении всех правил при совершении молитвенного обряда. Совершенно голые, с огромной палкой в руках, они должны были криками, бранью и силой заставлять людей присутствовать на публичной молитве пять раз в день. Ремесленники и купцы обязаны были на это время бросать свои лавки и мастерские. И так как самую первую молитву полагалось читать на рассвете, полицейские кричали на улицах и поднимали страшный шум, чтобы разбудить всех и заставить явиться в мечеть.

В Медине и в Кербеле религиозный пуританизм служил в то же время на пользу любителям поживиться. Али-бей, который после возвращения в Джидду решил отправиться в Медину, встретил по дороге караван слу-

жителей, изгнанных ваххабитами из святого места. Служители сообщили ему, что ваххабиты разрушили все украшения гробницы пророка, что они закрыли и опечатали все двери храма и что Сауд завладел несметными богатствами, накапливавшимися там на протяжении многих веков.

Хранитель сокровищницы уверил его, что цена одних лишь драгоценных камней и жемчуга не может быть определена никакой, даже самой высокой суммой. В самом деле, мы вспоминаем, как бойко, по описаниям ди Вартема, шла в святом месте торговля драгоценностями и жемчугом.

Али-бею на себе пришлось испытать грубую манеру обращения, свойственную ваххабитам: отправившись в Медину с караваном вопреки запрещению новых хозяев святых мест, он был остановлен ими в нескольких лье от священного города. И пока дозорные были поглощены тем, что делили между собой его деньги и часы, он уничтожил свою коллекцию насекомых и растений, собранную за все время пути, так как она могла его скомпрометировать. После двадцати четырех часов страшных волнений паломники смогли лишь повернуть назад вместе с изгнанными из мечети служителями.

Али-бею оставалось вернуться в Каир, где его встретили самые знатные жители города и брат марокканского императора. Они устроили ему триумфальный прием, достойный его ранга.

Али-бей ознакомил Европу не только с ценными географическими данными, но также с точным и доступным пониманию описанием паломничества в Мекку и сверх того с единственным свидетельством европейца о ваххабитах того времени, то есть времени их первого возвышения.

За возвышением не замедлили последовать неудачи. И те, кто пойдет вслед за Али-беем, проникнут в Северную Аравию, уже воспользовавшись условиями, созданными египетской оккупацией.

ЗЕЕТЦЕН И БУРКХАРДТ. БЕДУИНЫ И МЕРТВЫЕ ГОРОДА
ПЕТРЕЙСКОЙ АРАВИИ

В первые годы XIX в. внимание европейцев стал привлекать новый район Аравии. Европейцы эти не были политическими деятелями, они были в основном учеными.

Совсем еще молодой, но многообещающий литератор Вольней совершил в 1782—1786 гг. путешествие в Египет и Сирию, описание которого, кстати, считается его шедевром. Не больше, чем другие, думал он о проникновении в ту граничащую с Сирией, Палестиной и Аравией зону, куда никто не осмеливался явиться из страха перед бедуинами, — в таинственную Петрейскую Аравию, суровые просторы которой лежали за некогда существовавшим земляным валом древних римских укреплений.

Однако было хорошо известно, что там сохранились развалины античных городов, заложенных некогда торговыми караванами из Южной Аравии, идущими в страны Плодородного Полумесяца. Города эти процветали в первые века нашей эры, и их названия были известны из греческих и латинских источников — Джераса и главным образом Пальмира³, царица которой Зейнаб смогла бросить вызов Римской империи, распространив свое могущество от Евфрата до Средиземного моря и от аравийских пустынь до центра Малой Азии. Но, более того, от арабов Вольней слышал, что в трех днях пути к юго-востоку от Мертвого моря, в районе, который на картах носил название Петрейской Аравии, стоят руины тридцати совершенно заброшенных городов. Ему описали некоторые из этих городов, где будто бы сохранились огромные здания, украшенные колоннами. Иногда кочевники забредали туда со своими стадами, но обычно они их избегали из-за обитающих там огромных скорпионов. Вольней решил, что это, по всей вероятности, развалины городов знаменитого Эдома, как называет его Библия, или Идумеи, по определению греческих авторов.

³ Пальмира (Тадмор) — древний арабский город — государство в Северо-Восточной Сирии, в I—III вв. формально входила в состав римской провинции Сирии. При царице Зиновии (Зубайдат, Зейнаб) (266—272 гг.) достигла вершины своего могущества, завоевав всю Переднюю Азию и часть Египта. В 273 г. была разрушена римлянами. — *Прим. ред.*

В Ветхом завете Эдом — родина первого из потомков Исаяи Иова, некогда благоденствующего обладателя огромных стад, позднее разоренного набегами сабейцев.

В римскую эпоху Идумея находилась на вершине своего могущества; Вергилий и Лукиан воспевали ее пальмы. Но эта Идумея, или Эдом, — есть не что иное, как Петрейская Аравия греческих географов Страбона и Птолемея. Кто-то мог бы подумать, что Петрейская (по-латыни — *Petraea*) означает «каменистая». Но в действительности это определение происходит от названия ее столицы — Петры, которая в свою очередь получила имя в результате того, что окружали ее огромные скалистые горы (*Petra* по-латыни означает «камень»).

Описание Петры мы находим у Диодора, Плиния⁴⁻⁵ и Страбона. Они изображают ее как город, естественно укрепленный окружающими его скалами и пропастями и снабженный замечательными источниками, годными как для питья, так и для орошения садов. А кругом лежит пустыня, проходить сквозь которую без риска могут только туземцы, так как они знают тайники-колодцы.

В вышедшем в 1807 г. труде, посвященном торговле древних в Индийском океане, доктор В. Вепсан прекрасно показал, как на протяжении многих лет караваны из страны минейцев (из Внутренней Аравии), караваны из Герры на Персидском заливе, из Хадрамаута у Индийского океана и даже караваны сабейцев из Йемена двигались в сторону Петры, которая была, казалось, их общим центром, и как именно из Петры товары расходились во всех направлениях — к Египту, Палестине, Сирии, а через города Арсиною⁶, Газу, Тир, Иерусалим и Дамаск — в Средиземное море.

Напрасно Помпей и Троян осаждали этот неприступный город. Он был мертв, и под старыми камнями там спали скорпионы. Ах, как сбылись предсказания пророков о судьбе надменного Эдома, который глумился над Израилем в его несчастье и преследовал его сынов:

---

⁴⁻⁵ Гай Плиний Секунд Старший (ок. 24—79 гг.) — римский писатель и ученый, автор «Естественной истории», где содержатся интересные сведения о Южной Аравии. — *Прим. ред.*

⁶ Арсиноя (Клеопатрида) — согласно античным авторам, город в Египте, в устье современного Суэцкого залива на Красном море. — *Прим. ред.*

И было ко мне слово Господне:
Как ты радовался тому,
Что удел дома Израилева опустел,
Так сделаю я с тобою: опустошена будешь,
Гора Сеир и вся Идумея вместе.

(Иезекиль, 35—15)

Ибо вот, Я сделаю тебя малым между народами,
презренным между людьми.
Грозное положение твое и надменность сердца твоего
обольстили тебя, живущего в расселинах скал и
занимающего вершины холмов. Но хотя бы ты, как орел,
высоко свил гнездо твое, и оттуда низрину тебя,
говорит Господь.
И будет Едом ужасом; всякий проходящий мимо изумится
и посвищет, смотря на все язвы его...
И там ни один человек не будет жить
и сын человеческий не остановится в нем.

(Иеремия, XLIX, 15—18)

...Будет от рода в род оставаться опустелою;
во веки веков никто не пройдет по ней.
И завладеют ею пеликан и еж; филин и ворон
поселятся в ней; и протянут по ней вервь разорения
и отвес уничтожения.
Никого не останется там из знатных ее, кого
можно было бы призвать на царство, и все князья ее
будут ничто. И зарастут дворцы ее колючими растениями,
крапивною и репейником — твердыни ее; и будет она
жилищем шакалов, пристанищем страусов.
И звери пустыни будут встречаться с дикими кошками,
и лешие будут перекликаться один с другим...
Там угнездится летучий змей, будет класть яйца и
выводить детей и собирать их под тень свою.

(Исаия, XXXIV, 9—15)

...И никого не останется из дома Исаева,
ибо Господь сказал это.

(Левей, 18)

В точности неизвестно, как именно была разрушена
спустя некоторое время после эпохи пророков Петра эдо-
митов. Но мы знаем, что в V в. до н. э. в этом месте жи-
ли набатейцы. И вот снова и навсегда сбылось прокля-

тие. И не только над Петрой, но и над Деданом⁷, расположенным южнее, на караванной дороге, ведущей из Счастливой Аравии. Это и были те самые руины, которые ди Вартема принял за развалины Содома и Гоморры, во всяком случае то были остатки жилья людей, «которых постигла кара господня».

Петрейская Аравия станет отныне предметом пристального внимания ученых. И целью двух исследователей, которые один за другим (в 1802 и 1810 гг.) побывали в Сирии, было именно проникновение в эту страну. Ученых звали Зеетцен и Буркхардт.

Сходство их судеб поразительно. Оба они прошли курс наук в Гёттингенском университете, где и сформировались как исследователи. Для обоих Аравия была только отправной точкой, прелюдией к более значительным предприятиям. Оба пытались увидеть одно и то же. Обоим удалось выполнить одну и ту же программу. Однако случилось так, что второму судьбой оставлено было время для написания рассказа обо всем, что он видел, в то время как внезапная смерть первого лишила нас не только многообещающего ученого, но и описаний его путешествия: не осталось даже путевых заметок. Таким образом, лишь одному досталась слава и лавры, которых другой, быть может, был достоин гораздо больше.

Ульрих Гаспар Зеетцен отправился первым. Он родился в Восточной Фрисландии и по окончании университета стал советником-аудитором в одном из маленьких германских княжеств, тогда принадлежавших русскому императору. Но, мечтая о путешествиях, он начал постепенно к ним готовиться. Известный ботаник, превосходный наблюдатель и опытный арабист, Зеетцен прежде всего заручился поддержкой фон Цаха, великого маршала Саксонского двора и издателя известного научного журнала «Географический и астрономический вестник». В то же время ему покровительствовало и русское правительство, для которого задуманное Зеетценом путешествие в Переднюю Азию представляло значительный интерес.

---

⁷ Дедан — современный ал-Ула. В древности крупный торговый центр и перевалочный пункт на караванном пути из Южной Аравии, упоминается в Ветхом завете. Здесь обнаружено множество древних надписей, составленных выходцами из южноаравийского государства Маин, основавшими здесь торговую факторию. — *Прим. ред.*

В 1802 г. ученый покинул Германию и отправился в Сирию.

Вначале он собирался посетить развалины древнего города Джерасы, стоявшего на караванной дороге. Но недоверчивые бедуины отказались провести его туда. Однако он все же увидел и прошел земли, сохранившие для археологов столько следов былого их процветания и столько признаков караванной торговли, оживлявшей в римскую эпоху эти пустынные пространства — Леджу, Хауран, где, по его свидетельству, «почти в каждой деревне можно найти либо греческие надписи, либо колонны, либо какие-то иные остатки древности». В этой странной земле «не встретишь ничего, кроме базальта, часто весьма пористого, образующего в некоторых местах обширные каменные пустыни. Деревни, в большинстве своем разрушенные, располагаются на склонах скал. Черный цвет базальта, развалины домов, церквей и башен, отсутствие деревьев и зелени — все это придает стране печальный и меланхолический облик, наполняющий душу смутным страхом».

В следующем, 1806 г. Зеетцен находит проводника. Проводник этот, хотя и принадлежал к сторонникам ортодоксальной религии, тридцать лет провел среди бедуинов племени аназа, куда попал пятнадцатилетним мальчиком вместе с одним купцом из Дамаска и где остался затем на долгие годы, торгуя с бедуинами уже самостоятельно.

Долгие часы, проведенные во время путешествия в компании с неизменным спутником, Зеетцен использует, чтобы расспросить его о бедуинах этой области, и беседы эти были столь плодотворны, что по прибытии в Каир ученый решил посвятить свой досуг составлению «Памятной записки об арабских племенах в Сирии и в Аравии как Пустынной, так и Петрейской» — единственного труда, который он оставил нам в результате своего путешествия.

Вместе со своим проводником он прошел все земли, лежащие за Мертвым морем до самых границ Аравии, в поисках остатков древней Петры, города, напоминающего орлиное гнездо.

Зеетцен бесстрашно прошел все эти земли и подошел совсем близко к Петре, но оказалось, что найти проводника туда невозможно.

У. Г. Зетцен

Чтобы понять, до какой степени возникшие перед ним препятствия были непреодолимы, следует не только вспомнить о характере этой и доныне пустынной страны Эдома, через которую можно идти только с проводником, но и принять во внимание предрассудки бедуинов, среди которых только и можно было найти проводника. Как расскажет позднее Буркхардт, «плачевно, что мысль о сокровищах, будто бы скрытых в древних зданиях, так глубоко укоренилась в сознании арабов и турок. Они не довольствуются тем, что следят за каждым шагом путешественника, ибо совершенно уверены, что настоящему волшебнику достаточно увидеть и осмотреть место, где

спрятаны сокровища (о них, разумеется, он заранее прочел в старых книгах, написанных неверными, жившими в этих местах), чтобы в то же мгновение приказать хранителю сокровищ принести все, чего он только пожелает... И если путешественник измеряет колонну, они уверены, что это-то и есть магическое действие».

Добавим к этому недоверие, которое сами бедуины испытывали к обители проклятых богом неверных, а также тот факт, что теперь место это избрали своим жильем скорпионы, и нам легко будет понять трудности, ожидавшие Зеетцена, когда он захотел, чтобы его туда проводили.

В конце концов наш путешественник вынужден был довольствоваться тем, что дошел до горы Синай по неизученной дороге, а потом проделал путь от Суэца до Каира. В Каире, чтобы получить возможность увидеть священные города, он выдал себя за мусульманина-прозелита, желающего завершить свое обращение путешествием в священные места. Третьего июля 1809 г. Зеетцен публично принял мусульманство. Теперь он мог отправиться с караваном паломников из Каира в Мекку, куда прибывает 10 октября. О путешествии его мы знаем только то, что можно найти в его письмах к своему покровителю фон Цаху.

По пути, в порту Янбо, Зеетцен пытался найти проводников до развалин эдомских городов — в Мадаин-Салих, где, как он знал от арабов, сохранилось значительное число этих развалин. Но фон Цах заставил Зеетцена отказаться от этого опасного предприятия.

В одном из писем Зеетцен оставил весьма красочное описание Мекки и толпы паломников.

Ему повезло больше, чем Али-бею: после Мекки он смог попасть в Медину, куда паломники отправлялись тайком, так как захватившие город ваххабиты запрещали «правоверным посещение всех мест паломничества, за исключением Мекки».

В Медине Зеетцен начертил план города и сделал несколько рисунков.

В Мекке он провел два месяца, чтобы хорошенько ее изучить. Он определил географическое положение города и начертил несколько планов.

26 марта 1810 г. Зеетцен сел на судно в Джидде, чтобы попасть в Йемен. Он высадился в Ходейде 8 апреля,

Копия химьяритской надписи, сделанная У. Г. Зеетценом

в то самое время, когда все гавани принадлежали уже не имаму Йемена, а шерифу Абу-Ариша.

Ученый сообщает, что Бейт-эль-Факих «страшно разрушен». Он едет в Забид, все еще знаменитый своими учеными, но во многом лишившийся былого величия. Затем через города Хадджа Кусна — Сельфиджи он добирается до Дорана, где болеет целый месяц. Наконец, 2 июня Зеетцен приезжает в Сану.

Оттуда путешественник намерен отправиться на поиски древних надписей, о которых было известно еще Нибуру. Так, он начинает разыскивать указанное Нибуром селение Хаддафа. Никто, однако, ничего не знал про это селение. Тогда Зеетцен сам пускается в путь и доезжает до Зафара. Он называет его Дофаром и принимает за город, название которого якобы плохо понял Нибур.

Согласно греческим авторам, это древняя столица

химьяритских царей. Зеетцен не видит там развалин, зато находит фрагменты надписей, двух — на камнях, попавших во вновь построенную стену, третьей — на камне, проданном ему позднее. Еще пять надписей он находит в Манкате, на камнях, заделанных в стену мечети.

Некоторое время спустя путешественник пишет одному из своих покровителей уже из Мохи и предлагает ему первым воспользоваться этой важнейшей находкой. Он посылает ему копии четырех надписей, которые ему удалось снять, не привлекая ничьего внимания (в действительности прочесть их оказалось невозможно), и чрезвычайно точное изображение камня, который он купил. Благодаря этому письму Европа познакомилась с химьяритской письменностью⁸. Зеетцен, правда, не первый европеец, увидевший химьяритские надписи (отец Паэс тоже видел их в марибском храме), но он первым их скопировал и собрал. Его, следовательно, можно считать пионером южноаравийской эпиграфики, то есть научного изучения надписей, которое по-настоящему сможет получить развитие лишь полвека спустя. Из Мохи Зеетцен пишет также свои последние письма фон Цаху.

Отсюда он хочет подняться по суше до Центральной Аравии и Персидского залива, то есть вновь идет по дорогам внутреннего Йемена, по пути, который уже прошел однажды и где невозможно было идти, не возбуждая подозрений. Без сомнения, это было его ошибкой. У него находят и отнимают его коллекции под предлогом, что он пользуется трупами животных для совершения магических обрядов, из-за чего иссякают источники. Ученый спешит в Сану, чтобы пожаловаться имаму, но в декабре 1811 г. неожиданно умирает в Таиззе. Полагают, что он был отравлен по приказу одного из властителей.

Из писем Констанана, датированных концом 1815 г., известно, что имам думая найти в багаже Зеетцена драгоценности, захватил его и был весьма удивлен, не най-

---

⁸ Под химьяритским письмом разумеется алфавитная письменность, которой составлены надписи, найденные на территории Южной Аравии. Химьяр, собственно, область, располагавшаяся в древности на крайнем юго-западе Аравийского полуострова. Незадолго до начала нашей эры здесь было создано государство, распространившее вскоре свою гегемонию на всю Южную Аравию. — *Прим. ред.*

дя там ничего, кроме астрономических инструментов, засушенных растений, книг и скудной суммы в 600 пиастров. Коллекции, заметки, записные книжки — все было потеряно; и успех путешествия Зеетцена, которое было так прекрасно подготовлено, что наука могла бы извлечь из него максимальную пользу, обернулся неудачей.

Другому человеку суждено было пойти по его стопам и добиться успеха везде, где Зеетцен потерпел неудачу. С разницей в какие-нибудь семь лет он следует за ним, как тень; и ему, оставшемуся в живых, удастся то, что не удалось тому, за кем он следовал и кто только что сошел в мир теней.

Иоганн Людвиг Буркхардт родился в Лозанне в 1784 г. Получив образование в Лейпциге, а затем в Гёттингене (университет, где учился Зеетцен), он уехал в Англию. Стремясь посвятить свою жизнь путешествиям, он предлагает свои услуги Британскому Африканскому обществу, которое их принимает.

Буркхардт садится за изучение арабского языка, химии, медицины и между делом совершает долгие пешие прогулки под солнцем, с непокрытой головой; спит он на твердом, питается только овощами и пьет только воду.

В марте 1809 г., в то время как Зеетцен в Каире пишет свою памятную записку о бедуинах, дожидаясь отхода каравана в Мекку, Буркхардт покидает Англию и отправляется в Сирию, чтобы в свою очередь посетить пограничные с Аравией области, собрать сведения о бедуинах и тоже отправиться на розыски Петры. Его тренировки с целью выгладеть настоящим арабом по своим физическим данным так хорошо дополнялись интеллектуальными занятиями, которым он был обязан прекрасным знанием Корана и комментариев к нему, написанных крупнейшими учеными ислама, что, путешествуя под именем шейха Ибрахима, он легко сходил не только за мусульманина, но и за мусульманского богослова.

В течение двух лет путешествует Буркхардт по пограничным с Сирией районам, собирая сведения о кочевниках. Уже в конце своего путешествия по Аравии, возвращаясь в Каир, он вынужден будет искать убежище на Синае, так как повсюду в Египте в это время свирепствовала чума. Там, живя среди бедуинов, Буркхардт общается к их нравам.

На основе своих наблюдений он, так же как и Зеет-

цен, создает труд, гораздо более обширный, чем труд его предшественника, и скромно озаглавленный: «Заметки о бедуинах и ваххабитах».

Параллелизм произведений обоих авторов настолько очевиден, что, по нашему мнению, совершенно невозможно допустить, будто Буркхардт не был знаком с книгой Зеетцена, вышедшей в 1810 г., и не взял ее себе за образец. Это параллельное движение к одной цели имело, по крайней мере для одной из сторон, общий результат: многословные заметки одного были лишь расширением записки другого.

Но, надо признать, Буркхардт повел свое исследование значительно дальше, чем Зеетцен. Он сумел одним мазком кисти нарисовать картину различных племенных группировок, характеризуя их с точки зрения политической, экономической и описывая их общественный строй, мораль и нравы. Он так тщательно, с таким пониманием и точностью следовал плану и тезисам Зеетцена, что ему с большим основанием можно было бы приписать славу открывателя бедуинского общества, чем открывателя Петры. Петру он осмотрел лишь бегло, а общество бедуинов описал Западу во всей полноте.

Конечно, главное уже увидел и рассказал д'Арвьё, но стоит лишь прочесть «Заметки» швейцарского путешественника, чтобы стало ясным, сколько еще оставалось увидеть и понять. И кроме того, здесь, у Буркхардта, были настоящие бедуины, свободные от всякого турецкого влияния.

Особенностью их, однако, в отличие от их собратьев, живших в Центральной Аравии, было то, что они жили на границе Сирии и Палестины и каждый год по их территории проходил караван паломников, идущий из Дамаска в Мекку. Отсюда и характерный для них способ добывания доходов, прекрасно описанный Зеетценом.

Пользуясь ужасом, который они внушали пограничным деревням, бедуины получали с них своеобразный выкуп за безопасность в течение года в виде ежегодно взимаемой дани. Такой же выкуп получали они и от каравана паломников, и просто от путников. Хранитель казны дамасского паши шел вместе с караваном. В Мезерибе его уже дожидались шейхи племен, которые значились в списке казначея как имеющие право на сурра ассултан, то есть строго установленный ежегодный об-

рок, взимаемый с «Великого константинопольского владыки». Племена, шейхи которых не имели сурры, получали компенсацию в виде продовольствия, серебра и одежды за то, что караван проходил по их территории.

Отдельные путники должны были платить транзитную пошлину. Если они брали проводника, то обязаны были платить ему установленное вознаграждение. Если же в племя хотел проникнуть купец, ему следовало подыскать там себе «брата», которому полагалось делать ежегодный подарок (шуш) и сверх того на месте давать три пиастра с поклажи каждого приведенного верблюда.

В свою очередь боевые качества бедуинов делали из них надежных покровителей. Поэтому в обмен за взятую плату племена брали на себя охрану своих плательщиков от всех опасностей, подстерегающих их на территории бедуинов. Таким образом, у них покупали безопасность, но зато она была гарантирована.

Сохранилось и положение, которое наблюдал еще д'Арвьё: племя фехейлей, например, платит ежегодную дань дамасскому паше, вместо того чтобы получать от него сурру; но паша за это позволяет им взимать налог с арабов Леджи и даже дает в помощь некоторое количество солдат, поскольку область эта состоит главным образом из неприступных районов и только летом недостаток воды вынуждает племя к заключению такого соглашения и к уплате налога.

Финансовое положение различных племен неодинаково: более сильные получают довольно большую сурру, которую частично распределяют среди слабых. Племя хавейтатов является таким крупным потребителем текстильных товаров и продовольствия, что имеет в Каире свой хан, в котором живут те, кто каждый год с караваном верблюдов пересекает весь пустынный Синай, чтобы сделать необходимые покупки.

Некоторые племена можно назвать полоторговыми. Так, племя наеймов «перевозит древесный уголь в Дамаск и платит налог паше. За ними укрепилась репутация людей с превосходными характерами».

Но есть также и обездоленные. «В долине Эль-Хамад, — говорит Зеетцен, — живут арабы сулейб, ведущие жизнь совершенно дикую... каждая семья этого племени изолирована от других и живет на расстоянии в 4—5 лье. Как мужчины, так и женщины одеты в шкуры

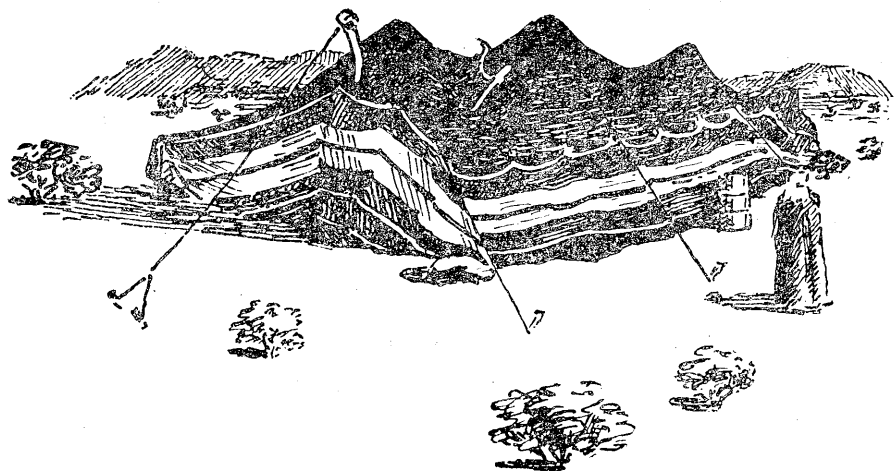
газелей и других животных; живут они не в шатрах, а в пещерах или ямах, которые вырывают в земле, и не разводят ни лошадей, ни верблюдов, ни баранов.

Каждая семья владеет лишь ослом, на котором перевозят охотничью добычу мужчины. Мужчина вооружен ружьем, и на него возложена забота о пропитании всей семьи. Большинство этих арабов не знает другой пищи, кроме дичи; если у них появляется какая-то провизия, они ее сушат, чтобы сохранить подольше; они собирают перья страуса, которые выменивают в ближайших населенных пунктах, главным образом в Хауране, на порох, свинец, кремни для ружей, серу и пшеницу».

Вслед за Зеетценом Буркхардт подробно перечисляет племена и более мелкие единицы населения каждой территории, их standing, характеризующийся для каждого племени количеством вооруженных мужчин, а также числом шатров, количеством мушкетов на каждый шатер, лошадей и верблюдов. Некоторые племена покорены ваххабитами, другие — нет. Первые платят владыке саудитов ежегодную дань под названием закят, предназначенную для ведения религиозных войн.

Буркхардт сообщает очень подробно о способах охоты бедуина (с соколом, со специально выученным зверьком, напоминающим дикую кошку), о вооружении, одежде, убранстве жилья, о еде, болезнях, обычаях, правосудии. Рассказ Буркхардта так точен и детализирован, что бедуинский шатер, например, предстает в нем целой вселенной для семьи, в нем живущей: мы узнаем название каждого из девяти опорных шестов, названия выступов, название ниспадающих углов ткани, назначение каждой веревки. Нас посвящают в строго разработанную организацию и порядок постройки жилья. Сам шатер разделен ковром из белой шерсти, расшитым цветами, на две части: левая предназначена для мужчин, правая — для женщин. На мужской половине пол покрыт персидским или багдадским ковром. Мешки с мукой и тюки, составляющие поклажу верблюдов, сложены пирамидой вокруг центрального шеста; между пирамидой и задней стенкой положены вьючные седла, на которых сидят в шатре; считается крайне невежливым ставить гостю седло у наружной стены. «В женской половине находится кухонная утварь, масло, мехи с водой и все старое платье; все это лежит возле шеста хадхера, где сидит

Шатер бедуина

раб и где днем спит собака. Угол ткани, покрывающей шатер, с этой стороны немного выдается вперед... таким образом, что его раздувает ветер. Угол этот называется роффа. Ни один человек, имеющий хорошую репутацию, не согласился бы под ним сидеть, из этого предрассудка происходит выражение: «Твое место — роффа», — служащее для определения человека презренного».

Шатры редко ставят больше чем на три-четыре дня, а лагерь может насчитывать от восьми до восьмисот шатров. Зимой, когда воды и пастбищ не хватает, все племя целиком располагается на равнине группами по три-четыре шатра, на расстоянии полутора часов ходьбы одна от другой.

Большой лагерь может выглядеть двояко: если шатры поставлены кругом, это — дуар, если же они стоят рядами — незель. Шатер шейха находится с западной стороны: именно оттуда ждут и врагов и гостей.

«Противостоять одним и оказать прием другим — главная обязанность шейха, а так как гость по обычаю должен остановиться у первого же шатра, который ему повстречается, шейх должен находиться с той стороны, откуда более всего приходит чужеземцев; для богатого человека считается даже постыдным ставить свой шатер на востоке».

В самом деле, шейх — это не то же самое, что вождь в понимании жителя Запада. Власть и преимущества шейха не таковы, как их привыкли себе представлять мы. «Шейх, — пишет Буркхардт, — не имеет никакой реальной власти над членами его племени, хотя и может вследствие личных своих качеств добиться значительно-го влияния. Приказания его могут и не выполняться, с почтением мнение его выслушивается лишь тогда, когда он считается человеком ловким как в делах политических, так и личных».

В случае спора шейх пытается его разрешить, но не может навязать своего решения. «Араба могут убедить только его собственные родственники, и если это им не удастся, между двумя семьями и соответственно их родственниками начинается война. Таким образом, справедливо утверждение бедуина, что он не признает никакого другого господина над собой, кроме властителя вселенной. В самом деле, самый могущественный вождь Аназа не осмеливается наложить даже легкое наказание на беднейшего из членов племени, не навлекая на себя при этом смертельной опасности мести этого человека и всех его родственников. Поэтому шейхи, или эмиры (как называют себя некоторые из них), не должны рассматриваться в качестве князей пустыни... Привилегии их состоят в том, что они возглавляют свое племя в борьбе с врагами, ведут переговоры о мире и войне, назначают место стоянки, угощают знатных чужеземцев; но даже в этих привилегиях их ограничивают. Шейх не может объявить войну или заключить мир, не посоветовавшись с главными людьми племени. Если он хочет снять лагерь со стоянки, он должен предварительно осведомиться о мнении своего народа насчет безопасности дорог и качества пастбищ, равно как и воды, в тех местах, куда он намерен идти. Не приказам его повинуются, а примеру его следуют...

Шейх не получает никакой ежегодной дани ни с племени, ни с лагеря. Напротив, он обязан поддерживать свое достоинство значительными расходами и расширять свое влияние с помощью больших щедрот. Дабы оправдать всеобщее уважение, он должен принимать чужеземцев с большей роскошью, чем мог бы это сделать любой из членов его племени, облегчать участь бедных и делить с друзьями полученные подарки.

Средства, которыми он располагает, чтобы покрывать все эти расходы, — это дань, собираемая им с сирийских деревень, и плата, получаемая от каравана паломников из Мекки.

Когда шейх умирает, звание его переходит к одному из его сыновей, или к брату, или к какому-нибудь другому родственнику, отличавшемуся своей храбростью и щедростью... но если другой араб племени обладает этими качествами в большей степени, он может быть избран шейхом... часто шейх низлагается и при жизни, а на его место выбирается более щедрый человек».

Не объясняет ли нам эта страница, так просто и так проникновенно написанная, столь странный для нас характер арабского правителя? Даже став государем, арабский вождь всегда считает для себя идеалом и образцом чести и доблести эти свойства бедуинского шейха. Отсюда эта расточительная и пышная щедрость, отнюдь, казалось бы, не продиктованная общественными интересами. Общественных интересов не существует, есть только спутники в войне и мирной жизни, и они идут за тем, кто из них достойнее всего воплощает их идеал рыцарства.

Это не мешает воровству считаться у бедуинов одним из проявлений рыцарских доблестей. «В некотором роде можно утверждать, что арабы вынуждены воровать и грабить». У них нет возможности просуществовать лишь за счет выгод, извлекаемых ими из разведения скота; «по опыту они знают, что, если долго сохраняется мир, богатства их скудеют; война и грабеж становятся, таким образом, необходимы».

Но в войне руководствуются кодексом чести. Так, во время атаки убивают лишь в тех случаях, если мотивом убийства служит обоснованная месть. Смысл военных действий состоит в том, чтобы быть сильнее и напасть на противника, имея больше шансов на успех. Они обрушиваются на лагерь, заваливают шатры на тех, кто там находится, захватывают добычу и бегут. Подвергшиеся нападению, сознавая свою слабость, довольствуются тем, что некоторое время преследуют грабителей, пытаясь вернуть хоть что-нибудь из украденного. Как прекрасно уловил д'Арвьё, этот вид грабежа не составляет большего преступления, чем наша охота, например. Сегодня мы сказали бы, что это похоже на спорт. Если же

пролита кровь, тогда вступает в действие право мести со всем своим сложным кодексом и может начаться законная война.

Еще более характерный «спорт» — угон скота. Трое мужчин пешком отправляются к лагерю с таким расчетом, чтобы прийти туда к ночи, и уводят скот так, чтобы никто этого не заметил и не пустился в погоню. Вор, которому удастся это сделать, считается опытным игроком и имеет право называться харами, что значит вор. Но если владелец шатра, от которого уводят скот, проснется и поймает вора, то на этот случай существует специальный кодекс, защищающий право обворованного: он может держать грабителя в качестве пленника в своем шатре, почти заживо погребенным, но все же так, чтобы он не умер, до тех пор, пока его соплеменники не явятся с выкупом. Вор же имеет право бежать, если может. Но чаще он пытается использовать самый прекрасный обычай из кодекса чести бедуинов — обычай дахала. Если какой бы то ни было человек просит другого о защите, то последний, согласно обычаю дахала, обязан тотчас же предоставить ему эту защиту и должен или гарантировать ему безопасность, или защищать его в случае необходимости. Таким образом, если вору удастся войти в контакт с третьим лицом и уговорить его быть ему дахилем, этот человек, будь он хоть соседом потерпевшего, должен освободить вора и стать гарантом выкупа, который вор со своей стороны обязуется внести. Вор же честно должен выполнить свои обязательства и не подвести своего гаранта. Если он этого не делает, он — «бок», то есть предатель, позор своего племени, и кто бы его ни встретил, может его обобрать и убить.

Выносливость, мужество и военная доблесть — вот тема песен, которые в дни праздников поют женщины, стоя группами позади шатров и аккомпанируя себе на барабане.

У мужчин же есть не только военные песни и песни, прославляющие вождя, но и песни любви. «Влюбленный, который бодрствует ночью, идет на мужскую половину того шатра, где живет его возлюбленная, или на мужскую половину шатра своего друга, если он стоит по соседству, и начинает петь свою ходжейни, песню любви, которую не прекращает до самого рассвета вместе со своими друзьями, собравшимися вокруг него».

Так рисует нам Буркхардт жизнь бедуинов. «Можно с уверенностью подтвердить, что богатство само по себе не придает бедуину значимости в глазах других. Бедный человек, если он гостеприимен и щедр, насколько это позволяют ему средства, то есть если он убивает ягненка, когда к нему приходит чужестранец, если он наливает кофе всем гостям, если он всегда готов наполнить своим табаком трубки друзей, если делит добычу с бедными родственниками, если не жалеет последней монеты, чтобы оказать честь гостям или помочь тем, кто в этом нуждается, приобретает в своем племени гораздо больше уважения и влияния, чем богатый скупец, который холодно принимает гостя и позволяет умирать от голода своим друзьям в нужде.

Так как богатство в этой «нации воров» не дает ни влияния, ни власти, человек, обладающий достатком, не получает от своего имущества удовольствий больше, чем самый бедный из племени. Самый богатый шейх живет так же, как последний из его арабов; оба каждый день едят одни и те же кушанья и в одинаковом количестве, и лучшая пища появляется лишь тогда, когда принимают чужеземца, а тогда шатер того, кто его принимает, неизменно открыт для всех друзей. Оба носят одинаково жалкое платье и месшлак. Самое большое удовольствие, которое может позволить себе вождь,—это превосходная резвая лошадь да более дорогие, чем на других женщинах лагеря, украшения для своей жены и дочерей.

Разорение... незнакомо арабам. Бедуин теряет свое добро, или когда его увозит враг... или когда он расточает его сам, чтобы показать свое гостеприимство. В последнем случае все племя осыпает его похвалами, а так как щедрый араб обладает обычно и другими добродетелями кочевника, он редко упускает возможность наверстать с помощью нескольких удачно совершенных акций то, что он так благородно потерял».

Таким образом, Буркхардт до конца объяснил Западу мнимый парадокс, состоящий в том, что эти грабители с большой дороги оказывались в то же время самыми щедрыми хозяевами и самыми надежными покровителями тех, кто им доверялся. Его сдержанное, подробное и точное описание открыло нам в бедуинах людей, которые в бедности своей и с ее помощью сумели достичь

настоящего человеческого величия, проявившегося в двух основных их качествах: щедрости и свободе.

Но, употребив все свои старания для наблюдения за жизнью бедуинов, Буркхардт не забывал и о мертвых городах и их влекущей к себе тайне.

Отдавая себе отчет в природе тех трудностей, которые мешали подойти к развалинам Петры, он использовал местные предания, связанные с этими областями, сопоставив их с библейскими рассказами об исходе евреев, которые, уйдя из Египта, прошли Синай и Петрейскую Аравию, прежде чем дошли до земли обетованной — Палестины.

Долина, где лежат развалины Петры, называется вадди Муса (то есть долина Моисея), и арабы считали, что на горе Хор, возвышающейся над городом, расположена могила брата Моисея Аарона. Буркхардт заявил, что дал обет принести на вершине горы Хор жертву Аарону... вскоре благочестивый шейх Ибрахим нашел проводника, который должен был помочь ему исполнить обет. И вот наконец узкое ущелье между пурпурными горами открыло невозмутимому Буркхардту, первому из европейцев, свою удивительную тайну; минуя узкий проход между дикими скалистыми стенами, вы внезапно оказываетесь перед монументальным фасадом в римском стиле с его манерностью и грациозностью. Вы видите дворец, украшенный скульптурой, дверь которого выходит под фронтоном, опирающийся на четыре колонны и увенчанный тремя павильонами с колоннадой, в которой помещены статуи; все это так прекрасно сохранилось, что казалось только что построенным. Приблизившись, вы замечаете: фасад вырублен в скале, а дверь ведет в склеп.

Буркхардту суждено было открыть необыкновенную долину гробниц.

Пройдя дальше по ущелью, которое теперь расширилось, он увидел на склоне горы амфитеатр. Затем скалы расступились, чтобы дать место великолепному цирку, где струился ручей. В центре руин находился так называемый дворец дочери фараона. Но каким бы безразличным ни хотел казаться Буркхардт, проводник, видя, что он направляется к «дворцу», воскликнул: «Теперь я вижу, что ты — неверный и хочешь что-то сделать с развалинами города наших предков; но мы не потерпим, чтобы ты взял хоть одну монету из спрятанных

здесь сокровищ; они находятся на нашей земле и принадлежат нам». Путешественник вынужден был доказать свое безразличие и поспешил направиться к месту жертвоприношения, чтобы смягчить гнев бедуина. Не могло быть и речи о том, чтобы хоть что-то записать или измерить. Но Петра была открыта вновь, и романтически настроенной Европе предстояло вскоре преисполниться энтузиазмом.

Одни безуспешно пытались попасть сюда (Джоллифф, сэр Фр. Хенникер), другим это удавалось (Бэнкс, Legh, капитаны Ygby и Mangle). Наконец, в 1830 г. путешественник, антиквар и художник Леон де Лаборд опубликовал рассказ о своем путешествии в Петрейскую Аравию с описаниями и, самое главное, семьдесятю гравюрами, которые представили взору читателя необыкновенную панораму дикой местности с величавой природой и монументальной архитектурой, открытой как раз кстати, чтобы привести в восторг век, в котором с одинаковой страстью обожали и задумчивые руины, и дикую красоту природы, так редко соединенные в Петре.

Именно открытие этого города принесло прежде всего славу Буркхардту.

Оттуда, как и Зеетцен, он отправился в Египет. Но целью его теперь было посещение самого сердца Африки, так как он должен был выполнить миссию, порученную ему Британским Африканским обществом. Он совершает путешествие в Нубию, но, видя, что дальше на запад пройти невозможно, возвращается к Красному морю и из порта Суакин отплывает в Джидду, куда прибывает 18 июля 1814 г.

Однако там со времени прибытия туда Зеетцена пятью годами раньше положение полностью изменилось, и снова — в пользу Буркхардта: ваххабиты ушли, оставив Хиджаз и священные города туркам и египтянам. Буркхардт поспешил воспользоваться этим, чтобы посетить Мекку и Медину. Более того, присутствие в Таифе Тусун-паши и необходимость нанести ему визит позволили нашему путешественнику первым проникнуть в этот город, имеющий репутацию самого красивого города Аравии из-за своих знаменитых садов.

В этой, второй половине своего путешествия Буркхардт перестает быть только идущим по следам Зеет-

цена; напротив, он становится первым из тех, кто, как мы увидим ниже, проник в Хиджаз вслед за победившими ваххабитов турецко-египетскими армиями.

Скажем тут же, что дальше Хиджаза Буркхардт не пошел. В июне 1815 г. он возвратился в Каир. Так как началась чума, ему пришлось уехать, как мы уже говорили, к бедуинам Синая; потом, снова вернувшись в Каир, он продолжал писать свой рассказ о путешествии. Благодаря этому Буркхардт, более удачливый, чем Зеетцен, смог оставить последующим поколениям плоды своего путешествия, хотя и недолго прожил после этого: он умер от дизентерии, когда готовился осуществить свой проект путешествия к сердцу Африки.

Отправившись на семь лет позднее Зеетцена, он умер, таким образом, шестью годами позже него — 15 октября 1817 г.; судьба подарила ему не больше времени, но зато позволила собрать более обильную жатву.

Глава III

В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АРАВИЮ ВСЛЕД ЗА ТУРЕЦКО-ЕГИПЕТСКИМИ АРМИЯМИ

В то время как Зеетцен был в Мекке, она все еще оставалась под властью ваххабитов. С 1808 по 1813 г. Сауд приходил туда ежегодно, чтобы совершить обряд паломничества. Он специально содержал там поборников добродетели и искоренителей пороков, которые так хорошо делали свое дело, что очень скоро никто уже не осмеливался курить (по крайней мере публично) или пропускать молитву.

Между тем караваны из Дамаска и Каира больше не приходили. Мекка осталась в распоряжении ваххабитов, но и только ваххабитов. Турция готовилась к реваншу.

Внутри страны Сауд продолжал вести войну за сохранение своего господства. Не было года, чтобы в промежутках между паломничествами ему не пришлось подавлять восстания. В 1808 г. то был мятеж в Омане, в 1809 г. — восстание шерифа Асира в Тихаме, который выступил против Абу Нукты, в 1810 г. — новый мятеж оманского султана и новое восстание в Асире; в 1811 г.

наступает черед Хасы, расположенной на берегу Персидского залива, в 1812 г. одновременно поднимаются Оман и Бахрейн.

Сауд не только подавляет эти восстания, но и считает возможным послать в 1810 г. свои отряды на сирийскую границу почти до самого дамасского порта.

По мнению турецкого султана, это было уже слишком: ему бросали вызов непосредственно из его провинции. Поэтому в этот раз он всерьез готовится к контратаке.

Летом 1811 г. турецкие войска были посланы в Египет, а Мухаммед Али⁹ получил от своего сюзерена приказ атаковать ваххабитов. И вскоре 14 тыс. человек, во главе которых Мухаммед Али поставил своего сына Ахмеда Тусун-пашу, высадились в мединском порту Янбо. Это было начало состоящего из множества эпизодов отступления и крушения ваххабитской державы.

В то же время это было вступление на арабскую землю многонациональной армии, где можно было встретить кого угодно. Прежде всего — турок, которые, хотя и исповедовали ислам, снискали на протяжении долгих лет ненависть арабов — представление об этом давал уже рассказ д'Арвьё. Как он писал, бедуины хранят отдельно, в специальных кошельках, деньги, получаемые от турок, так как во всем, что идет от турок, они видят лишь причину «взяточничества, тирании, ростовщичества и крови неимущих. Однако это не мешает им, — добавляет д'Арвьё, — брать деньги с жадностью: у них есть способ исправить положение вещей», ибо достойное употребление этих денег способно изменить их низкую природу.

Кроме турок в армию, напоминающую европейские армии как своим вооружением и тактикой, так и красными мундирами солдат, входили и египтяне.

Армию сопровождала целая группа «неверных» — европейцев: инженеров, пиротехников, врачей, фармацевтов. Среди них были и европейцы, принявшие по тем или иным причинам ислам. Так, Томас Кейт из 72-го шотландского полка стал у мамлюков «ага» и в 1815 г.

---

⁹ Мухаммед (Мехмет) Али (1769—1849). В 1804 г. возглавил антитурецкое движение в Египте и с 1805 г. стал правителем страны как «наместник» султана. -- *Прим. ред.*

занимал самую удивительную должность, которую когда-либо мог занимать шотландец, — пост губернатора священного города Медины. В 1834 г. Тамизье встретил на одной из батарей англичанина Аткинса.

Но люди эти, прошедшие, без сомнения, через удивительные приключения, не оставили никакого рассказа об этом, ни письменного, ни устного. Только один из них продиктовал позднее свои воспоминания англичанину Бэнксу, который опубликовал их в 1830 г. Это был итальянец Джованни Финати, дезертировавший в Далмации из французской армии, перешедший к туркам, принявший ислам и завербованный в Каире в египетскую армию, в рядах которой он и принял участие в аравийской кампании. Но рассказ его интересен главным образом описанием условий службы в египетской армии.

Вступление этой армии в Северную Аравию не прошло все-таки бесследно для знакомства с географией и людьми этой страны. Достаточно было того, что хотя бы некоторые из участников похода сумели что-то увидеть и описать, — и вот уже появились новые данные, суммировав которые ученым удастся со временем создать карту района.

Навстречу высадившейся в Янбо армии Сауд посылает войска (18 тыс. человек по крайней мере), во главе которых ставит своего сына Абдаллаха.

Первая же битва — при Эль-Хаифе, стоящем на пути в Медину, — окончилась победой ваххабитов; турки отошли к Янбо, а Сауд вместе со своим сыном совершил паломничество.

Но в 1812 г., получив подкрепление и заключив союз с двумя племенами, турецко-египетские войска берут Медину. В начале 1813 г., едва Сауд успел закончить свое паломничество и ушел из города, захватчики начали наступление на Мекку, эмир которой (тот самый, что принимал Али-бея) поспешил к ним присоединиться.

И ваххабиты начинают быстро терять свои позиции в Хиджазе. Абдаллах и его войска уходят из Мекки, а потом из Тайфа; племена одно за другим начинают присоединяться к египтянам. В то время как сын Сауда продолжает удерживать свою крепость — город Турабу, — сам Сауд предпринимает поход с целью вернуть к повиновению племена Хиджаза. Но в следующем, 1814 г. Сауд умирает. И пока Абдаллах и Тусун с пере-

менным успехом воюют друг против друга, сам Мухаммед Али занимает вскоре Турабу, затем Бишу и Табалу, Ранию и Хамис-Мушайт и, наконец, Эль-Кунфиду.

Резиденцией своей Мухаммед Али сделал Таиф, и именно там случай предоставил возможность Буркхардту его посетить и вследствие этого первым увидеть город, имеющий славу самого красивого города Аравии, славящийся своими садами, розами и фруктами, которые продавались на рынке в Мекке.

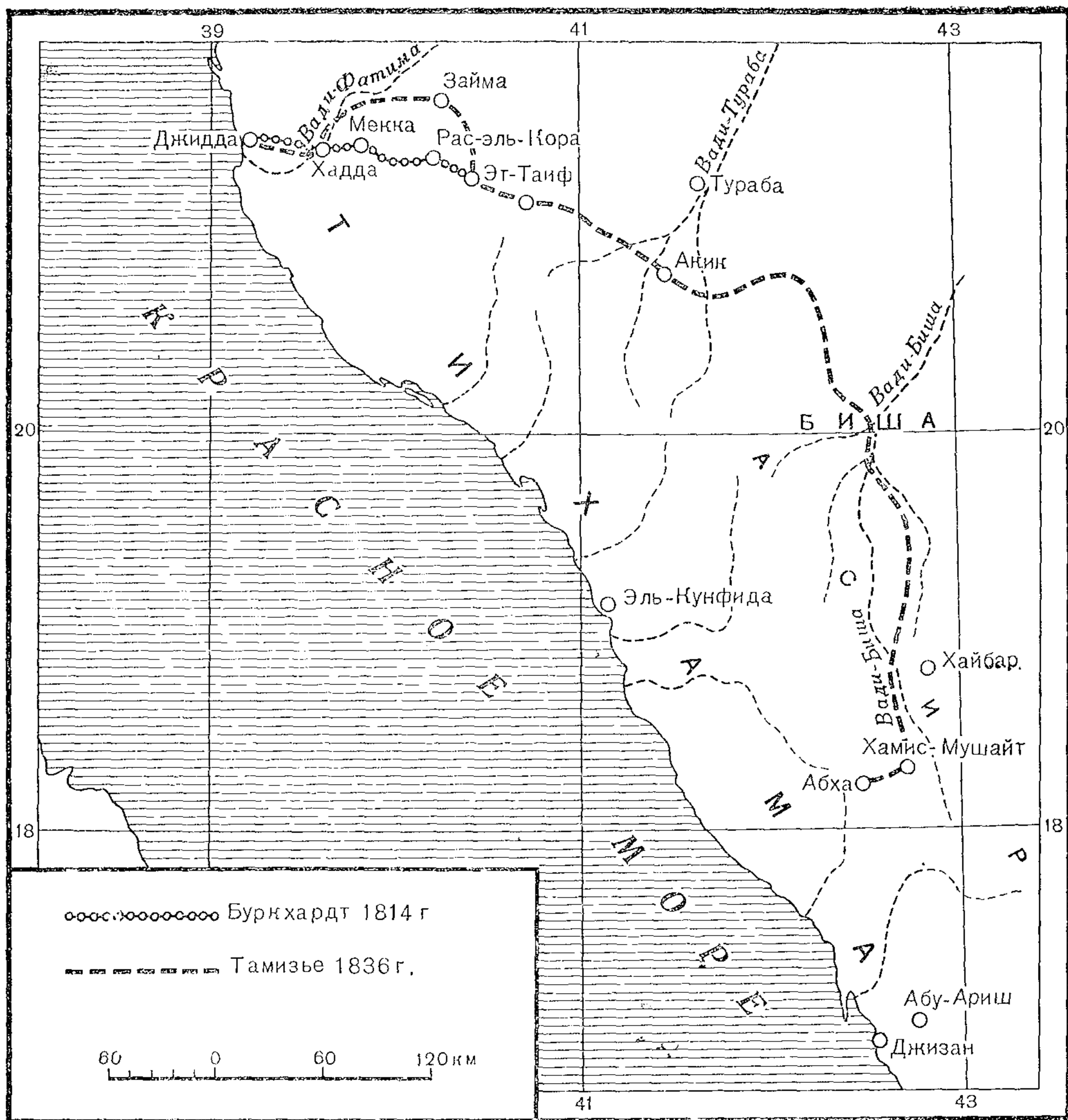
Прибыв в Джидду, Буркхардт оказался совершенно без денег, так как его векселя, имевшие хождение в Каире, здесь оплачивать не хотели. Больной и лишенный средств, он вынужден был продать своего юного раба. Затем, не видя другого выхода, он написал письмо Мухаммеду Али, с которым был знаком ранее в Каире. Но один более толковый человек взял у него вексель, подлежавший оплате в Каире, что положило конец денежным затруднениям Буркхардта. Однако паша, вне зависимости от всех финансовых вопросов, вскоре велит сообщить Буркхардту о своем приглашении посетить Таиф.

Мухаммед Али был убежден, что этот швейцарец — английский шпион, который немедленно сообщит в Индию обо всем, что увидит в Аравии. В Каире только что получила известность книга Али-бея, и знатные особы были озабочены тем, чтобы не предстать еще раз глупцами в глазах иностранцев. Поэтому-то позднее паша и заявит во всеуслышание в Каире, будто он всегда знал, что Буркхардт — английский шпион. В Таифе же он, напротив, поторопился объявить его хорошим мусульманином. Это-де каждому заметно, а все подозрения лишены оснований.

После десятидневного пребывания в Таифе, где за ним следили и где он не осмеливался выходить за пределы города, Буркхардту удалось добиться, чтобы его с миром отпустили в Мекку.

Он приезжает туда в декабре 1814 г. и пытается жить «так уединенно, как только возможно, выдавая себя за хаджи или за частное лицо из Египта».

После почти месячного пребывания в Мекке Буркхардт отправляется в Медину и там, заболев, остается до начала апреля. От посещения Хаджара он отказывается и направляется на север; затем из Янбо снова пускается

Асир

в путь по морю, счастливо избегает чумы, которая свирепствовала в порту и даже на корабле, и вопреки всему прибывает-таки в Шерм. Оттуда он пешком идет в Суэц, куда приходит 26 июня.

Он избежал болезни на этот раз, чтобы погибнуть от нее, как мы уже видели, двумя годами позднее. Но за это время он написал «Путешествие в Аравию» и «Заметки о бедуинах», вышедшие почти сразу после его смерти.

Здесь еще раз проявился исключительный талант Буркхардта — уметь понять то, что он видит. Как далек его рассказ от анекдотического поверхностного описания, которое мог бы сделать любой прохожий! Например, о Джидде, об этой гавани, посещаемой всеми, кто по ка-

ким-либо причинам приезжал в Северную Аравию, он написал сорок страниц, которые дают возможность не только увидеть город, различные его кварталы, улицы, памятники и жителей, но и прежде всего — понять его своеобразие. Каждое слово текста — значимый факт или полезная справка.

Вот, например, что пишет он о населении Джидды: «Подобно населению Мекки и Медины, это почти сплошь чужеземцы. Потомки древних арабов, некогда населявших город, либо погибли от руки правителей, либо удалились в другие страны. Жители, которых по праву можно назвать аборигенами, встречаются лишь в нескольких семьях шерифов; все это люди ученые, деятельность которых связана с мечетями или с судом; остальное население Джидды либо чужеземцы, либо происходят от чужеземцев; среди них более всего выходцев из Хадрамаута и Йемена; в Джидде имеются колонии всех городов и провинций страны, и все эти колонии поддерживают активную торговлю со своими родными городами. Здесь же осела почти сотня индийских семей, в большинстве своем — из Сурата, но есть и из Бомбея; к ним можно присоединить малайцев и уроженцев Маската. Выходцы из Египта, Сирии, Берберии, Турции, Европы и Анатолии еще могут узнать себя в чертах потомков, хотя все смешались в общую массу, одинаково одетую и живущую на арабский манер. Одни только индийцы все еще образуют отдельную группу, отличающуюся нравами, костюмом и родом занятий.

В Джидде нет осевших там христиан, но люди с островов Архипелага привозят время от времени на здешний рынок товары из Египта... Некогда посредничеством в торговле занимались в этом городе евреи, но вот уже сорок лет, как они изгнаны отсюда Серуром... и так как некоторые из них дурным своим поведением причиняли другим оскорбления, все они удалились в Йемен и Сану.

Во время муссонов Джидду посещают иногда банья. Приезжают они на индийских кораблях, но вместе с ними и возвращаются назад, никто из них здесь не остается.

Эта смесь рас в Джидде есть следствие паломничества, во время которого богатые негоцианты приезжают в Хиджаз со значительным грузом товаров, и, так как

некоторые торговцы не успевают урегулировать все свои счета немедленно, они остаются до следующего года. В продолжение этого времени они сожительствуют, согласно обычаю страны, с юными абиссинскими рабынями, на которых затем и женятся. Оказавшись в конечном итоге с семьей, они склоняются к тому, чтобы остаться в этом городе. Таким образом, каждое паломничество способствует новому увеличению населения не только Джидды, но и Мекки, что, в сущности, совершенно необходимо, так как число умерших в обоих городах намного превосходит число родившихся».

Сведения, которые Буркхардт дает о торговле, неисчерпаемы: начиная с самых общих положений и кончая описанием самых маленьких лавочек; он называет их число, перечисляет то, что там продается, называет национальность торговцев каждым родом товаров, замечает цены, их изменение, определяет капитал больших купеческих контор, говорит о механизме повышения и снижения цен.

И эти простые зарисовки точных и полезных деталей наполняют в то же время жизнью всю картину. Одно только описание лавочек — целый документ о жизни жителей города, более точный и более объективный, чем любой другой.

Мы видим город, которому свойственны главным образом такие заведения, как «кафе». Число их достигает двадцати пяти, и люди выпивают там от трех до тридцати чашек кофе в день. Курят невероятно много; еще бы: тридцать один торговец табаком! Вот что значит — нет больше ваххабитов. Играют в мангал и в шашки, ибо толпа клиентов состоит из негоциантов третьего разряда и моряков; шерифы играют в шахматы у себя дома.

Затем на сцене появляется двадцать один торговец маслом, и если торговля маслом так распространена, то это значит, что у жителей Джидды принято по утрам отвеждать чашечку растопленного масла, за которой следует добрый черный кофе. Потом речь заходит о восемнадцати лавочках, где торгуют овощами и фруктами из Таифа, медом — из Хиджаза и финиками. Затем — пять торговцев блинчиками, бобами, сладостями; двенадцать торговцев хлебом, два — кислым молоком, два — супом.

Есть также восемнадцать индийских торговцев москательными товарами, которые продают бумагу, свечи, са-

хар, духи, ладан, кардамон, гвоздику, перец и бутоны роз из Таифа; одиннадцать лавочек, торгующих небольшими предметами традиционной индийской торговли: трубками, деревянными ложками, четками, зеркальцами, картами и т. д., не считая китайского фарфора, венецианского стекла и агатовых бус.

Шестеро суконщиков торгуют сукнами из Франции, а также полотном и кашемиром из Индии. Из Египта привозят медную посуду, оттуда же приезжают штопальщики бурдюков для воды, сапожники, шьющие сандалии, кузнецы, мясники... Часовщик же — турок и продает английские часы.

Что касается Таифа, Буркхардт, без сомнения, посетил его первым, но он не видел садов. Оставим же его продолжателю Тамизье возможность воссоздать картину этих садов во всей их красе. Глазам Буркхардта предстали печальные развалины — свидетельство взятия города ваххабитами в 1802 г., да могила местного святого, разграбленная этими фанатиками. В городе, некогда знаменитом изобилием своего рынка, он не увидел ничего, кроме нищеты.

Продвигаясь внутрь Хиджаза по направлению к Таифу, Буркхардт увидел и описал пейзаж, о существовании которого в Аравии ранее не подозревал. В самом деле, на вершине горной цепи, которую он пересек, прежде чем спуститься в долину Таифа, он обнаружил место, совершенно его очаровавшее: густая зелень и тенистые деревья, выделяющиеся на фоне скал, зеленые склоны с яркими пятнами фруктовых деревьев, напоминающих фруктовые деревья Европы, виноградники и, наконец, целые поля пшеницы, ячменя, лука — все это создавало восхитительную картину. Воздух был насыщен ароматом, зелень — осыпана росой, а на берегу ручья со вкуснейшей водой росла высокая трава. То был неожиданный и редкий пейзаж Аравии.

Заслуга Буркхардта при описании Мекки и на этот раз состояла в умении понять главное. Он прочел и использовал арабские тексты, касающиеся священного города и его истории, и они помогли ему больше узнать и лучше увидеть. Так, например, ему стало известно, чем была Кааба до ислама.

«До Мухаммеда, когда Аравия была языческой, Кааба была предметом поклонения, и предки мусульман

приходили сюда совершать тавваф, то есть семь кругов, как делают сегодня и их потомки. Здание украшали тогда фигуры ста шестидесяти богов. Однако имелась существенная разница в манере совершения церемонии, ибо в то время мужчины и женщины должны были являться сюда совершенно обнаженными, отбрасывая свои грехи вместе с одеждой; таким образом, хадж, или мусульманское паломничество, есть не что иное, как продолжение старого обычая».

Али-бей не оставил нам разъяснений относительно смысла семи путешествий между двумя холмами — Сафвы и Меруа; Буркхардт же дает и их:

«Точно так же Сафва и Меруа рассматривались древними арабами как священные места, запечатлевшие в себе образы богов Мотана и Нехика; и язычники ходили от одного к другому, возвращаясь с паломничества на гору Арафат. Согласно мусульманскому преданию, именно отсюда мать Исмаила Агарь, изгнанная из дома Авраама, побрела в пустыню, чтобы не видеть, как испустит дух ее сын, которого она оставила умирающим от жажды. Но вдруг перед ней появился архангел Гавриил, ударил ногой о землю, и оттуда брызнули воды Земзема. Говорят, что прогулку от одного священного места к другому начали совершать в память о том, как отчаянно металась Агарь, семь раз пробежав от Сафвы до Меруа».

Буркхардту известно также, что Кааба была полностью реконструирована в 1627 г. и что акведук, по которому вода приходит в город с горы Арафат, был построен Харун ар-Рашидом (знаменитый халиф из сказок «Тысячи и одной ночи»).

Более того, Буркхардт видел Мекку после паломничества, то есть в самое обычное время. Благодаря ему мечеть предстает перед нами в новом свете. Она служит местом прогулок, то есть — да будет мне позволено это сравнение — таким же, как Елисейские поля:

«Тысячи зажженных во время рамадана ламп большой мечети делают из нее место свиданий для иностранцев. Они приходят сюда прогуляться либо просто сидят группами и разговаривают».

Мечеть служит также и школой, где группы учеников сидят у подножия колонн и, раскачиваясь, повторяют Коран. Здесь в случае необходимости можно найти улич-

ного писца или продавцов магических заклинаний, написанных на обрывках пергамента. Но рядом со всем этим в тени колоннад покоится Дом господень и правоверных мусульман, и после ухода паломников тот, кто слишком болен, чтобы идти, или же слишком беден, приходит сюда и простирается ниц, обратясь к Каабе, чтобы дожидаться смерти. И когда она приходит, какой-нибудь прохожий накроет ему лицо, пока служители храма не позаботятся о его погребении...

Али-бей остановился у Медины, куда ваххабиты запретили вход правоверным. Но так как теперь ваххабитов там уже не было, Буркхардт сумел войти в город и оставил нам описание гробницы пророка, построенной в начале XVI в.

Гробница окружена железной решеткой, в которой кое-где прорезаны небольшие окна; над гробницей возвышается купол, а вокруг него помещено множество стеклянных ламп. Сквозь решетку можно видеть обтянутое тканью четырехугольное здание — Хеджру, поддерживаемое двумя колоннами. Там покоятся Мухаммед, Абу Бекр и Омар. Шелковая ткань, окутывающая гробницу, заткана цветами и серебряными арабесками, надписи на ней вышиты золотом; когда она изнашивается, из Константинополя присылают новую, старая же служит для покрытия гробницы султана или принца.

«Магометанское предание гласит, что, когда протрубит последняя труба, Айса (Иисус Христос) должен спуститься с небес на землю, чтобы объявить ее жителям о великом дне суда, после чего сам он должен умереть, и похоронят его в Хеджре рядом с Мухаммедом. Затем, когда мертвые восстанут из могил, оба они восстанут тоже, вместе поднимутся на небо, и в этот день Айса примет от бога миссию отделения верных от неверных. В соответствии с этим преданием через покрывало Хеджры показывают то место, где будет гробница Айсы».

С другой стороны находится могила Фатимы, дочери Мухаммеда и жены Али.

В районе Медины посещают еще два священных места. Первое — деревня Коба. Около этой деревни Мухаммед сделал первую остановку, когда окончательно покинул свой родной город Мекку, не принявший его веры, и переселился в Медину, где была начата его пророческая деятельность (хиджра). В окружении нескольких

деревьев там стоит «самая заурядная мечеть и тридцать-сорок домов вокруг нее».

Другое почитаемое место — там, где Мухаммед принял решение обращаться отныне во время молитвы не в сторону Иерусалима, а в сторону Мекки. Решение это, наполненное глубоким смыслом и значением, было принято в Эль-Кибле, расположенном в часе пути к северо-западу от Медины и ставшем объектом благоговейных посещений. В Эль-Кибле сохранились два грубых столба, символизирующих два направления¹⁰.

Таким образом, Буркхардт углубил и расширил знания о районе священных городов. Несмотря на то что он побывал в Таифе, путешественник не столько открыл перед нами неизвестное, сколько блистательно объяснил и описал то, о чем знали лишь приблизительно.

В то время как мнимый шейх Ибрахим возвращался в Египет, сообщение о волнениях в столице заставило Мухаммеда Али в свою очередь вернуться в Каир.

Тем временем война между Ахмедом Тусун-пашой и Абдаллахом продолжается. Но в середине 1815 г. Мухаммед Али посылает своему сыну приказ заключить мир и вернуться. Был ли то страх перед положением, сложившимся в мире в результате бегства Наполеона с острова Эльбы? Или опасения, продиктованные слабым здоровьем Ахмеда Тусуна, который действительно двумя годами позже умрет, как полагают — от помешательства? Во всяком случае, мир был подписан.

Но противники не могли на этом остановиться. Священные города подвергались опасности нового нападения ваххабитов, и Мухаммед Али должен был поразить ваххабитов на их собственной земле, чтобы предупредить нападение.

Абдаллах со своей стороны счел долгом наказать вероломные племена. Провинция Касым, которой это грозило, поспешила послать гонцов к Мухаммеду Али, так как он собирался возобновить войну весной 1816 г.

На этот раз Мухаммед Али поручил внушительную армию своему юному сыну — Ибрахиму, который был лучшим солдатом, чем его старший брат, отличался несокрушимым упорством и при этом был чужд религиозного фанатизма.

¹⁰ К Мекке и Иерусалиму. — *Прим. перев.*

Ибрахим возил с собой в качестве адъютанта французского инженера Вэйсьера; кроме того, его сопровождали четыре врача-итальянца: Ското, Джентили, Тодечини и Социо. Но они не оставили о своем путешествии никакого рассказа или сообщения.

Весьма распространенный в то время анекдот приписывал Ибрахиму следующую тактику: так как ваххабитская столица Дерийя лежала как яблоко в центре ковра, нужно было постепенно скатывать этот ковер, до тех пор пока яблоко не оказывалось у вас в руках. Другими словами, следовало постепенно заручиться поддержкой племен и продвигаться вперед лишь тогда, когда данная область будет на вашей стороне.

И он осуществил свои планы. Заключив союз с большими племенами харб и мутейр, он проник в Касым и осадил город Расс. Его упрямство намного превосходило его военный гений, но, хотя он потерял четыре месяца и сотни людей перед земляными укреплениями, ему в конце концов сдались города Анайза, Бурайда, а затем — Музниб, Ушайкир и Фараа, а два больших бедуйских племени на юге — неджда-атеяба и бени-халид присоединились к нему в качестве союзников.

В январе 1818 г. героическое, но напрасное сопротивление Ибрахиму оказала Шакра, но вслед за ней полностью капитулировала вся провинция.

Абдаллах укрепляется в Зурме, но Ибрахим берет и этот город. Битва стоила ему шестисот человек, и восьмисот — защитникам города. Женщин и детей Ибрахим отправляет в Дерийю. Столица отныне — единственный противник, который может дать ему отпор; готовится решительная битва.

Ваххабиты будут держаться с упорством отчаяния. Но и упорству Ибрахима не будет предела. Битва за Дерийю, начатая 11 марта 1818 г., окончится только 5 октября, когда после шестимесячной осады город будет наконец взят. Ваххабиты потеряли 1300 человек убитыми и среди них — трех братьев эмира и восемнадцать членов правящей семьи. Со своей стороны турки оставили на поле боя 10 тыс. человек.

За девять месяцев Ибрахим установил в Дерийе царство террора. Хотя с членами саудовской семьи обращались с подобающими им почестями, подобное обращение не распространялось на представителей духовной иерар-

хии. Некоторые из них были расстреляны, другие — при-
вязаны к жерлам пушек и разорваны на куски, медицин-
ского кади били и пытали. Наконец, от самого Мухамме-
да Али пришел приказ снести город до основания (что и
было сделано в июне 1819 г.), скрыть городские форты
и земляные валы на всех прилегающих территориях и
уйти из Центральной Аравии, оставив ваххабитскую дер-
жаву раздробленной и уничтоженной.

Англия не без интереса наблюдала за всеми этими
событиями. Ей очень было желательно видеть в Персид-
ском заливе установление мира и безопасности, в Ибра-
химе же она видела человека, способного поддерживать
это состояние, если только он был намерен, как она на-
деялась, присоединить Центральную Аравию к своим
владениям и править на всей этой территории. Сама Ан-
глия уже вела в заливе борьбу с пиратами, чтобы гаран-
тировать там свободу торговли и спокойствие рыбакам
и ловцам жемчуга, и с этой целью вошла в союзнические
отношения с имамом Маската (с которым у нас еще бу-
дет случай встретиться). Она думала, что Ибрахим —
это новая опора. Поэтому из Бомбея на военном судне,
которое вошло в пролив летом 1819 г., был послан ди-
пломатический эмиссар — капитан Джордж Форстер
Сэдльер.

Множество неудач ожидало его. Он имел приказ про-
щупать имама Маската относительно возможности сов-
местной помощи, которая может быть предложена Иб-
рахиму со стороны имама и Англии. Но оказалось, что
имам абсолютно не расположен к принятию этого плана,
так как он управлял как раз одной из тех держав, кото-
рые Мухаммед Али приказал своему сыну уничтожить...
Кроме того, причалив к берегу, где он рассчитывал най-
ти уже сложившийся турецко-египетский режим, Сэдльер
нашел там представителя Ибрахима, не имеющего ника-
кой реальной власти и готовящегося убраться восвояси
вместе со своим отрядом. Наконец, посланник узнает, что
Ибрахим должен, несомненно, находиться где-нибудь
в Неджде, но никто не мог сказать ему, где именно, так
как, не сумев удержать свои завоевания, как на то на-
деялась Англия, Ибрахим уже ушел из Дерийи и начал
всеобщую эвакуацию.

Как быть? Основной цели посольства Сэдльера боль-
ше не существовало, поскольку Ибрахим собирался уйти

из Неджда. Оставались, правда, второстепенные пункты программы: передать победоносному паше меч почета и побеседовать с ним, «не выказывая при этом никакого к тому специального интереса». Дабы исполнить этот свой долг, каким бы тягостным он ему ни казался, Сэдльер решил отправиться на свидание с Ибрахимом.

Он собирался совершить, не проявляя к этому ни малейшего интереса, путешествие, в котором столько людей, более образованных, увидело бы единственную и бесконечно ценную возможность пополнить человеческие знания. Но увы! Он так же мало знал об Аравии, ее истории и обо всем, что ее касалось, как и о бедуинском народе и арабском языке.

«Для него, — писал Хогарт, — как и для большинства британских солдат, все «аборигены» были одинаково безразличны и отвратительны».

Однако «аборигены» эти были достаточно хитры, чтобы понять, что он прошел через всю Аравию, как «тюк с товарами, выгруженный на одном берегу и посланный оттуда на другой берег» — сравнение, служащее синонимом для определения человека, который ничего не видит, ничего не замечает, ни на что не реагирует. В данном случае Сэдльер был слишком чувствителен к своим собственным неприятностям во время пути, сугубо личным событиям, которые не могут никого заинтересовать надолго.

Он пустился в дорогу 28 июня, дошел до лагеря шейха племени бени-халид, а пятнадцать дней спустя, испытывая бесконечные страдания в обществе этих «неугомонных варваров», которые ему служили проводниками и охраной, прибыл в Хуфуф, в оазис Хасу. После Рейно он был вторым европейцем, посетившим Хуфуф, но все детали в его описаниях сводятся лишь к высоте городских стен из засохшей земли да истории жизни военачальников. О Хасе он сообщает нам, что там есть озеро и источники, но нет рек.

Тем временем египетский гарнизон собирается выступить, получив приказ соединиться с основными силами в Судайре, и Сэдльер присоединяется к нему. Войско вместе с шестьюстами верблюдов снимается с места 21 июля. Оно проходит мимо одного из колодцев Вади-Рума, и Сэдльер отмечает, насколько легко было бы сделать Неджд совершенно неприступным с востока, просто-

напросто уничтожив с этой целью колодцы, единственное спасение для тех, кто пересекает Нефуд-Дахну. Однако этим летом им хватило бы воды, так как выпало много дождей.

По пути к разрушенной столице гарнизон проходил мимо Манфухи, жители которой выманивали у египтян по пиастру за три яйца и по четыре доллара за барана. Сэдльер заметил поля хлопка, дурры (просо), пшеницы, ячменя; каменные дома и обширные пальмовые рощи, орошаемые водой глубоких колодцев. Потом солдаты прошли несколько южнее Эр-Рияда, который станет скоро новой столицей Неджда, и миновали развалины и разоренные сады Дерийи.

Повсюду царило запустение, оставленное войной, и население настроено было враждебно. Даже бедуины, номинальные союзники египтян, забыли об этом.

Четыре дня пути сначала через Вади-Ханифа, потом — через пустыню из песка и гравия привели войско наконец в Шакру, и очень жаль, что Сэдльер почти ничего не говорит об этом районе, которого не описал еще ни один европеец. Пройдя через рукав Нефуда, они приходят в Анайзу. Сэдльеру говорят, что Ибрахим остановился в Рассе, в двух днях пути отсюда. Сэдльер спешит туда, но находит лишь армию, сам же паша уже отправился в путь по направлению к Медине.

Терпение Сэдльера исчерпано. Совершенно очевидно, что Ибрахим не делает ничего, что могло бы способствовать их встрече. Англичанин настаивает на том, чтобы его проводили обратно в то место, откуда он начал свой путь, то есть до Басры, где уже все было готово к его отъезду. Но представитель паши отказывается взять на себя ответственность отправить Сэдльера через земли враждебных племен. Сэдльеру не остается ничего другого, как вопреки своей воле следовать в Медину.

Вместе с военным отрядом Сэдльер за семь дней проходит путь до Ханакийи, и два дня спустя — он уже в пригороде Медины. В город ему войти не разрешают и направляют к Бир Али, где он встречает Ското, одного из итальянских врачей, участвовавших в походе.

Наконец, 8 сентября английский посланник добился аудиенции у паши, но она оказалась безрезультатной. Ибрахим убеждал, что он сам — лишь орудие в руках Его Императорского Величества из Стамбула. Он ничего

не знает, он ничего не может ни слушать, ни решать. Сэдльеру остается теперь лишь добраться до Яцбо вместе с дамами из гарема Ибрахима, и там 20 сентября он заканчивает свой переход через Аравию с востока на запад.

Морем он добирается до Джидды, где снова встречается с Ибрахимом, который просит его передать генерал-губернатору Индии ничтожнейший подарок — нескольких лошадей. Паша, по-видимому, не испытывал ни малейшего интереса к Персидскому заливу и его проблемам, и миссия Сэдльера оказалась абсолютно напрасной. Задержавшись в Джидде еще на четыре месяца, он смог покинуть Аравию лишь в январе 1820 г. Чуть позднее его снова отправили с миссией, на этот раз в Синдх.

В апреле 1821 г. на заседании Бомбейского литературного общества было прочитано его первое донесение о путешествии, но дневник Сэдльера был опубликован только полвека спустя — в 1866 г., после того как путешествие Пэлгрева пробудило интерес читающей публики к Неджду. Однако наука ничего от этого не потеряла. Сэдльер остается примером того, чем не должен быть исследователь, примером человека, оказавшегося вовлеченным в самое сенсационное путешествие и не сумевшего вследствие отсутствия элементарных знаний и доброжелательного понимания всего того, что не касалось его собственной страны, извлечь из этого путешествия никакой пользы. Но он был точен, и в этом его достоинство. У него был с собой хороший компас, и он пытался, насколько мог, отмечать дорожные вехи, названия деревень и продолжительность пути от одного пункта до другого. Таким образом, на карте его путешествие выглядит простой линией, прочерченной в огромном неизведанном пространстве Центральной Аравии. В его дневнике можно найти также несомненно объективные данные, касающиеся соотношения кочевых и оседлых племен в Южном Неджде, а также характера населенных пунктов, условий земледелия и торговли, положения населения во время египетской оккупации.

Между тем географические сведения, неизбежно приобретаемые офицерами армии, совершающей поход, а также данные, полученные невольными путешественниками, вроде Сэдльера, могут стать чрезвычайно ценными, если окажутся в руках ученого, который их соберет, орга-

низует и дополнит насколько возможно, с тем чтобы на их основании можно было бы создать географическую карту. Такой ученый нашелся. Не будучи путешественником, он, подобно Ля Року, обработавшему записки Ля Грелодьера и Барбье, собрал результаты, полученные различными путешественниками, и извлек научные знания из того, что могло бы остаться кучей бесполезных и непродуктивных заметок.

Когда Наполеон готовил египетскую кампанию, он думал не только о военных действиях. Воспоминания об Александрии не давали ему покоя, и он гениально предусмотрел необходимость культурных контактов между его войсками и населением неизвестных земель, предугадал, какой гигантский шаг вперед сможет сделать Европа в расширении своих знаний в результате установления этих контактов. Поэтому весной 1798 г. он произносит речь в стенах Французской академии, держа в руках оба тома «Путешествия в Аравию» Нибура, и заявляет о своем намерении взять с собой в Египет ученых, которых изберет для этой цели почтенное собрание. 19 мая французский флот уже увозил вместе с 2 тыс. орудий 175 «штатских эрудитов», библиотеку, в которую входила большая часть трудов о Египте, вышедших во Франции, и несколько дюжин сундуков, наполненных научной аппаратурой и измерительными инструментами. Именно так отправлялся Наполеон в Египет.

Ему не удастся завоевать эту страну, но зато он откроет для археологии Египет древний. Ученые Наполеона, сами очарованные египетскими памятниками, знакомят с ними мир и начнут их изучение.

В этом отряде исследователей были не только ориенталисты во главе с импозантным Домиником Виван Деноном, который станет первым энтузиастом египетской археологии. Были там также и астрономы, геометры, химики, художники, поэты, а среди географов — молодой и уже известный Эдме Франсуа Жомар.

Он с таким жаром посвятил себя выполнению своей задачи и так привязался к Египту, что и вернувшись во Францию, будучи уже академиком (в обязанности которого входило осуществление множества других работ кроме публикаций документов, привезенных из Египта), не прекращал интересоваться этой страной. Он был в превосходных отношениях с Мухаммедом Али и даже убе-

дил его в необходимости образования молодежи, которая могла бы служить прогрессивному развитию страны. Именно по его предложению Мухаммед Али выбрал нескольких молодых людей и послал их в Париж. Жомар сам занимался их устройством и затем руководил занятиями этих молодых египтян в области науки, литературы и искусства. Он был также пионером той, теперь уже отмечающей свое столетие, помощи, которую Франция прежде других оказала Египту в повышении культуры этой страны и в обучении ее молодежи. Египет, таким образом, остановил Наполеона, но сохранил преданность Жомара и ему подобных.

После аравийской кампании Ибрахима Жомар, озабоченный тем, как бы не упустить ни одного источника, собрал все заметки, составленные армейскими штабами. Он нашел в Каире шейха из Неджда, родственника ваххабитского пророка, и с его слов записал все сведения о родине пророка. Эти сведения помогли Жомару создать общее географическое представление о Центральной Аравии.

Более того, как известно, в первой половине XVII в. был написан, а в 1750 г. отпечатан в Стамбуле турецкий географический очерк, содержащий гораздо больше сведений, нежели труды Абу-ль-Фиды и Идриси; это был «Джихан Нума»¹¹, автор которого, образованный турок, сам, по-видимому, побывал в Центральной Аравии. Он считает, что она состоит из четырех областей. Это с юга на север: 1) Йеменский Неджд, обширный пустынный район, окаймленный плодородными оазисами (Неджран, Давасир и Джабрин); 2) Аридский Неджд с его многочисленными вади; 3) нижняя часть Касыма; 4) Шаммарское нагорье с рядами высоких холмов.

Эти области автор «Джихан Нумы» описывает, к сожалению, в очень общих чертах и называет лишь некоторые города.

Содержащиеся в книге географические сведения превосходят точностью то, что написал о Центральной Аравии Нибур. Буркхардт знал этот очерк, что помогло ему

---

¹¹ Считается, что автором «Джихан Нумы» был Катиб Челеби, однако к моменту ее издания (вероятно, в 1732 г., а не в 1750 г.) рукопись обросла дополнениями и подражаниями, а также неоднократно подвергалась «обработке» почитателями прославленного Хаджи Хальфы. — *Прим. ред.*

составить общее представление о стране, которую он не видел собственными глазами.

Жомар, используя данные «Джихан Нумы», сведения, полученные им непосредственно от ваххабитского шейха, и заметки, составленные штабами армий, написал «Географическую справку о стране Неджд».

Он выводит статистику кочевых и оседлых жителей страны, основываясь на числе местных солдат в египетской армии, представляющих обе эти части населения; определяет состояние сельскохозяйственного производства, ремесла и торговли в стране; не забывает сказать о климате, фауне, законах и обычаях.

Свою справку Жомар дополняет картой, на которую маршрут Сэдльера, в общих чертах уже известный к 1821 г., позволил нанести несколько дополнительных ориентиров.

Многие пункты, несомненно, были нанесены неточно, долготы их еще можно было приблизительно определить, рассчитав (исходя из продолжительности пути) расстояние от одного пункта до другого, но для того, чтобы определить широту, необходимы были астрономические наблюдения или по крайней мере следовало пройти весь путь с севера на юг. Однако турецкая армия и Сэдльер шли только в одном направлении — с запада на восток или с востока на запад. Совершенно очевидно поэтому, что Жомар едва ли лучше, чем Нибур, Буркхардт и автор «Джихан Нумы», был осведомлен о районах, лежащих к югу или к северу от маршрутов его информаторов.

Несмотря на все это, Европа располагала все же отныне картой Неджда. Центральная Аравия перестала быть белым пятном в Атласе Мира.

Глава IV

ОТКРЫТИЕ АСИРА

Мухаммед Али не покончил с Центральной Аравией, хотя города ее он стер с лица земли, столицу полностью разрушил и поощрял хаос безвластия и войны между племенами, возобновившиеся с момента падения объединявшей их ранее ваххабитской державы. Оставшиеся в

стране турецкие гарнизоны повсюду установили режим террора и репрессий. Но тем не менее в 1824 г. одному из Саудидов по имени Турки, брату побежденного имама, удалось отвоевать Эр-Рияд, изгнать оттуда турецкий гарнизон, а затем в 1824—1834 гг. вновь овладеть и Недждом. Однако Хиджаз и Йемен оставались потерянными для ваххабитов, и вплоть до взятия Мекки великим Абд аль-Азизом ибн Саудом в 1918 г. они довольствовались тем, что владели лишь исконными своими землями.

Районы, пограничные с Хиджазом, оставались независимыми от ваххабитов. Но был среди них один, который доставлял Мухаммеду Али множество хлопот: район, где правил (именно тогда Али-бей и видел его в Мекке) знаменитый Абу Нукта, почти равный Сауду по глубокому уважению, которым пользовался он повсюду у местного населения.

Али-бей ничего не знал об Асире, этой провинции Абу Нукты; Буркхардт думал, что Асир — это название города. Что касается Нибура, то он вообще не слышал такого названия. Не лучше были осведомлены об Асире и арабские географы: Жомар убедился, что упоминаний об Асире нет ни в «Джихан Нуме», ни у Абу-ль-Фиды, ни у других открытых тогда авторов — Абд аль-Латифа¹², Ибн Баттуты и Масуди¹³; только Идриси называет его. На карте Азии, составленной в 1835 г. немецким географом Генрихом Бергхаузом, район Асира в Аравии остался белым пятном.

Однако французский консул в Джиdde Фюльжанс Френель (мы увидим, как велика будет его роль в расширении знаний о Южной Аравии) был убежден, что в действительности эта страна должна быть «покрыта деревьями, растениями и населенными пунктами». С другой стороны, тот факт, что один-единственный сторонник турок оказался в состоянии поднять десять тысяч человек в этом районе, который считался полностью восстав-

---

¹² Муваффах ад-Дин Абд аль-Латиф (1162—1231) — известный арабский натуралист и географ. Уроженец Багдада. Основной его географический труд, дошедший до нас, посвящен Египту. — *Прим. ред.*

¹³ Абу-ль-Хасан Али ибн ал-Хусейн аль-Масуди (ум. в 956 г.) — знаменитый арабский историк и географ. Родился в Багдаде. Большинство его произведений известно только по названиям. — *Прим. ред.*

шим против них, не мог не вызвать удивления. Какие же резервы населения могли там быть?

Эта бурлящая провинция представляла опасность для Мухаммеда Али. Чтобы оградить Хиджаз от возможных набегов, он сделал из Таифа город-крепость и время от времени посылал отряды в сторону Турабы и к границам Горного Асира. Но ни один европеец не побывал там в поисках сведений об этом районе.

В 1832 г. глава турецких войск Тюркчи биль Мес поднимает мятеж и присоединяется к асирскому полководцу Али. Один из них берет Моху, другой — Абу-Ариш, столицу прибрежного района Асира. Однако вскоре между ними вспыхивает ссора. Али отбивает Моху у Тюркчи и преследует его, но в это время заболевает и умирает. На смену ему приходит его племянник — Аиз.

Мухаммед Али принимает решение вмешаться. Он высаживает свои войска в Кызане с целью освободить своего союзника — город Абу-Ариш от осады, которой угрожал ей Аиз. Последний вынужден отступить назад в горы.

Мухаммед Али приказывает шерифу Абу-Ариша атаковать Аиза с запада, а сам собирается послать из Таифа экспедицию с севера. Таким образом, 18 тыс. человек под командованием Ахмед-паши высадились в Джидде.

Армию сопровождала санитарная служба. Она состояла из французских и итальянских врачей и фармацевтов. И тем, что Асир вошел, наконец, в число исследованных и более или менее картографированных территорий, мы обязаны четверем французам-врачам санитарной службы.

Главным врачом был Шедюфо, его секретарем — Морис Тамизье, который с радостью согласился на эту должность, страстно желая посмотреть Восток. Впоследствии он описал это путешествие в двух томах своей книги, полной всяческих достоинств.

У Тамизье мы находим рассказ о группе европейцев (двадцать человек, среди которых были французы, англичане, итальянцы, мальтийцы, корсиканец, грек, пьемонтец). Эта маленькая колония доставляла значительные затруднения паше и его свите, когда, приглашая их на обед в свои палатки, заставляла пользоваться столами, стульями и столовыми приборами; правда, при этом го-

стей всегда умели развлечь. Итальянский фармацевт поражал всех фокусами, пьемонтец исполнял отрывки из опер на фортепьяно, купленном в Индии французскими врачами; всеобщее веселье довершали танцы и игра на мандолине. Само собой разумеется, что местные жители не разделяли этого веселья и присутствие вождя на обеде у «неверных» лишь шокировало их. Да и могла ли эта турецко-египетская «эмансипация» быть понята бедуинами, которые очень часто всем сердцем своим принимали ригоризм ваххабитов, не признававших никакой музыки?

Но только благодаря самоотверженности этих врачей выживали молодые солдаты, которых их вожди оставляли умирать от жажды прямо у дороги, на дне безводных ущелий, где шла армия, и с болезнями и ранами которых обращались с такой безразличной жестокостью, что для больных это кончалось неминуемой смертью.

На страницах дневника Тамизье турецкая армия удивительно напоминает тот ее образ, который был нарисован Лоуренсом в 1918 г. Та же печеловеческая жестокость эгоистичных и лишь о собственном благе пекущихся вождей в отношении совсем молодых солдат, почти детей. Однако жалость, которую может внушить армия на марше, сменяется ужасом, когда видишь ее после боя усердно предающуюся самым бессмысленным жестокостям — зрелище, о котором Тамизье говорит с безусловным неодобрением и отвращением.

Молодой секретарь оставил портреты военачальников экспедиции. Вот, например, Ахмед-паша, сын торговца табаком из Каира, племянник Мухаммеда Али по матери (сам Мухаммед Али тоже был сыном торговца табаком из Каира). Это болезненный человек, рожденный для радостей домашней жизни; как генералу ему достает и искусства и ума, не хватает лишь воли и силы. Или адъютант Эмин-бей, получивший европейское воспитание, гордый, спокойный и набсжный. Что касается полковника Мустафа-бей, невежественного и спесивого, то он испытывал глубокое презрение в отношении всего, что не было мусульманским, и был апатичен до последней степени.

Следовал за армией и Чеби-эффенди, «хранитель ключа от Каабы», из Мекки. То был ревностный поклонник Ахмед-паши.

«Недавно, — говорит Тамизье, — этот генерал сделал ему подарок — прекрасную карету парижской работы, привезенную им в Каир для собственного употребления».

Такова была армия, ее полководцы, ее медицинская служба. Но Тамизье все это интересовало лишь постольку, поскольку именно в этом окружении, посланном ему провидением, совершал он свое путешествие.

Не желая раздражать арабов, он тотчас же по приезде в Джидду надевает восточное платье и отпускает бороду. «Я очень старался, — пишет он, — не оскорбить ничьих мнений. Я уважал обычаи жителей и прежде всего их религию. И благодаря такому поведению, в котором нет в сущности ничего сложного, я был избавлен от презрения и ненависти, которые фанатичное население священной земли испытывает в отношении всего того, что не принадлежит мусульманству». Вскоре его уже называли шейх Франджи (француз).

В Джидде, где некоторое время оставалась армия, Тамизье не теряет времени зря и даже после Буркхардта находит новые объекты для наблюдения. Прежде всего это «гробница Евы», разрушенная ваххабитами и теперь восстановленная вновь. Это довольно посредственное сооружение, но охраняет его святой старец, задумчивый и добрый, который, если и замечает, что посетитель — не мусульманин, ограничивается тем, что произносит: «Разве Ева не была матерью всех людей?» Он объяснил Тамизье, что гробница была построена «как раз посередине пупка Евы», но что «тело у нее такое длинное, что голова находится в Медине, а ноги — в Африке». Потом этот памятник снова был разрушен ваххабитами.

Тамизье записал любопытную легенду об основании Джидды, согласно которой она была заложена самим Мухаммедом в благодарность двум рыбакам за то, что они помогли ему, когда он оказался на безлюдном острове. В действительности священная история мусульман гласит, что Мухаммед не решился покинуть Аравию, хотя безверие соотечественников приводило его в отчаяние, и поэтому вернулся в Медину.

В Джидде наш юный секретарь был поражен видом квартала такруриев, который мы могли бы назвать «гетто». Лачуги такруриев, в том случае, если они у них есть, так ужасны, что даже европейские собаки не стали бы в них жить. Кто же эти чернокожие, имя которых яв-

ляется «синонимом всего того, что есть самого мерзкого и отсталого»? Тамизье пытается это узнать и в результате открывает один из путей, по которым попадают в Аравию черные рабы.

Эти такрурии — уроженцы Такарны или Борну, за Дарфуром, в самом сердце Африки. «Поскольку земля здесь не очень богата и плодов ее не может хватить для нужд жителей, правительство, чтобы избавиться от излишков населения, каждый год отправляет отсюда тысячи негров под предлогом совершения ими паломничества в Мекку». Они пешком идут через пустыни к Дарфуру и Кордофану.

Чтобы заработать себе на жизнь, они продают коренья и снадобья, известные у них на родине, а также амулеты и приворотное зелье. Они минуют Хартум, Донголу, потом проходят через Эфиопию до самого Массавы и Суакина.

Часто вместе с ними идут и женщины. «Некоторые из них возвращаются, но большая часть, вспоминая все тяготы и опасности своего путешествия, не чувствует в себе достаточно мужества, чтобы предпринять его вновь, и решается остаться в основных городах Хиджаза. Там они занимаются ремеслами самыми низменными, которыми никто из арабов не согласился бы заниматься, и кончается тем, что они до такой степени дичают, что только внешне и похожи на людей». Если среди них есть люди более развитые, чем другие негры, «то это те, кому выпало счастье быть подобранными богатыми людьми, которые взяли их на службу к себе, прежде чем нищета и тоска по родине огрубели их».

«Жены тех, кто не попадает в рабство, занимаются гончарным делом и продают свои изделия на базаре. Мужья же их... делают амулеты, приворотное зелье или становятся саки, т. е. разносчиками воды. Большинство из них вовсе не имеют жилья и постоянно спят на улице. И лишь немногие из них возвращаются в Борну. Иногда даже целые караваны заносит песком или они погибают от недостатка воды, и таким образом достигается цель, которую преследовало их правительство».

Тамизье наблюдал также за очень любопытным «цехом» торговцев рабами из Суакина (порт на побережье Красного моря, находившийся в зависимости от шерифа Мекки). У этих негров благородная походка, ромбовид-

ная форма лица, орлиный нос и острый подбородок, «пронзительный взор, столь же гордый, как взгляд араба, но более мягкий, выразительный, являющий необъяснимую смесь доброты, беспечности и гордости». Густую шапку волос цвета воронова крыла они смазывают маслом и собирают в огромный пучок прямо надо лбом, на шею же спадает бесчисленное количество параллельных косичек. «Маленькая палочка шести дюймов в длину составляет как бы часть прически, она служит для приведения в порядок косичек, когда они спутываются».

Их плечи изящно задрапированы белой тканью, и их простой, но элегантный костюм всегда опрятен, что свидетельствует об их благополучии и привилегированном положении.

Наконец, 17 мая 1834 г. армия выступила на Таиф; проводниками служили курейшиты, бедность которых потрясает нашего автора. Племя это (из него происходил сам Мухаммед) сократилось к тому времени, как ему сказали, до 300 человек, и вырождение это приписывали проклятию, которое послал пророк своим соплеменникам, не внявшим его проповедям. Тамизье, однако, поразили независимый и гордый вид.

До Таифа шли другим путем, чем Буркхардт. Буркхардт шел севернее, через Бахру, Хадду, Вади-Фатима и Вади-Ламун.

Прежде чем прийти в Зейму, армия остановилась у колодца Бир-эль-Барут, недалеко от которого Тамизье с удивлением и любопытством наблюдает целое поле античных развалин. Тайна их неясна еще и сегодня, хотя Филби проезжал здесь уже в наше время. Как он говорит, это «руины величественные и многочисленные, хотя и почти засыпаны землей, но они со всей очевидностью доказывают, что некогда здесь существовал город».

Сохранились гранитные стены, выложенная из огромных камней лестница в виде ровных продолговатых террас, пересекающихся под прямым углом; кроме того, «по всей местности вокруг есть и другие, менее значительные развалины, дающие, однако, прекрасное представление о могуществе тех, кто возвел здесь все эти сооружения. Но что это был за народ? К какому времени относится строительство? И что за катастрофы привели город в то состояние, в котором мы видим его сегодня? Все это непонятно, чтобы не сказать — непостижимо... Осматривая

развалины более внимательно,—продолжает Тамизье,—я нахожу камни, разбросанные по земле, но не замечаю на них никаких следов надписей или резьбы. Мне кажется вполне вероятным, что строительные материалы добывались неподалеку в горах, а строительство производилось задолго до Мухаммеда». Тамизье спрашивается об этом у бедуинов, но не получает никаких других сведений, кроме утверждения: «Наши предки узнали от своих отцов и в свою очередь передали нам, что развалины эти были еще до сотворения мира».

В Сейле наш путешественник оказывается на территории племени атайба и там наблюдает жизнь бедуинов. В этом племени 700 человек, оно богато и владеет лошадьми. Пастбища здесь хорошие, но если год выдается безводный, он несет с собой разорение. Да, конечно, они помогают друг другу, но гостеприимство не может продолжаться более чем три дня, а идти куда-нибудь в другое место нельзя, так как за каждым племенем закреплена территория, границы которой всем известны (их образуют обычно либо вади, либо полоса гравия, либо кусты мимозы), и племя имеет право забирать себе или убивать скот, который заходит на его территорию.

Тамизье видит много детей-полукровок, рожденных арабом и черной женщиной (обратного варианта быть не могло), и констатирует, что если ребенок двух рабов—раб, то ребенок-полукровка — свободный человек. Он пользуется теми же правами и имеет те же обязанности, что и чистокровный араб; кровь отца полностью выкупает его из рабства.

Тамизье кажется, что «Аравия — одна из стран земного шара, где сложились наиболее близкие отношения между человеком и животным». С верблюдом здесь обращаются, как с настоящим другом. По дороге бедуин рассказывает ему обо всех своих предках, что-нибудь обещает или поет военные и любовные песни, «которые верблюды слушают очень внимательно и, чтобы показать, какое удовольствие он испытывает, стискивает челюсти, скрипит зубами и поворачивает голову к поющему, выражая ему этим свое глубочайшее внимание. И тогда, погруженный в эту дикую гармонию, он забывает о грузе, который везет, и проходит огромные расстояния, о которых хозяин его потом будет рассказывать своим потомкам».

Но если верблюд вдруг заупрямится, его осыпают бранью, ему припоминают все сделанное для него добро, дабы ему стало стыдно собственной неблагодарности. Чтобы предохранить его от дурного глаза и от всякого зла, на шею ему вешают амулеты.

Наконец, армия приходит в Таиф, и Тамизье город этот представляется таким же унылым, как и Буркхардту. Все старые памятники разрушены ваххабитами, вплоть до гробниц святых и куполов мечетей. Население города, сильно поредевшее после ваххабитской резни в 1802 г., еще более уменьшилось в результате эпидемии холеры в 1831 и в 1832 гг. Из 10 тыс., которые Тамизье предполагал найти в городе, осталось, таким образом, лишь две с половиной тысячи душ. Не это ли придавало бедуинам Хиджаза столь поразивший его меланхолический вид?

Но каким бы ни был в действительности сам город, это еще не Таиф. Нужно непременно увидеть его бесценные сады. Расположившись у подножия бесплодных гор, обрамляющих такую же бесплодную равнину, на которой раскинулся город, сады образуют вокруг города чудесное кольцо. За глинобитными стенами, ограждающими от нескромных взглядов, среди изобилия деревьев и зелени, орошаемых живительной влагой, прячутся домики и беседки, куда начиная с июня приезжают их владельцы вдохнуть свежесть здешних мест. Хозяин такого имения, включающего в себя и усадьбы земледельцев, — чаще всего какой-нибудь шериф или богослов из Мекки, чиновник из Каабы или разбогатевший купец.

Один такой рай в миниатюре, где растут знаменитые таифские розы, несколько испорчен был, по мнению Тамизье, постоянным скрипом нории¹⁴, которую безостановочно приводят в движение рабы, открывая таким образом доступ воде из колодца в оросительные каналы. Как же иначе, заметил Тамизье рассудительный хозяин, если колесо не будет скрипеть, работа может остановиться, а мы и знать не будем, в то время как сейчас контроль не прекращается ни на минуту.

В других местах воду из резервуара вытягивает верб-

---

¹⁴ Нория — особое водоподъемное устройство в виде вертикально поставленного вращающегося колеса с прикрепленными к нему сосудами. — *Прим. ред.*

люди или корова: животные тянут канат прямо до того места, где в качестве приманки для них положен аппетитный корм.

Что касается деревьев, то здесь растут в основном шелковица и смоковница, но есть также и сикоморы, персиковые, миндальные, сливовые, яблоневые, грушевые, абрикосовые деревья наряду с более южными растениями — лимонами, гранатами, бананами и редко встречающимися финиками.

Чудесный светлый виноград зреет на лозах, собранных в виде беседок или приподнятых кверху с помощью подпорок. А на огородах растут тыквы, дыни, арбузы, баклажаны, огурцы и лук, перец и портулак, помидоры, *méloukia* и *batie*. И среди всего этого великолепия снуют пчелы и носятся стрекозы.

В час молитвы счастливые обитатели рая покидают тенистую прохладу, чтобы отправиться в мечеть. Тогда безводная равнина заполняется потоками людей, стекающими к городу.

«Хозяину запрягают прекрасного белого мула, и он восседает на широком седле, богато украшенном орнаментами и вышивками; многочисленные рабы сопровождают его и на паперти храма расстилают для него роскошный ковер, на котором обычно совершается молитва».

Самые знатные представители этого привилегированного общества составляют отдельную, довольно многочисленную группу. Там всерьез обсуждаются вопросы политики и гораздо реже — религии. «Беспрерывно разносят кофе и чай; единственная ставка в партиях в шахматы и триктрак — самолюбие».

Исключительно умеренный климат делает из Таифа место, равных которому нет... Снег там идет почти каждые пять лет, а иней можно видеть по крайней мере раз в год. Ночное небо заполнено удивительно сверкающими звездами.

Посеянное в октябре зерно созревает уже в мае, и земледельцы собирают три-четыре урожая клевера в год.

Этому месту соответствует в исламе своя история и своя легенда. Жители Таифа были крайне враждебно настроены к учению Мухаммеда, но в конце концов вынуждены были его принять. Условием мира было их со-

гласие тотчас же разрушить своего идола — Эль-Лата¹⁵. Они попросили по крайней мере небольшой отсрочки... Но Мухаммед был неумолим. Поэтому в побежденном городе беспомощное и бесполезное божество, которому поклонялись жители, было низвергнуто в знак торжества единого бога. А раз насажденная мусульманская набожность дала рождение легенде.

Когда едешь на юг между конусообразными горами, видишь кое-где возвышающиеся камни, на которых выбита на арабском языке история «Спасения газели» — Матман эль-газель, давшая имя данной местности.

На гладкой природной поверхности плоских камней заметны небольшие углубления: это «следы газели». Согласно преданию, Мухаммед, видя, что сосед-еврей купил газель с набухшими от молока сосцами, дал за газель залог и попросил отпустить ее, чтобы она накормила детенышей и вернулась. В полночь газель вернулась, однако еврей, желая получить и залог и газель, зарезал ее, а мясо съел. На следующий день Мухаммед, которому все стало известно, был в страшном гневе на еврея. Он оживил газель, которая умчалась к своим малышам, оставляя свой след на плоских камнях. Выше на скале след этот превращается в торную дорогу, теперь это уже след плаща Мухаммеда, взлетевшего в порыве гнева. А ближе к вершине виден длинный бесформенный отпечаток — след ноги пророка, скользящей по этому месту.

Что касается бесчисленных кучек гальки, покрывающих землю и плоские камни, то они оставлены благочестивыми паломниками в память об их благоговейном визите.

Когда все приготовления были наконец закончены или почти закончены (так как чья-то злая воля, казалось, задерживала прибытие обещанных верблюдов), Ахмед-паша принимает решение выступить 26 июня с основными силами армии в направлении Биши, где прежде следовало заручиться поддержкой племен.

Вплоть до самого спуска в долину Биши и ее оазисов дорога от Таифа шла на высоте приблизительно 1630 м,

---

¹⁵ Аль-Лат (Эль-Лат) «богиня» — женское божество у доисламских арабов, а также в Набатее и Пальмире. Культ Аль-Лат был уничтожен в Центральной Аравии мусульманами после захвата Мекки. — *Прим. ред.*

за исключением нескольких спусков в долины, где армия искала необходимую ей во время привалов воду.

Гора бесплодна и пустынна; но в русле вади Тамизье видит то растущий там ячмень и пшеницу, то розовый лавр и ломонос, а то и деревья (*étel* и *arjn*), финики и всяческую зелень. Одно из мест для привала представляло собой пустынный цирк, где вокруг колодца росла мимоза.

В районе Вади-Дерра простирается песчаная долина, поросшая колючками с необычайно нежными листьями, которые арабы собирают для своих верблюдов, если они больны или ослабли. Для этого под ветками расстилают круглую циновку и длинной палкой сбивают с веток листья.

Страна полна контрастов: едва покинув русло Турабы, где среди клевера, подорожника, мяты, камыша и тростника протекает река, полная рыбы, Тамизье, ехавший верхом в авангарде, заблудился в «русле потока, иссохшего, как кратер вулкана». И целую ночь вся армия находилась в опасности: если бы на исходе ночи она не достигла колодца, все погибли бы от жажды; однако проводник медлил, он не узнавал дороги. В связи с этим Тамизье замечает, как легко было бы одному проводнику в такой стране уничтожить целую армию. К счастью, проводник вовремя обнаружил глубокое ущелье, прорезавшее каменную стену, которая ночью казалась непреодолимой.

Бедуины, живущие там, принадлежат к племени атайба. Это пастухи, одетые в лохмотья из грубой шерсти. Женщины носят кольца в носу, бусы из ракушек; покрывала их украшены железными цепочками. При приближении армии к деревне Акик все жители покинули деревню. Там остались только такрурии, предлагавшие купить их детей, причем сами дети не проявляли при этом ни малейшего неудовольствия, более того, они сами предлагали себя в рабство.

Наконец, армия дошла до Вади-Рания и финиковой рощи, растущей вокруг большого селения Зания; вскоре показалась и долина Биши во всем своем великолепии «на другом берегу моря песка, тишина и мертвое спокойствие которого составляет контраст с пышными плантациями, зеленеющими на горизонте».

Здесь расположилось несколько деревень, жители ко-

торых занимаются земледелием. Поэтому «другие бедуины обвиняют их в том, что они заразились привычками феллахов и не хотят брать в жены свободных женщин, ибо отцы этих земледельцев, как они говорят, — люди вырождающиеся, изменившие чистоте своей расы».

Тем временем армия, шедшая на восток, миновала последние отроги Асира; заключив в Бише союз с местными жителями, она собиралась теперь проникнуть в самое сердце горной цепи.

7 августа они выступили, следуя вдоль Вади-Биша, которая ведет к самому высокому району—окрестностям столицы Абхи.

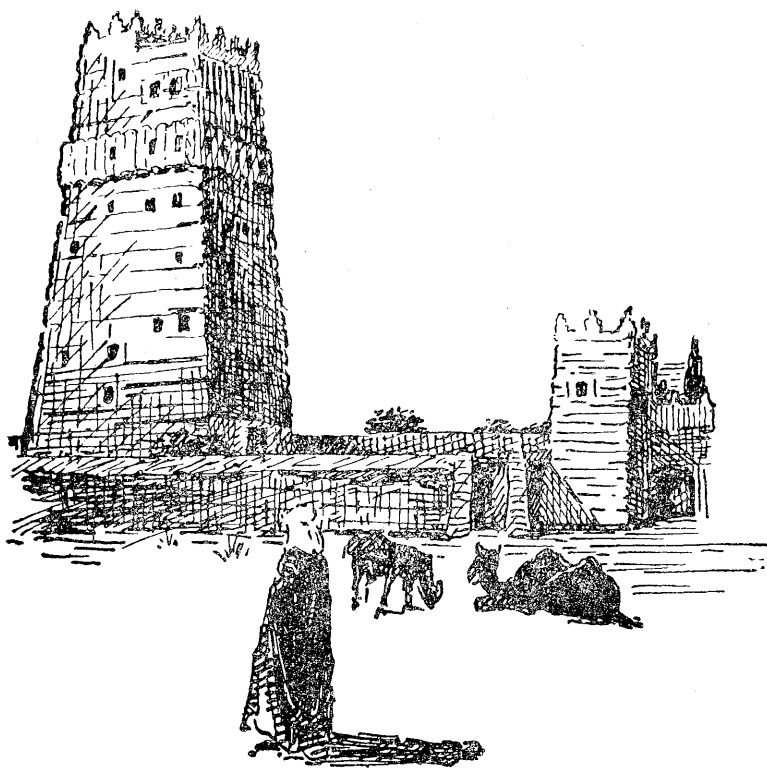
Ахмед-паша приказал шерифу Абу-Ариша атаковать Асир с юга. Сам же он намерен был принудить Аиза к сдаче, продвинувшись далеко в глубь его провинции.

Шла армия и вдоль Вади-Харджаб; и снова вокруг были «бесплодные горы, голые, изрезанные, лишенные всякой растительности», но чередующиеся с травянистыми долинами; ущелья, наполняющие душу «ужасающим унынием», и следующие за ними плодородные тенистые равнины, где росли пальмы, хлопок и виноград и где возвышались высокие дома в форме «четырёхугольной усеченной пирамиды».

В районе Вади-Хамама, которая, по мнению Тамизье, «примыкает к Вади-Биша» (отсюда можно было бы сделать вывод о необходимости внести это дополнение в карту района, составленную на основании путешествия Филби в 1936—1937 гг.), он открывает «дивную» долину с хорошо укрепленной со стороны каждого берега деревней, с пальмами, культурами дурры и хлопка, с виноградниками, фиговыми и ивовыми деревьями. Жители поспешили покинуть свою деревню, и теперь она имела пустынный вид, но вокруг было очень много обезьян.

Еще красивей Вади-Шахран, долина Вади-Биша, где растут персики, финики, фиги и виноград. Увы, Тамизье с ужасом вынужден наблюдать, какое опустошение оставила здесь после себя армия в брошенных домах и садах.

Далее все пространство вади заполняет лес из кипарисов и сосен. Здесь находится Янфур (его нет на современных картах). Он стоит «меж гор, вершина которых увенчана развалинами некогда огромной стены; именно там было место стоянки, а быть может, и кровавой битвы, так как вся земля кругом покрыта могилами, сло-

Укрепленное поселение в Неджране

женными из ломкого камня». В центре города еще сохранились остатки крепости.

Этот участок пути приблизил день битвы: племена посылают друг другу вестников с сообщениями о месте сбора. На следующем переходе Ахмед-паша уже собирает бедуинов племени бени ям из близлежащих районов; из Йемена прибывает триста человек и продовольствие на четыре дня... Еще день — и все силы стягиваются к месту сбора, которое становится и местом сражения. Миновав несколько скалистых отрогов гор, армия приходит к Хамис-Мушайту, где укрепился враг. Это котловина «совершенно зеленая от пальм, фруктовых деревьев, многочисленных плантаций клевера, зерна, ячменя и дур-

ры; все это достигает здесь небывалых размеров. Котловина окружена горами, у подножия которых расположились деревни; к югу вдоль горной цепи возвышается шесть укреплений».

Турки выстраивают свои полки для сражения и размещают артиллерию и войска бедуинов. Первый этап сражения приводит к падению укреплений, так как снаряды противника застали их защитников врасплох. Только к вечеру армия Аиза заканчивает переход через горы, но она приходит слишком поздно. Аиз рассчитывал на сопротивление фортов. Но планы его были разрушены, а сам он, атакованный с тыла, за какой-нибудь час познал поражение и полный разгром. Потери турок были незначительны; Аиз же потерял пятьсот человек убитыми и столько же было ранено. Здесь Тамизье горестно наблюдал за порядками в турецкой армии, допускавшими «варварское отсечение голов и ушей и истребление пленных».

Зеленый и плодоносный Хамис-Мушайт, сердце Асира, был взят. Но как поймать орла в его горном гнезде? Аиз укрылся в Менадере, своей крепости, расположенной на высоте в 3 тыс. м над уровнем моря.

Ахмед-паша, истощив все резервы продовольствия, направляется к горе, куда к своей столице Абхе отступил Аиз. В действительности то, что Тамизье называет Менадером, есть не что иное, как Эль-Маназир, один из кварталов Абхи¹⁶.

Миная плодородные и заселенные людьми вади, армия приходит к окруженному горами плато и становится лагерем в квартале Эль-Маназир. Крепость Аиза находится на западном склоне горы, в нескольких часах пути отсюда.

После долгого выжидания Ахмед-паша делает попытку пойти на штурм. Штурм удается, но враг уходит еще выше в горы, а когда преследователи приходят в погоне за ним на вершину горы, они никого там не застают. Ахмед-паша не осмеливается идти дальше и дает приказ снять лагерь.

Теперь не остается ничего другого, как ждать день за днем, обороняясь от неотступного преследования неболь-

---

¹⁶ См.: H. St. J. B. Philby, *Arabian Highlands*, New York, 1952, стр. 147.

ших отрядов бедуинов. Дух войска падает, голод и болезни царят среди осаждающих. Ахмед не решается теперь ни отступить, так как у него нет больше провизии, ни нападать, так как он слишком ослаб. Победу над ним одержал сам Асир, а не его властитель: победитель Хамис-Мушайта вынужден был просить мира — только в этом случае он получал возможность вывести с помощью проводников и спасти свою армию. Договор был подписан 26 сентября.

Тамизье, без сомнения, возвращался из Асира через прибрежную его область — Тихаму. Воспоминания о шерифе Абу-Ариша, столицы этой области, воскрешают в его памяти и облик самого города. Он не похож ни на один город Йемена или другой страны.

Жаркая и влажная, эта область не имеет ничего общего с высокими горными цепями, возвышающимися над ней. Здесь и другая растительность: мекканский бальзам, дурман, а в садах кассия, горькая тыква, репа, бананы и мелукия. Дерево моссуак — большое богатство страны. Из него делают не только маленькие гребни для удаления из зубов остатков табака, который здесь имеют обыкновение жевать, но и дома. Для этого ветки покрывают сверху пучками гашиша, изнутри кладется слой коровьего навоза до высоты пяти футов. Все это обмазывается известью и становится твердым, как камень. Вокруг этих домов из веток, или эше, «сеют базилик, который достигает семи футов в высоту и испускает приятный запах; цветущая фасоль ярких и разнообразных цветов покрывает все жилище и придает ему вид очаровательной колыбели». Вокруг дома строится также изгородь из сухого дерева, чтобы загонять туда на ночь животных. Племенная знать имеет обычно по два эше, один — для мужчин, другой — для женщин. Дворец тоже представляет собой не что иное, как эше, только побольше и поизящнее. Внутри жилье украшено обычно перламутровыми раковинами.

Население насчитывает 7—8 тыс. человек и состоит из бедуинов, нескольких банья и купцов из Хадрамаута. Дети ходят обнаженными, мужчины носят вокруг бедер повязку, тела их смазаны маслом или жиром. У богатых туалет дополняет рубаха из муслина. Женщины носят что-то вроде рубах с рукавами, ниспадающими до самой земли; «бедуинки подбирают рукава на голову, чтобы

защитить ее от солнца, но лицо закрывают очень редко». Ни мужчины, ни женщины не имеют татуировок (по-видимому, это не в обычае страны), но красят веки сурьмой, а руки — хной.

Таким образом, благодаря Тамизье перед западным читателем предстали нарисованные живо и интересно все правители и их земли, участники этой войны — Ахмед-паша и Таиф, Аиз и Асир, шериф Абу-Ариша и сама столица.

Одновременно Планат начертил схематическую карту, предназначенную для Фюльжанса Френеля, консула Франции в Джидде, проявившего постоянный и самый живой интерес ко всему, что могло служить знакомству с Аравией.

Используя эти данные и присоединив к ним два сообщения, полученные Френелем от одного из военных соратников Абу Нукты, Жомар попытался составить карту и написать очерк о стране. Он дал также алфавитные списки всех названий провинций, племен, городов и деревень, основываясь на сообщении шейха, которого расспрашивал Френель.

Карта, несомненно, оставляет желать много лучшего. Перед общей географией Аравийского полуострова стояли следующие вопросы: существуют ли вади, продолжающие те, что спускаются от Асира, и доходящие до самого Персидского залива? Или же вода теряется в песках Центральной Аравии, а где-то в горах Неджда существуют другие водостоки? Чрезвычайно трудно также оценить высоту различных районов по отношению к уровню моря. Кроме того, никто не знал, в каком направлении наклоняется большое центральное плато Аравии и, следовательно, в каком направлении должны течь потоки воды.

Другой научный труд об Асире был создан благодаря Шедюфо и Мари.

В 1841 г. в Джидду прибыли два капитана Королевского штабного корпуса — Галинье и Ферре, посланные французским правительством в Эфиопию. Они сочли полезным остановиться на месяц в этом аравийском порту, чтобы почерпнуть от Шедюфо и Мари все сведения, собранные ими об Асире и Хиджазе. Это позволило Галинье и Ферре опубликовать по возвращении в 1849 г. в их прекрасном и серьезном труде, посвященном Эфиопии, кар-

ту Асира и очерк, синтезирующий все полученные ими знания по географии и этнографии этого района.

Наконец, полковой врач-немец, о котором известно, что он умер в провинции Эль-Ариш, но имя которого осталось неизвестным, взял на себя труд собрать образцы растений. Коллекция эта была получена затем венской Академией наук и внимательно изучена.

Конечно, открыта была лишь небольшая часть страны, многое еще предстояло узнать, но от этого не становится менее справедливым тот факт, что благодаря французам (врачам, секретарю, консулу, академику и офицерам), объединившим свои усилия, чтобы заставить войну послужить интересам развития науки, область, не известная ни древним, ни новым географам, отныне была разведана.

Глава V

ВАЛЛИН И ГУАРМАНИ У КНЯЗЕЙ РАШИДИДОВ

Неизученной оставалась чрезвычайно важная часть Аравийского полуострова — район Джебель-Шаммар в Северной Аравии. В самом деле, Буркхардт и Зеетцен прошли по границе этого района со стороны Палестины; Рюппель вышел на побережье западнее, а Плейстед и Элиот и вслед за ними Гриффитс попали в пустыню, лежащую между Сирией и Ираком; наконец, на юге турецко-египетские войска пересекли Южный Неджд и районы, где сохранился ваххабизм.

В центре всего этого оставались огромные песчаные пространства, то есть оба Нефуда, где чуть было не погиб от жажды да Квадра, а кроме того, Северный Неджд и вторая после Эр-Рияда столица Пустынной Аравии — город Хаиль в горах Шаммара.

До сих пор Пустынной Аравии мало уделяли внимания, так как первостепенную важность представляли собой священные города и Эр-Рияд. Но уже начиная с 1842 г. она занимает значительное место в планах Мухаммеда Али, а затем и Наполеона III.

Вице-король Египта, которого лондонский договор

лишил Сирии и священных городов Аравии, не оставлял надежды сохранить свое влияние на полуострове. В 1842 г. он позволил ваххабитскому наследнику Фейсалу, которого до сих пор держал в Каире, снова взять на себя управление Эр-Риядом, оставив его при этом под покровительством и сюзеренитетом Египта.

Между тем Рашидиды, правившие в Хаиле над племенем шаммар, значительно укрепили свою власть. В период нападения Египта на Саудидов они не выступили ни на стороне Египта, ни на стороне его врагов. Мухаммед Али считал их нейтральными, но благожелательно к нему настроенными. Поэтому он не учинил в этом районе никакой расправы в отличие от того, что он сделал на всем юге Неджда, и довольствовался тем, что оставил в Хаиле постоянный гарнизон. В 1835 г. власть перешла к Абдаллаху ибн Рашиду, сместившему с трона своего кузена и принудившего Мухаммеда Али признать свое правительство. Свою лояльность в отношении семьи Саудидов Абдаллах доказал тем, что наказал узурпатора, захватившего власть в Эр-Рияде в отсутствие законного наследника — Фейсала. Поэтому, когда в 1842 г. Мухаммед Али позволил Фейсалу снова взять власть под покровительством и сюзеренитетом Египта, Абдаллах оказался верным союзником и вассалом этого потомка Сауда. Но в действительности более могущественным из них двоих был вассал, авторитет которого возрос без помощи силы на всей территории Неджда.

Что же представляет собой соперник Фейсала? Какова в действительности его власть? Вот что занимало Мухаммеда Али.

В Каире находился тогда один молодой финн¹⁷, подданный русского царя, добившийся от Гельсингфорского университета стипендии для путешествия в Персию, Ирак, Сирию и, наконец, в Египет. Семь лет, проведенные в этих странах, он использовал, чтобы получить образование и воспитание, вполне позволявшее ему сойти за мусульманина. Он хотел видеть ваххабитский Неджд и Йемен, надеясь найти там какие-нибудь надписи. Он жил в Каире в соответствии со своими намерениями и скром-

---

¹⁷ О Валлине см.: А. Першиц, Георг Август Валлин. Исследователь Внутренней Аравии, М., 1958.—Прим. ред.

ными ресурсами, то есть — среди арабов, стоящих на самой низкой ступени общественной лестницы.

Быть может, сам Мухаммед Али предложил ему купить в Хаиле лошадей для своей конюшни или просто посоветовал посетить эту страну, политическая ситуация в которой весьма его интересовала. Так предполагает, например, Хогарт. Однако Кьернан от имени всех шведов отвергает возможность такого предположения.

Точно лишь одно: наш финн не поехал ни в Йемен, ни в Эр-Рияд, но совершил одно за другим два путешествия в Хаиль. Это вполне соответствует духу бескорыстия и глубоко научному подходу к действительности, которые, по всей вероятности, были ему свойственны. Тем не менее и сам Мухаммед Али мог бы направить энтузиазм молодого ученого на изучение этого района, представлявшего тогда первостепенный интерес и совершенно неизведанного. Сделал ли он это сам или инициатива в этом предприятии полностью принадлежала Валлину? Не осталось никаких документов, могущих помочь нам ответить на этот вопрос.

Так как Френель советовал Валлину проникнуть в Аравию с севера, чтобы избежать возможности подозрений на его счет, которые могли возникнуть, если бы он прибыл непосредственно из Египта, он пустился в путь в апреле 1845 г. через Синайский полуостров, направляясь в сторону Маана.

Что из себя представлял этот молодой ученый, великолепно образованный арабист, прекрасно знавший и религию и обычаи арабов, об этом можно судить по рассказу, который он оставил после своего путешествия на Синай, совершенного десятью годами позже, но позволяющего почувствовать его радость по поводу того, что он еще раз оказался в палатке бедуина и среди «замечательных жителей пустыни».

Первый и самый замечательный плод его образованности — это возможность установить непосредственный контакт с бедуинами. Посмотрите, как во время одного из переходов входит он в шатер в качестве гостя. «Я теперь уже полностью усвоил, — пишет он, — все их обычаи и законы вежливости и вел себя совершенно так, как любой учтивый бедуин, т. е. поднимался всякий раз навстречу вновь прибывшему, приветствовал его, трижды целовал поочередно в каждое плечо и непрерывно по-

Г. А. Валин

вторил саламат и аля вафийек, означающие приветствия и выражения дружбы. Поэтому, наверное, и была мне адресована произнесенная вполголоса похвала: «Вот это мужчина, настоящий бедуин, он любит Аравию». Но высшую степень одобрения я заслужил, когда достал из моего кофейного мешочка большую горсть кофе и стал поджаривать его на сковороде, не позволяя хозяину самому выполнить эту первую обязанность того, кто в пустыне принимает гостя».

В этих обстоятельствах Валлина принимали как человека тонкого и все понимающего. И в самом деле, он сумел по достоинству оценить жертву бедуина, зарезавшего в его честь барана, что было неслыханной щедростью для этого бедного человека, семья которого вела полуголодное существование. Поэтому Валлин позаботился о том, чтобы не съесть более четверти того, на что был способен его желудок, и дал возможность попить за этим столом хозяевам, глаза которых блестели от вожделения, когда он первым пробовал угощение.

Результатом этой близости человеческих отношений была глубокая симпатия. Валлин сумел оценить не только бедуина, но даже и верблюда, которого арабская поговорка называет «частью человеческого сердца». Он восхищается тем, как хозяин говорит с верблюдом на особом языке, как ласкает или бранит его, и формулирует результаты своих размышлений так, что формулировку эту можно принять за золотое правило взаимопонимания между людьми: «Чтобы полюбить как человека, так и животное, нужно наблюдать их в их стране, в привычном для них окружении».

Другим результатом этой близости человеческих отношений было то, что Валлин научился вести себя так, чтобы любили его самого. Вот какова, по мнению Валлина, сущность бедуина: «Чужестранец в пустыне должен быть щедрым только в отношении двух вещей — кофе и табака. Тогда он заслуживает имени карим, что значит щедрый, — самая высокая похвала, которую может получить человек в пустыне. Большой ошибкой будет попытка предложить бедуину деньги... Деньги не имеют здесь ценности. Конечно, бедуин возьмет ваше золото с жадностью, особенно если сумма будет значительной, но стоит лишь вам повернуться к нему спиной, как он посмеется над вами; он захочет получить и еще, но никогда ни одной похвалы вы не получите за это. Но если вы не поднесете ко рту куска из вашей походной сумки, не разделив его предварительно со своим спутником, если вы весь день будете подсыпать свой кофе на сковороду и если ваш мешочек с табаком всегда будет открыт для любого курильщика, и если сверх того во время всего путешествия от города к городу вы будете покупать ткани и коленкор и платить за пользование верблюдом — тогда вы сможете путешествовать по пустыне в полной

безопасности, пользуясь всеобщей любовью и уважением».

Эта симпатия, понимание и проницательность не только полезны тем, кто находится среди бедуинов, но являются просто необходимым условием, без которого путешественник не может с достаточной глубиной изучить социальные группы общества, в котором он находится. Может быть, поэтому Валлин, обладавший этими качествами, стал после Буркхардта (и до Доути) одним из лучших исследователей арабского общества.

Уже швейцарский путешественник обратил внимание на отношения, лежащие в основе сосуществования горожан-земледельцев и бедуинов. Однако Валлин пошел значительно дальше. Он не только рассказал о том, что происходит вообще, но и более подробно остановился на характерном примере города Маана, жителям которого удалось отказать бедуинам в уплате «братского налога»; кроме того, он показал специфический социальный строй, сложившийся в племени шаммар и явившийся, по его мнению, причиной возросшей мощи этого племени.

Ни один город или деревня не может существовать и гарантировать себя от набегов бедуинов, если он не оплачивает «братство», то есть покровительство одного или нескольких племен. «Условия, при которых осуществляется это братское покровительство, не определяются ничем; это только установившийся обычай. Чаще всего дань (жителей деревни) состоит из предметов одежды, которые преподносятся не только главному шейху племени, но также и почти всем влиятельным лицам, принадлежащим к различным кланам; дань может выплачиваться также, особенно это принято в Неджде, финиками и пшеницей. Но прежде всего покровитель требует достойной встречи и щедрого содержания в любой момент, когда ему вздумается посетить деревню, а также готовности оказать помощь в случае необходимости. Со своей стороны покровители обязаны оберегать своих клиентов от требований и вражды других племен, а в случае спора между ними и бедуинами они выступают в качестве посредников.

Братство существует также и внутри самих кочевых племен, хотя и в несколько измененной форме. Отношения, преобладающие между племенами, суть трех видов: либо это отношения братства, в силу чего племена не

только союзы между собой, но и находятся, кроме того, каждое в отдельности в состоянии покровительства каким-либо чужестранцам или жителям деревень, другим своим «братьям», причем ни одна из сторон не платит никакой дани и предполагается, что оба племени — одинаково благородного происхождения. В другом случае дружба между племенами обеспечивает им помощь в случае притеснений или вымогательств со стороны третьего лица, но ни одна из сторон не имеет права покровительствовать кому бы то ни было, если это противоречит интересам друга. Наконец, если между племенами не установлен ни один из названных видов отношений, они — враги, и каждый член одного племени — враг всего другого племени, и все племя готово подняться против чужеплеменников.

Все оседлые земледельцы рассматриваются бедуинами как природные враги, которым, следовательно, не позволяется занимать принадлежащую им, бедуинам, землю, разве что условием проживания их на этой земле будет покровительство бедуинов, купленное за самую высокую цену, которую бедуинам удастся назначить. Но чем крепче и богаче становится поселение, тем настойчивее пытаются земледельцы отклонить или умерить требования кочевников... Однако это сопротивление селян и упрочение их на земле часто не вызывает враждебной реакции бедуинов, в глазах которых нет ничего презреннее трусости и зависимого положения, а, напротив, способствует укреплению их отношений с поселенцами. Так было в Маане, где кочевники уважают мужественных и храбрых жителей деревень гораздо больше, чем жители соседних деревень. Это способствует облегчению обмена между обеими сторонами и более активной, чем где бы то ни было на всем протяжении моего пути, торговле между Мааном и окружающей его пустыней... В продолжение всего моего путешествия, сделанного с тех пор, я почти в каждом кочевье встречал многочисленных торговцев из Маана, которые приходят на эти земли так, как будто для жителей городов вполне обычен этот приход, цель которого, с одной стороны, — желание в продолжение всей весны в шатрах их гостеприимных братьев-кочевников попить верблюжьего молока, а с другой и главным образом — стремление покрыть старые долги».

Валлин сумел увидеть, в чем заключалось совершенно особое превосходство племени шаммар. В противоположность тому, что бывает обычно, «деревенские жители племени шаммар считаются более мужественными и более искусными в обращении с оружием, чем их соплеменники — бедуины». Союз их с бедуинами очень тесен: поскольку бедуины держат для своих военных походов множество верблюдов, земледельцы одалживают у кочевников животных на три месяца и используют для приведения в действие ирригационных сооружений, платя за это финиками и пшеницей. А во время войн жители деревень ждут бедуинов в условленном месте, чтобы присоединиться к ним. Любопытная вещь: здешние деревенские жители дошли до того, что до некоторой степени переняли обычаи кочевой жизни; бедуины же предаются занятиям, которые в общем считают для себя неподходящими. Так, например, значительная часть горожан уходят весной с лошадьми и стадами верблюдов в пустыню, где довольно долгое время живут в шатрах кочевников; с другой стороны, большинство бедуинских семей имеют в своей собственности пальмовые деревья и хлебные поля, которые они обрабатывают для собственных нужд.

Именно тесный союз между двумя разными социальными группами племени шаммар способствовал росту могущества этого племени.

Валлин хорошо замечает специфические особенности отдельных племен. Одни, например, на весенних отгонных пастбищах кочуют, засыпая под открытым небом или в гротах; шатры же остаются висеть на акациях или же их отдают на хранение в братскую деревню. Существуют также «аристократические» племена, живущие по законам и правилам чести бедуинов, но не признанные другими племенами. Так, не признают племя феллахов, полужемледельцев, из которого выколачивают тяжелый налог, или большое племя хавейтатов по причине его небедуинского происхождения (в самом деле, оно происходит от египетских феллахов, ставших кочевниками); Валлин отмечает, что с религией там незнакомы и к ней безразличны.

В этой связи его изумляет тот факт, что люди племени маазе, живущего на территории от Маана до границы с Египтом, «невежественны относительно своей

религии». «Я не припомню, — пишет путешественник, — чтобы мне встретился хотя бы один человек, соблюдающий один из обрядов ислама или имеющий малейшее представление об основных его догматах». Совершенно противоположное суждение должно быть высказано о бедуинах, которые исповедуют или исповедовали ваххабизм, добавляет он.

Валлин не довольствуется тем, что наблюдает экономическую и политическую жизнь племен, их взаимоотношения или уровень культуры; он лучше, чем любой из вождей бедуинов, знает, что написано у арабских авторов о различных племенах. И именно заранее приобретенная благодаря его эрудиции арабиста сумма знаний, которые он либо соотносит с тем, что наблюдает, проверяя тем самым правильность наблюдения, либо, чаще всего, использует для толкования своих наблюдений, делает из него прекрасного исследователя. Из трудов прочитанных им арабских историков известно ему и о происхождении каждого племени, и об этимологии его названия, и о принадлежавшей ему территории, и о его прошлом, и о его роли в истории. И если Валлин встречает племя, о котором ничего не читал, он пытается понять, откуда оно могло прийти и каковы обстоятельства, приведшие его к кочевому образу жизни.

Но Валлина отличают не только проведенные им социологические исследования. Он проделал колоссальный путь, и его географические указания настолько же полезны, насколько и точны.

Мы оставили нашего путешественника в Маане. Этот город он покидает в компании с одним шейхом, торговцем лошадьми. Проезжая через бесплодную и пустынную равнину, Валлин встречает вскоре на своем пути развалины какого-то города, «христианского и построенного задолго до пророка»; это, без сомнения, эллинский город, о чем можно судить по стилю памятников. Однако никаких надписей он не находит. По берегам источников там растут культурные растения, а кочевники-феллахи селятся под сохранившимися сводами.

Далее он видит развалины замка, построенного Сулейманом Великолепным на пути следования каравана паломников.

Наконец, он доезжает до лагеря великого шейха племени хеджейя, покровительствовавшего городу Тафиле,

в котором хранились его шатры и запасы провизии. В этой области, где ныне нет ничего, кроме голого гранита, некогда, как сообщили Валлину, во времена, когда ее населяли христиане (греки и римляне), «горы были покрыты возделанными полями хлеба, фруктовыми садами и виноградниками», и, пишет он, «явные следы издавна ведущегося интенсивного сельского хозяйства, встречавшиеся нам повсюду, как будто подтверждают это утверждение». От этого прежнего рая не осталось ничего, кроме изумительного воздуха, напоенного ароматом душистых растений, да названий ныне всеми забытых городов, упоминающихся у древних авторов.

Продолжая путь в компании трех бедуинов из племени шерарат, он продвигается в глубь Пустынной Аравии. Вплоть до самого колодца Вайсит его окружает самая пустынная и самая глухая местность из всех, где он когда-либо бывал; почва здесь усеяна черными камнями, ослепительный отблеск которых губителен для зрения.

Затем начался район Вади-Сирхан. В действительности это не что иное, как длинная впадина, заполненная волнообразными песчаными образованиями, похожими на нефудские, но только более низкими. И, однако, «из всех пустынных местностей эта — одна из самых плодородных; стоит лишь выпасть достаточно обильному дождю, как почва тотчас же покрывается травой, растениями и кустарниками». Если, конечно, дождь выпадает...

Но возможно ли поверить, чтобы эти песчаные пространства, где ничтожная дождевая влага лишь на несколько месяцев в году раскидывает эфемерный зеленый ковер, оставались в сердце бедуина как самый любимый его пейзаж? Валлин ответил на этот вопрос утвердительно во время своего второго путешествия. Придя со стороны Красного моря, он и его спутники — кочевники должны были пройти через Нефуд. «Лишь только, — пишет он, — предстали перед нами желтые его пространства, все женщины клана разом воскликнули с очевидным удовлетворением: «Слава Аллаху, что мы снова видим Нефуд».

В самой отдаленной части Вади-Сирхан в окружении известковых гор стоит город Джоф, жители которого гордо называют его Джоф-эд-Дуния — «Пуп земли», так как он находится на равном расстоянии от различных

границ Северной Аравии, а на юге — от Эр-Рияда и священных городов.

Описание Джофа Валлином можно сравнить лишь с описанием Джидды, сделанным Буркхардтом.

Раскинувшись полукругом на склонах одной из гор, с построенным в центре старым замком, город состоит из двенадцати кварталов, отделенных друг от друга кирпичными стенами. Глинобитные, а иногда и каменные дома, окруженные фруктовыми садами и узкими кривыми улочками, беспорядочно группируются вокруг площади, где чужестранцы оставляют отдыхать своих верблюдов и где во второй половине дня собираются жители квартала, чтобы в беседах о своих делах провести час, предшествующий заходу солнца. Со стороны горы, дающей ему воду своих источников, город окружен фруктовыми садами и пальмовыми плантациями, которые тянутся отсюда до самого низа долины. Между деревьями сеют зерно; ежедневно, ежечасно в течение определенного времени каждый сад (в зависимости от своих размеров) получает воду из оросительных каналов, проложенных по переулкам, отделяющим дома друг от друга. В этих садах, хотя и в небольших количествах, растут персики, абрикосы, инжир, апельсины, виноград и т. д., не говоря уже о финиках пятнадцати сортов, составляющих гордость данной местности и имеющих репутацию лучших в Неджде.

Самое любопытное в этом городе — структура каждого поселка: они отличаются не только по внешнему виду, но и по населению, о котором Валлин рассказывает замечательно точно, не забывая остановиться как на истории жителей поселка, так и на их связях с тем или иным кочевым племенем.

Самый старый квартал города — квартал, где находится замок и где раньше была церковь. Тут живут в основном пришельцы из Южного Неджда. Но существует и еще один квартал, тоже обладающий собственным замком, построенным в качестве соперника первому, так как некогда оба квартала смертельно враждовали между собой... Здешнее население на четыре пятых — эмигранты из Сирии. В других кварталах можно найти бывших кочевников Вади-Сирхан, людей из племени сарра или шаммар. Войны между племенами здесь так же безжалостны, как и в пустыне: всего восемью годами раньше

вождь племени шаммар, чтобы поддержать своих союзников из этого квартала, разграбил и разорил сады и дома, вырубил пальмы и засыпал колодцы вражеского квартала, оставив его обитателям только жизнь и свободу искать пристанища в племени сарра.

Общую картину Валлин дополняет сведениями о культурном уровне жизни: читать и писать тут умеют, говорит он, лучше, чем в турецко-арабских городах; занимаются поэзией, музыкой, пением.

Жители Джофа не принадлежат ни к разряду воинов, ни к разряду торговцев, так что в отличие от того, что происходит повсеместно, они зависят от своих братьев бедуинов в получении риса и пшеницы из Сирии или Ирака и в торговом обмене.

Наконец, Валлин останавливается и на исторических данных. «Мудрого царя Соломона, могущественного властителя над людьми, духами и животными, жители всей Северной Аравии и Неджда считают прежде всего первым цивилизатором своей страны и основателем селений и колодцев, которые, как полагают, он строил с помощью духов».

Но от арабских авторов Валлин знает об этом гораздо больше и, лишь точно установив историю данной местности, дополняет ею свои собственные наблюдения.

Джоф наш ученый покидает вместе с бедуинами, теперь они направляются в Большой Нефуд. Они не встретят на своем пути ни одного населенного пункта вплоть до Куббы, шаммарской деревни воинов и новообращенных ваххабитов. «Под предлогом священной войны против неверных, которые не платят закята, а также не соблюдают других наставлений Корана, они почитают своим долгом постоянно преследовать все племена, не исповедующие ваххабизма, занимаясь грабежом и вымогательством до тех пор, пока не принудят эти племена войти в союз с племенем шаммар при условии уплаты закята его вождю и принесения обещаний сохранять верность».

В этом месте, осматривая холмы, возвышающиеся над городом, Валлин на самом высоком склоне и на больших камнях, упавших к его подножию, нашел рядом с изображением верблюдов, собак, скота и т. д., многочисленные наскальные надписи, подобные тем, которые он во время второго своего путешествия найдет в окрест-

ностях Табука. Несмотря на то что надписи плохо сохранились и трудно было определить время их появления, Валлину они покажутся очень древними. Правда, это не были химьяритские надписи, но зато Валлин первым обратил внимание на граффити, позднее получившие название самудских и еще и сегодня представляющие собой довольно сложную проблему для исследователей. В самом деле, экспедиция Рейкманса—Филби¹⁸ в 1951—1952 гг. обнаружила значительное число таких граффити на большой территории Аравии, намного превосходящей ту, что арабская традиция приписывает месту жительства древних самудов, которые, как мы видели у Абу-ль-Фиды, населяли один из районов Хаджара под названием Мадаин-Салих.

Из Куббы Валлин уезжает в сопровождении шаммарского проводника и вскоре прибывает в Кену, расположенную на самом краю Нефуда. Пейзаж здесь внезапно меняется: очень ровная поверхность земли, покрытая тонким слоем гранитного гравия, — типичная почва Неджда. Далее возвышается двойная цепь гор из серого гранита, и в самой середине этих гор расположена столица шаммаров — Хаиль. Валлин описывает ее как город, насчитывающий приблизительно двести десять домов, относительно современный, построенный царствующей семьей Рашидидов в долине, сжатой со всех сторон горами. «Улицы широки и удобны, хотя и не вымощены; вдоль главной улицы тянется ряд лавочек, содержат которые в основном бродячие торговцы из Ирака, Медины или Касыма.

Большинство домов имеет два этажа, комнаты там широкие и удобные, хотя некоторые построены так, что свет в них проникает только через дверь и сквозь небольшие отверстия, проделанные в стене непосредственно под потолком. В каждом доме без исключения есть своя кофейная комната, изолированная от других комнат и выходящая либо в сад, либо в центральную часть дома; именно здесь принимают гостей, здесь же собираются мужчины, чтобы побеседовать или решить дела.

---

¹⁸ Речь идет об экспедиции в районы к югу от Мекки и до границ Йемена, предпринятой бельгийскими учеными Г. и Ж. Рейкмансами при участии Филби. В результате экспедиции было скопировано около 9000 самудских наскальных надписей. — *Прим. ред.*

Резиденция Абдаллаха ибн Рашида ничем не отличается от других домов, разве что своими размерами, вызванными необходимостью разместить там его многочисленную семью и множество гостей, которых вождь содержит в течение всего года».

И в самом деле, он принимает у себя в доме всех чужеземцев, не имеющих знакомых в городе, и на такой срок, на какой они только пожелают там остаться.

Вдоль зданий, окружающих внутренний двор, поставлены софы или глинобитные скамьи, так как здесь дважды в день вождь собирает свою палату правосудия. И Валлин видел, как двести человек, приехавших из разных районов Аравии, жили у Абдаллаха в качестве гостей, дожидаясь своей очереди предстать перед его судом.

Из гарнизона, навязанного ему египетским пашой, Абдаллах создал себе личную гвардию из двухсот человек — египтян и негров.

Он творит суровое правосудие, весьма отличающееся от правосудия обычного шейха: сажает в тюрьму вождей, отказывающихся платить закят, велит отсечь обе руки заговорщикам и наказывает палочными ударами за менее серьезные преступления.

Но, как установил Валлин, у всех арабов, вплоть до кочевников Вади-Сирхан, Абдаллах пользуется чрезвычайным уважением и авторитетом. Откуда это уважение и авторитет? Отнюдь не от власти и богатства. «Гораздо больше он обязан ими своим личным высоким качествам, своему мужеству и храбрости, справедливому суду, непоколебимой верности данному слову и обещанию и сверх того — непревзойденному гостеприимству и доброжелательности в отношении людей бедных, которым он хорошо известен и ни один из которых не ушел от его двери, не получив помощи. Достоинствами этими, самыми высокими, какими только может обладать бедуин, Абдаллах наделен в чрезвычайной степени».

При этой твердой власти в стране обеспечена редкостная безопасность дорог.

Ваххабизм соблюдается последовательно, но не чрезмерно: табак разрешен, заметны ткани с примесью шелка, свободно сохраняются связи с Ираком, Египтом и Хиджазом. Однако отсутствие на пятничной молитве карается.

Очень часто здешние жители умеют читать и писать, хотя образованы они хуже, чем турецко-арабское население и персы, и менее сведущи в мусульманских науках. Они сочиняют стихи и песни; здесь же Валлину удалось прочесть сочинения ваххабитского реформатора.

Кое-что в Хаиле заставило Валлина испытать тревогу за будущее страны: между двумя сыновьями Абдаллаха не было согласия; что станет после смерти великого вождя, мужество, справедливость и щедрость которого способствовали сохранению его власти по всему Неджду?

Очень скоро об этом расскажут Пэлгрев и Гуармани.

Здесь закончилась первая экспедиция Валлина. Назад он вернется через Медину и Мекку, присоединившись к каравану, идущему из Месопотамии. Но он не осмелится вести какие-либо записи из страха возбудить подозрения толпы своих фанатичных спутников.

В 1848 г. он снова отправляется в путь, тоже в Хаиль, но на этот раз от побережья Красного моря через Табук и Тайму.

Новый маршрут позволил ему внести огромный вклад в изучение географии этого неисследованного района. Он делает предположение относительно вулканического происхождения харры — дважды повстречавшейся ему своеобразной пустыни. Земля в такой пустыне, насколько хватает глаз, покрыта черноватыми камнями, в которых позднее определили остатки вулканических пород. Второй раз он видит там черноватые остроконечные вершины, «по всей вероятности — вулканические».

Тайму он посещает первым. Некогда этот оазис, в то время населенный шаммарами-ваххабитами, был местом временного пребывания вавилонского царя. Но ни от дворца, ни от античного города ничего теперь не осталось.

Из Хаила Валлин направился к Евфрату. Путь его лежал через пустынные районы, особенности каждого из которых он отметит чрезвычайно тщательно.

Во время путешествия у Валлина не было измерительных приборов кроме часов, компаса и термометра. Широты, таким образом, он определять не мог. Но можно лишь восхищаться диапазоном, глубиной и точностью его наблюдений, еще более значительных оттого, что они были подкреплены его книжными знаниями.

Гельсингфорский университет, профессором которого

впоследствии он стал, справедливо гордится им. После Нибура и Буркхардта Валлин по своим человеческим качествам, уму и эрудиции представляет собой лучший образец исследователя, скромного, отважного и простого, вызывающего симпатию у людей и все понимающего, внимательного наблюдателя и, наконец, прекрасного рассказчика, каждое слово которого достоверно и важно с познавательной точки зрения, а описания точны, лаконичны, верны.

Судьба, как будто решив позабавиться, дала ему в преемники человека, представляющего собой во всех отношениях его абсолютную противоположность. Однако, как мы увидим ниже, Пэлгрева нельзя ставить в один ряд с настоящими, подлинными исследователями, способствовавшими развитию человеческих знаний. О нем мы будем говорить особо, а пока что последуем за Карло Гуармани.

Неджд привлек Гуармани отнюдь не по причине свойственного тому времени интереса к политическому развитию этой области. И не потому, что Неджд мог быть, как утверждал тогда один из членов Парижской Медицинской академии, колыбелью первой человеческой расы — арабской, чье физиологическое строение и развитие органов чувств приближается, по мнению этого академика, к пределу совершенства для данного типа особей. Нет, в глазах Гуармани землю, достойную первостепенного интереса, делал из Неджда тот факт, что «с самых давних времен он был колыбелью самого совершенного типа конской породы». Весьма кстати он напоминает нам об одной особенности Аравии, о которой мы до сих пор не упоминали. Ее породистые лошади пользуются такой же известностью, как и ее кофе; по крайней мере так было до наступления эры нефти.

Гуармани был хорошо подготовлен к путешествию по Неджду вовсе не потому, что был прекрасно осведомлен обо всем, что касалось Аравии и ислама, но прежде всего потому, что имел превосходные отношения с бедуинскими племенами. В самом деле, этот отпрыск благородной итальянской семьи в течение долгого времени находился в Иерусалиме в качестве агента французских императорских перевозок. Таким образом, он имел возможность совершать многочисленные поездки в Палестину, Египет и в Сирию, поддерживая постоянные торговые отноше-

ния с кочевыми племенами этих стран и приобретая основательные знания во всем, что с ними было связано, особенно же в том, что касалось земель, лежащих между Иерусалимом и Мертвым морем.

В 1863 г. он был вызван в Париж министром сельского хозяйства (которому он впоследствии посвятил свою книгу): речь шла о закупке лошадей для императорских конюшен. Виктор Эммануил II, воспользовавшись этим, также поручил ему приобретение арабских жеребцов-производителей и для Италии. Именно поэтому Гуармани отправляется в Неджд к шаммарскому князю, у которого были особенно большие возможности помочь ему, Гуармани, заполучить лучшие экземпляры у своих подданных бедуинов.

Но у нашего синьора было и другое поручение, совпадавшее с собственными его благородными стремлениями, а именно — включить итальянское имя в почетный ряд имен великих путешественников того века от Буркхардта до Валлина, снискавших себе славу замечательными географическими открытиями. Эта надежда заставила Гуармани испытать глубокую радость от путешествия и дала мужество оставить семью, которую предстоящая его экспедиция, таящая в себе столько опасностей, повергала в глубокое горе.

Он отправляется в путь 26 января 1864 г. в костюме бедуина и в сопровождении верного слуги-араба, который, кстати, в Бейтлахме чуть не покинет его, охваченный суеверным страхом при встрече с погробальной процессией.

Вначале Гуармани приезжает на стоянку одного из племенных вождей на границе с Петрейской Аравией и уже оттуда направляется в глубь страны в обществе одного из шейхов этого племени, его двоюродного брата и еще одного всадника; эти люди предложили сопроводить его.

Гуармани едет из лагеря в лагерь, знакомясь с бедуинским гостеприимством, которое встречает повсюду, вплоть до жилища вождя племени бени сахр; там ему удастся обменять три пистолета на дромадера и получить рекомендательное письмо к союзникам бени сахр. Другое письмо адресовано шейху независимых атайбов, ему пишет вождь племени руала, представляя итальянца в этом письме как закупщика лошадей, посланного ту-

рецким правительством. Быть турком в глазах арабов вовсе не так хорошо, но христианин и француз итальянского происхождения — это уж совсем плохо. Первое, что увидит Гуармани, приехав позднее в Хаиль, — это труп персидского еврея, убитого толпой за то, что, назвавшись мусульманином и будучи разоблачен, он отказался признать символ веры ислама. Несчастный приехал в Неджд, чтобы закупить лошадей для Его Величества персидского шаха. В Египте, куда дошла новость об этой смерти, сочли, что речь идет о Гуармани, и семья уже оплакивала его как погибшего. Между тем сам он, полный жизненных сил, с аппетитом уничтожал плов и с надлежащим усердием совершал обряды ислама, обращая молитву «сердцем к богу, устами — к Мухаммеду». По его мнению, человек, решившийся на столь трудное предприятие, требующее от него использования всех возможных средств и даже попытки совершить невозможное, не должен останавливаться ни перед каким препятствием. «Помня учение Христа о тех, кто «блажен», но не забывая и о гниющем трупе израильтянина, я в глубине души решил, что не буду включать себя в число нищих духом и не обрету рая на правах дурачка».

В таких обстоятельствах действуют по велению собственной совести; вероятно, совесть Али-бея подсказала бы ему такой же образ действий, как совесть Гуармани; однако, как мы увидим, совесть Арно заговорит совершенно по-другому. Как настоящий бедуин, не имея при себе ничего, кроме изношенной одежды, теплого плаща из кожи ягненка и меха с водой, Гуармани вместе со слугой и проводником приезжает в Тайму, где уже побывал Валлин.

Чтобы не рисковать в пустыне деньгами, он оставляет их на сохранение своему спутнику в Тайме и отправляется к пастбищам атайбов.

Подозрительный шейх скорее принял бы его за турецкого шпиона, чем любителя лошадей, но тем не менее Гуармани выполнил свою миссию, подавив в себе желание купить нескольких жеребцов превосходной породы, но слишком мелких для европейского вкуса.

Совершая закупки, Гуармани пришел к цели, достижение которой способствовало его славе. Целью этой был Хайбар, город, расположенный неподалеку от караванной дороги, чуть-чуть не доезжая Медины. Об этом

городе ди Вартема говорил, что его населяют четыре-пять тысяч обрезанных иудеев, весьма темнокожих и ненавидящих мавров. Никто еще не был в Хайбаре и не смог проверить это любопытное сообщение. Абу-ль-Фида писал: «Это земля детей Анзаба. Хайбар на языке евреев означает замок... По мнению Идриси, это маленький, похожий скорее на большой замок город, изобилующий фруктами и пальмовыми деревьями».

Войдя в город, окруженный пальмовыми рощами, Гуармани был не очень удивлен видом его жителей: он лишь счел, что попал в Судан! В качестве турецкого эмиссара он был вежливо принят губернатором, подданным шаммарского князя из Хаиля, и осматривал город столько, сколько хотел. Город насчитывал приблизительно 2,5 тыс. жителей и был разделен на семь кварталов, каждый из которых занимал одну из семи долин Джебель-Харра, орошаемых в этом месте множеством источников с очень чистой водой. Над долинами возвышается высокая и массивная скала, на которой построен очень древний форт Каср-эль-Йехудди, что значит «иудейский замок». Гуармани побывал на развалинах укрепления, но не увидел ничего, кроме нагромождения камней без всякого следа надписей или скульптурных изображений.

Что же касается характерных черт населения, то он объясняет их следующим образом: это в действительности потомки эфиопских рабов племени валяд сулейман и алейдан. Они начали заселять Хайбар несколькими веками раньше, когда их хозяева, многие из которых погибли от оспы, возникшей, как думали, из-за плохой воды, покинули город. Однако полностью своих владений ушедшие не уступили новым жителям, сохранив за собой право получать после сбора урожая две грозди фиников с каждого дерева, но не требуя никакой доли от урожая всех других культур. Поэтому каждый год оба господствующих племени подходят к Хайбару, не входя, однако, в город, так как считается, что вода его до сих пор опасна для белых; черные передают причитающиеся им финики и дань в сумме 2 тыс. талеров (9320 франков 1865 г.), которую они обязались выплачивать шаммарскому эмиру Хаиля.

По свидетельству Гуармани, все эти чернокожие — мусульмане, они обладают достаточно мягким характером; то, что в XVIII в. здесь были еще иудеи,—неправда.

Присутствие иудеев восходит, без сомнения, к эпохе гораздо более давней, если признавать (факт спорный до сих пор), что они вообще здесь когда-либо были. Кроме названия разрушенного замка, в записках Гуармани нет никаких данных, позволяющих разрешить этот вопрос. Как полагают сегодня, только нововавилонские надписи могут пролить какой-то свет на эту проблему.

Из Хайбара Гуармани отправляется в область, населенную оседлым племенем этейм. Однако в этих же краях около тысячи своих шатров раскинули рўка, большой род из племени атайба.

Чтобы продвинуться дальше на восток, Гуармани присоединяется к продвигавшимся в этом же направлении атайба. Но племя как раз в это время находилось в состоянии войны с царствовавшим тогда саудовским эмиром Фейсалом ибн Саудом, и лагерь свой бедуины сняли только для того, чтобы попытаться прорвать или обойти вражеские линии, занявшие окрестные высоты.

Впереди ехали 200 всадников; в середине находились женщины и дети, а также стада и весь скарб; и, наконец, в арьергарде двигались 700 стрелков на верблюдах. Так шли они четверо суток подряд, днем и ночью, отдыхая лишь по несколько часов в сутки на редких стоянках, не разбивая даже шатров и постоянно подвергаясь набегам недждских всадников и воинов из племени бени кахтан, во главе которых стоял эмир Абдаллах, сын Фейсала. К вечеру четвертого дня племя оказалось у места своей первоначальной стоянки, но оно потеряло все свои стада; кроме того, 60 человек было убито и 200 — ранено.

Однако до конца войны было еще далеко. Вскоре, воспользовавшись изменой кахтанов, 400 всадников и 5 тыс. стрелков из племени рўка верхом на дромадерах обрушиваются на недждцев и учиняют среди них настоящую резню.

Гуармани, который предусмотрительно держался подалее от сражений, но помогал ухаживать за ранеными, получает от шейха победившего племени во время дележа добычи великолепную лошадь, право владеть которой оспаривало несколько шейхов. Кроме того, он покупает трех жеребцов-производителей стоимостью, равной стоимости сотни верблюдиц, и, считая свою миссию выполненной, подумывает о возвращении.

Тем временем атайба снимаются с места, и, послав

одного проводника к шатрам этейм за двумя бедуинами, которые должны были сопровождать путешественника и охранять его лошадей, Гуармани остается с единственным проводником на огромной, обильно политой кровью равнине. «Шакалы, вóроны, волки, ястребы рвали трупы на куски, — пишет он. — Я дрожал от ужаса».

Наконец, договорившись с этеймами, что они будут сопровождать его лошадей во время его обратного пути, Гуармани для себя выбирает более длинную дорогу, не в силах отказаться от удовольствия увидеть Неджд и желая быть представленным эмиру Фейсалу и его сыну.

Но у самой Анайзы его остановили всадники эмира Абдаллаха. Гуармани представляет им бывшие при нем рекомендательные письма к эмиру. Сам эмир, не доверяя турку, о котором говорится в письме, отказывается его принять и велит проводить в Анайзу, где местный губернатор разрешает ему продолжать путь к Хаилу.

Жители Анайзы занимались главным образом тем, что покупали у бедуинов жеребят, выращивали их и продавали затем уже взрослых лошадей в Персию и Индию.

Гуармани отмечает, что настроение народа всего этого края по отношению к Саудидам не очень-то для них благоприятно, каждый из местных жителей желал их сближения с Рашидидами Хаила, где царствовал принц Телал, распространивший к тому времени свое могущество от Джофа на севере, до Таймы и Хайбара — на западе. Замиль, эмир Анайзы, открыто ненавидит Фейсала ибн Сауда и готов освободиться от его верховной власти, как только это станет возможным. Видя это, Гуармани приходит к заключению, что «Звезда сына Сауда близка к своему закату». Действительно, это было заметно. И юный Абд аль-Азиз ибн Сауд, едва достигший совершеннолетия, собирался вернуть своей семье былую славу именно теперь, когда она померкла, когда не вызывал уже как будто сомнений тот факт, что длинная страница истории перевернута. Гуармани не мог предвидеть, что для того, чтобы звезда Саудилов вспыхнула вновь с невиданной доселе силой, достаточно будет появления одного-единственного человека, являющего собой прекрасный образец бедуинского князя, воина, достойного рыцарского романа или сказок «Тысячи и одной ночи», обладающего к тому же неукротимой волей, сверхчеловеческим упорством, приученного к самым суровым усло-

виям жизни, так как воспитывался он среди кочевников, ничего не имеющего, но щедрого и гордого, безусловно верного своим товарищам по оружию и сверх того умного и наделенного способностями дипломата, которые позволят ему поддерживать прекрасные отношения как с различными племенами своей страны, так и с европейскими державами.

Абдаллах ибн Рашид и его сыновья подчинили Неджд силой собственного благородства и щедрости. Абд аль-Азиз ибн Сауд предстанет перед жителями Неджда как личность еще более значительная, и отныне сердца бедуинов и верное их оружие будут отданы уже не Рашидидам: вся Центральная Аравия станет саудовской. Сегодня благодаря нефти потомки Сауда окружены ореолом сказочного богатства. Но перечитайте Буркхардта и Валлина! Настоящий бедуин всегда с жадностью возьмет золото, но никогда его обладатель не добьется уважения; только щедростью, по крайней мере равной его состоянию, может добиться шейх или эмир уважения своего народа или, точнее, своих товарищей по оружию. Бедуин выбирает себе вождем и следует за тем, кого считает в большей степени соответствующим своему идеалу человека.

Во времена Гуармани воплощением такого идеального типа был Телал ибн Рашид (сын Абдаллаха, умершего в 1847 г.). Он вершил свой суд утром — в замке, вечером — перед мечетью. Он любил повторять, что вдовы и сироты ему дороже, чем собственная его семья, и вследствие этого щедрость его в отношении кого бы то ни было представлялась нашему автору «чрезмерной»: он видел, как Телал дал слепому поэту сто талеров, одел его с ног до головы и, кроме того, подарил дромадера и лошадь — и все это за импровизированное стихотворение. Что касается суда Телала, то он был справедливым, но суровым: убийцам полагалась смертная казнь, тем, кто нанес другому ранение во время драки, отрезали руку, лжецам и лжесвидетелям палили бороду над очагом, что приводило и к потере зрения, воров сажали в тюрьму, а у мятежников конфисковали имущество. Первым и наглядным результатом такого правосудия была безопасность дорог, которой и воспользовался Гуармани, чтобы объездить весь этот район.

Безусловно, от него получаем мы и самые подробные

сведения о торговле лошадьми. Так, мы узнаем, что жеребят поставляет в Анайзу племя бени хахтан, в то время как племя мутейр поставляет лошадей на рынок Бурайды, более значительный по размерам, но не столь требовательный к качеству скакунов. Бурайда — столица провинции Касым — сильно разрушена, и тем не менее здешние князья и торговцы богаче, чем в Анайзе.

Во время своих прогулок по окрестностям Хаила Гуармани имел возможность нанести визит принцу-наследнику Рашидилов, в то время как принц посетил пастбище в Джебель-Шаммаре, где под охраной 300 рабов паслось почти 500 кобылиц.

Гуармани говорит о некотором скачке в развитии этой области; так, Джуфейфа, расположенная в Западном Джебеле, находится, как он пишет, «на огромной равнине, где через двадцать лет будет множество других деревень: уже построены отдельные дома, вырыты колодцы, посажены пальмовые рощи». Долина выглядит как огромный зеленый ковер.

Наблюдательный Гуармани замечает, что для племени шаммар саранча является одновременно и бедствием, и спасением. Туда, где опускается туча саранчи, бегут все, торопясь вырыть в песке ямки, чтобы поджарить таким образом насекомых. Гуармани тоже пробует это блюдо, но не находит его вкусным: поджаренная саранча безвкусна, а вареная — студениста, но лошадям она заменяет ячмень. Высушенные и истолченные в порошок насекомые служат в малых дозах питательным продуктом и могут в таком виде сохраняться годами.

Наконец, поздравив себя с любезным приемом, оказанным ему в государстве Телала ибн Рашида, и сожалея только о царящем там, доведенном до крайности религиозном (хотя и не ваххабитском) фанатизме и о распущенности нравов, присущей как мужчинам, так и женщинам, отличающимся, кстати, необычайной красотой, Гуармани покидает Джебель-Шаммар и направляется вместе со своими лошадьми по маршруту, пройденному Валлином, но в обратном направлении.

Самая большая опасность поджидала его в Вадисирхан. Он едет вместе с караваном из 182 вооруженных мужчин, направляющихся в Хауран. Но бедуины из племен шарарат и сейлан объединились и, потрясая кривыми турецкими саблями и стреляя, напали на караван

с целью его ограбить. Оплакивая двух мертвых и приведя с собой десятерых раненых, караван приходит на стоянку полностью разоренным и в самом плачевном состоянии. Гуармани отдает своим спутникам пятьдесят мер фиников и помогает ухаживать за ранеными, четверых из которых спасти не удалось.

На следующий день он отправляется в Дамаск, откуда возвращается в Иерусалим.

Его книга, скромно изданная францисканцами этого города и тотчас же переведенная на французский язык, очень скоро была оценена людьми сведущими. Она не только отличалась искренностью и содержала массу данных относительно бедуинских племен и их жизни, но и изобиловала географическими сведениями — результатом измерений, сделанных компасом, циркулем, и подсчета расстояний. Все это делало возможным картографирование Центральной Аравии.

Так благодаря Валлину и Гуармани Северная Аравия и государство князей Рашидидов были исследованы. Что касается известности, то она закрепилась не за их именами. Слава досталась У. Дж. Пэлгреву, произведению которого в высшей степени была свойственна сенсационность.

Глава VI

КАЗУС ПЭЛГРЕВА

С самого момента своего появления в свет в 1865 г. книга Уильяма Джиффорда Пэлгрева «Рассказ об одном годе путешествия в Центральную Аравию» воспринималась как самая сенсационная книга, которая когда-либо была написана об Аравии. В следующем же году был сделан перевод ее на французский язык, затем — на немецкий, а десятью годами позже сокращенный вариант книги вышел во Франции в иллюстрированной «Розовой библиотеке», предназначенной для юношества. Целое поколение открывало Аравию глазами этого автора-чародея.

В самом деле, история, им рассказанная, могла соперничать с самыми волнующими романами. Хотя она на-

чинается в Маане, в ней совершенно невозможно узнать те места и области, социальную жизнь которых, древние руины и географические особенности описывал Валлин, ибо совсем другие чернила питают перо нашего автора...

«16-го июня 1862 года с наступлением темноты мы уже ждали у восточных ворот города Маана наших проводников-бедуинов, которые во главе с Салимом, их вождем, наполняли у соседнего источника мехи, седлали и выючили верблюдов. В темно-лазурном безоблачном небе начали появляться звезды, а лунный полумесяц, сияющий так ярко, как это бывает только на Востоке, обещал облегчить нам наш ночной поход. Вскоре мы уже восседали на длинношеих животных в позе, о которой один арабский поэт сказал, что она весьма напоминает «позу человека, взгромоздившегося на вершину мачты». Повсюду царил глубокая тишина, и сами наши проводники, казалось, боялись ее нарушить: краткие и редкие свои реплики они произносили вполголоса, а верблюды бесшумно продвигались вперед в полнейшем безмолвии, ничем не нарушая его величественного спокойствия.

На моем спутнике, христианине из Сирии по имени Барака, и на мне были обычные костюмы, вроде тех, что носят средние слои в Сирии. Мы уже опробовали их во время нашего путешествия из Газы в Маан, не возбудив при этом ни любопытных взглядов, ни нескромных вопросов, предметом которых мы могли бы стать в этой стране, называемой большинством путешественников несколько педантично, а именно — Каменистая Аравия.

Я выдавал себя за врача, путешествующего в сопровождении ученика; поэтому особенно необходим был изысканный костюм, дабы завоевать доверие клиентов».

И начинаются приключения. До Хаила наши путешественники пойдут по маршруту Валлина, через Вадисирхан, Джоф и Куббу; но песчаная буря, поставившая их жизнь под угрозу, придала интерес рассказу, не говоря уже о перипетиях пребывания в Джофе.

Во двор здания, отведенного шаммарским князем Телалом ибн Рашидом для своих гостей в Хаиле, врач и его ученик вошли в конце июля.

Какова была действительная их цель? Предисловие к книге говорит об этом так: «Читатель, возможно, спросит, какое специальное название, какие основные причи-

ны имело предпринятое мною путешествие, столь долгое и опасное. Надежда способствовать социальному совершенствованию на этих обширных территориях, желание внести живую струю европейского течения в стоячее болото восточной жизни; возможно, и естественное любопытство узнать то, чего еще никто не знает, и, наконец, врожденный авантюризм англичанина — вот основные движущие силы затеянного мною предприятия. Добавлю также, что в то время я был связан с орденом иезуитов, столь известным в анналах мужественной и преданной филантропии; наконец, я признаю это с самой живой благодарностью, необходимые фонды были щедро мне предоставлены императором Франции».

Последний факт позволяет предполагать, что путешественнику была поручена миссия чрезвычайной важности.

Пробыв несколько дней в столице, позондировав глубину ваххабитских чувств населения и верность Телала в отношении его риядских сюзеренов, таинственный посланец готовит себя к тому, чтобы открыть карты принцу, союзнику Саудидов. Но вначале он предупредит казначея Замиля. «Мы начали с того, что сказали ему, как хотелось бы нам получить аудиенцию у Телала, дабы поговорить с ним о делах весьма важных. Настроив его, таким образом, на то, чтобы выслушать нашу тайну, мы затем изложили ему всю правду и спросили его мнения по поводу предложений, которые мы собирались сделать государю». Когда Телалу об этом сообщили, он назначил Пэлгреву аудиенцию и выслушал европейского эмиссара. При этом был соблюден весь традиционный для таких свиданий ритуал: Пэлгрева на рассвете провели через потайную дверь, охраняемую черными рабами и вооруженными слугами, причем находились они на расстоянии, не позволяющем услышать голоса.

«Итак, я кратко изложил ему мотивы нашего путешествия, рассказал, откуда мы приехали, какая надежда привела нас в Аравию и чего ожидаем мы от его благосклонности. За сим последовал разговор, продолжавшийся по крайней мере час. В заключение Телал настоял на необходимости соблюдать строжайшую тайну: «Если то, о чем мы говорим, станет известно, ни вашей, ни, быть может, моей жизни не обеспечена безопасность».

Затем история осложняется эпизодом с вероломным дядей Телала Обейдом, который до поры до времени сохраняет маску сердечности, но в один прекрасный день сбрасывает ее и «открывает свое гнусное лицо».

«Однажды утром он прислал за мной, чтобы навесть одного больного из числа его слуг. Я отправился во дворец, где после короткой беседы обнаружили истинные его чувства: страсть одержала верх над лицемерием; его кроткий вид и ласковые речи уступили место ненависти и ярости: он дал себе волю, неистово браня христианских новаторов, которые хотят нарушить чистоту ислама. Потом, обратившись к нам, он сказал: «Кто бы вы ни были, знайте, что, даже если мой племянник и с ним вместе вся Аравия согласится на отступничество, все-таки останется еще один защитник старых верований, и это буду я!» Поняв, однако, что он зашел слишком далеко, Обейд снова принял благожелательный вид и перешел на тон дружеской беседы, как будто бы подозрение и не входило в его сердце. Но нам достаточно было предыдущей сцены, и наши отношения с ним полностью были прекращены».

Телал нашел выход из положения, послав своего дядюшку в военную экспедицию; однако перед отъездом тот любезно передал Пэлгреву рекомендательное письмо к принцу-наследнику Саудилов в Эр-Рияде.

«Поскольку страх оказался сильнее чувств приличия», Пэлгрев счел нужным вскрыть послание, которое представляло его как «посвященного в искусство врачевать», но в котором «вместо обычного слова, употребляемого в Аравии, употреблено было выражение весьма двусмысленное, менее означающее медицину, чем колдовство».

Последнее считалось в Эр-Рияде преступлением, наказуемым смертной казнью». Таким образом, предатель хотел только одного, чтобы Пэлгрев и его спутник были уничтожены.

Между тем пришел ответ Телала.

«Поскольку Обейд был удален, Телал полагал себя более свободным действовать по своему усмотрению; вследствие этого 6 сентября мы были приглашены посетить хавву Замиля в час пополудни.

Чтобы оградить нас от докучливых посетителей, у двери был выставлен часовой. Не прошло и десяти

минут после нашего прихода, как появился Телал в сопровождении двух вооруженных слуг, которых он оставил во дворе. Одет он был просто; взгляд его, еще более серьезный, чем обычно, выражал глубокую озабоченность. Он сел и некоторое время хранил молчание, которое мы не осмеливались нарушить. Наконец, подняв глаза и прямо посмотрев мне в лицо, он сказал: «Не спрашивайте меня ни о чем, я не настолько неосторожен, чтобы при нынешнем положении вещей дать положительный и официальный ответ на сделанные вами предложения. Но я, Телал, заверяю вас в моей поддержке и твердой воле. Теперь же продолжайте ваше путешествие. Когда вы вернетесь, я надеюсь, в скором времени, слово ваше будет законом в этой стране и то, чего вы желаете, исполнится. Вы удовлетворены?»

Я ответил, что обещания его превосходят самые сокровенные мои желания, и мы пожали друг другу руки в знак нашего союза».

Читателю остается лишь строить догадки относительно того, что это могли быть за таинственные предложения: возможно, речь шла не менее чем о наступательных действиях Европы против ваххабизма с опорой на поддержку Рашидидов.

Но здесь не кончаются приключения наших путешественников. Они совершают далее то, чего до них никому еще не удавалось — посещают Эр-Рияд. Пробыв там несколько дней, они исчезают никем не замеченные и, поскольку дело приняло для них трагический оборот, прячутся в какой-то канавке невдалеке от города в ожидании своего друга и политического союзника, который должен был прийти за ними и доставить к каравану, идущему в Хуфуф, благо он сам его и возглавлял. Наши путешественники отправляются в Катиф, откуда начнут свое плавание вокруг материка. Плавание это даст им возможность посетить все имеющие политический интерес центры Персидского залива: столицу «пиратов» и их колонии на противоположном берегу (Шарак, Линга), потом в том же районе основную колонию правительства Маската — Ормуз и, наконец, сам Оман.

В результате кораблекрушения, описание которого выдержано в самых романтических тонах, корабль их идет ко дну, а сами путешественники попадают на территорию Омана. Спаситься удалось лишь девятерым,

Среди которых были и оба наших путешественника; спасение их не было чудом, так как Пэлгрев взял на себя «мужественную и спасительную инициативу» отбить шлюпку у других несчастных, которые ухватились за нее, рискуя ее перегрузить.

Вплавь, совершенно голый, потеряв все документы, касающиеся его путешествия, добрался Пэлгрев и его спутники до берега, а затем и до резиденции султана, которая, к счастью, находилась неподалеку. Одетые и накормленные, наши путешественники тайком уезжают и добираются до Маската. Пэлгреву остается только вернуться в Сирию через Багдад.

Как мы видим, в качестве романа книга его заслуживает всяческих похвал. Там нет недостатка ни в стиле, ни в «местном колорите», ни в драматических перипетиях, ни в очаровании малопонятных политических секретов.

Но У. Дж. Пэлгрев вовсе не выдавал себя за Александра Дюма; он претендовал на звание путешественника, и какого! Разве не проехал он через всю Аравию по самой длинной ее диагонали: от Маана до Омана, захватив и неизвестный до сих пор район земель, лежащих от Хаиля до Катифа?

Французское географическое общество присуждает ему медаль: разве не он оказал честь субсидиям Наполеона III! Живой герой необыкновенных приключений, герой увлекательнейшей книги, У. Дж. Пэлгрев мог наслаждаться славой. Однако вскоре появится одно «но», которое не исчезнет вплоть до наших дней.

Когда лондонское Географическое общество заслушало доклад Пэлгрева о его путешествии, оно, конечно, проявило интерес к содержащимся в нем сенсационным наблюдениям, но не замедлило все же намекнуть с юмором, благодаря которому была сохранена учтивость, на сказки «Тысячи и одной ночи». Оно поставило вопрос, который не снят до сих пор: действительно ли все это правда? И в какой мере?

Д-р Беджер принес Пэлгреву ряд возражений относительно системы описанных им водных путей. Однако он не смог доказать, что ошибка действительно имеется.

Оставалось только ждать, пока другие путешественники пройдут по тем же районам. Ждать или способствовать этому. Англия предпочитала делать второе.

Обратив внимание подполковника Л. Пелли, бывшего тогда политическим резидентом в Бушире, на представленный Пэлгревом доклад, президент Королевского Географического общества в Бомбее убедил его в том, насколько интересным могло бы быть точное определение географического положения Эр-Рияда и Хуфуфа и географическая характеристика районов, расположенных вокруг них.

Английский резидент в Персидском заливе сделал предмет своей оживленной беседы с саудовским князем конкретно вопрос о пиратах. Он надеялся привести правившего тогда Фейсала к пониманию необходимости борьбы с пиратством, вести которую в Персидском заливе Англия считала своей обязанностью. Пелли пишет риядскому эмиру одно письмо, затем другое — ответа не последовало. Тем не менее он едет в Кувейт и там ждет ответа на третье послание. Наконец, он получает приглашение приехать в Эр-Рияд, но без проводника и без какого-либо эскорта. Не обратив на эти условия никакого внимания, Пелли формирует отряд, в который входят еще два офицера, переводчик, повар и арабский эскорт.

Следуя из Кувейта до Эр-Рияда, путешественники, постоянно проводя наблюдения над почвами и растительностью и съемку местности с помощью имевшихся у них измерительных инструментов, прошли сначала холмистую безводную равнину, не встретив там ни одного человеческого поселения; затем перед ними развернулась красная лента песчаной пустыни Дахна.

Первая линия песков с редкой растительностью возвышается на несколько сот футов над лежащим непосредственно перед ней каменистым склоном. Эту первую линию песков отделяет от семи следующих, высота которых колеблется от 200 до 300 футов, равнина шириной в несколько миль.

Выйдя из пустыни, отряд оказался перед Недждским плато; то были холмы, еще одна равнина и, наконец, горные цепи Тувайка, среди которых в долине Вади-Ханифа расположен Эр-Рияд.

Путешественники поворачивают на запад, чтобы взглянуть на древнюю колонну, которая, как им сказали, находилась в Салусе, и находят там два изображения греческого креста.

В Эр-Рияде посольству не удастся добиться никаких положительных результатов. Слепой и парализованный Фейсал ведет себя искренне и достаточно сердечно, но он требует признания Англией неприкосновенности работорговли. Л. Пелли считает бесполезным дальнейшее продолжение переговоров. Тремя месяцами позже, когда Фейсал отречется от престола и его сын Абдаллах попросит помощи англичан в борьбе со своим братом Саудом, Пелли посоветует поддержать Сауда, так как об Абдаллахе у него осталось неблагоприятное впечатление. Результатом этого вмешательства в борьбу двух братьев было обращение Абдаллаха к правительству Османской империи и занятие турками в 1871 г. прибрежной провинции Хасы.

На обратном пути Пелли почти повторяет маршрут Пэлгрева и в общем приходит к выводу, что последовательность описанных Пэлгровом территорий сохраняется в обратном порядке: холмистое плато, песчаные холмы Дахны и, наконец, слегка неровная местность вплоть до самого Хуфуфа.

Кроме точного измерения широт и географических наблюдений, Пелли оставил также ценные указания относительно развалин древних городов в этой местности, и, наконец, он первым заинтересовался чрезвычайно любопытным оседлым племенем слейб с весьма специфическими, непохожими на мусульманские, обычаями и верованиями, которые он очень точно описал; кстати, это племя до сих пор является нерешенной загадкой религиозной и культурной истории.

С точки зрения проверки заявлений Пэлгрева нескольких страничек доклада полковника Пелли было явно недостаточно для сравнения: к тому же книга не была еще опубликована.

Но вскоре другие путешественники — сначала леди и лорд Блэнт, потом великий исследователь Доути—пройдут по Северной Аравии. Они увидят Нефуд-Дахну совсем не такой, какой она описана Пэлгровом. В рассказе Пэлгрева Нефуд-Дахна предстает как кошмарное место, где нет ничего, кроме легкого песка, образующего гребни высотой в 300 футов, между которыми «путешественник оказывается как бы заключенным в душную песочную яму». Пэлгрев утверждает, что целые караваны могут пропасть там безвозвратно; это страш-

ное нагромождение песчаных гор настолько беспорядочно, что проводник Пэлгрева находит правильное направление только с помощью сверхъестественной интуиции, которая, к счастью, одна только и спасает их от верной смерти.

Можно констатировать, что ничего столь ужасающего Пелли не увидел. А леди Блэнт напишет: «Каждый год в течение нескольких месяцев сезона дождей эти обширные песчаные пространства становятся пристанищем для кочевников-бедуинов и их стад; пространства эти хранят в себе секрет кочевой жизни, ибо нигде нет таких богатых пастбищ, как здесь, в складках песка, и без них пастушеская жизнь арабов была бы невозможна». А ведь Пэлгрев, по его словам, покинул Эр-Рияд в ноябре, больше того, после обильного дождя. Между тем Дахна показалась ему «океаном огня» без единой травинки!

Гуармани, который путешествовал год спустя после Пэлгрева частично по тем же местам, ничего об этом не пишет, но зато дает более точные сведения по другим вопросам, например о характере рынка в Хаиле, о возрасте сына эмира и даже о его внешности; и наконец, его цифры, касающиеся населения основных селений и столицы страны, расходятся с данными Пэлгрева. Согласно Пэлгреву, население деревень оказывается неизменно больше, чем называют другие посетители этих мест, а в отношении Хаиля его цифра больше почти в три раза. Это преувеличение приводит к тому, что в одном месте он говорит о «деревушке», в 2 тыс. жителей.

Если сравнить его общие подсчеты относительно различных племен с цифрами Буркхардта, то окажется, что между этими двумя цифрами огромная разница.

Что касается описания дороги, по которой до него прошел Валлин, то и здесь Пэлгрев оказывается в противоречии с точными описаниями Валлина. Вади-Сирхан становится «далеко тянувшимся оазисом; и нет больше во всей стране такой обширной и плодородной долины», в то время как Валлин, как мы помним, предупреждает о том, что его нельзя считать ничем иным, кроме как просто впадиной того же рода, что и Нефуд. В Куббе Пэлгрев находит гранитные скалы, черные, дикие, фантастичные, и многочисленные свежие источники, в то время как Валлин видит там небольшие холмы из пес-

чаника и специально подчеркивает, что там нет ничего, кроме колодцев с солоноватой водой.

Все это не очень способствует возникновению доверия к словам путешественника. Просто ли это преувеличение, применяемое везде понемногу в целях произвести возможно больший эффект? Нет, в его рассказе имеет место не только тенденция к преувеличению, там можно найти не только неточности, но и странные, грубые ошибки. Ч. М. Доути сообщает, что товарищи автора по иезуитскому колледжу отнюдь не включали правдивость в число его природных качеств и сам он отказывается верить, что Пэлгрев путешествовал ради интересов Наполеона III.

В самом деле, не является ли это желание выглядеть тайным посланцем, которому поручена политическая миссия необычайной важности, обыкновенным фанфаронством в стиле, присущем всей книге, о которой Д. Дж. Хогарт прекрасно сказал, что она «насыщена авторским Я, его эгоизмом от первой до последней страницы». Что можно подумать о секретном агенте, который приписывает себе выгодную и романтическую роль и при этом, вернувшись, разглашает дипломатическую тайну, тем более компрометирующую, что ничего конкретного не говорится, но читателю дается понять, что имелось в виду не более, не менее как возбуждение волнений по всей Аравии, уничтожение там традиционного порядка!

Вполне вероятно, что император Франции не прочь был узнать, что представляла собой в действительности держава правителя Рашидида и каковы там шансы ваххабитов, тем более что он вскоре субсидирует в высшей степени официальное путешествие Гуармани. Можно предположить, что император оказался в весьма затруднительном положении, прочитав о том, какие малопонятные указания получил якобы от него его «протже» — Пэлгрев.

Человек этот тем менее внушает к себе доверие, что, вначале принадлежа к англиканской церкви, он затем перешел в католичество и стал иезуитом ради Франции, а немного спустя после возвращения из путешествия оставил свой орден, пришел к отрицанию католицизма и, став протестантом, обрушил на церковь яростные атаки. Конечно, взаимоотношения Пэлгрева с религией никак не связаны с его научной деятель-

ностью, но все же не способствуют укреплению доверия к его заявлениям.

Эдвард Нольде, прошедший позднее небольшую часть маршрута Пэлгрева, пришел к выводу о достоверности рассказа последнего. Доути и Блэнт также считали, что описание нравов недждского общества соответствует действительности.

Д. Дж. Хогарт полагал в 1904 г., что самый факт путешествия не вызывает сомнений и, следовательно, Пэлгрев представляет собой «нашего лучшего информатора и в самом деле высший авторитет, первоисточник в отношении большей половины южной части Неджда, о которой у нас нет никаких сведений; в отношении же остальной части доклад его настолько полнее докладов двух его предшественников — Рейно и Сэдльера, равно как и единственного его последователя — Пелли, что представляется основным текстом, к которому их заметки служат лишь комментарием». Хогарт доверяет Пэлгреву и в том, что касается прибрежного района Хасы. «Рассказ его, — пишет Хогарт о Пэлгреве, — более живой и подробный в этой части, чем где бы то ни было, выявляет в нем человека, который даже и не даст себе труда скрыть собственное пристрастие к народу, единственным действенным правилом жизни которого является гедонизм... В более серьезном тоне выдержаны у Пэлгрева подробные и вызывающие восхищение описания города и окружающего его оазиса, с которыми вполне согласуется то небольшое, что написали его предшественник Сэдльер и его последователи Пелли и Цвемер. Цвемер, посетивший Хасу в октябре 1893 г., пользуясь покровительством турок, нашел план Хуфуфа, сделанный «сирийцем», точным и тридцать лет спустя... О подробностях, характеризующих жизнь, — о домах, интерьерах, продуктах и торговле, обычаях и манерах Пэлгрев говорит как о чем-то близком ему самому, что редко удастся европейцам на Востоке». В заключение Хогарт пишет: «Для большей части Неджда мы должны считать Пэлгрева авторитетом, потому что другого нет; в отношении Хасы мы предпочтем его сведения любым другим».

Но с 1904 г. состояние наших знаний изменилось, ибо один европеец, принявший мусульманство и ставший арабом по образу жизни, прожил в Эр-Рияде при дворе

великого короля Ибн Сауда и его сына с 1925 г. до наших дней; при этом он испытывал настоящую страсть к путешествиям, блестяще знал труды европейцев, а формирование его как ученого проходило в Кэмбридже. Для него проверить заявление Пэлгрева было так же просто, как нам сверить с Голубым путеводителем дорогу от Лилля до Монте-Карло. Для этого нужно было много времени и много ездить; однако Филби удалось постепенно пройти большую часть маршрута. В 1919 г. он представляет первые данные Королевскому Географическому обществу, а в 1922 г. в своей книге «Сердце Аравии» дает подробный анализ фактов. Наконец, в 1947 г. он дает английскому Географическому обществу последнее подтверждение своего предположения.

Как считает Филби, ему удалось доказать, что Пэлгрев не мог совершить путешествия от Хаиля до Персидского залива, ибо утверждения его по различным поводам со всей очевидностью показывают, что он не видел того, о чем говорит. И шаг за шагом Филби следует за своим «обвиняемым».

Последуем и мы за ним по дороге из Хаиля в Бурайду. Прежде всего неверны утверждения о том, что колодцы в этой местности (Касым) имеют не более шести футов глубины и что отсюда экспортируют финики в Йемен и Хиджаз. На последнем этапе пути до Бурайды Пэлгрев провел, по его словам, целый час в садах и полях несуществующего оазиса Гат. Неподалеку от Бурайды он прерывает свой путь, чтобы провести вечер в Дувейре (другой плод его воображения). В Бурайде же он видит карьеры каменной соли, местного продукта «замечательной чистоты и белизны», в то время как на самом деле у здешней соли — грязновато-розоватый цвет.

На юго-западе Пэлгрев замечает «местность, всю испещренную островками посевов, разбросанными меж песков, а вдалеке — длинные, более густые тени, указывающие, где находится сама Анайза». Однако с того места, где стоял Пэлгрев, на огромном пространстве видны лишь бесконечно уходящие вдаль, пока хватает глаз, песчаные холмы, и нет никакой возможности увидеть Анайзу или хотя бы пальмовые рощи вади и т. д.

Для изучения сельской жизни Пэлгрев предпринимает две однодневные экспедиции. Первого из названных им мест не существует в действительности, если

только это не какое-нибудь селение, расположенное во многих днях пути. До второго места тоже не доехать за один день; более того, оно находится на прямой дороге между Бурайдой и Шакрой, тогда как сам Пэлгрев пишет, что не смог поехать по этой дороге, так как она была забита скотом. Он, очевидно, и не подозревает, что как раз по этой дороге и надо было ехать, чтобы увидеть описанное им селение.

Говоря об отрезке пути между Бурайдой и Эз-Зильфи, Пэлгрев перечисляет все свои стоянки и переходы, откуда явствует, что ему потребовалось почти тридцать часов пути, чтобы покрыть расстояние, не превышающее шестидесяти миль, причем останавливался он в несуществующих оазисах.

Пэлгрев рассказывает также о своем путешествии из Эр-Рияда в район Афладжа. Однако этот район Аравии имеет особенность, которую ни один путешественник не мог бы забыть, — озеро. Между тем Пэлгрев не описывает ни озера, ни замечательной оросительной системы, которая также не могла не привлечь внимания. Мало того, по словам Пэлгрева, он дошел до этого места, расположенного в ста семидесяти милях от Эр-Рияда, за два часа ходьбы обычным шагом.

Что касается сообщения, сделанного им о горных цепях Тувайка, то Филби видит в нем просто карикатуру. Не только высота названа неверно, но и представление Пэлгрева о движении вод в районе цепи полностью противоречит действительности. Он насмехается над географами, которые считают, будто вади из района Эр-Рияда имеют направление в сторону моря. Однако, как говорит Филби, именно так и происходит с Вади-Ханифа: поток дошел бы до моря, будь он полноводнее. Если верить Пэлгреву, он шел до Вади-Ханифа в течение целого дня, в то время как нужно было покрыть расстояние, не превышающее одной мили. Пэлгрев проходил вади именно в тот момент, когда там можно было бы увидеть определенное количество воды, так как, по его словам, в Эр-Рияде в это время прошел сильный дождь. Однако он утверждал, что воды долины текут не к морю, а в противоположном направлении — на запад. В подтверждение своей концепции Пэлгрев ссылается на якобы имеющуюся к востоку от Тувайка (нужно лишний раз повторить, что ее не существует) и стоящую

перпендикулярно горную цепь, откуда текут воды, питающие Вади-Ханифа. То же самое и в отношении Вади-Субай, вдоль которого он следует дальше: силой своего воображения Пэлгрев обращает воды этого вади вспять (к северу) и указывает якобы питающий его несуществующий источник, расположенный в столь же воображаемом районе. В долине он видит «небольшие деревушки, не имеющие никакого значения», тогда как деревушек там нет никаких.

По дороге наш путешественник оказывается в лесу, где растут платаны! Однажды утром он видит в пустыне туман, столь же густой, как в Шотландии! Наконец, с вершины Тувайка ему откроется совершенно фантастический вид на голубую сьерру Харика на юге; позднее он еще раз подтвердит, что оттуда перед ним открывались великолепные виды.

Он видит, как внезапно теряются горы Тувайка в песках, тогда как на самом деле это происходит постепенно и на очень значительном расстоянии. И снова переходы от одного несуществующего колодца к другому. Наконец, Пэлгрев приходит в Дахну, которую он описывает так, что ни один путешественник потом не сможет ее узнать.

Далее снова начинается вымышленный пейзаж. Если верить Пэлгреву, «пустыня отделена от побережья той самой линией неровных и лишенных растительности холмов, которая опоясывает всю Аравию; холмы эти «из гранита, песчаника, среди которых иногда попадает базальт и кварц», возвышаются на 1400 футов над уровнем моря. В действительности же между Дахной и берегом нет ничего, кроме обширной известковой пустыни с еле заметными редкими буграми; они одни нарушают унылое однообразие пейзажа.

Но на счету Филби не только доказательство неточности сведений Пэлгрева, но и указание способа добывания этих сведений. Здесь ему помогли менгиры¹⁹ Уйуна.

В самом деле, наш автор претендовал на то, что им было сделано в сердце Аравии одно из самых сенсацион-

---

¹⁹ Менгиры — ряды отдельно поставленных камней. Относятся к группе мегалитических памятников древнейших культур. — *Прим. ред.*

ных археологических открытий. Вот что он об этом говорит: «Мы заметили огромные неотесанные камни, стоящие на земле, где порознь, где один на другом — «колоннами» одинаковой высоты. Расположение их позволяло предполагать, что все это — части огромного круга; к тому же неподалеку видны были и некоторые сохранившиеся фрагменты этого круга. Мы насчитали их штук восемь или девять. Два из них, лежащие на расстоянии трех-четырёх метров, играли, по-видимому, роль гигантского портала; над ними еще сохранилась перемычка — обломок скалы. Казалось, что поперечные камни образуют единый монолит с теми, что лежат внизу. Я на своем верблюде подъехал вплотную к одному из камней, протянул руку и палкой попытался сдвинуть его с места. Однако мне это не удалось. Он возвышался приблизительно на четыре с половиной метра над поверхностью земли.

Природа этих камней позволяет предполагать, что они могли служить жертвоприношению. Местные жители приписывают их возведение некоему Дариму, который, как говорят, поставил их будто бы собственными руками, собираясь использовать для постройки каких-то магических сооружений, ибо он был колдуном. Наши спутники уверили нас, что со стороны Расса существует еще один круг из менгир и таких же размеров; есть и третий, он находится у Ханакии, на границе с Хиджазом.

Для меня не вызывает сомнений тот факт, что странные эти сооружения были возведены для религиозных целей; если ученые не ошибаются, рассматривая кромлехи²⁰ Карнака и Стоп Хэнджа как символы звездного культа, те же предположения можно высказать и в отношении этих камней арабов, воздвигнутых в стране, где небесные тела были предметом поклонения жителей. В самом деле, нет никакой существенной разницы между памятниками Касыма, Бретани или графства Сомерсет».

Воспользовавшись случаем, Филби отправился посмотреть, как обстоит все на самом деле. Он не нашел

---

²⁰ Кромлехи — элементы неолитической и бронзовой культуры главным образом Европы. Представляют собой круглые ограды из каменных плит и столбов. Их назначение не установлено. — *Прим. ред.*

ни одного менгира. Однако был момент, когда он подумал, что ошибается в отношении Пэлгрева и тот сказал правду: в одной деревне он услышал, как говорят о камне, который нельзя сдвинуть с места. Не говорил ли и Пэлгрев, что он палкой пытался сдвинуть поперечный камень и ему это не удалось? Филби попросил рассказать ему легенду и велел тотчас же проводить себя к камню (кстати, он дает и фотографию камня). Это огромный монолит, горизонтально выступающий из небольшой горы; камень называется Хурейша. В легенде говорится об одном деревенском богаче, который решил построить себе дворец и велел рабочим распиливать монолит, чтобы сделать из него камни для строительства. Сделав тонкий и очень глубокий надрез, рабочие привязали к глыбе веревки, позвали всех жителей села — помочь им тащить нижнюю часть монолита. Но напрасно... Скала не двигалась. Удвоив усилия, они подбадривали друг друга обнадеживающими криками: «Хурейша пошла!» Но Хурейша не сдвинулась с места. Слова же стали пословицей и означают, что всякая надежда бессмысленна.

Этот огромный «поперечный» монолит, не желавший двигаться, и есть, очевидно, перемычка менгира, о которой пишет Пэлгрев. Что касается огромных камней, Филби обнаружил и их; это могли быть только обломки скал в двух милях отсюда. Изъеденные временем, они возвышаются подобно гигантским грибам; кстати, на протяжении многих лет путники оставляли здесь грубоватые надписи и знаки своих племен. Филби прилагает фотографию.

На этот раз Филби удалось открыть, каким образом Пэлгрев писал свою книгу. Очевидно, он слышал рассказы арабов, представивших ему каменные грибы как воздвигнутые кем-то камни, а Хурейшу — как огромную балку. Филби замечает, что бедуины и о кратерах метеоритов в Вабаре тоже говорят, будто это остатки древнего города.

Как же писал Пэлгрев? Он, видимо, пользовался устными рассказами арабов, возможностей общаться с которыми у него было сколько угодно, когда он жил в Бейруте. Филби думает даже, что у него могли быть агенты, которых он посылал за сведениями в глубь страны, чтобы оправдать свое назначение политического

агента. Что касается жизни арабских городов, она достаточно хорошо была знакома Пэлгреву по Бейруту и другим городам, чтобы он мог, основываясь на чужих рассказах и выдуманных деталях, создать живую и яркую картину.

Делая такие предположения, мы, вероятно, очень близки к истине.

Однако возможно ли поверить, чтобы вся книга могла быть написана на основании одних лишь косвенных источников?

Что касается меня, я бы усомнилась, что в качестве секретного агента можно было в самом деле выбрать человека столь фатоватого и до такой степени лишенного элементарной скромности.

В Бейруте ли собрал Пэлгрев все свои сведения?

Не так давно побывавший в Хасе Чизмен подчеркнул, что Пэлгрев действительно мог быть в Хуфуфе. По этому поводу Филби замечал, что план, на который ссылался Хогарт и который был одобрен Цвемером, в действительности так плох, что даже сориентирован неправильно: кварталы северо-востока находятся на северо-западе. Он отмечал также, что ни культуры, выращиваемые в Хуфуфе, ни его фауна не совпадают с тем описанием, которое дает Пэлгрев.

Однако Чизмен считает, что Пэлгрев мог принять местное растение за сахарный гростник, а папайю — за обыкновенную клещевину. Пэлгрев, говорит он, ошибается почти всякий раз, когда пишет о сельском хозяйстве и садоводстве, потому что ему не хватает необходимых знаний.

Может быть. Но если он действительно был в Хуфуфе, как мог он увидеть высокую прибрежную цепь в 1400 футов там, где нет ничего, кроме отлогих известняков, почти без неровностей почвы? Ведь были же у него глаза.

Правда, Пэлгрев сообщает нам, что все его заметки были потеряны во время кораблекрушения, которое он потерпел в финале. Естественно поэтому, что он мог бы дополнить воображением недостающие детали в тех случаях, когда ему изменяла память. Но придумать прибрежную цепь, которой он никогда не видел, — зачем? А к чему было придумывать гидрографическую систему, в которой воды текут вспять, да еще объяснять этот

факт наличием не существующих на самом деле гор, о которых у него заведомо не могло остаться никаких воспоминаний?

Кораблекрушение могло бы стать удобным оправданием, но произошло ли и оно, если учесть то, что Пэлгрев никогда не был в Омане?

Это подозрение тоже имеет под собой почву. Майор С. Б. Майлз, который долго жил в Омане, считает, что описание Пэлгрева не может быть сделано очевидцем, ибо оно абсолютно не совпадает с действительностью. Правда, в общих чертах оно достаточно верно передает атмосферу страны. Но ведь об этом можно было получить представление и из вторых рук, читая рассказы предшественников (которых Пэлгрев никогда не упоминает) или слушая очевидцев.

В лучшем случае Пэлгрев все-таки побывал в некоторых районах, может быть в Персидском заливе, но даже о том, что он видел на самом деле, он пишет в высшей степени приблизительно, с большим количеством ошибок и фантастических деталей.

Нам остается сделать несколько замечаний об эрудиции автора. Увы, познания нашего путешественника не дали ему возможности придать собственному труду сколько-нибудь научный характер. Я думаю, что никто никогда не изучал совершенно потрясающих утверждений Пэлгрева относительно древней истории Аравии и языкознания. Не упоминая древних авторов, он рассуждает о двух основных языках полуострова — языке уроженцев Эфиопии хахтанитов и языке набатейцев. Все это представляется столь же лишенным всякой базы, как и его география, и рассчитано только на эффект.

То же самое и в вопросе разведения лошадей. Такой специалист, как лорд Блэнт, прекрасно показал абсурдность рассуждений Пэлгрева на эту тему. В своем письме к Д. Дж. Хогарту он пишет: «Глава Пэлгрева о лошадях представляется написанной задним числом, как будто автор понял, что без этого его рассказ о стране был бы недостоверен».

Филби помог пролить свет на казус Пэлгрева. Но сможем ли мы когда-нибудь до конца разгадать тайну появления фальшивки такого масштаба и определить в ней степень правды и вымысла?

Много говорят о том, что более всего соответствует

действительности в этом произведении картина социальной жизни.

Я бы сказала, что Пэлгрев не идет дальше поверхностного описания вещей живописных и анекдотичных.

Когда читаешь Валлина, становится ясно, до какой же степени Пэлгрев ничего не видел, я имею в виду — в глубину. Он составляет себе об арабском обществе представление упрощенное и абсолютно неверное. По его мнению, существуют городские жители, шаммары Хаила, представляющие собой цивилизованных людей, «одну из самых благородных рас на земле». Что касается бедуинов, то это существа, которых кочевая жизнь, «непрерывно сопровождаемая пороками и преступлениями», привела к полному вырождению. Если верить Пэлгреву, бедуины находятся в полном подчинении у шаммарского князя, и это очень хорошо. Ибо лучший принцип управления Аравией состоит в том, что «бедуину следует предоставить единственную подходящую ему роль — роль надсмотрщиков над стадами», лишив его возможности иметь какое-либо влияние. В противном случае существует постоянная опасность. «Процветание городского жителя находится в обратной зависимости от благоденствия кочевника», процветание городов требует, следовательно, сведения к нулю благоденствия бедуинов. Пэлгрев сумел применить к столь специфическому арабскому обществу лишь два упрощенческих понятия: горожане и пастухи, а из борьбы между этими двумя группами сотворил себе нечто вроде политического кумира.

Валлин, напротив, дал нам почувствовать взаимозависимость городских жителей и кочевников, при которой процветание одних связано с процветанием других; он сумел увидеть, что как раз у шаммаров кочевник был похож на горожанина, а горожанин — на кочевника: и в этом был секрет могущества и доблести всего племени.

Да и как мог Пэлгрев увидеть и понять общество, к которому относился сам до такой степени предвзято, что это принимало анекдотический характер. Он говорит, например, что в высшей степени ценил своего спутника за «крайнее презрение, которое тот испытывал в отношении всего окружающего населения», то есть бедуинов, живущих вдоль границы с Сирией. Пэлгрев не видит никакой разницы между «всеми подлыми пле-

менами, наводняющими Аравию»; для него это только псы, не более! Ему нравится поговорка, которая, как он считает, «в большом ходу у них» и которая гласит: «Мы не стоим даже наших собак» (?). Ничем не подтверждая своих слов, он заявляет: «Основой их брачных отношений является не столько полигамия, сколько беспорядочность этих отношений». Или взять его рассуждения о щедрости бедуинов! «Щедрость их, — скажет он, — происходит гораздо более от беззаботности дикарей, чем от истинного благородства характера... Конечно, сердечное гостеприимство бедуина, каким бы неуклюжим и докучливым оно ни было, заслуживает всяческих похвал, но он прежде всего — дурно воспитанный ребенок, у которого его врожденные добрые качества подавляются чрезвычайной небрежностью, свойственной его характеру». Отсюда необходимость применения в отношении бедуинов режима «ежовых рукавиц». Если, например, Пэлгреву говорят, что бедуины никогда не убивают, совершая набеги, он ответит: «Они стремятся захватить добычу, а не пролить кровь, в их сердце нет благородного устремления убить врага либо погибнуть от его руки. Следует ли из этого, что кочевники добрее цивилизованных народов? Отнюдь. Но у них полностью отсутствуют религиозные принципы, патриотические чувства, послужившие в Европе и Азии причиной стольких кровопролитных войн». Прекрасная похвала представителям цивилизованных наций! Однако, если иметь в виду настоящего араба, то есть бедуина, мы увидим, что, увы, кочевник ничуть не уступает нам, и прежде всего — в ведении религиозных войн.

Но это еще не все. «Ошибкой было бы, — пишет Пэлгрев, — оставаться в неведении и заблуждаться насчет их искренности. У них нередки примеры холодного и расчетливого вероломства. И часто чужестранцы, принявшие их покровительство, и собственные их братья — жители пустыни становятся жертвами ужасных козней».

Отвращение, которое Пэлгрев испытывает к бедуину, распространяется даже на его верблюда: «Одним словом, это дикое животное, неспособное к преданности, животное, которое невозможно приручить и которое подчиняется человеку лишь вследствие собственной своей глупости. Одно только чувство доступно ему — мстительность».

Вполне вероятно, что манера Пэлгрева вести себя в обществе жителей пустыни в глазах бедуинов или тех, кто был знаком с Валлином, выглядела ужасающей. Любезно принятый вождем шераратов, он начал с того, что заявил о своем желании принять от него что-нибудь в дар как знак внимания. Он упорно отказывается ухаживать за больными, он не раскошелливается на самый пустяковый товар, и протянутые к нему трубки остаются без табака. Это не мешает ему, однако, принимать участие в обеде, на котором хозяин в его честь режет верблюда. Правда, он не ест, ибо, как он пишет, «чувство брезгливости не позволяло мне принимать участия в дележе этой отвратительной рванины».

В отношении самых незначительных фактов из жизни городов Филби замечает, что для большинства этих описаний Пэлгреву достаточно было бы знакомства хоть с каким-нибудь из восточных городов и что даже при этом условии значительное число его деталей вызывает сомнение. Так, говоря об улицах Эр-Рияда, наш автор упоминает о заторах, вызванных шествием верблюдов, которые, по его описанию, связаны друг с другом таким образом, как это принято делать только в районе между Меккой и Таифом.

Что касается ваххабизма, то вся книга направлена против него. Пэлгрев описывает тиранию ваххабитов в Эр-Рияде, рассказывает об обязательном для всех присутствии на публичной молитве, о фанатичном и кичливом соблюдении всех предписаний этого пуританского течения. И в этом рассказе чувствуется предвзятость мнений Пэлгрева. В этой главе Филби также отмечает наиболее злостные погрешения против истины. Так, например, без всяких доказательств Пэлгрев утверждает: «Злодейства всякого рода и даже такие, что язык не поворачивается назвать, более распространены здесь (в Эр-Рияде), чем в Дамаске и в Сайде, и относительная благопристойность большинства других арабских городов лишь сильнее оттеняет необычайное коварство Эр-Рияда». Все это Филби решительно называет «чистойшей клеветой».

Более того, в качестве врача Пэлгрев нашел якобы чрезвычайно распространенными венерические заболевания. Филби же уточняет, что на самом деле «они в высшей степени редки в районах ваххабизма, а замечен-

ные случаи чаще всего, если не всегда, следует относить за счет инфекции, занесенной приезжими из Басры, Дамаска, Каира, Мекки и Медины».

Таким образом, в том, что касается общественной жизни, книга Пэлгрева содержит истины не больше, чем в отношении географии, истории или лингвистики.

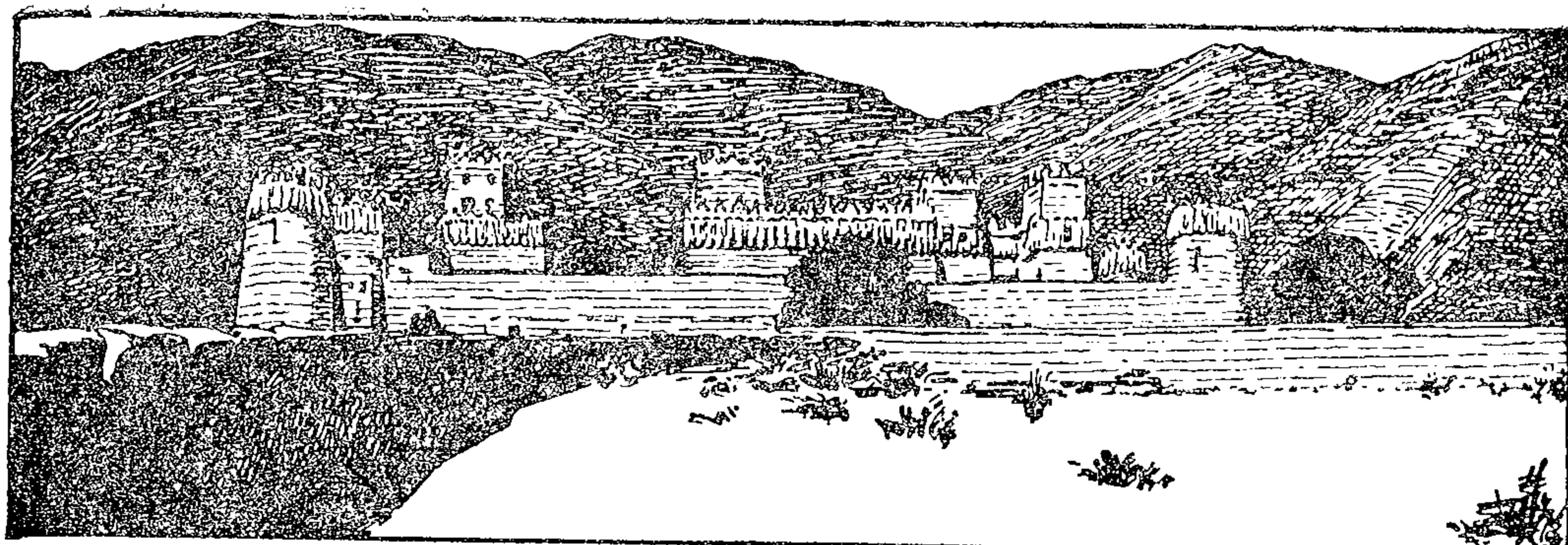
С религией Пэлгрев обходится не более добросовестно, чем с арабами. Он загромождает свою книгу рассуждениями об исламе, представляющими собой образец изложения, искажающего сущность предмета.

Единственное, что можно было бы сделать для защиты Пэлгрева от нападков критики, это доказать, что он написал хоть что-нибудь, чего никак нельзя было бы извлечь из одних только рассказов очевидцев, которые наряду с плодами собственного неиссякаемого воображения использованы автором для нанесения узора на канву драматического действия. Увы, даже тот факт, что он первым описал одну из примечательных котловин Большого Нефуда в форме подковы, ничего в этом смысле не доказывает, ибо описание этой чрезвычайно заметной достопримечательности, гораздо более точно, кстати, описанной Блэнтон, Пэлгрев вполне мог услышать от какого-нибудь араба.

Все замечания, сделанные в адрес труда Пэлгрева, приводят к выводу, что книгу свою он написал, очевидно, таким же способом, как Александр Дюма, который воспользовался записками полковника Луи дю Куре о действительно имевших место путешествиях его в Аравию, чтобы написать увлекательный роман.

Однако Дюма выдавал свое произведение за то, чем оно и было на самом деле, хотя в основе романа лежали реальные события; Пэлгрев же за рассказ о научной экспедиции выдал сочинение, у которого нет никаких шансов сойти за что-нибудь иное, кроме как за роман, основанный на сведениях, заимствованных у неизвестных рассказчиков и сгруппированных по прихоти автора. Более того, сделано все это ради создания книги тенденциозной, в высшей степени необъективной и столь же несправедливой, сколь и не соответствующей истине.

И содрогнешься при мысли о том, что подобный памфлет, замаскированный под научное исследование, в конце прошлого века принимали за источник познаний об Аравии, арабах, их нравах и религии.

Часть пятая

СЧАСТЛИВАЯ АРАВИЯ

Глава I

КРАСНОЕ МОРЕ

С тех пор как в 1517 г. дон Эстевао да Гама поднялся по Красному морю до Суэца, никаких систематических исследований в Красном море не велось. Европейским судам, направлявшимся в Моху через Баб-эль-Мандебский пролив, запрещалось приближаться к портам священных городов. А путешественники — пилигримы не могли служить источником точных и распространяющихся на большие участки морских наблюдений.

Со всей справедливостью можно сказать, что исследование Красного моря с конца XVIII в. до 1831 г. целиком будет делом англичан. Прежде всего потому, что англичане — страстные моряки, и совершенно естественно, что именно они взяли на себя съемку и картографию побережья. Факт остается фактом: им мы обязаны изучением берегов этого моря. Брюс, Валенсия, Хайнс и офицеры судна «Palinurus» станут решительными, исполнительными участниками осуществления этой задачи.

Английские моряки вплоть до 1831 г. были единственными исследователями Красного моря еще и потому, что к тому времени Англия сохраняла превосходство в этом море. Голландцы все внимание уделяли Индонезийскому

архипелагу. Французы же, занявшись в наполеоновский период распространением своего господства в Европе, по существу отказались от присутствия на Востоке. Однако они остаются верны своему союзу с Египтом Мухаммеда Али. Начиная с 1830 г. Франция Луи-Филиппа оказывается второй в мире промышленной державой после Англии. Естественно поэтому, что она стремится продолжить свою экспансию и соперничество с Англией на Востоке.

В самом деле, между 1830 и 1848 гг. Франция занимает на Ближнем Востоке позиции первостепенной важности: она — союзница Мухаммеда Али и поддерживает его в Сирии (завоеванная и сохраняемая им до 1841 г. провинция), она закрепилась в Северной Африке, она покровительствует маронитам в Ливане и добивается для них определенного статуса в государстве. Все это приводит к явному ее преобладанию в Средиземном, а через Египет — и в Красном море, что не замедлит привести Англию в состояние самого активного беспокойства.

Вот чем и объясняется тот факт, что начиная с 1830 г. в Красном море появляются французы. Основной их интерес в этом районе составляет отнюдь не картография побережья. Почти всех их привлекает Эфиопия. Комб и Тамизье, Ферре, Галинье, Роше д'Эрикур лишь прошли через Аравию по дороге в другие земли. Остальные были просто любителями путешествий и приключений и воспользовались франко-египетской дружбой (как это сделал, например, Тамизье), чтобы найти себе дело в Аравии. И ниже мы увидим, до какой степени волновало Красное море умы и воображение французов в эту эпоху.

В промежутке между двумя этапами исследований (с 1821 по 1831 г.) в Красном море появляются немцы. Это — не моряки, не авантюристы и не политики, а ученые-натуралисты.

Итак, остановимся вначале на английском этапе, по преимуществу — морском.

Начало исследований обоих берегов Красного моря, от Суэца до Баб-эль-Мандеба, выпало на долю благородного шотландца Джеймса Брюса.

Отправившись с почти официальной миссией — зарисовать руины древних памятников Северной Африки, он продвигается до Египта, потом возвращается на побережье Красного моря и исследует его, прежде чем отпра-

виться в Эфиопию, где он должен был продолжить свои археологические изыскания.

Рассказ его, написанный очень увлекательно, но касающийся главным образом путешествия в Эфиопию, породил самые разноречивые мнения, из чего становится ясно, что прежде, чем Брюс написал хоть одну строчку, у него в Англии уже были постоянные хулители. Но были и почитатели. Какую ценность представляют добытые им сведения? Лорд Валенсия, прошедший вдоль берегов Красного моря в 1802—1806 гг., не упускает случая упрекнуть Брюса в неточности: некоторая часть его карты кажется лорду «португальской картой, исправленной по прямой линии»; в другом месте он уличает его в неправильном определении широт. Короче, лорд Валенсия полагает, что рассказ получил соответствующую аранжировку, в результате которой правда и вымысел сплелись в нем самым тесным образом. Уэлстед, напротив, будет утверждать, что удостоверил точность заявлений Брюса в отношении районов, по которым он прошел после него.

Возможность воспользоваться сухопутной дорогой между Суэцем и Александрией, чтобы избежать долгого морского пути, а заодно и высоких пошлин, взимаемых при заходе в арабские порты, начала занимать умы. Поэтому в 1777 г. Айлс Ирвин по поручению Ост-Индской компании отправился проверить эту возможность. Выйдя из Мадраса, он поднялся по Красному морю, но был вынужден пристать к берегу в Мохе и в Янбо. Как говорит его переводчик, описание путешествия Ирвина «замечательно главным образом серией приключений или скорее злоключений и неприятностей, которые поджидают автора и его спутников в странах, воспетых многими путешественниками за гостеприимство их обитателей». Правда то, что в его рассказе ничего не говорится об увиденных им городах: несколько незначительных деталей относится лишь к Мохе, где его пребывание прошло без приключений. В Янбо же ему кажется, что над ним нависла смертельная опасность. Как он пишет, «мы ходили по краю вечности» — каждую минуту Ирвин патетически готовится умереть. Однако в рассказе есть и кое-что поучительное: он показывает, до какой степени непонимание и недостаток доверия могут создать у иностранца впечатление, будто его предают, преследуют, заманивают в ловушку, тогда как ничего подобного нет и в поми-

не; все это может породить даже определенные репрессии... причиной которых является сам человек, подвергшийся им.

В бухте Янбо, где наши герои рассчитывали взять лоцмана, им оказали прекрасный прием и поместили в дома шейха, преисполненного гостеприимства. Они были приняты везиром, готовым им всячески быть полезным. Однако все это предстало перед Ирвином совершенно в ином свете, стоило ему узнать, что везир поможет им снова отправиться в путь лишь после того, как получит распоряжение шерифа Мекки. Как показали последующие события, речь шла не более чем об уплате пошлины за стоянку судна в порту, и не пройдет и трех недель, как шериф пошлет из Джидды в Янбо офицера, чтобы уладить вопрос об установлении пошлинных тарифов для этого порта. Точно такая же история произошла с Джоном Джорденом, и он совершенно не воспринимал ее как трагедию.

Но в течение этих трех недель нашим смельчакам казалось, что они находятся во власти самых ужасных и самых вероломных происков везира, о котором тем не менее Ирвин говорит, что облик его может вызвать лишь «самые благоприятные мысли относительно его порядочности»: его обращение любезно, слова учтивы, поступки свидетельствуют о чистосердечии. Но предубеждение заставляет Ирвина ощущать (предполагаемую) «бесчеловечность его поведения» и «глубоко чувствовать его коварство».

В доме шейха ему кажется, что он попал в тюрьму, охраняемую вооруженными солдатами. Везир посылает слуг, чтобы перенести ковры своих гостей в высокую комнату дома. И появляется «башня», «донжон, куда нас хотели заточить». Никто, однако, не стал настаивать, когда гости изъявили бурный протест.

Тем не менее Ирвин и его спутники замыслили побег. С большим трудом им удается предупредить экипаж своего судна о постигшей их печальной участи и послать ему приказ отправиться в Джидду, чтобы поднять там тревогу среди англичан. Но когда судно выходило в открытое море, порвался якорный трос, корабль понесло на рифы, и он был спасен только... благодаря арабам. Однако команда открыла по ним огонь из мушкетов. На этот раз уже везир выразил протест, и, хотя последовали

уверения, будто это был только способ позвать на помощь, судно разоружили и «пленников» тоже. Вскоре, однако, им разрешается покинуть дом шейха и вернуться на корабль.

Короче говоря, как только был установлен тариф и заплачена пошлина, судно смогло беспрепятственно отправиться в путь.

Естественно, что с бедуинами Синая отношения у команды сложились не лучше...

Двадцать лет спустя один английский офицер тоже поднимется по Красному морю, правда, совершенно неожиданно для себя, в качестве простого пассажира арабского судна.

13 марта 1781 г. английский военный флот под командованием адмирала Дерби в сопровождении тринадцати транспортных судов отправляется в направлении Индии. Обогнув Зеленый Мыс, флотилия англичан оказалась перед островом Сантьяго лицом к лицу с французским флотом под командованием Сюфрана. Завязалась жестокая битва, выиграли ее французы, в результате они первыми пришли к мысу Доброй Надежды.

Претерпев различные испытания (шторм, цинга), английская эскадра входит в ноябре в воды Аравии. Но слишком поздно. Встречный муссон прибывает суда к берегу. Флот вынужден был укрыться в Красном море, а затем причалить к берегу южнее Мохи, чтобы запастись пресной водой.

О приключениях, испытанных английским флотом, расскажут позднее двое из участников этой несчастной экспедиции, люди разные настолько, насколько только возможно. Это были юнга Сайлас Джеймс и офицер Генри Рук.

Джеймс — четырнадцатилетний сирота, юнга на одном из транспортных судов. Вынужденный заход в арабийский порт — лишь один из эпизодов многочисленных его романтических приключений; позднее он опишет их в своих записках, в которых изображает в самом зловещем свете условия жизни английских моряков того времени.

Рук — полковой врач пехотного полка. Оказавшись на вынужденной стоянке перед знойным и унылым берегом, он принимает решение уехать раньше, чем переменится муссон. Собственными средствами доберется он до

Мохи, оттуда направится к Джидде, потом — к Суэцу, и наконец — в Каир.

Рук, оказавшись на арабском корабле, чрезвычайно внимательно наблюдал за командой. С большим удивлением он обнаружил у арабов сильно развитое чувство мести — черта, которая, увы, кажется, сохранилась и до сих пор. Однажды судно зашло в бухту, где надеялось запастись водой. Однако бедуины не захотели дать воду без вознаграждения. Моряки не нашли ничего лучше, как начать с ними сражение, в результате которого бедуины убили у них троих и одного ранили. Моряки отступили на судно, где раненый матрос вскоре умер. Рук восхищается тем уважением к смерти и благородством траура, которое он наблюдает у команды. Чтобы похоронить умершего, моряки высадились на берег. На церемонию погребения пришли посмотреть ради любопытства три бедуина, не имевшие никакого отношения к происшедшей драме, и Рук с изумлением видит, как люди, гуманностью которых он восхищался, убивают троих ни в чем не повинных бедуинов, «рассекая их сверху донизу и уродуя самым ужасным образом».

В общем же как бы то ни было, но с точки зрения исследования страны рассказы Рука так же, как и рассказы Джеймса и Ирвина, не имели особого значения. Ирвин не видел ничего, кроме собственного страха; Джеймс — ничего, кроме рыбы, которую он ловил, и придинок своего капитана; Рук тоже видел очень немного и смотрел довольно поверхностно.

Таким образом, чтобы проверить и дополнить первые наблюдения Брюса в Красном море, надо было дожидаться серьезного исследователя и составителя карты его берегов.

Таким исследователем предстояло стать лорду Валенсия. Он поставил себе целью попробовать, не будет ли легче пройти Красное море вдоль его западного, эфиопского берега, и предложил английской Ост-Индской компании свои услуги для обследования этого берега, с условием, что компания предоставит ему для этой цели судно.

В течение 1805 г. он совершит два путешествия, так как во время первого путешествия ему не удалось пройти дальше Массавы из-за раздоров с капитаном корабля, предоставленного в его распоряжение.

Многословие лорда Валенсия послужило причиной справедливых упреков в его адрес. В трех толстенных томах его сочинений содержится не так уж много познавательного материала. Слишком много места уделяется там každодневным происшествиям, трениям между различными членами экипажа или обитателями фактории в Мохе, обидчивости капитана, который, заметим кстати, находил сведения Брюса в высшей степени правильными, тогда как лорд Валенсия всячески их дискредитировал.

Но среди всего этого многословия можно найти и полезные записи. Например, в отношении политики. В Адене были настроены тогда профранцузски (и против ваххабитов), и *дола*¹ в Мохе считает англичан сторонниками ваххабитов, подтверждением чему является факт посещения лордом Валенсия одного из нотаблей этой партии в Адене. Или в отношении торговли в Джидде, которой он посвящает несколько глав: тут и сопоставление цен за перевозку товаров — через Индию, через Суэц, через Мыс, и объем торговли камедью, миррой, ладаном. Покупка кофе в Мохе перестала быть необходимостью; Англия, говорит он, могла бы закупать его и в других местах, но английская компания продолжает вести здесь торговлю потому, что в Моху стекается большое количество товаров из Индии.

В книге можно найти также описание интерьера арабского жилища в Мохе с его разнообразными окнами: выходящими на деревянные ажурные балконы, круглыми, в которые вставлен прозрачный алебастр и под которыми располагаются окна открытые. Есть и записи, посвященные нравам: «Всякого рода сделки между арабской женщиной и христианином запрещены. Если подобные отношения все же обнаруживаются, женщине выбривают голову, ее вымазывают черной краской, возят по городу на осле на потеху оскорбляющей ее черни, прогоняют из города». Или вот еще запись, посвященная рабству: «Рабу в Аравии не на что жаловаться. Его считают как бы членом семьи. Его хорошо кормят, у него прекрасное жилье и роскошное платье. В случае если он заслуживает наказания, только закон определяет меру

---

¹ Дола, искаженное араб. даула — «власть, правитель». Обычно наследственные правители городов или округов в Хадрамауте. — *Прим. ред.*

этого наказания. Закон же дает рабу возможность оставить своего хозяина. Для этого ему достаточно представить кади жалобу, и тот никогда не откажет ему назначить публичные торги. Наконец, раб может быть продвинут на самые высокие государственные посты, ибо рабство отнюдь не почитается бесчестьем в стране, где деспотизм суверена ставит всех подданных в одинаковое положение».

Наконец, чтобы закончить начатые Брюсом изыскания в районе Красного моря и Эфиопии, Валенсия послал в Эфиопию Солта, который совершает весьма плодотворное путешествие и значительно продвигает вперед наши знания об античных памятниках, покрывающих эту землю древней цивилизации. У Брюса, кстати, мы тоже находим рассказ об этом, но в несколько беллетризованной форме.

Двадцать лет спустя, в 1825 г., два немецких ученых-натуралиста, отправившись с познавательной целью в путешествие по Египту, Сирии, Аравии и Эфиопии один за другим, высадились на побережье Абу-Ариша, находившемся под египетским контролем со времен господства Мухаммеда Али. Что касается Эренберга, то он приехал изучать коралловые рифы, тянущиеся вдоль аравийского побережья Красного моря. В то время еще не была известна удивительная природа этих скалистых образований, представляющих собой на самом деле колонии животных, строение организма которых нужно было уточнить. Эренберг, насчитавший сто десять различных видов живых кораллов, использовал свои наблюдения для уточнения природы и строения коралловых образований.

В следующем году другой немецкий ученый, Э. Рюпель, пройдет побережье от Эль-Мувайлы до Акабы, следуя на север дорогой, по которой обычно возвращались после паломничества египетские караваны. Рюпель производил геологические, географические, климатологические наблюдения. Он обратил внимание на вулканическое происхождение высоких пиков побережья и совершенно случайно обнаружил сначала в нескольких милях от Эль-Мувайлы, а потом и в Эль-Мугайре интересные развалины древних жилищ.

Во время второго своего путешествия, в 1831 г., он прошел побережье до Джидды, направляясь к югу, что-

бы попасть затем в Эфиопию. Путешествия соотечественников позволили немецкому географу Бергхаусу составить в 1835 г. более точную карту Аравии.

Но исследование и картография обоих берегов были далеки от завершения и снова перешли в руки англичан.

С 1831 г. принадлежащее Ост-Индской компании судно «*Palinurus*» специально выделяется для такого рода исследований. Совершая первое путешествие на этом судне, капитан Моресби, которого сопровождал лейтенант Уэлстед, обследовал участок побережья, где только что прошел Рюппель. В следующие годы изыскания, принятые под руководством капитанов Кэрлса и Хайнса, позволили с достаточной точностью воссоздать рисунок западного берега Аравии; в 1843 г. Хайнс обследовал также 500 миль южного побережья материка, опубликовав свои наблюдения.

Но мы увидим, что офицеры судна «*Palinurus*» не ограничивались только лишь съемкой береговой линии. Они совершили путешествие до Саны и по Хадрамауту и к своим картографическим исследованиям добавили еще и археологические находки.

В это время французы с помощью египтян начали проникать в Красное море.

Мы видели, что в 1836 г. юный Тамизье сопровождал санитарную службу во время асирской кампании. Но вскоре нашелся другой превосходный случай удовлетворить его вкус к путешествиям. Эдуард Комб собирался предпринять путешествие в Эфиопию. В помощники себе он пригласил Тамизье. Они вместе написали о своем путешествии книгу, которая удостоилась чести получить премию Академии.

Прежде чем перейти на эфиопский берег, наши молодые люди совершили путешествие по побережью Аравии. Из Джидды они отправляются морем в Эль-Кунфиду, куда прибывают 17 января 1835 г. Там Ибрахим-паша готовится в это время к походу против Асира с целью поддержать наступление через Таиф (об этом мы уже говорили выше). На их глазах сажают на кол феллаха, которого нашли около палатки Ибрахим-паши с оружием в руках и тотчас же обвинили в покушении на его жизнь.

Комб и Тамизье добираются морем до Джизана, а

оттуда через Эль-Лохейду, Ходейду, Бейт-эль-Факих и Забид отправятся в Моху. С каждым километром будет возрастать их энтузиазм. В самом деле, отправившись из страны засушливой и бесплодной, они приходят в Счастливую Аравию, и перед ними предстает Джизан с его цилиндрическими хижинами, увенчанными остроконечными крышами, с его плантациями кофе и кассии. Женщины здесь ходят без чадры и носят свободные голубые платья и соломенные шляпы, волосы они украшают венками из цветов. Мужчины с вьющимися волосами задрапированы в ткани из шерсти. Как и Тезигер, который вплоть до наших дней занимался исследованиями в глубинной части этого района, наши путешественники обратили внимание на веселый и приветливый вид населения. Эль-Лохейда, где попеременно с каменными домами стоят соломенные и тростниковые хижины, защищенные кирпичными стенами и укреплениями, являла собой зрелище «очаровательного, живописного, пленительного беспорядка». «Базар здесь восхитительный, узкий, стиснутый со всех сторон, как будто для того, чтобы сконцентрировать заключенные в нем ароматы; повсюду цветы и фрукты».

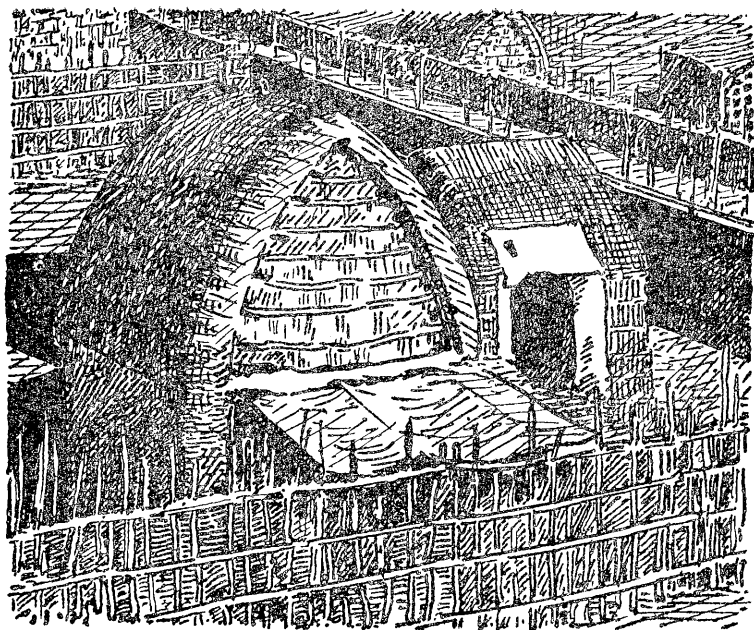
Ходейда была только что взята Мухаммедом Али, зыбкий порядок там поддерживал патруль.

Они восхищаются Бейт-эль-Факихом, его цветущими садами; изящной мечетью и замечательной крепостью, возвышающейся над городом, который состоит из кирпичных домов и соломенных хижин.

Описание пути до Мохи дает нам самое живое представление о пейзаже страны, где пески и безводие сменяются густыми зелеными лесами и возделанными землями, а ближе к Мохе земли эти окружены «черными горами с высокими и крутыми вершинами».

Подъезжая к Мошиду, издали видишь горы Эфиопии, и самая деревня находится в местности приветливой и приятной для глаз, чему способствуют растущие здесь мимоза, пальмы и группа густых деревьев, которые исчезают при приближении к Яхтилю, селению, состоящему из больших хижин, поразившему путешественников своей великолепной мечетью.

Моха же со своими каменными домами, стоящими попеременно с хижинами, и тремя прекрасными мечетями показала им большим городом, зрелище которого ис-

Соломенная хижина в Тихаме

полнено богатства и величия, несмотря на то что совсем недавно город был разграблен бедуинами Асира. Дома там обставлены наполовину по-турецки, наполовину по-европейски: диваны, циновки, столы и кресла из Бомбея.

Прекрасно изложенные и полученные к тому же человеком, наделенным темпераментом художника, путевые впечатления Комба, описавшего область, в которой побывал Нибур, дают о ней более живое представление. В природе земель, лежащих между Хиджазом и Счастливой Аравией, ясно чувствуется противоположность между очарованием земель Южной Тихамы и суровостью разбросанных по ней бесплодных районов.

Талантливость этого труда не исключает, кстати, его точности, и мы находим в нем большое количество сведений относительно страны, ее ресурсов, торговли и ремесел. Автор утверждает, что торговый рынок Мохи сохраняет свою значительность, но питает его, как об этом

писал и Валенсия, главным образом импорт товаров из Индии: оружие, клинки, зеркала, предметы из стекла, фальшивый жемчуг, ткани, сахар, чай и пятьсот ковров из Персии ежегодно; экспортируется же отсюда кофе, алоэ, мирра, ладан, перламутр и различные масла.

В Забиде они обратили внимание на красильщиков и производство холодного оружия и индиго.

В окрестностях Джизана их внимание привлекают железные рудники, разработки каменной соли, серы и порфира.

Путешествие Тамизье и Комба в Эфиопию усилило во Франции интерес к этой обширной стране, богатой древними памятниками и представляющей собой источник исследований для натуралистов, социологов, географов.

Поэтому в 1839 г. Министерство иностранных дел решает послать туда Ферре и Галинье. Они встретятся там, между прочим, с представителем парижского Ботанического сада Дилоном, которому суждено было умереть во время этого путешествия от какой-то болезни.

Проведя восемь месяцев в Каире, где они изучали арабский язык, месяц — в Джидде с целью составления карты Асира на основании данных Шедюфо и Мари, Ферре и Галинье продолжали свое путешествие вместе с Белем и Руже, которые направлялись в Эфиопию на собственные средства в поисках неизвестных образцов флоры и фауны. Первый из этих двух путешественников будет осужден на долгое бездействие в результате двух почти смертельных ран, нанесенных ему ударом копья, второй погибнет от дизентерии — достаточное подтверждение того факта, что путешествия в то время отнюдь не лишились ни риска, ни опасности.

Ферре и Галинье написали о своей экспедиции научный труд с богатым фактическим материалом, к которому приложен прекрасный атлас растений, но их пребывание в Аравии было лишь вынужденной остановкой.

В 1840 г. другой француз, Роше д'Эрикур, на свои средства отправился в Эфиопию с целью изучить южный ее район: королевство Шоа. Когда он вернулся, Академия сочла, что мужество его и способности могли бы принести обильные плоды, если бы он обладал научной аппаратурой; ему дарят измерительные инструменты, учат обращению с ними и в 1842 г. снова отправляют в путешествие, из которого он привозит огромное количест-

во точных сведений в разных областях знаний. Все эти сведения, однако, касаются главным образом Эфиопии.

Тем не менее его рассказ о путешествии, во время которого он останавливался в Кусайре, Джидде, Ходейде и Мохе, не лишен для нас интереса. В самом деле, между 1839 и 1842 гг. положение вещей в Красном море полностью изменилось. Произошло это в результате изменения политической обстановки в мире.

Англия, видя завоевание Францией опасного преобладания в Средиземном и Красном морях, заключила союз с Турцией, которая находилась тогда в очень скверных отношениях со своим египетским вассалом, добившимся в 1833 г. признания своего права на Сирию.

Кроме того, чтобы обеспечить себе проникновение в Красное море, Англия в 1838 г. купила у йеменского султана Аден. Одновременно она подписала торговый договор с Портой, по которому получила для своих подданных право свободного передвижения по всей Османской империи, включая Сирию и Египет.

Мухаммед Али, права которого ущемляла эта конвенция, отказался под ней подписаться. Поощряемый Англией, султан Махмуд ответил на это низложением Мухаммеда Али и оккупацией Сирии турецкой армией под командованием немецких офицеров. Тогда Франция посылает для организации и обучения египетской армии своих офицеров. В июне 1839 г. эта армия, во главе которой стоял Ибрахим-паша, победитель Дерийи, нанесла тяжелое поражение турецкой армии. Это был для Англии тем более жестокий удар, что в этот же момент смерть султана Махмуда вызвала серьезный кризис в Османской империи. Некоторое время спустя после восшествия на престол его сына Абдул Меджида турецкий флот перешел на сторону неприятеля и пришел в Александрию, где отдал себя в руки Мухаммеда Али. Турция оказалась обезоруженной.

Между тем великие державы, опасаясь роста могущества Мухаммеда Али, пришли к соглашению о том, чтобы поставить Турцию под общую свою опеку.

Однако это возвращение к *status quo*, при котором Египет вместе с Сирией продолжал оставаться первенствующей державой, не устраивало Англию.

Используя антагонизм между русским царем и Луи-Филиппом, с одной стороны, и между Францией и Прус-

сией, с другой, английский министр Палмерстон заключил четверной союз с Россией, Австрией и Пруссией для подписания договора, который заставит Мухаммеда Али принять предложение султана. Султан был готов признать за своим вчерашним вассалом наследственное управление в Египте, но требовал возвращения Крита, священных городов Аравии и северной части Сирии.

Опираясь на поддержку французского правительства, Мухаммед Али отверг эти предложения. За этим тотчас же последовала блокада англо-австрийской эскадрой берегов Сирии, бомбардировка Бейрута и объявление султана о низложении Мухаммеда Али.

Тьер, который был тогда министром иностранных дел, противостоя всей Европе, заявил, что Франция не потерпит этого низложения. Это значило поставить Европу на грань войны. Между тем, поскольку Австрия вследствие обладания итальянскими портами стала морской державой, союз ее с Англией представлял для Франции одну из самых серьезных опасностей в Средиземном море. Решив любой ценой избежать войны, Луи-Филипп расстался с Тьером и поручил Гизо, заменившему его на посту министра иностранных дел, встать на путь уступок.

Но Палмерстон решил одновременно и унижить Францию, и завоевать прочные позиции на Востоке; он объявил о своем намерении сохранять верность Лондонскому договору. Английские агенты подняли Сирию против Мухаммеда Али; сирийские города один за другим сдавались англо-австрийскому флоту, и под угрозой бомбардировки Александрии Мухаммед Али уступил. Он вывел войска из Сирии и вернул турецкий флот в обмен на обещание признать его власть в Египте наследственной, что и было сделано на Лондонской конференции в январе 1841 г. благодаря Гизо, выступившему против намерения Палмерстона предложить Мухаммеду Али лишь пожизненное правление².

Таким образом, во время своего путешествия Роше д'Эрикур встречается в Джидде и Ходейде уже с новыми иностранными властями — турками, которые на этот раз уже не были союзниками египтян.

И во время первого своего путешествия он не нашел

---

² Материал по этому вопросу дается по книге Жака Пирена «Великие страницы всемирной истории», 1953, т. V, стр. 47—50.

ситуацию заслуживающей одобрения, но теперь было гораздо хуже. Джидда находится под властью турецкого паши, бесстыдные вымогательства которого приводят население в совершеннейшее отчаяние. Ходейда в тот момент, когда он туда приехал, только что перенесла пожар, который обезумевшие люди приписывали кто зловещему белому грифу, будто бы сбросившему на город головню, кто дурному глазу несчастного персидского паломника, почти слепого, в результате чего он едва избежал смерти от рук толпы, у которой полиция отняла его уже окровавленного. Но более реалистически настроенные люди знали, что в пожаре виноваты турецкие солдаты, которым два месяца не платили жалованья.

Не более безопасной была для иностранцев и Моха. Там царили страх и печаль; все жалели о прежнем режиме. Власть здесь принадлежала шерифу Хусейну, назначенному по рекомендации Мухаммеда Али. Но как только египтяне ушли, неблагодарный объявил себя турецким вассалом. Соседними городами управляли его братья, а сам он душил налогами торговцев в Мохе.

Встреча с англичанином, возвращавшимся из Эфиопии и отказавшимся от путешествия в Шоа, так как там только что были убиты шестеро солдат из эскорта капитана Харриса, не обескуражила Роше д'Эрикура — он продолжает путь и, воспользовавшись своими измерительными инструментами для точных съемок на аравийском берегу, отправляется в Эфиопию измерять широты, температуры, магнитные склонения и собирать растения, животных и породы, которые потом передаст в распоряжение Академии.

В 1847 г. двое других французов, Арно и Вейсьер, будут присутствовать в Ходейде при продолжении истории шерифа Хусейна.

Когда в твоём распоряжении находится портрет и биография, написанные с блеском Александра Дюма, преступлением будет не дать воспользоваться ими и читателю.

Таким образом, мы предоставим знаменитому романисту дать нам истинный портрет (ибо он был с ними знаком) и описать действительную историю (то есть ту, которая ему была ими рассказана) двух наших путешественников.

Кто они такие?

«Арно, который за шестнадцать лет своего пребывания на Востоке, потерял привычку разговаривать... ответит вам, наверное, лишь кивком головы, или сделает знак глазами, или тонко улыбнется одному ему свойственной улыбкой мечтателя-поэта.

Но когда вы обратитесь к Вейсьеру, он ответит вам со всем пылом жителя Лангедока, да еще с таким южным акцентом, что можно подумать, вернее, можно было бы подумать, если закрыть глаза, что вы слышите, как Мэри рассказывает вам о своей волшебной Флориде... Он собирал все — забавный случай и факт современной истории, вчерашнее, позавчерашнее и сегодняшнее событие, разъезжая по побережью лежащего как огромная лента Красного моря то в форме арнаута, то в костюме бедуина. Вейсьер — это воплощенный рассказ».

Арно находился в Египте с 1834 г., а в Аравии — с 1835 г. К тому времени как приехал Вейсьер, он уже побывал в Джидде, Мохе, Сане, Адене; нашел затерянные руины древней Сабы... Но это уже другая история, до которой очень скоро дойдет очередь.

«В Аден он вернулся почти слепшим и в крайней нужде. Тогда англичане, у которых на все есть деньги, захотели купить у него копии надписей, но он отказался их продать, какую бы цену ему за них ни предлагали. Может быть, он так и умер бы возле своего богатства, если бы его не приютил капеллан стоявшего в Адене ирландского полка отец Серафин.

Какой-то французский торговец одолжил ему 200 франков, с которыми он и вернулся в Джидду. Там его принял наш консул г-н Френель, добрейший и милейший человек, глубокий ориенталист, который вполне мог бы сойти за араба, если бы не так правильно говорил на языке Корана; он изучил его надписи, перевел их и послал заметку об этом труде в «Journal Asiatique».

Наконец, в 1847 г. министерство, куда были посланы эти заметки и труды, понимает, какую пользу может принести человек, который без всякой посторонней помощи совершил столь длительное и опасное путешествие, и дает ему поручение вернуться в Сабу, чтобы во время второго путешествия сделать все то, что не удалось сделать во время первого. Вот тогда-то, приехав в Каир купить все необходимое для путешествия, Арно и встретил Вейсьера.

Что касается последнего, то он отправился в Египет

однажды ранним утром, прослужив перед этим семь лет в армии и будучи участником одиннадцати алжирских кампаний; руководила им та же страсть к приключениям, которая одиннадцатью годами раньше привела сюда и Арно. Вот уже два года, как он жил в Каире, в качестве представителя военного министерства».

Они познакомились в гостинице, и один путешественник увлек за собой другого путешественника. Вейсьер подает в отставку. Оба отправляются в Суэц, приезжают в Джидду, где снова встречаются с Френелем, а потом — в Ходейду (в августе 1849 г.).

«Будучи натуралистами, они собирают раковины и всегда находятся под угрозой нападения обитателей Тихамы, которые не в силах понять, каким образом разумные люди, серьезные умы могут бросить родину, проделывать по 800 лье—и все ради того, чтобы найти нарвала или рака-отшельника. Впрочем, мир был почти восстановлен: теперь им надоедали не чаще одного раза в день, тогда как раньше надоедали каждый час».

Они едут в Забид, чтобы захватить с собой друга Арно, Сейида Салема, ведущего свое происхождение непосредственно от одного из апостолов Мухаммеда. Уважение, с которым относились к этому человеку все в Йемене, обеспечило бы нашим путешественникам выполнение их миссии.

«Но прежде всего они должны были исследовать Неджран, маленькую область, покрытую руинами, куда не проникал еще ни один европеец.

К несчастью, Сейид Салем только что женился. Вместо себя он дал им двух солдат из племени ям, которые внесли в залог свое оружие и произнесли знаменитое фиуджи на мою бороду».

Также к несчастью, в самый момент отъезда имам Саны спустился с гор, чтобы завоевать свою старую территорию, вернее территорию своих предшественников. Здесь-то мы и встречаемся с продолжением истории шерифа Хусейна.

«Войска его грабили, крали, насиловали, им это было позволено. Но зато они мало сражались. Поэтому, когда они встретились с войсками имама, они предали шерифа и перешли на сторону врага».

Раненый шериф Хусейн обороняется вместе с тремястами солдатами в маленькой мечети в течение почти

месяца. Но среди его солдат началась оспа, и ему ничего не оставалось делать, как сдаться. И вместе с ним пали Моха, Забид и Бейт-эль-Факих.

«В это время наши путешественники ищут в горах статуи, поверив ложным указаниям; они находят лишь десяток камней, вроде тех, что мусульмане ставят в виде колонн в изголовье своих могил».

Военная ситуация заставила их отойти к Забиду, а потом в сторону побережья до самой Ходейды. Но и оттуда они вынуждены были бежать, так как на город шел разбитый Хусейн и его войска грозили разграбить весь город. Бросив коллекции и багаж, они спасаются бегством в лодке почти без продовольствия, питаются лишь луком и рисом. Они собирались добраться до эфиопского берега, но их настигла буря. Лодка могла затонуть, так как намокший груз — хлопок — значительно ее утяжелил. Пришлось вернуться назад, к Камарану, расположенному к северу от Ходейды. На следующий день они отправляются снова и добираются до Массавы

Арно, больной, почти умирающий от острого ревматизма, останется в Массаве. Вейсьер отправится на охоту вместе еще с одним французом

Однако новое историческое событие заставляет их поспешно бежать и отсюда. В самом деле, правитель Тигре, который безуспешно добивался помощи Луи-Филиппа, чтобы прогнать из Массавы турок-мусульман, решается захватить эту территорию, и лавина абиссинцев обрушивается на город, творя страшные зверства.

Наши французы садятся на марсельское судно, которое доставляет их в Джидду.

Там они снова встречаются с Френелем, но с большими трудностями. Дело в том, что во Френеля стрелял один арнаут. К счастью, он промахнулся, но тем не менее консул потребовал удовлетворения. Однако никто не захотел вмешиваться в это дело и создавать дипломатический конфликт из-за таких мелочей. В это же время турецкая полиция совершила налет на квартиру Арно и Вейсьера и перевернула там вверх дном все их коллекции.

Френель, которого его страна не потрудилась поддержать, смещен и послан в Мосул. Так закончилась плодотворная деятельность консула, которому удалось столь действительно служить прогрессу науки. Это он расспраши-

вал арабов, чтобы снабдить Жомара географическими и историческими данными; это он выискивал письменные источники, которые оказались столь ценными при изучении древней истории Южной Аравии, и, наконец, именно ему мы обязаны открытиями Арно, ибо, как мы увидим, Арно отправился на поиски развалин Сабы по его совету.

Арно и Вейсьер возвратились в Каир вместе с Френе-лем. Они собирались переправить в Париж свои коллекции птиц, млекопитающих, насекомых, раковин и морских, а также и земных растений, доверив их экспертам Музея естественной истории, и написать для «Journal Asiatique» социологическое исследование о сословии ахдамов³ в Йемене.

Известно, что в это время Франция активно присутствовала в Красном море, а Красное море присутствовало в умах французов. Даже любовная история, описанная Луи Девиллем, имела своим географическим фоном Красное море на участке между Джиддой и Суэцем. Но были книги и получше.

Если вернувшийся из путешествия по Востоку Ламартин привез в Париж воспоминания о Ниле и Сирии, если он восхищался бедуином и его верблюдом и грезил о мертвых городах, то взоры и воображение Александра Дюма были обращены к Красному морю. Не было путешественника, у которого он не попросил бы его воспоминаний, заметок, чтобы сделать из всего этого для Парижа как можно более увлекательный, живой и захватывающий рассказ. Так появился опубликованный им в ежедневной газете «Ogdre» в виде романа с продолжением дневник Арно и Вейсьера, которому Дюма предпослал цитированное здесь предисловие. Он пустил также в дело записки полковника Луи дю Куре.

Полковнику была поручена Наполеоном III официальная миссия в Африке; сам он опубликовал в 1859 г. «Воспоминания о путешествии в Азию и Африку» и позволил Александру Дюма выжать из его приключений три произведения: одно, под псевдонимом Абдальхамид-бей, называется «Дневник путешествия в Аравию в изло-

---

³ А х д а м — наиболее бесправная (кроме рабов) группа населения в городах Южной Аравии, обычно включает представителей «нечистых» ремесел: парикмахеров, сапожников и т. д. — *Прим. ред.*

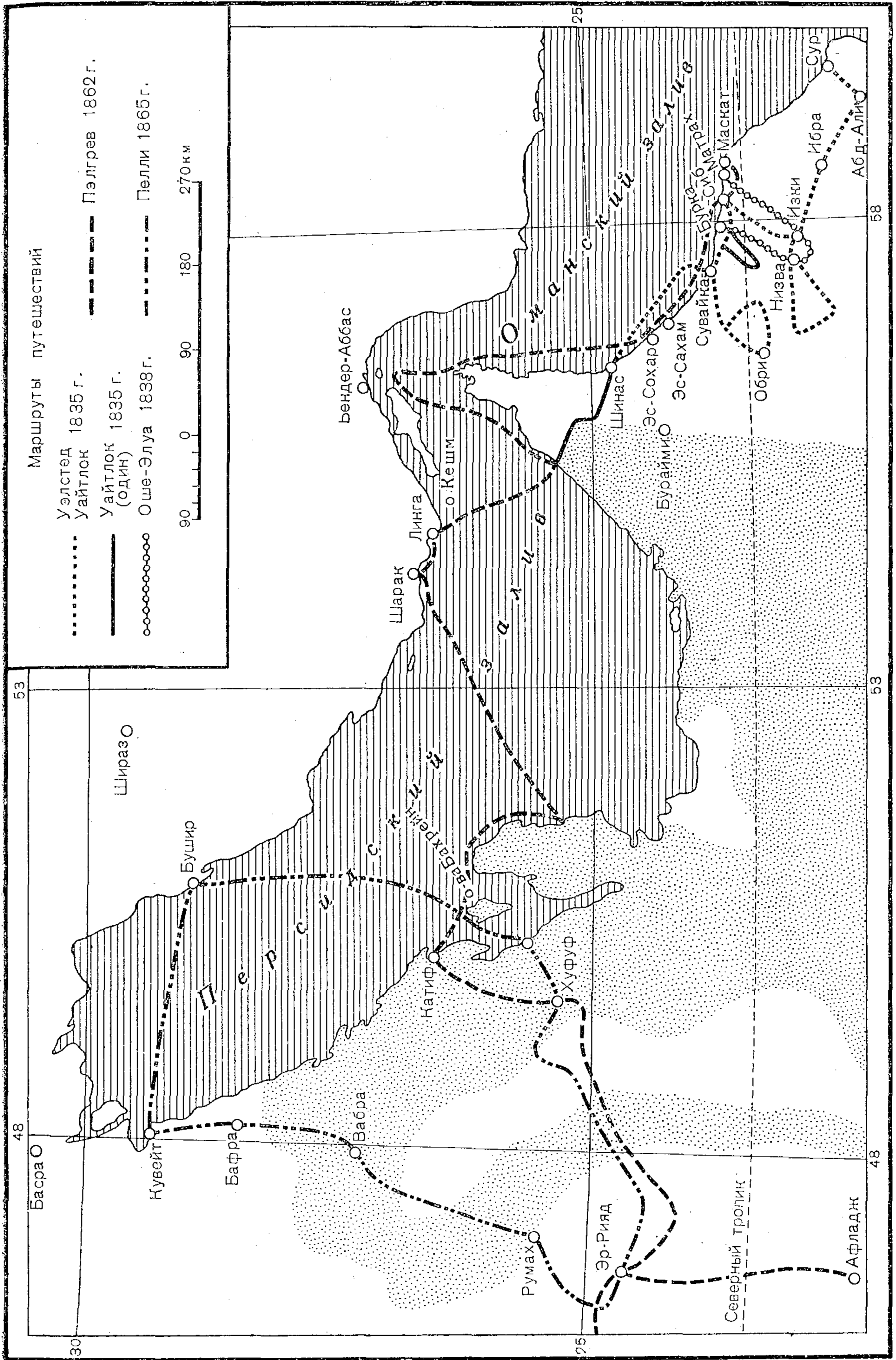
жени Александра Дюма» (1856 г.), два других — «Паломничество Хаджи Абдальхамид-бея. Медина и Мекка» (1856—1857 гг.) и «Счастливая Аравия. Воспоминания о путешествиях в Африку и Азию» (1860, затем — 1861 и 1884 гг.) — опубликованы Дюма под его собственным именем. Все вместе составляет одиннадцать томов.

Дюма хорошо известен у арабов и прежде всего — у ваххабитов. Пэлгрев, два тома сочинений которого встретят такой же горячий прием и будут так же популярны, в 1865 г. в своем страстном обвинении против ваххабитов, напишет: «Мы надеемся, что наше свидетельство послужит исправлению ошибок, распространяемых большим числом поэтов и писателей, главным образом французских — при описании сыновей пустыни».

Пэлгрев станет как бы анти-Дюма. И если он не был признан в такой же степени, как Дюма, то лишь потому, что его творчеством романиста пренебрегали, не считая его произведения вполне романами. А между тем, если Дюма превращал в романы подлинные воспоминания, скромно выдавая их при этом за романы, Пэлгрев, автор тенденциозного романа, выдавал его за свидетельство очевидца. Что лучше?

Когда Пэлгрев говорит о поэтах и писателях, он, конечно, имеет в виду и Дюма, но это отнюдь не означает, что Пэлгрев переоценивал политическое влияние знаменитого писателя. Надо сказать, что Дюма был носителем крайне реакционных политических убеждений, и с точки зрения истории идей, не менее чем с точки зрения истории Аравии, небезынтересно будет извлечь из забвения его «Похвальное слово ваххабизму». Судите об этом сами:

«Предположите на минуту, что король Луи-Филипп совершил действие, обратное тому, какое он совершил на самом деле, и что, опираясь на союз с абиссинской нацией, наше влияние распространилось в Красном море; тогда стало бы не только возможно, но и легко дать восточной проблеме такое решение, которого никто еще не видел. Мы оставили бы гнить в Босфоре труп Оттоманской Порты и вместо фасада империи, за которым скрывается пустота, создали бы в ущерб Египту и Турции и с помощью нового элемента арабское гражданство, движущей силой которого была бы нация ваххабитов, обладающая энергией молодых рас, верой апостолов, энтузиаз-

мом и убежденностью религии более чистой, чем та, из которой она вышла и которой она призвана наследовать; центром ее в случае победы этой протестантской реформы исламизма был бы священный город Мекка.

Итак... реформа неизбежна, от Кавказа до Занзибарской косы, т. е. на двух тысячах лье с востока на запад. Двести миллионов человек сегодня в расколе, споре, ссоре, сходясь лишь в одном обряде своей религии — паломничестве, но и здесь каждая секта оскорбляет другую... Будущее среди всего этого принадлежит ваххабитам... Перед этой сектой отступают мириады святых, шейхов, марабу, которых обожают другие мусульмане. Перед их почти евангелической моралью отступает и отвратительное распутство Востока, которое сделало бы сегодня Содом и Гоморру святыми городами по сравнению с Александрией, Каиром, Джиддой».

Каков план Дюма? Сын Ибн Сауда, который долго был пленником в Каире, живет теперь в ужасной нищете в Джидде. Он может поднять все Центральное плато Аравии. Если Франция войдет в союз с эфиопами и ваххабитами, Сауд ниспровергнет своего двоюродного брата Фейсала и возьмет священные города при условии, что у него будет «предлог, который даст ему случай поднять восстание, и умелый человек, который будет ему помогать». Предлог — любое финансовое затруднение Порты, которое помешает ей заплатить мелким вождям Тихамы, ибо, если им не заплатить, они восстанут. Человек? — Абд аль-Кадыр, ставший другом Франции и живущий в Дамаске.

А пока нам необходимо иметь стоянку в Красном море. Участок для этого есть — 30 лье побережья между Хеидом и Амфилой, проданные туземцами нанто-бордоской компании.

«Свергнув короля Луи-Филиппа по той причине, что он делал не то, чего мы хотели, скажи, дорогой друг, не пора ли нам сделать нечто такое, что отличалось бы от сделанного им?»

Однако даже в условиях демократии нахождение политических решений не поручается романистам, и на деньги императора Наполеона III Пэлгрев совершит путешествие в Неджд с целью выяснить, какие шансы имеются на то, чтобы свергнуть ваххабизм и выместить его из Аравии.

ТАЙНА САБЕЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

В начале XIX в. возникает живой интерес к древним руинам и к надписям, которые они сохранили. Уже стали известны памятники Египта времен фараонов, Северной Африки, Сирии, Петры; только что были обнаружены и памятники Эфиопии.

Еще в 1772 г. на Синайском полуострове обнаружили Вади-Мукатеб, долину надписей, где скалы сплошь были покрыты таинственными тогда еще надписями. Их изучил и срисовал Леон де Лаборд во время своей экспедиции в Петру, а Солт, посланный в Эфиопию лордом Валенсиа (как мы уже видели), заметил четыре надписи в Йехе, с которых тоже снял копии.

Можно ли найти подобные документы также и в Южной Аравии? Во всяком случае, Нибур и Зеетцен доказали, что они там существуют.

Офицеры судна «Palinurus» не ограничились съемкой берегов, эту задачу выполнял в основном капитан Хайнс. Когда им предоставился случай, они проникли и в глубь страны в поисках руин или надписей, добровольно взяв на себя эту обязанность. На южном берегу их поиски увенчались успехом.

В 1831 г. Карлесс нашел возле Веджа древнюю надпись, которую опубликовал в 1845 г.

В 1833 г. врач-ассистент Г. Т. Картер высадился на побережье в Хор Роги, чтобы изучить сохранившиеся там развалины античного порта. Кроме труда о диалекте племени махран и труда, посвященного фимиамоносному дереву и возможному месту его произрастания по Птолемею, Картер оставил нам также найденную им надпись.

Но его открытия не идут ни в какое сравнение с тем, которое было сделано в Хисн-эль-Гурабе (Хисн-эль-Гураб — воронье логово) тремя офицерами судна «Palinurus» — Уэлстедом, Кратенденом и Хэлтоном.

В публикации, вышедшей в следующем году, Уэлстед ничего не говорит о роли своих спутников; он даже о них не упоминает, тогда как заслуга равно должна была бы принадлежать и им. Уэлстеда справедливо упрекали за это умолчание. Однако теперь, когда справедливость восстановлена, мы должны признать, что распределение за-

слуг — дело второстепенное, главное же — само открытие. Вот как описывает его Уэлстед в своем дневнике: «Утром 6 мая 1834 года мы бросили якорь вблизи аравийского берега, в коротком и узком проливе, окаймленном с одной стороны низким скалистым островом, а с другой — высоким, обрывистым и угрюмым берегом; наш лоцман называл его Хисн-Гурабом. Так как на вершине Хисн-Гураба были замечены развалины, группа... направилась к берегу с намерением их рассмотреть...

Высадившись на узкой полоске песка, мы оказались среди развалин многочисленных домов, стен, башен. Дома — маленькие, четырехугольной формы, на каждом этаже — самое большое — по четыре комнаты... Холм с этой стороны на одну треть своей высоты поднимается довольно отлого; на этом отлогом склоне в изобилии рассеяны руины; однако здесь совершенно отсутствуют остатки зданий или строений общественного характера, нет следов ни арок, ни колонн. Ансамбль был построен из обломков скал и покрыт замазкой, сделанной из обожженного коралла. В настоящее время островок соединен с берегом песчаным перешейком, но прежде, должно быть, был полностью от него отделен».

Напрасно они ищут тропинку, чтобы подняться на вершину. К счастью, одному из путешественников приходит мысль, что начало подъема может быть отмечено башнями. И в самом деле, вскарабкавшись на груды развалин, они находят извилистую тропинку, выбитую в скале. Поскольку путь их лежал по самому краю глубокой пропасти, они не сумели оценить по достоинству эту дорогу; однако, преодолев треть пути, офицеры обнаружили на скале надпись, чрезвычайно тщательно выполненную. Все трое ее срисовывают, чтобы потом сравнить истолкование знаков каждым.

Выше им снова попадаются дома, стены, бастионы, у самой вершины — четырехгранная башня сплошной каменной кладки. Очевидно, здесь была крепость, чрезвычайно хорошо укрепленная благодаря своему островному положению и обращению фасада к берегу, а также вследствие собственно фортификационных ее достоинств. Кроме того, островок обладал двумя гаванями, каждая из которых защищала стоящие в ней на якоре суда от одного из муссонов.

Местные жители либо ничего не знали об этих раз-

валинах, либо приписывали сооружение всего этого комплекса «чужестранцам».

Уэлстед надеется, что надпись объяснит тайну этой крепости — причины и время ее возникновения — и назовет авторов этого сооружения.

Но пока что это были мертвые буквы, никто не мог их расшифровать.

Публикуя надпись, Уэлстед охарактеризовал ее как абиссинскую; в самом деле, эти знаки можно было сравнить с надписями, найденными Солтом в Эфиопии. Сопоставление, таким образом, было вполне законным; оставалось лишь уточнить, действительно ли надписи Хисн-эль-Гураба имели эфиопский характер или, наоборот, надписи Йехи были южноаравийского происхождения. Довольно скоро будет принята вторая точка зрения.

Совершенно ясно, что южноаравийские надписи, часто встречающиеся и сделанные на основе одного и того же алфавита, могли быть только надписями древних доисламских царств. Поскольку арабские предания много говорят о химьяритских царях, а первые найденные надписи свидетельствуют именно об их эпохе, южноаравийские надписи будут отныне называться химьяритскими. И следует признать, что надписи, найденные Солтом, отличались от собственно эфиопских текстов и были действительно южноаравийского происхождения, вследствие чего и возникнет историческая проблема, которую мы не можем разрешить еще и сегодня.

Уэлстед и Кратенден захотели проникнуть в глубь страны Хадрамаут. Однако дальше чем на пятьдесят миль им пройти не удалось, и они вынуждены были отказаться от открытия (вслед за отцом Паэсом, рассказ которого, относящийся к XVI в., еще пылился в архивах, всеми забытый) самого сердца Вади-Хадрамаут и городов Доан и Шибам, о которых им говорили...

Но во всяком случае, одной определенной цели они достигли: посетили развалины Накб-эль-Хаджара.

В апрельский день 1835 г. «Palinurus» бросает якорь перед башней Ба-ль-Хафф, и офицеры судна узнают, что развалины находятся чуть дальше в глубь суши. Уэлстед и Кратенден ищут бедуинов, чтобы те их туда проводили. Вскоре дело улажено, и они направляются вдоль берега до Вади-Мейфаа, где видят множество деревень, оазисов и сельскохозяйственных культур.

В первой деревушке их встретили враждебно, так как проводники, решив позабавиться, рассказали, что они якобы ищут сокровища. Но дальше офицеров уже встречали с приветливым гостеприимством.

Наконец, с высоты одного из холмов они увидели перед собой развалины крепости; она стояла на возвышенности, а кругом лежали плодородные земли. Вблизи перед ними предстала крепостная стена, прекрасно сложенная из отшлифованных камней — зеленоватого мрамора с черными прожилками. Каждый вход охранялся двумя сторожевыми башнями, рядом с башней северного входа вилась по стене тщательно выгравированная длинная надпись.

Внутри крепостной стены находилось несколько ничем не примечательных строений, но одно отличалось замечательно точной ориентацией своих стен — на страны света: вероятно, это был храм. Однако Уэлстеду не удалось найти там никаких документов, так как все было завалено остатками обвалившейся крыши.

Одна только надпись у ворот могла бы когда-нибудь пролить свет на имена строителей этой крепости.

Счастливо ускользнув от нападения грабителей из племени дийаб, офицеры вернулись на судно без приключений, и два года спустя Уэлстед опубликует рассказ об экспедиции с описанием развалин и копией текста надписи.

В этом же году Уэлстеду, на этот раз одному, было поручено исследование Омана, о котором мы расскажем ниже, но в результате которого ему не удалось найти ни одного древнего документа. Областью древней южноарабской цивилизации был, следовательно, юго-западный угол полуострова.

Во время пребывания Уэлстеда в Омане Хэлтон и Смит находят на южном побережье в окрестностях Рас-Шарма полтора десятка граффити, а спустя некоторое время Хэлтон вместе с Кратенденом предпринимает путешествие в Сану. «Palinurus» в это время стоит в Мохе, и офицеры снимают там план рейда.

Шел 1836 год. Египетские войска еще занимали Моху, «грубо притесняя» население. Но в стране уже правит шериф Хусейн, союзник Мухаммеда Али, от которого он получает содержание.

Наши офицеры путешествуют в костюмах местных

жителей и в сопровождении одного персидского купца. Сначала они проходят путь, уже пройденный прежде Нибуром (Мошид—Забид—Бейт-эль-Факих; см. карту на стр. 77); годом раньше по этому маршруту прошли Комб и Тамизье, но в обратном направлении.

Хэлтон и Кратенден тоже замечают, что к северу от Бейт-эль-Факиха живет более веселый и отличающийся особым одеянием народ. Потом они углубляются в горы по руслу высохшей реки, и перед ними открываются картины поразительно пышной природы. Иногда русло расширяется в огромный амфитеатр, террасы которого представляют собой возделанные земли, а гребни усеяны прилепившимися к ним деревушками.

Вот уже четвертый год на побережье не упало ни одной капли дождя; растения высохли, голод свирепствовал до такой степени, что «не было событием увидеть труп на улицах города (Мохи)».

Но когда Кратенден и Хэлтон доходят до каменистого плоскогорья, окружающего Сану, надвигается гроза и наконец разражается страшная буря, продолжающаяся три часа подряд! Но это был первый дождь за четыре года, и народ на радостях устраивает шумные празднества.

В Сане, куда они прибывают на следующий день, последствия голода уже дали себя знать, и в один день от злокачественной лихорадки умирает сто пятьдесят человек. Назревает восстание, так как имам не проявляет никакого внимания к трагической судьбе своего народа. Как раз в это время его дядя бежит из Мариба, встречается с шерифом Хусейном и с его помощью возвращается через некоторое время — сместить неудачливого имама; опозоренный своим народом имам будет схвачен и заключен в тюрьму. Но все это — позднее. А пока что, видя народные волнения, имам приписывает их действиям двух чужеземцев и заточает обоих в доме, где они остановились, чем полностью лишает их надежды на путешествие в Мариб. К тому же заболевает доктор Хэлтон, и три недели надо будет ждать, прежде чем временно прекратится побежденная хинином лихорадка и доктор сможет отправиться в обратное путешествие. Кратенден наймет для него двенадцать человек, которые понесут носилки. Но отчаянное мужество, с которым больной сумел перенести это ужасное путешествие, окажется

напрасным: Хэлтон умрет вскоре после возвращения на корабль.

Это новое путешествие в Сану внесет кое-какие добавления к результатам предшествующих исследований: офицеры привезут копии надписей. Среди камней, вторично использованных при строительстве городских зданий, Кратенден заметил три камня, на которых ясно видны были выпуклые буквы; на четвертом, мраморном, камне надпись была выгравирована. Кратендену сказали, что камни эти были привезены из Мариба, древней Сабы. Кроме того, Кратенден нашел и привез с собой фрагмент скульптурного изображения головы, вывезенного для имама оттуда же и разбитого имамом собственноручно. Он разбил скульптуру, поскольку увидел в ней напоминание о ненавистных ему «неверных».

Мир ученых-семитологов не замедлил заинтересоваться столь обильным урожаем находок, к которым добавилась и надпись, найденная в Адене и опубликованная Хайнсом в 1842 г., а вслед за тем и еще пять надписей, купленных в Адене доктором Маккелом. Их опубликовал в 1844 г. секретарь Королевского Азиатского общества в Бомбее Дж. Бёрд.

Теперь оставалось прочесть эти тексты. В Германии Э. Рёдигер, В. Гезениус и И. Гильдемейстер⁴ начнут с того, что попытаются идентифицировать знаки химьяритского алфавита.

Рёдигер считал возможным прийти к выводу, что первое слово в хисн-эль-гурабской надписи следует читать как SMK (известно, что в семитских алфавитах нет гласных букв), где две буквы обозначают первое лицо множественного числа; он переводил все это как «Мы жили...».

Злосчастный ирландский пастор Чарльз Форстер решил тогда, что он сделал сенсационное открытие. История стоит того, чтобы ее рассказать.

Форстер обратил внимание на то, что один арабский автор по имени Нувейри (1279—1332) цитирует текст поэмы, которую древние цари Химьяра выбивали, по его словам, на стенах своих дворцов. Причем начиналась эта

---

⁴ Вильгельм Гезениус (1786—1842), Эмиль Рёдигер (1801—1874), Иоганнес Гильдемейстер (1812—1890) — крупные немецкие семитологи. — *Прим. ред.*

поэма со слов «Мы жили...», то есть точно так, как было прочитано Рёдигером первое слово надписи, высеченной на скалистом мысе Хисн-эль-Гураб.

Форстер был убежден, что им найден ключ к дешифровке химьяритской письменности: поэма Нувейри — это перевод хисн-эль-гурабского текста, и остается только установить соответствие между строками, фразами, словами... Форстер проделал колоссальную работу, результатом которой явились огромные таблицы соответствий между словами. Эти таблицы позволили ему делать предположения относительно прочтения отдельных слов, следствием чего явилась идентификация некоторых букв. Исходя из найденных букв, он выводил затем возможное значение других слов текста, что давало ему возможность определения остальных знаков алфавита. Следующим этапом было изучение слов, прочитанных таким образом. Здесь Форстер снова использовал поэму Нувейри. Кроме того, он пытался искать соответствий в корнях арабских слов. В результате он получил следующий перевод:

«Долго и пышно жили мы в нашей обширной обители — Зенана, и жизнь наша была лишена бед и несчастий.

Подкатываясь ко входу в наш пролив, бурное море ударяло своими яростными волнами в наш дворец; выше пальм били струи фонтанов и падали, журча; боги наделили пальмовые рощи нашей долины способностью давать урожай уже сушеными финиками; рис же сеяли сухим. Мы охотились на горных коз и ставили силки и ловушки на зайцев; хитростью выманивали мы рыб из их тайников; горделиво и медленно ходили мы в одеждах из шелка, украшенных разноцветным шитьем, в платье цвета луговой зелени, расчерченном на квадраты.

Нами правили цари, которым была чужда всякая низость и которые строго карали злоумышленников и злодеев. Они написали для нас основанные на учении Гебера справедливые законы, которые были собраны в книгу и должны сохраняться; мы провозглашали свою веру в чудо, в воскресение, в возвращение ноздрям дыхания жизни...

Мы поступили так же, как и грабители с большой дороги, которые хотели совершить над нами насилие; вместе мы продолжали наш путь... мы и наш отважный юно-

ша... с крепкими остроконечными копьями; неудержимо устремляясь вперед, горячие защитники наших семей и жен, мы храбро сражались на наших длинношеих скакунах, темно-коричневой, серой и светло-гнедой масти, и наши мечи не уставали поражать и рассекать наших противников до тех пор, пока эти выродки не были разбиты и уничтожены.

С ненавистью и злобой напали на нас преступные люди; вперед устремились наши кони и их затоптали ногами.

Разделенная на части, и написанная справа налево, и отмеченная точками, это есть победная песнь, Сараш и Дзерах».

Так была переведена хисн-эль-гурабская надпись, расшифрован химьяритский алфавит и составлен первый словарь.

Увы! Все эти результаты были бы прекрасны, явись они следствием прочтения двуязычной надписи, то есть в том случае, если бы на одном и том же камне находился и неизвестный текст, и его перевод на знакомый язык. Но в данном случае все обилие сенсационных выводов базировалось на одной гипотезе: поэма Нувейри есть перевод текста из Хисн-эль-Гураба. Возможно ли это?

Допустить такую возможность — значит не иметь представления о том, каким образом мусульманские авторы прошедших веков писали историю: они вовсе не давали себе труда снабжать читателей переводами древних текстов, которые они и сами уже не умели читать. Они собирали слухи и традиционные поэмы и делали из этого историю, начиненную легендами вперемижку с действительными историческими фактами. Фоном для всего этого служили события, заимствованные в библейской генеалогии Исмаила или Соломона.

Нет никакой связи между традиционной арабской поэмой и южноаравийским текстом, забытым на скале у моря. Более того, Рёдигер ошибся, прочитав «Мы жили...». Как стало известно позднее, когда текст сумели прочесть, первое слово представляет собой собственное имя «Сумъяфа», а первые шесть строчек — это перечисление имен авторов документа. Авторы эти заявляют, что написали текст на скале Мавийят, возвратившись из Эфиопии и укрепившись здесь, чтобы принять бой. Одно-

временно они послали армию эфиопов против страны Химьяр, и эфиопы убили царя химьяритов и его полководцев. Далее следовала дата: месяц зу-ль-хиджжа, года 640.

Поэма Форстера была красивее... но, когда в 1872 г. удалось прочесть эту надпись во всей ее прозаичности, стало ясно, какую огромную важность могла она иметь для восстановления событий, происходивших в Южной Аравии и Эфиопии в VI в. н. э.

В тексте содержалась также дата, относительно которой Жозеф Галеви пришел в 1874 г. благодаря изобретательному сопоставлению с эфиопскими историческими источниками к выводу о том, что она была исходной датой (годом I) системы летосчисления, принятой в этой надписи и в некоторых других сабейских текстах V и VI вв. н. э.⁵

Но все это было еще впереди.

Пока что французский консул в Джидде Ф. Френель занялся исследованием сведений по истории Аравии, которые можно было найти у классических авторов; так появилось в «Journal Asiatique» его «Письмо о географии Аравии», в котором Френель пытался определить, какие именно йеменские города были заняты римским полководцем Элием Галлом в 24 г. до Р. Х. Френель обращается также и к мусульманским источникам с целью собрать в них хоть какие-нибудь свидетельства о доисламской истории арабов.

Однако никому пока что не удастся увидеть подлинный памятник сабейской древности.

В 1836 г. французский ботаник Поль-Эмиль Ботта, врач Мухаммеда Али и посланец парижского Музея естественной истории, обнаружил развалины. Он проник во внутренние районы Йемена из Бейт-эль-Факиха в поисках растений, и основной его целью было посещение района Джебель-Сабера, горного массива, возле которого находится город Таизз. Форскаль, ученый и неудачливый

---

⁵ Так называемая «химьяритская эра». Установление абсолютной хронологии эры основано на том, что надпись из Хисн-эль-Гураба датирована 640 г. этой эры. С другой стороны, события, описанные в надписи, позволили Жозефу Галеви отнести их к 525 г. н. э. Таким образом, начало «химьяритской эры» было отнесено к 115 г. до н. э. Эта датировка с незначительными изменениями принята и в современной литературе. — *Прим. ред.*

спутник Нибура, писал, что это район обильной растительности, сад Йемена; но проникнуть туда он не смог.

Ботта направился к Таиззу и предпринял экспедицию в Джебель-Сабер. Хотя искал он только растения, проводник сказал ему, что на самой высокой вершине массива он сможет увидеть разрушенную крепость. Ботта попросил его туда проводить и в самом деле увидел на вершине, возвышающейся над всем районом, толстые стены древней крепости. Путь туда можно было найти лишь по следу да по вырубленным в скалах ступеням. К какому времени можно было отнести постройку этого орлиного гнезда? Никаких указаний на время не было, так же как надписей и предметов. Проблема не разрешена до сих пор, несмотря на то что Франсуа Бальзан совсем недавно нашел в этом же районе развалины другой крепости, такого же типа, — определить время ее постройки оказалось столь же трудно.

В одно время с Ботта один проповедник по имени Иосиф Вольф, приехавший к своим братьям иудеям в качестве миссионера, достиг Йемена через границу с Неджраном. Он оставил фантастический рассказ о своих приключениях во время путешествия в Сану.

В 1856 г. в Сане побывал и пастор Штерн. Оба эти путешествия ничего не дали науке, да и не в научных целях предпринимались.

Напротив, путешествие Т. Дж. Арно, уже известного читателю, должно было окончательно открыть путь к развитию южноаравийской археологии.

Фюльжанс Френель, который активно занимался всем, что касалось древней Аравии, увидев в Джидде Арно, сразу угадал в нем человека, который, если бы захотел, смог оказать науке огромную услугу.

Молодой француз был в 1835 г. приставлен в качестве фармацевта к двум линейным полкам, посланным Мухаммедом Али в Джидду для участия в асирской кампании. В Тихаме и Асире он быстро усваивает арабский язык; акцент и характерный для этих районов говор Арно сохранит надолго. Потом он исполнял обязанности фармацевта при дворе имама Саны, доверием которого пользовался вполне. Вот каким образом Арно смог встретиться с Френелем в начале 1843 г. и спросить его мнение по поводу многочисленных своих заметок о землях, в которых он побывал.

Френелю удалось тогда легко пробудить энтузиазм Арно, необходимый для выполнения задачи, которую кроме него едва ли кто мог бы выполнить: он должен был дойти до Мариба и до развалин Сабы.

9 июля 1843 г. Арно, путешествовавший в компании с турецким послом, направлявшимся из Джидды к имаму, приезжает в Сану, и первой его заботой было освободиться от компрометирующих его спутников и найти в этом городе, который он хорошо знал, жилье и проводника в Мариб. Вскоре ему находят проводника, и в ожидании отъезда Арно считает своим долгом снять копии с трех надписей, которые он заметил накануне на вделанных в стену камнях.

Напрасно он вернулся туда на рассвете: копирование надписей — занятие, всегда привлекающее чужое внимание. «Едва, — пишет он, — закончил я копию первой надписи, как вокруг меня стали толпиться любопытные прохожие, так тесно окружая меня, что одни касались меня локтями, другие наступали на ноги, третьи вставали между мною и текстом, расположенным на пять футов над землей; наконец, самые юные выбили у меня из рук записную книжку, чтобы увидеть собственными глазами, что я делаю».

Долго готовиться к путешествию было не нужно, потому что проводник разрешил Арно взять с собой только масла и муки на две недели.

На нем был скромный костюм городского жителя: тюрбан, рубаха из черного полотна с широкими рукавами, схваченная плохим поясом, и поношенные сандалии. Арабский плащ служил ночью одеялом.

Караван, к которому они с проводником присоединились, состоял из пятнадцати верблюдов и восьми бедуинов. Все бедуины принадлежали к различным племенам, дружественным племени, из которого происходил проводник Арно. Проводник дал им немного денег, чтобы они согласились покровительствовать им обоим в случае столкновения с бедуинами их племен.

В четырех лье от Саны, в Вади-Сирр — долине, зажатой между двумя невысокими горными склонами и усеянной деревушками, они оказались на территории, на которую власть правительства Саны уже не распространялась. Так как в эскорте не было представителей тех трех племен, по территории которых надо было пройти преж-

де всего, имелись все основания опасаться за безопасность Арно. Поэтому «меня заставили, — говорит он, — забраться на верблюда, скрестить ноги и укутаться в местное шерстяное покрывало таким образом, чтобы был виден только кусочек бороды, из страха, что встречные будут поражены белизной моей кожи. Хотя мне тягостно было сохранять подобное положение в течение всего промежутка пути, следовало с этим смириться, ибо я не мог усомниться в том, что действительно подвергаюсь опасности, слыша, как мои погонщики верблюдов с каждой минутой томятся все больше и, дрожа, молят о помощи и покровительстве своего великого пророка Мухаммеда и всех своих мусульманских святых. Страх был тем более велик, что дорогой они узнали о внезапном нападении двумя днями раньше племени бени ноф на племя бени шеддад в непосредственной близости от тех мест, где мы должны были проезжать, и о смерти двенадцати членов племени бени шеддад в результате этого нападения.

Все бедуины из всех племен, которые не находятся в состоянии войны друг с другом, начинают при встрече рассыпаться во взаимных приветствиях и пожеланиях. Все это продолжается минут десять. Затем они расспрашивают друг друга о новостях, происшедших в данной местности, а также и в стране, откуда они едут; но всегда кончается тем, что они спрашивают у моих проводников: «Что это за существо сидит на верблюде?» — на что мои проводники неизменно отвечали: «Это наш больной товарищ». Поэтому только в конце каждого этапа я мог лечь, чтобы записать мои наблюдения, для чего мне приходилось удаляться от каравана, как бы для отправления моих естественных нужд».

Арно тщательно отмечает местоположение и особенности всех трех долин, через которые лежит его путь; в общих чертах он описывает также, как его проводники готовят хлеб, заворачивая в тесто нагретые на огне камни.

На рассвете 15 июля он видит перед собой обширную равнину. Именно здесь должны были находиться развалины города Харибы, которые обещал ему показать проводник. Но после очередного перехода Арно узнает, что целый день они отдыхали на расстоянии двух часов езды от развалин, ибо лишь только караван возобновил свой путь, он начал «различать вдали руины, которые занима-

ли, казалось, обширную площадь». Однако не могло быть и речи о том, чтобы одному отстать от каравана. Когда во время перехода Арно вновь увидел своего проводника, он стал упрекать его, добившись обещания показать развалины на обратном пути.

Он находился тогда в одном дне пути от столицы Сабы. Через четыре часа они пришли к подножию горы, перед которой простирается Марибская долина; ее пересекает Вади-Зана, и в некоторых местах там можно найти воду. Так как стоянка племени, к которому принадлежал его проводник, находилась на расстоянии двух лье отсюда, Арно сначала должен был отправиться туда и был принят бедуинами с самым сердечным радушием.

«Вскоре, — пишет он, — возле шатра, где я находился, собралось все мужское население лагеря, чтобы рассмотреть пожаловавшее к ним необыкновенное существо; жены же их и дочери наблюдали издалека...

Каждый из членов общества почел своим долгом задать мне массу вопросов, будучи не в состоянии понять мотивы, которыми я руководствовался, отправляясь в подобное путешествие. Затем они говорили между собой, что одному богу известно, что это за существо и какие у него могут быть намерения.

Один говорил: „Посмотрите, как все в нем благородно, вплоть до сандалий, в которые он обут!” Другой добавлял в восхищении: „Это слишком деликатное создание, чтобы подвергаться испытаниям пустыни; должно быть, он сотворен специально для того, чтобы его носили от дивана до мечети одетым в прекрасные белые одежды. Не махди ли он? В самом деле, — говорил иной, — он похож на божью птичку, одну из райских птичек”. Другие же, постарше, допрашивали меня всеми способами, стараясь проникнуть в тайну и от меня самого узнать, обладаю ли я даром находить сокровища, спрятанные в земле. Я отвечал как умел, пытаюсь обходить вопросы, которые могли меня скомпрометировать. Когда же они хотели узнать о моей стране, моей нации, я просто отвечал им, что родом с запада, где живут племена, известные у них под именем магрибинцев. Любопытство этих бедуинов еще более увеличивалось, когда на неоднократно повторенный вопрос, есть ли у меня дети на моей родине или где-либо еще, я отвечал, что никогда еще за всю мою жизнь я не был женат. Тогда они приняли меня за

существо необыкновенное, ибо, живя в пустыне, в своих шатрах, они совершенно незнакомы со всеми пороками, которым предаются не только жители городов, но и самых маленьких селений».

На следующий день проводник отправился предупредить шерифа Мариба и спросить его согласия на въезд Арно в город. Шериф либо из желания увидеть необыкновенное существо, либо потому, что он хотел получить традиционные подарки, не чинил никаких препятствий.

Однако ехать по равнине, где можно было встретиться с бедуинами различных племен, считалось опасным. Поэтому Арно был вынужден взять на себя обязательство платить жалованье четырем бедуинам из различных племен, не считая проводника, чтобы они оберегали его безопасность по дороге в Мариб. Утром следующего дня они пустились в путь в направлении Марибской плотины, построенной некогда поперек равнины. Развалины этой плотины европеец видел впервые ⁶.

«Мы повернули к западу,— рассказывает Арно,— чтобы выйти на дорогу в русле Даны и оттуда повернуть на восток, пройдя между двумя Балакскими холмами, которые некогда образовывали водоем плотины. Приехав к плотине в тот момент, когда полуденная жара уже давала о себе знать, я пришел в восхищение при виде древних строений, расположенных на земле, куда не ступала нога европейца, а если и был здесь до меня хоть один европеец, то отсюда он уже не вернулся. Тотчас же начал я карабкаться на правый берег потока, заваленный сухими ветками и деревьями. Оказавшись между двумя прекрасно сохранившимися античными сооружениями, я сразу же обнаружил высеченную на скале надпись, которую тотчас же воспроизвел; вслед за тем я принялся обходить строения со всех сторон, чтобы снять копии со всех других текстов, попадавшихся мне на глаза.

В то время как я был поглощен этим занятием, мои спутники укрылись под деревьями неподалеку. Закончив

---

⁶ Остатки Марибской плотины, грандиозного сооружения, обеспечивавшего в древности орошение огромного Марибского оазиса, сохранились до сих пор. В этом месте, расположенном восточнее Мариба, вади Зенне стиснуто скалами Джебель-ал-Балак до ширины около 600 шагов. Плотина перегораживала теснину и имела на северном и южном концах искусно сделанные шлюзовые устройства.— *Прим. ред.*

поиски на этом месте, я направился к ним — предупредить о своих намерениях посетить и другой конец плотины. Принимая во внимание опасность, которой я подвергался, они хотели воспрепятствовать тому, чтобы я удалялся от них, так как Салех Асфур (имя проводника Арно. — *И. М.*) в это время на несколько минут отошел. Тогда я дал им понять, что в случае нападения позову их на помощь, полагая, что другой конец плотины недалеко; однако позднее я смог убедиться, что в случае опасности голос мой не был бы ими услышан, так как расстояние было велико.

Вопреки всему тому, что мне говорили, я оставил своих спутников и пустился мерить расстояние между двумя горами.

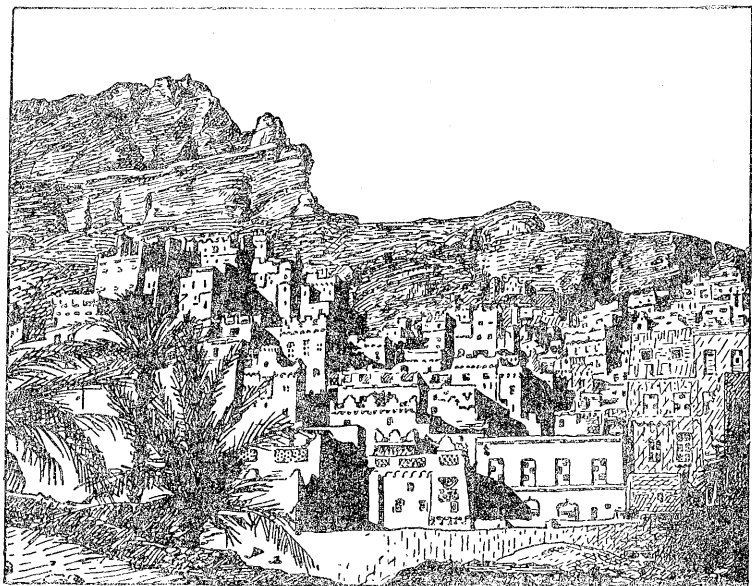
Чтобы не терять времени, я начал с точки, где находился сам, и, достигнув другого предела, высчитал таким образом толщину, которую могла иметь плотина, основываясь на заметных еще и теперь остатках наносных земель. Наконец, я направился к гребню оставшейся части древней плотины, которая у подножия горы уходит вглубь. На краю этой оставшейся части плотины я нашел хорошо сохранившиеся древние строения. Спустившись с вершины одного из этих сооружений, на которой я оказался, пройдя вдоль гребня плотины, я тотчас же был поражен зрелищем первого попавшегося мне на глаза предмета: то был почти квадратный камень высотой приблизительно фута в два; на нем я обнаружил резное изображение без надписи. Я немедленно попытался сделать с него эскиз, чтобы по крайней мере передать идею того, что было изображено; затем я почел своим долгом скопировать все надписи, которые попали мне на глаза, и произвести некоторые измерения. Я еще не закончил срисовывать надписи, когда появился Салех Асфур. Я увидел его на вершине строения; он кричал, прицеливался в меня из своего ружья, довольно грубо меня ругал и угрожал мне оружием — все за то, что я появился здесь один. «Хорошо, хорошо», — ответил я и больше не обращал на него внимания, настолько я был занят копированием надписей; все это еще больше выводило Салеха Асфура из себя, и он крикнул мне: «Я стреляю, я стреляю в тебя, если ты сию же минуту не вернешься». Я же, не поднимая глаз от поверхности предмета, которым был занят, ответил ему: «Тайеб, тайеб, хорошо, хорошо; я кончил, я

кончил». Наконец, буквально отбиваясь от моего гонителя, мне удалось собрать все, что было начертано на этих сооружениях...

Я был вынужден, таким образом, все бросить, чтобы последовать за Салехом Асфуром и вернуться к ожидавшим нас попутчикам. Еще раз проходя мимо остатков древней плотины, я взял с собой горсть земли, из которой она была построена. Возвратившись под деревья, где ждали наши спутники, я уже видел все, как в тумане, все кружилось вокруг меня, как будто я был пьян. Бедуины развлекались тем, что просили меня показать, где восток, я же показывал им совершенно в противоположную сторону — на запад. Я полагаю, что в этом нет ничего удивительного, так как я несколько часов находился под палящим солнцем; думаю, я еще счастливо отделался, избегнув сильнейшей головной боли, которая могла бы появиться».

После привала на обед оставался лишь час пути до деревни Мариб. «Все жители, — пишет Арно, — ждали нас у крепостной стены; даже женщины вышли на террасы своих домов, чтобы тоже стать свидетелями вступления в их город необыкновенного существа. Тогда один из наших спутников, бедуин из племени абида, встал во главе процессии; он бежал впереди и кричал народу Мариба: «Мы привели вам махди»; народ же в едином порыве издавал громкие возгласы. Каждый старался протянуть мне руку и приветствовать меня как шерифа; однако я остерегался принимать подобный титул, опасаясь в дальнейшем себя скомпрометировать, поэтому я поспешил объявить им, что я не шериф, — мера предосторожности, которую, кажется, не принял первый путешественник-европеец, проникший в эти места. Это, возможно, и послужило причиной его гибели, если не в этом месте, то по крайней мере по возвращении его в Хадрамаут».

Действительно, позднее ему рассказали, что двенадцатью годами раньше в Мариб пришел человек с белой кожей, среднего роста, крепкий и коренастый, который назвался магрибинским шерифом. Он приехал из Хадрамаута и снял копии со всех надписей, которые смог найти. Но однажды, прочтя таинственное письмо, которое он получил неизвестно как, человек вдруг заплакал, и, так как его хозяин кади удивился этому, человек сообщил ему, что получил известие о смерти своего брата и немед-

Город в Вади-Доане в Хадрамауте

ленно должен вернуться. Путешественник предупредил кади о том, чтобы он на следующий день утром подошел к пилястрам разрушенного храма и взял там то, что найдет на большом поваленном камне с надписью. Ночью чужестранец ушел. Судя по следам, он отправился в Хадрамаут, откуда и пришел. А кади на указанном месте нашел одиннадцать золотых монет и очень дорого продал их потом в Сане.

Если в изложении жителей Мариба история эта напоминает сказки «Тысячи и одной ночи», это отнюдь не означает, что в основе ее не лежит действительный факт. В самом деле, Арно добавляет: «По возвращении из Мариба, во время долгого пребывания в Адене, у меня была возможность беседовать с вернувшимся из Хадрамаута г-ном де Вреде. Он мне рассказывал, что слышал в Вади-Доане о некоем белом человеке, прошедшем весь Хадрамаут к тому времени, о котором я говорил. И ему нарисовали почти такой же портрет, какой сам я слышал в Марибе. Однако этому человеку не удалось вернуться:

он был убит местными жителями, заподозрившими, что у него могут быть деньги».

Шериф принял Арно хорошо, и ему оставалось только поздравить себя с тем, что он пользуется такой верной и надежной защитой. Но за три дня своего пребывания в Марибе несчастный путешественник был приведен чрезмерной нескромностью и насмешливым любопытством бедуинов района Мариба, сбегавшихся на него посмотреть, в состояние такого тоскливого раздражения, что, по его собственному мнению, именно в этот период он претерпел больше страданий, чем за все одиннадцать лет своего пребывания в Аравии.

Мучения его начались уже у шерифа; как только чужестранец был почтен умощением ног и приготовлением кофе, начались вопросы: «Откуда ты? Куда ты идешь? Что ты делаешь? И зачем? Почему, например, ты копируешь надписи? Что ты хочешь с ними сделать потом? Какой тебе в них интерес? Умеешь ли ты их читать? Кто тебя послал? С кем ты пришел? Ищешь ли сокровища, зарытые в земле? Не умеешь ли ты их открывать? Хочешь ли ты убрать от нас все наши камни и послать их в твою страну? Почему ты не молишься? и т. д.».

Арно молился по-своему, но от него потребовали молитвы по мусульманскому обряду, в противном случае его бы сочли неверным. Однако путешественник не только не знал как следует исламских обычаев, но постоянно заботился о том, чтобы не сказать или не сделать чего-нибудь такого, что напоминало бы мусульманский обряд, так как для христианина это было бы равносильно отступничеству, будь это даже чисто внешнее проявление, не идущее от сердца.

В результате он оказывается в ситуациях самых деликатных. Его хотят вести в мечеть на молитву — он притворяется спящим. Его спрашивают о религиозных обрядах — он сердится, потому что спрашивающие сомневаются в знании им его обязанностей. От него требуют произнести исламский символ веры — он говорит: «Нет бога, кроме Бога (Аллаха)», — но в конце фразы заменяет слова: «Мухаммед — пророк» — другими французскими словами, похожими по звучанию. Каждый ответ на вопрос таил в себе опасность: если его примут за турка, ему обеспечена немедленная смерть, если за англичанина — он будет скомпрометирован, так как ему припомнят

случаи репрессий, имевших место в Адене, не лучше будет, если его примут за француза, ибо сочтут, что он шпион Мухаммеда Али. Поэтому Арно назвался магрибинцем.

Но оставался еще вопрос о скрытых сокровищах и надписях. Вот как он вышел из положения, стараясь объяснить этим людям то, чего они не могли постичь — его научные мотивы: «Я сказал им, что, бродя по свету, не имею другой цели, кроме как созерцание чудес вселенной, созданных Высшей силой, и посещение мест, ставших знаменитыми во времена древних народов, о которых упоминается во всех священных книгах. И поскольку провидение помогало мне в моих стремлениях, мне ничего больше не нужно было в этом мире и я не искал больших богатств. То, что я снимал копии с надписей лишь с целью предъявить моим знакомым свидетельство пребывания моего в данных местах, прекрасно было усвоено шерифом Абдаррахманом. К тому же, добавлял я, действия мои не приносят мне никакой выгоды, и я вовсе не обладаю даром открывать спрятанные богатства, а если случайно я бы их и нашел, то они неминуемо перешли бы в распоряжение местных жителей, поскольку я никак не мог бы похитить эти богатства. Кроме того, в моей стране таких камней немало, так что нет никакой надобности ехать за ними в Мариб. Я сказал им также, что никем не был послан, что вела меня лишь рука судьбы и что в Йемен я приехал один, без спутников, не имея других покровителей и других защитников, кроме бедуинов, которые взялись быть моими проводниками в их стране».

Но расспросы эти держали Арно в состоянии постоянного нервного напряжения. Не мог он укрыться от них и в собственном жилище; напротив, «меня целый день изводила, — пишет он, — толпа бедуинов из племени абида, которая собиралась вокруг меня и страшно мучила, находя для этого самые различные способы. И если после длительного пребывания от меня уходило, наконец, десять человек, то другие пятнадцать тотчас же являлись им на смену, буквально врываясь в мое жилище и всегда имея при себе свои ружья. Эти бедуины окружали меня так тесно, что в конце концов мне уже не оставалось никакой возможности двигаться. Кроме того, что меня силой заставляли занимать самое неудобное положение, чтобы дать им всем место, нужно было еще и отвечать

на одни и те же вопросы, повторенные каждым в отдельности, и так — в течение многих часов; затем, приведя меня таким образом в состояние полного изнеможения, они снова спрашивали: «Что он сказал?» И кто-нибудь другой брал слово и задавал мне точно те вопросы, которые только что я слышал от его товарища... Чаще всего, измученный этим неотступным преследованием, я скрывался где-нибудь в углу, притворяясь спящим; однако очень скоро бедуины являлись всей толпой и волей-неволей заставляли меня их слушать. Одни меня щипали, другие тянули за ноги, третьи вытаскивали свои кинжалы из поясов и играли ими у меня под носом; еще один целился в меня из ружья, приговаривая: «Посмотрим, сможет ли его взять мое ружье; ого! он не так толст, как говорили, а ведь нам его описали как огромного роста турка. Этот на турка не похож». «И вправду, — добавляли другие, — если бы мы знали, что он турок, мы разрезали бы его на куски».

Находясь под покровительством шерифа, я мог не опасаться за свою жизнь в его селении; однако вся эта комедия устраивалась вовсе не для моего развлечения; поэтому очень часто я выходил из себя, и все кончалось обвинениями, которые я бросал в их адрес, упрекая в недоброжелательности к чужестранцу, приехавшему в их страну. Но они не испытывали стыда за свое отношение ко мне, хотя оно полностью противоречило всем обычаям, принятым у арабов в обращении с гостями».

Однако в первый же день Арно удалось добиться, чтобы сыновья шерифа проводили его к развалинам древнего города. Его сопровождал также молодой человек, путешествовавший прежде по Тихаме; еще накануне Арно обратил внимание на его речь.

Полчище бедуинов отправилось вслед за ними, но юный принц сумел от них отделаться, выдав нашего путешественника за колдуна. В развалинах, однако, не было ничего, кроме «груд земли». Нужно было увидеть храмы. На следующий день Арно убеждает своих проводников в необходимости туда отправиться, и они выходят из города в тот самый момент, когда туда входит «ненавистное племя абида».

Вот как рассказывает Арно о своем визите: «Мы пересекли сухое русло потока, протекавшего под развалинами древнего города. Чуть поодаль от потока и в том

же направлении, что и город, мне показали обширную площадку из хорошо утрамбованного плотного грунта и сказали, что это древнее Марсово поле сабейцев. Но там не было никаких следов строительства, даже камней какой бы то ни было величины не было видно. Через полчаса быстрой ходьбы, почти форсированного марша, мы прибыли к Пилястрам, где я нашел только две надписи, из которых одна была слишком сильно повреждена, так что копии с нее я снять не мог. От Пилястров мы направились к Харам-Билкыс⁷, лежащему в четверти часа ходьбы от Пилястров. В Харам-Билкыс я не имел возможности скопировать три надписи, во-первых, потому, что они были засыпаны грудой песка, а во-вторых — мои проводники торопили меня вернуться. По этим же причинам я не смог посетить холм из костей жертв, умерщвленных когда-то сабейцами. Если верить жителям Мариба, холм этот находится недалеко от Харамы и кости прекрасно сохранились».

Несмотря на свои мучения, Арно ничуть не был поколеблен в твердом намерении выполнить свою задачу. В тот же день ему удалось найти еще несколько надписей. «Накануне было совершенно невозможно, — говорит он, — снять копии с нескольких надписей, замеченных мною на камнях, которые предназначались для строительства домов в селении. Но все-таки с невероятными трудностями сумел я срисовать две надписи под крики и брань обитателей деревни, сбежавшихся в ту же минуту посмотреть, что я делаю. Даже женщины и дети выходили на террасы своих домов, вопя: «Прогоните этого колдуна, который явился, чтобы принести несчастье в нашу страну; он обязательно навлечет на всех нас невообразимые беды!» Многие из них препятствовали тому, чтобы я копировал надписи, найденные мною на камнях, уже использованных ими при строительстве их домов; некоторые, громко крича, побежали к шерифу Абдаррахману, желая пожаловаться на меня и заставить его запретить мне снимать копии. Шериф ответил им, что они

---

⁷ «Харам-Билкыс», а в действительности храм сабейского бога Алмакаха, называвшийся Аввам, раскапывала в начале 50-х годов американская археологическая экспедиция. Был вскрыт верхний слой породы и обнаружен внешний колонный двор с надписями — стелами. Однако вскоре работы были прекращены, и ныне песок вновь покрывает место раскопок. — *Прим. ред.*

не слишком наделены здравым смыслом, если полагают, что сделанное мною может нанести им малейший вред. «Поскольку мы приняли его у нас, пусть он делает, что ему вздумается, а если с нами случится какое-нибудь несчастье, значит на то была воля божия».

И еще одно испытание ожидало Арно: вынужденный визит в дом, где он должен был, как надеялись хозяева, освободить старую женщину от болезни, которую вызвали якобы вселившиеся в нее духи. Там он подвергся не только назойливому допросу мужчин, но и «испытанию со стороны четырех или пяти женщин, которые, как он говорит, смотрели на меня как на белого медведя, но все-таки толпились вокруг, засыпая меня вопросами, которые вовсе не были мне по вкусу. Каждую минуту они поднимали меня на смех, раздражаясь хохотом, отчего ярость моя еще более увеличивалась».

Наконец, когда задача была выполнена, наступило избавление — возвращение в Сану вместе с караваном, владелец которого, торговец солью родом из Саны, взял на себя заботу о чужестранце.

Однако стоило его покровителю удалиться, спутники Арно забавлялись тем, что всячески унижали его и смеялись над ним. Одни целились в него из ружья, другие проводили кинжалами у него под подбородком; он же ничем не мог себя защитить и только осыпал их упреками, надеясь пробудить в них совесть.

Тем не менее все это не заставило Арно забыть о развалинах Харибы, которые он непременно хотел увидеть по дороге. Когда он заметил, что караван приближается к этим развалинам, он попытался убедить своего погонщика верблюдов проводить его туда. И убедил, пообещав вознаградить по возвращении в Сану.

«И вот утром следующего дня, — пишет он, — мы выступили. Проводник мой так торопился, что мне стоило огромного труда поспевать за ним. Вскоре мы подъехали к развалинам Харибы в тот самый момент, когда чуть начинало светать. Тотчас же я увидел надписи; и хотя буквы были слишком большими, я едва мог различать их достаточно ясно, чтобы снять с них копию. Однако я очень старался, и, так как утренний свет становился постепенно все ярче, я смог, хотя и наспех, скопировать все, что предстало моим взорам. Караван настиг нас в тот самый момент, когда ничего интересного здесь я,

по-видимому, найти уже не мог. Тогда мой проводник, которого хорошо знали в этих местах, попросил открыть ему двери жилища пастухов, построенного из камней, взятых на развалинах Харибы. Войдя в это жилье, я увидел множество надписей на старых камнях и двор, на котором держали скот. Посреди двора я заметил длинную каменную скамью, некогда высеченную из монолита; с обеих сторон ее были также выбиты надписи; как раз посередине скамьи проходила трещина, рассекавшая ее на две части, но надписи почти совсем не пострадали. Они были выбиты мелким шрифтом. Я поспешно начал снимать копии, но, так как караван опередил нас почти на час, мой проводник заторопил меня и не захотел больше ждать...

Таким образом, к моему глубокому сожалению, я вынужден был, не закончив моей работы, оставить это место, ставшее весьма опасным для нас вследствие отдаленности нашего каравана. Проводник мой, высокий и сильный, заставил меня бежать почти два часа кряду, чтобы догнать караван, который мы настигли на самом краю Харибской долины... Я прибежал туда задыхаясь и изнемогая от усталости; какое счастье, что сознание опасности дало мне силы, необходимые для того, чтобы не оказаться позади моего проводника, который только иногда шел ускоренным шагом в течение минуты, но после того как пять минут до этого бежал бегом».

Благодаря этим мужественным усилиям Арно только что смог увидеть место, где находилась вторая столица Сабы. «Хариба» означает «развалины»; однако точное название места, как позднее определит Эдуард Глазер, было Сирвах. В 1884 г. этот путешественник, пользуясь покровительством центральной турецкой власти, которой тогда подчинялся Йемен, вновь найдет надписи, копии с которых снимал Арно. Кроме того, он обнаружит и ту надпись, копию с которой Арно снять не успел; она будет переведена только в 1927 г. Знаменитая каменная скамья пастушьего дома и до сих пор находится на прежнем месте. В 1956 г. вслед за А. Фахри⁸ ее видел и сфотографировал профессор Лувенского университета Гейкенс, побывавший в Йемене по поручению ООН.

---

⁸ Ахмед Фахри — крупный египетский археолог, посетил Йемен в 1947 г. и скопировал там свыше ста древних надписей. — *Прим. ред.*

Надпись, покой которой нарушает ныне лишь цыплячий писк, есть не что иное, как один из самых важных исторических сабейских текстов, а именно — рассказ о военных и дипломатических победах одного из самых значительных политических деятелей Сабы. За много веков до нашей эры ему удалось объединить различные южноаравийские племена под своей властью, используя для этого веру народа в верховные сабейские божества.

Арно оставалось преодолеть еще одну трудность — алчность шейха последнего перед Саной селения. Путешествуя в сопровождении сына марибского шерифа, сам Арно прошел через таможню, не привлекая ничьего внимания. Однако с багажом его возникли значительные трудности. К счастью для себя, не дожидаясь слишком долго своего каравана, Арно приехал в Сану и только два дня спустя узнал, что произошло.

«Видя, что Дардаша (его погонщик. — Ж. П.) все еще нет, я подумал, — говорит он, — что все опасные испытания, которым я подвергался, пропали даром, ибо у него находились все мои копии надписей и все сделанные мною заметки, но, слава богу, все обстояло не так.

На следующий день, 27 июля, приехал Дардаш и привез все бумаги в полном порядке. Я поспешил принять его как следует и вслед за тем велел приготовить ему обед. Тут-то я и узнал от бедного Дардаша, что он перенес из-за меня, проезжая через Шерафу.

Он уверял меня, что по прибытии его в это место вождь, осведомленный на мой счет людьми, шедшими вместе с нашим караваном, был чрезвычайно разгневан и непременно хотел добиться, чтобы Дардаш привел меня в Шерафу. Дардаш в конце концов вынужден был ему это пообещать, в том случае, если настигнет меня неподалеку от его владений. Кроме того, Дардаш уверял меня, что шейх хотел во что бы то ни стало осмотреть мои вещи, чтобы взять с них налог. Дардаш позволил ему сделать это, позаботившись, однако, о том, чтобы спрятать все мои бумаги в рукав своей рубахи, достаточно просторный, чтобы вместить их все; затем он показал шейху остальное, то есть остатки провизии. Кроме провизии, там была еще маленькая жестяная коробочка с кое-какими медикаментами и шкатулка с облатками для запечатывания писем. Шейх захотел осмотреть всё и, увидя облатки, сказал: «Смотрите, ну не колдун ли

(*sâhir*. — Ж. П.) этот проклятый неверный! Он превратил все свои красные монеты (то есть золотые) непонятно во что. А где же письма, которые он скопировал в Марибе? Мы должны сжечь их сию же минуту, чтобы спасти себя от дурного глаза этого неверного». Дардаш, который мог надеяться на небольшой подарок с моей стороны, если спасет плоды моего путешествия, постарался втолковать ему, что он ничего не знает и что все мои записки находятся при мне. Потом шейх и Дардаш бросили каждый свое оружие посреди сборища в знак того, что они обязуются не расходиться до тех пор, пока спор их не будет разрешен. Далее шейх захотел взять себе арабский плащ (*abaya*), принадлежавший мне; однако Дардаш воспротивился этому, заявив, что он меня не знает, что он намерен потребовать с меня два австрийских пиастра и что этот плащ хранит в качестве залога до получения означенной суммы. Тогда между ними вспыхнула страшная ссора. Дардаш вынужден был остаться там еще на полтора дня. В этом месте, говорит он, собралось более двухсот человек, принимавших участие в ссоре, одни на стороне шейха, другие — на моей. Наконец, с помощью небольших подарков, которые Дардаш предложил посредникам, дело было улажено. Тем не менее Дардаш вынужден был оставить там ружье как залог скорого своего возвращения».

Так благодаря верности и преданности проводника результаты путешествия Арно были спасены, в противном случае путешествие это оказалось бы абсолютно бесполезным.

Уже известно, каким образом Арно вернулся однажды в Тихаму, один, без денег и с таким сильным воспалением глаз, что, когда ему в конце концов удалось добраться до Джидды и до консула Френеля, не было уже почти никакой надежды, что в течение этого года он поправится. Мы видели также, что он все-таки поправился и увлек Вейсьера во вторую экспедицию, которая, несмотря на субсидии правительства, выделенные по просьбе Академии, была значительно менее важной, чем первая.

Несколькими годами раньше Жомар в историческом очерке, посвященном Аравии, заключал на основании свидетельств классических и арабских авторов: «Мне кажется, что скептические умы напрасно отрицали сущест-

зование древних аравийских городов и бывшее процветание этой страны». Арно это доказал.

Благодаря ему Европа познакомилась отныне с двумя самыми древними сабейскими столицами, а также с Марибской плотиной и располагала теперь 56 копиями надписей, опубликованными Френелем в 1845 г. На этот раз материал стал достаточно обширным. Можно было приступить к дешифровке химьяритской письменности.

На свет появились южноаравийская археология и эпиграфика.

Глава III

ОМАН И ХАДРАМАУТ

К началу XIX в. никому еще не удалось проникнуть дальше побережья Юго-Восточной Аравии, где находилась территория Омана, и со времени вынужденного путешествия отца Паэса (о котором, кстати, ничего еще не было известно) никто не смог побывать во внутренней части Хадрамаута. Были известны только порты и негостеприимный берег этой древней области благовоний и ароматов, о которой ничего не знали, кроме того, что там среди прекрасных долин стояли большие города.

Но не прошло и полувека, как оба эти района были пройдены, первый — лейтенантом Уэлстедом, который, как мы уже видели, служил на судне «Palipugus», второй — баварским бароном, человеком несчастной судьбы Адольфом фон Вреде.

В Омани был известен большой порт и столица страны Маскат, господствовавший в Персидском заливе над морским путем в Индию и имевший во все времена чрезвычайно важное коммерческое значение.

Там уже в течение целого века находилась португальская колония. К 1809 г. еще сохранились построенные португальцами две крепости и церковь, превращенная в судилище.

Но эта глава из истории пребывания европейцев в Аравии выглядит довольно жалкой, если судить по свидетельствам как мусульманских, так и христианских источников, и в частности по письмам бельгийского

иезуита Гаспари. Когда в 1549 г. он высадился в Маскате преисполненный всяческого рвения в отношении этой маленькой христианской колонии, «единственной и заброшенной», он не нашел там даже священника. Город служил убежищем для всякого рода нарушителей закона со всей Аравии, на службе у которых состояли португальцы. Вот уже десять лет, как они стали отступниками и не видели никакой надежды на спасение. Приезд Гаспари вызвал почти поголовное возвращение к вере, но бельгиец должен был занять назначенный ему пост в Ормузе и решительно не знал, будет ли ему когда-нибудь назначен преемник в Маскате.

В середине XVII в. весь город, включая крепости, оказался в руках султана Насира.

К 1655 г., почти сразу после эвакуации португальцев, голландец Ян Стрюйс, волею судеб оказавшийся в Маскате во время своего путешествия в Индию и Персию, сделал набросок общего вида города. Рисунок увидел Нибур. В 1765 г. он остановился в городе и собрал сведения о глубинной части страны. Но подробную и живую картину жизни этой столицы Европа получила лишь в 1819 г. благодаря одному итальянцу, чья полная прерванности судьба забросила его туда в 1809 г.

В. Маурици, называвший себя в Маскате шейхом Мансуром, бесспорно представляет собой прекрасный образец авантюриста. Поскольку его анархистские убеждения вызвали возмущение его семьи, он уехал из Рима, едва успев окончить школу. Он жил (на какие средства, он не уточняет) в Греции, в Константинополе, в Анатолии, в Мохе (где его считали агентом французского правительства), в Маскате, где он стоял во главе армии султана, в Багдаде, в Курдистане (там он командовал артиллерией). В Азербайджане его взяли в плен русские, после чего мы видим его уже в Тегеране улаживающим некое «деликатное дело», затем — в Индии. На обратном пути происходит с ним «злополучная катастрофа», поставившая его на самую низкую ступень нищеты».

Маурици нашел средство выкарабкаться из этого положения и в 1809 г. оказывается уже в Маскате в качестве личного врача правящего султана Сейида Саида с солидным жалованьем. В Маскате он пробудет шесть лет.

Шейх Мансур рассказывает о своем хозяине как

о князе, преисполненном всяческих достоинств. С энтузиазмом напишет его портрет несколькими годами позднее и лейтенант Уэлстед. Сейид Саид не запрещает, например, придворному врачу лечить черного раба, который, как обнаруживает Маурици, оказался не кем иным, как убийцей, освободившим Сейида Саида от его брата Бедера. В результате бесед с полководцем и посланником ваххабитов Матлаком, а также с жителями страны шейх Мансур восстанавливает политическую историю Омана начала XIX в.

В истории этой преобладает забота о том, чтобы образумить джавасми, пиратов Персидского залива, которые укрепились не только на своем берегу, в месте, носящем их имя — «Пиратский берег», но и на противоположном берегу — в Шараке, Ленге и Лафте. Они господствовали и над входом в залив и препятствовали торговле, составлявшей основу процветания Маската в обычное время. Обладание этим входом в залив имеет для Омана такое большое значение, что его вожди со своей стороны обеспечили себе владение Бендер-Аббасом на персидском берегу и островами Кешм, Ормуз и Ларек. Легко увидеть, таким образом, что в этом ключевом районе Персидского залива князья Омана и «пираты» соперничали.

Что касается джавасми (которых в рассказе шейха Мансура мы узнаем под именем джовасеум), то, как объясняет нам Уэлстед, первоначально это были ученики некоего святого воителя, от имени которого происходит их название. Столица их Рас-эль-Хейма, что значит «Мыс шатров», была местом, где последователи этого воителя ставили свои шатры тесными рядами вокруг шатра их вождя.

Шейх Мансур так определяет политическую карту Персидского залива: район дельты зависит от Басры, но там живут также и союзники ваххабитов; Эль-Катиф и Бахрейн непосредственно принадлежат ваххабитам; если добавить к этому, что пираты, в руках которых находился вход в залив, стали во время царствования Абд аль-Азиза ибн Сауда ваххабитами, станет понятно, что для Маската борьба против джавасми и ваххабитов была необходима, чтобы защитить самое свое существование.

Для англичан защита свободного прохода в Персид-

ский залив представляла первостепенный интерес, так как этим путем частично велась торговля с Индией. По этой же причине в Бушире постоянно находился английский резидент, представитель Ост-Индской компании (мы видели, что в 1819 г. это был Дж. Ф. Сэдльер). Таким образом, союз с вождями Омана ради подавления общего врага был всецело в интересах англичан.

Именно поэтому Сейид Саид оказался столь преданным Великобритании.

В 1805 г. во время очередной экспедиции против джавасми вождь Омана был убит. И между тремя его сыновьями начинается соперничество, осложненное расхождениями в политической ориентации. Вначале власть взял старший из сыновей — Бедер, но в 1806 г. он потерпел поражение от ваххабитов и вынужден был подписать договор, по которому обязан был выплатить контрибуцию, принять в Маскате религиозного наставника этой секты и вместе с ним его охрану из 400 всадников-ваххабитов. Однако Бедер не только с излишним рвением соблюдал все условия договора, но и с недоверием относился к войскам своего отца (которые, кстати, состояли из индийцев и белуджей).

Поэтому два других брата без труда привлекли эти войска на свою сторону и продолжали антиваххабитскую политику. Именно тогда и происходит драма: Бедера приглашают к одному из братьев, и прямо в зале для аудиенций его закалывает черный раб, внезапно выступивший из рядов других рабов. Между тем Сейид Саид обвинил в преступлении ваххабитов, он позаботился о том, чтобы новость распространилась по Маскату. В результате жители Маската сбежались отомстить за смерть Бедера ваххабитам, которые в свою очередь сбежались отомстить Сейиду Саиду за смерть своего ставленника. Сейид освободился таким образом не только от своего брата, но и от ваххабитской кавалерии: преследуемая народом, она возвратилась в Дерийю. Конечно, Сауд выразит свой протест, но Сейид весьма разумно согласится продлить договор, исключив из него лишь статью о 400 всадниках. И ваххабитское засилье исчезнет постепенно само собой.

По свидетельству шейха Мансура, границы территории Омана проходили во внутренней части страны через принадлежащий ваххабитам Бурайми, город, слишком

хорошо известный и в наше время из-за постоянных споров о нем, а на побережье — через Шинас, находившийся в руках джавасми.

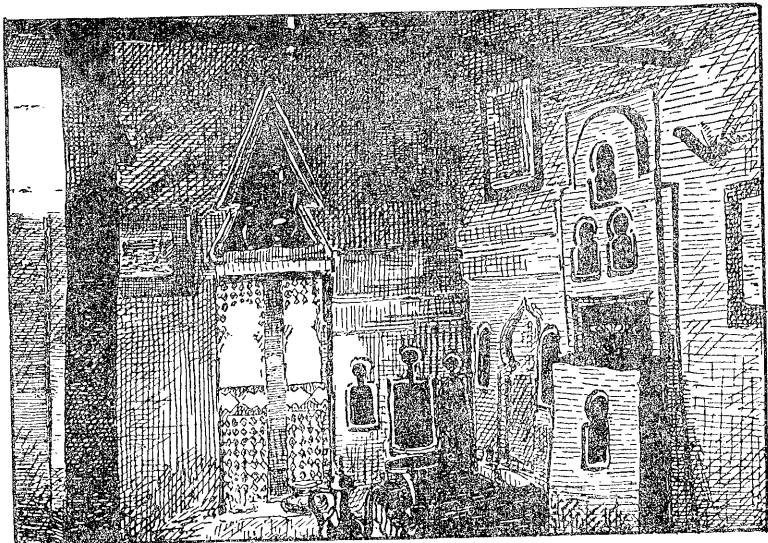
Мансур дает живую картину столицы страны — Маската. Прежде всего это город торговый. Из 60 тыс. его жителей приблизительно 4 тыс. составляют банья. Живут там в незначительном количестве и иудеи; христиан нет вовсе, и всегда очень много иностранцев. Рядом с богатыми людьми, одетыми на персидский манер, там можно увидеть бедуинов, а на пирах, которые устраивает султан, — восхищаться китайским фарфором. В том уголке порта, где находится таможня, царит истинно европейское оживление.

Полиция действует здесь бесконтрольно. В трехтысячной армии наряду с черными рабами насчитывается 2 тыс. иностранных наемников и несколько сотен арабов. В случае войны армия увеличивается до 15—20 тыс. человек пеших и тысячи всадников, экипировать которых обязаны торговцы. Флот состоит из трехмачтовых торговых кораблей, которые при случае можно использовать для перевозки войск, и 40 судов водоизмещением от 300 до 700 т, захваченных англичанами у французов во время войны. Кроме того, есть там и несколько арабских судов.

Торговля ведется обширная. Капитал некоторых торговцев достигает, по мнению шейха Мансура, миллиона долларов по курсу того времени. Однако наиболее доходные монополии султан оставляет за собой, например таможенный надзор, отданный им на откуп одному банья, а кроме того, доходы от экспорта соли из приисков Ормуза, Кешма, Ларека и Бендер-Аббаса и главным образом от торговли рабами-суахили, приносящей ему ежегодно 75 тыс. долл.

В самом Маскате существует лишь несколько орошаемых садов: весь город стоит на скалистой почве. Но внутри страны нет недостатка в плодородных долинах; например, в одном дне пути от столицы лежит Растакская долина, представляющая собой настоящий сад. Урожай фиников здесь так велик, что их экспортируют в Персию. Наконец, на побережье занимаются и ловлей жемчуга.

Капитан Оуэн, который дополнит сведения о побережье, собранные экипажем судна «Palinurus», остано-

Интерьер жилища богатого хадрамаутского торговца

вившись в Маскате, будет поражен прежде всего тем, что здесь говорят больше на хинди, чем на арабском. Несомненно, это был порт, где господствующее положение занимали торговцы-банья.

Между тем англичане, исходя из особых своих интересов в Омане, не ограничивались исследованием его побережья. Им важно было также знать, в какой степени власть их союзника, султана Омана, распространена во внутренних районах страны. Поэтому-то туда и был послан с миссией в конце 1835 г. лейтенант Уэлстед.

Он был принят чрезвычайно любезно Сейидом Саидом и вследствие постоянно оказываемой им помощи не встретил во время своего путешествия никаких трудностей, если не считать момента, когда он приехал на территорию, только что захваченную ваххабитами.

За четыре месяца он совершил дальнейшее путешествие по стране, оценить которое можно посмотрев на карту на стр. 263. Из нее видно, что маршрут его представляет кривую с тремя острыми углами. Первый острый угол возник в результате появления Уэлстеда на территории бедуинов абу али после выхода из порта Сур. Отноше-

ние этих бедуинов к англичанину представлялось совершенно неясным, так как, став ваххабитами в 1811 г. и сбросив иго правительства Маската, они были в ответ атакованы султаном и англичанами, помощи которых султан попросил. Экспедиция была губительна для англичан. Однако следующий поход, в 1821 г., окончился полной их победой: самого шейха и тех, кто остался в живых, увезли в Бомбей и продержали там два года, после чего отправили на родину с подарками. Уэлстед смог констатировать, что такая политика имела самые лучшие результаты: он был встречен с энтузиазмом, в качестве почетного гостя присутствовал при исполнении боевых танцев и на верблюжьих бегах. Бедуины из племени дженеба, гости бедуинов бени абу али, предложили ему посмотреть юго-запад страны: отсюда — следующая часть его маршрута.

Но целью Уэлстеда оставалось посещение Бурайми, ваххабитского аванпоста в Омане. В результате он возвращается в лагерь абу али, откуда направляется к северо-западу, рассчитывая дойти до Низвы, а там уже найти проводников до Бурайми.

Таким образом, он идет вдоль Вади-Бата, который спускается как раз с того горного массива — Джебель-Ахдар, куда он направляется. Уэлстед восхищается оазисами, оплодотворенными тщательным орошением, и городами, в числе которых — Ибра; ее дома в изобилии украшены орнаментами — барельефами по штукатурке, а городские ворота красиво отделаны медью.

Дорогой Уэлстед в один прекрасный день встречает лейтенанта Уайтлока. Лейтенант решил воспользоваться своим отпуском, чтобы приехать в Оман — учить арабский язык. Часть дороги они проедут вместе.

Прежде чем приехать в Низву, Уэлстед побывал еще на самой границе Большой пустыни. Но затем у него кончились деньги. Тогда он посылает человека в Маскат к одному банкиру-еврею, как было условлено (так он полагал) с начальством. Но оказалось, что начальство не давало никаких распоряжений на этот счет; более того, коллеги Уэлстеда не делают ничего, чтобы ему помочь. Можно припомнить, что он был не на очень хорошем счету: его считали плохим исследователем, плохо говорящим по-арабски, что не помешало ему приписать себе открытие Хисн-эль-Гураба и Накб-эль-Хаджара.

Как бы то ни было, кончилось тем, что средства были ему предложены и переданы султаном.

Тем временем остановившийся в Низве Уэлстед и все его слуги заболевают злокачественной лихорадкой. Пролежав сорок восемь часов в бреду, лейтенант мало-помалу приходит в себя, но не может быть и речи о продолжении путешествия в Бурайми. Вместе с Уайтлоком, который находит его здесь, он возвращается на побережье.

В Сибе Уэлстед узнает, что ваххабиты совершили набег на северные районы Омана. Однако его не оставляет желание побывать в Бурайми. Поэтому он продолжает идти вдоль берега, сплошь покрытого пальмовыми рощами, и в Сувейке входит в горы, чтобы дойти до Мускина, а потом и до Обри. Но там его ждет неприятный сюрприз: город захвачен двумя сотнями ваххабитов! Правда, у лейтенанта оказалось с собой письмо султана, которое он и представил шейху. Однако в подобном случае это была одна из самых компрометирующих рекомендаций. Естественно, что шейх отказался дать Уэлстеду проводников до Бурайми и потребовал, чтобы англичанин покинул город как можно скорее. Путешественнику не оставалось ничего другого, как повернуть восвояси вместе со своим эскортом. Всюду его сопровождала враждебность населения; к счастью, она проявилась лишь в том, что вслед ему было брошено несколько камней.

Возвратившись в Сувейк, Уэлстед не считает, однако, себя побежденным и соглашается на предложение шейха переправить его в Шинас — единственное, что смог предложить шейх, уступая воле англичанина продолжать свой путь.

В Шинасе Уэлстед ждет ответа ваххабитского вождя, которого он просил об аудиенции, и попутно собирает устные свидетельства об этой области. Но единственным полученным им ответом была новость о том, что ваххабиты подходят к Бедиа. На этот раз на Бурайми не оставалось уже никакой надежды.

Как можно видеть на карте (стр. 263), лейтенанту Уайтлоку удалось осмотреть полуостров, закрывающий вход в Персидский залив. Кроме того, он пополнил сведения о побережье на участке до Джебель-Ахдара.

Пройденный путь был довольно велик, однако в общем результаты путешествия вызывают скорее разоча-

рование. И если Уэлстед посвящает рассказу о путешествии целый том, то найти в этом томе что-нибудь, кроме описаний, анекдотов, происшествий и поверхностных наблюдений, довольно трудно.

Во всяком случае, Оман стал известен и в общих чертах нанесен на карту. Это было основным результатом.

Два года спустя там побывает путешественник совсем другой судьбы — Реми Оше-Элуа, ботаник, страстно и отчаянно посвятивший науке всего себя и отдавший этому служению науке все свои средства. Он работал вопреки бедности, вопреки болезням с упорством, которое сохранит до самой смерти.

Удача, если в применении к нему это слово вообще уместно, смеялась над ним. Он бросил собственное книгопечатное дело в Париже и вместе с семьей отправился в Россию, куда его поманили надеждой на научную экспедицию на Кавказ. Увы! На самом деле никакой экспедиции не было и в помине.

Когда персидский посол в Санкт-Петербурге обратился к Франции с просьбой назвать ему человека, способного основать в Персии типографию и Академию, был рекомендован Оше-Элуа. Но переговоры на этот предмет закончились неудачей.

Затем петербургская Академия наук предлагает ему миссию в Пекине; однако недоверие русского правительства обрекло на неудачу и этот проект. Оше служил секретарем у одного князя, когда турецкий посол предложил ему отправиться в Константинополь, чтобы основать там турецко-французскую газету. Истощенный болезнью и разбитый горем, он тем не менее вновь преисполнился энтузиазма и уехал в Турцию с женой и дочерью. Но газета так никогда и не смогла открыться.

Тогда он решает отправиться в путешествие в одиночку, и в течение восьми лет ничто не сможет мешать ему неустанно собирать всё новые образцы растений, чтобы когда-нибудь систематизировать флору Востока.

С 1830 по 1836 г. Оше ездит по Египту, Синаю, Палестине, Сирии, Кипру, потом — Родосу и Малой Азии, затем — по Армении и снова по Сирии и Персии. На некоторое время его останавливает лихорадка и сильное воспаление глаз, но в Константинополь он возвращается лишь затем, чтобы оттуда вновь отправиться в Грецию,

из которой путь его лежит уже через европейскую часть Турции. В результате ему удалось послать в Музей естественной истории в Париже 12 111 образцов растений.

В 1837 г. он отправляется в путешествие еще с одним ученым, который умирает в Тегеране от лихорадки. Снова один, Оше едет в Анатолию, потом опять спускается через Персию и Луристан до Бендер-Аббаса. Теперь он намерен исследовать Оман.

1 марта 1838 г. он садится на корабль, но начинается сильнейшая буря, на которую он взирает совершенно хладнокровно:

«Я не мог помешать себе восхищаться ужасным и потрясающим зрелищем, которое являло собой море. Вследствие особого эффекта фосфоресценции в тропических районах, море казалось охваченным огнем, и каждый новый удар ветра бросал нас между движущимися горами пламени, беспрестанно умножающимися и грозящими каждую минуту нас поглотить».

Судно избегает кораблекрушения и наконец приходит в Сихар.

Свое путешествие морем Оше-Элуа продолжает до Маската. В Маскате он пытается добиться рекомендательных писем к местным шейхам, эскорта и проводника. Английский агент употребляет все свое влияние, чтобы ему помочь.

Оше стремится побывать в районе, где растительность обещает быть наиболее богатой. Поэтому он направляется к массиву Джебель-Ахдар и, пройдя его, приезжает в Низву, потом в Изки, повторяя в обратном направлении маршрут Уэлстеда.

Из трех экспедиций на горный отрог Джебель-Шеба Оше-Элуа привозит двадцать растений еще неизвестных видов. Подъезжая к Джебель-Ахдару, он наблюдает деревни и поля; потом рядом с посевами зерна появляются гранатовые сады. Когда же дорога взбирается на гору, пальмы исчезают и уступают место фруктовым деревьям умеренных стран, ореху, абрикосу, инжиру, вишне; здесь из виноградных лоз делают беседки.

Спустившись с гор перед Низвой, оказываешься в ужасных бесплодных скалах, но сам городок стоит среди садов. Здесь растут сахарный тростник, пальмы, бананы, хлопчатник, гранаты, лимоны. Оше тоже заболевает в Низве лихорадкой, но соглашается лишь на самый

минимальный отдых, осматривая в это время сады. Его лихорадка возобновляется, он лечит ее в течение трех дней диетой, после чего снова отправляется в путь через пальмовые рощи в Изки.

«Вся страна здесь, включая даже горы, засушлива и бесплодна, но поля орошаются и выглядят великолепно». И между земледельцами, с одной стороны, и бедуинами, с другой, царит страшная вражда. Совершая набеги на возделанные земли, бедуины «не щадят ничего, так велика их ненависть и презрение ко всему, что связано с земледельцем».

Из Изки Оше снова держит путь в Маскат. Он идет через пустынные районы и доходит до вади (воды которого теряются в песках), пройдя путь в пять часов. Под пальмами здесь растет люцерна, и хлопок здесь выращивают в таком количестве, что существует ремесло прядильщиков и ткачей. Временами река пропадает; пустынные участки чередуются с обработанными землями.

Приняв направление на Матрах, путешественники уходят от вади и вступают в засушливый район. В один прекрасный день, когда до Матраха оставалось уже немного, Оше-Элуа в кровь сбил себе ноги, так как башмаки его совсем развалились. На следующий день, в часе пути от Матраха, усталость заставляет его остановиться. В Маскат он приходит уже в страшнейшей лихорадке; отсутствие денег не дает ему больше возможности платить жалованье двум своим слугам.

Оше-Элуа нашел 250 новых растений и прошел в поисках их несколько различных географических зон страны: прибрежную, гористую и жаркую область по ту сторону массива. Но силы его были на исходе.

Английский агент взял на себя заботу о том, чтобы погрузить на судно этого больного, в лихорадке, без гроша денег и никому не нужного человека.

Корабль, на котором Оше-Элуа находился вместе с паломниками, направлявшимися в Кербелу (священное место шиитов), терпит кораблекрушение и делает вынужденную остановку в Бендер-Аббасе. Нашему путешественнику кажется, что к нему уже вернулись силы, и он решает исследовать Белуджистан, растительность которого, как он успел заметить, кажется ему многообещающей для исследователя. Однако путешественник понимает, что прежде ему надо вернуться к семье в Кон-

стантинополь. В Шираз его привозят почти бездыханным. Однако он приходит в себя и продолжает путь. Но в Исфагане Оше уже не остается ничего другого, как только дожидаться смерти под мирной сенью монастыря, где он нашел приют.

С 1836 по 1839 год, год, когда в октябре его не стало, он собрал и послал в музей 15 255 видов растений.

Отныне внутренний Оман перестал быть тайной. Но Хадрамаут еще скрывал одну загадку. За скалистым, обрывистым, унылым южным берегом, о котором Оуэн писал: «Все мы согласились с тем, что по виду это был наименее счастливый берег из всех, которые мы когда-либо посещали», — скрывалась между тем одна из самых знаменитых областей Счастливой Аравии.

Находясь в Марибе, Арно узнал, что одному европейцу удалось туда проникнуть и теперь он как раз путешествует по этой стране. Поскольку сам Арно утверждал, что намерен продолжать свой путь к Хадрамауту, его познакомили с одним бедуином, который приехал оттуда. Бедуин этот, как пишет Арно, рассказал, «что совсем недавно видел в своей стране, перед тем, как оттуда уехать, белого, как я, человека, которого он принял за индийца... и который умел говорить по-арабски только ля илях илля Аллах ва Мухаммед расул Аллах⁹. По описанию этого иностранца, сделанному бедуином, я без труда узнал г-на де Вреде, о намерениях которого мне было уже известно, так же как и о взятом им направлении. Тогда, опасаясь за него и за себя, я воздержался от дальнейших расспросов, дабы не скомпрометировать нас обоих».

В самом деле, в Адене Арно встретил барона Адольфа фон Вреде. Баварец и выслужившийся солдат, он состоял, как говорили, на службе короля Оттона в Греции, а затем жил в Малой Азии и Египте. Поскольку Уэлстед потерпел поражение, пытаясь проникнуть в Хадрамаут в обличье английского офицера, фон Вреде решил попытать счастья, выдав себя за мусульманина, стремящегося совершить паломничество на могилу Худа, знаменитого хадрамаутского пророка, покровителя этой области, известного также под именем Абд эль-Худа.

---

⁹ Знаменитое «исповедание веры» мусульман: «Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник Аллаха». — *Прим. ред.*

В Джидде фон Вреде повидал Френеля и после остановки в Адене высадился в порту Рас-Бурум, откуда уже посуху дошел до Макаллы. Там он оставался как можно меньше, опасаясь быть узнанным, и 26 июня 1843 г. направился внутрь страны, заручившись покровительством бедуина из племени акейба.

Восемь с половиной дней (но при учете, что эффективная ходьба составляла лишь сорок девять часов восемнадцать минут) нужно было идти, чтобы дойти до первой большой внутренней долины.

Вначале они шли по узким ущельям, окаймленным отвесными гранитными стенами, где было очень много горячих источников, содержащих железо. Высокие деревья; редкие деревни. На четвертый день пути они взобрались на гору в четыре тысячи футов высотой, на вершине которой они снова оказались у подножия двух остроконечных вершин, образующих как бы гигантские ворота. Ночь на этой стоянке была холодная. Затем они взобрались еще на две террасы из твердого песчаника и вышли на высокое плато.

«С запада на северо-восток не было видно ничего, кроме бесконечной равнины желтоватого цвета, по которой были разбросаны холмы, то конусообразные, то похожие на конек кровли; на востоке над равниной возвышались вершины колоссальной горы Кар Себаан, а на юге виднелся лабиринт из гранитных глыб конусообразной формы; он тянулся до тех пор, пока взгляд не терялся в мрачной и сумрачной дали океана. Начиная с этого места дорога все время идет по плоскогорью... На расстоянии двух-трех часов ходьбы друг от друга находятся многочисленные водоемы; но кроме них ничто — ни деревья, ни даже куст — не нарушает однообразия этой необъятной равнины». Днем температура воздуха здесь очень приятная, но ночью холод становится довольно чувствительным.

Но внезапно плато обрывается, и вы оказываетесь на краю как бы гигантского сброса с отвесными склонами; а далеко внизу взору вашему является вдруг пышно цветущая долина, истинный рай для того, кто только что в течение многих дней страдал от страшного однообразия и унылой суши плоскогорья, которому, казалось, не будет конца.

С восхищением наблюдает фон Вреде это ущелье,

ширина которого 1200, а глубина — 500 футов. Склоны его, образованные в результате обвалов гранитных стен, сплошь покрыты разбросанными в форме амфитеатра городами и деревнями, а в центре в своем каменном русле вьется длинная лента реки, окруженная финиковыми рощами. И повсюду уступами поднимаются поля, орошаемые каналами, отходящими от реки.

«Спуск в долину крайне опасен, особенно вначале, когда дорога, ширина которой не более чем четыре фута, справа часто обрывается пропастью», в то время как слева возвышается отвесная стена.

Этой первой долиной оказалась Вади-Доан, но, как должен был констатировать фон Вреде, другие долины были точно такими же. Внутренний Хадрамаут представляет собой не что иное, как сеть таких долин; две главные — Вади-Амд и Вади-Доан образуют, соединяясь, главную артерию — Вади-Хадрамаут, где высятся забавные города, похожие на небоскребы, — Терим и Шибам, известные также под именем «Чикаго пустыни».

Но фон Вреде не дойдет до них, так же как и до могилы Худа, лежащей еще дальше к востоку.

Кстати, прибыв в Хорейбу, расположенную в районе Вади-Доан, наш Абд эль-Худ сначала обращает спину к своей предполагаемой цели и решает дойти до Вади-Мейфаа, чтобы увидеть развалины Накб-эль-Хаджара. Таким образом, он возвращается к побережью, но забирает больше к западу.

Фон Вреде не доходит до развалин города: когда до него оставалось лишь два часа ходьбы, отряд бедуинов заставил его повернуть прочь от цели. Однако это оказалось к лучшему: проходя через Обн (или Либн), путешественник увидел перегораживающую вади древнюю стену, а на ней прекрасно сохранившуюся длинную надпись, с которой он снял копию. Затем фон Вреде возвращается к тому самому месту, с которого начал свой путь, но другой дорогой и в течение нескольких дней отдыхает в Хорейбе.

Он говорит, что дошел до Вади-Амд, до города того же названия, а потом шел вдоль вади до Хауты; оттуда четыре дня он следовал в западном направлении, пока не дошел до Саввы; отсюда до пустыни Бахр-эс-Сафи оставался лишь один день пути. Как пишет фон Вреде, «эта часть пустыни обязана своим именем царю Сафи,

который, следуя во главе своей армии из Беллад-эс-Сабы через Вадиан и Рас-эль-Гуль, захотел пройти через эту пустыню и стал свидетелем гибели всех своих войск.

Считалось, что там можно найти достаточно мест, где с поверхности земли все исчезает, погружаясь в песок... На следующий день я не замедлил отправиться в путь, чтобы проверить эти утверждения.

После шести часов пути я достиг границы пустыни, находящейся приблизительно на 1000 футов ниже плоскогорья. Песчаная равнина, простирающаяся насколько хватал глаз и усеянная холмами в форме волн, что придавало ей вид волнующегося моря, — вот что предстало перед моим взором. Не видно было никаких признаков хоть какой-нибудь растительности, ни одна птица не нарушала взмахом крыла молчания смерти, царившего вокруг могил сабейской армии.

Я заметил три участка, отличавшиеся от других ослепительной белизной песка: «Вот Бахр-эс-Сафи, — сказали мне мои бедуины, — в этих пучинах обитают духи, они и прикрывают этим обманчивым песком сокровища, которые им доверено сохранять; тот, кто осмелится к ним приблизиться, неминуемо будет увлечен ими в глубину песка: не ходи туда». Конечно, я не последовал этому совету; напротив, я попросил их проводить меня поближе к этим местам, как между нами и было условлено заранее. Нашим верблюдам потребовалось еще два часа, чтобы дойти до подножия плато... Я требовал, чтобы бедуины провели меня к этим местам, но напрасно; они не могли на это решиться; они так боялись духов, что едва осмеливались проронить слово. Тогда я решил идти один. Взяв с собой зонд, который весил полкилограмма и к которому была привязана веревка длиной в 60 морских саженьей¹⁰, я отправился в эту опасную экспедицию... К краю я приблизился со всеми возможными предосторожностями, чтобы рассмотреть песок, который казался мне неосвязаемым. Я бросил мой зонд как можно дальше, и он исчез в то же мгновение; скорость, с которой укора-

---

¹⁰ Морская сажень — мера длины, равная приблизительно 1,62 м, которая во Франции служила для измерения снастей. В Англии морская сажень соответствовала шести футам (около 1,828 м) и служила для измерения глубины воды. — *Прим. перев.*

чивалась веревка, постепенно уменьшалась; однако через пять минут веревка погрузилась полностью.

Я не позволю себе никаких замечаний по поводу этого явления, объяснение которому будет несомненно дано нашими учеными; я ограничиваюсь тем, что с верностью излагаю факты».

В Савве фон Вреде наблюдает химьяритскую гробницу; к несчастью, надпись, существовавшая некогда на портале, была уничтожена каким-то шейхом-фанатиком. Затем путешественник возвращается в Хорейбу.

Отдохнув там еще несколько дней, он отправляется в направлении гробницы пророка Худа в сопровождении двух сыновей своего хозяина и одного местного шейха, пользующегося большим уважением в этом районе.

На второй день пути они прибывают в Сиф.

«Спутники мои, которые ехали верхом на ослах, опередили меня, так что перед городом я оказался на час позднее их. Там увидел я огромное скопление народа, собравшегося сюда по случаю праздника, который должен был начаться на следующий день... Едва появился я среди толпы, как она набросилась на меня, скинула меня с верблюда, разоружила, связала и, заломив руки за спину, грубо поволокла к султану, перед которым я предстал с разбитым и покрытым пылью лицом...

Вся эта толпа кричала, редела и обвиняла меня в том, что я был послан англичанами для изучения их страны, причина, по которой они требовали моей казни угрожающим тоном. Султан, опасаясь бедуинов, под покровительством которых он правил, собирался уже дать приказ о предании меня смерти, когда, наконец, появились мои спутники. Спасением своим на этот раз я был обязан моральному влиянию, которым пользовались они среди этой черни; однако меня все же заперли в какой-то комнате и заковали мне ноги в цепи. Три дня я оставался пленником; впрочем, я не испытывал нужды ни в чем. Вечером третьего дня мои покровители явились мне сообщить, что, правда, им удалось успокоить бедуинов, но что эти последние согласились подарить мне прощение лишь при условии, что я тотчас же вернусь в Макаллу и отдам им все мои бумаги. Ночью я как можно лучше спрятав все мои бумаги и отдал только то, что набросал карандашом во время моего путешествия; к счастью, они довольствовались и этим... Султан со своей стороны по-

требовал осмотра моих вещей; все, что имело счастье или несчастье ему понравиться, он взял себе вместе со всеми моими деньгами.

Утром следующего дня я вынужден был отправиться в сопровождении одного бедуина в Макаллу, куда и прибыл после двенадцати дней пути.

Так как у меня уже не было средств, чтобы предпринять новые экспедиции, я должен был сесть на судно, идущее в Аден».

Среди своих документов фон Вреде сохранил список химьяритских царей, который дал ему один ученый шейх, данные о географическом положении различных пунктов, список племен и зарисовки пейзажей. Он вернулся в Европу, где опубликовал все это, сопроводив рассказом о путешествии.

Но существуют вещи, которые обладают чрезвычайной ценностью, когда они подлинны, и не заслуживают ничего, кроме презрения, когда являются плодом фантазии. И вот, возвратившись на родину, фон Вреде столкнулся с недоверием двух уважаемых ученых: Александра фон Гумбольдта и Леопольда ван Бака. Эта история с провалами в зыбучих песках Бахр-эс-Сафи показалась им совершенно невероятной, и они пришли к выводу, что правдоподобность самого путешествия должна быть поставлена под сомнение.

Между тем капитан судна «Palinurus» Хайнс добился от фон Вреде краткого доклада о его путешествии, доложил о нем на заседании лондонского Королевского Географического общества, которое вскоре этот доклад опубликовало.

Но во Франции исследователи всегда находят себе защитников, и это справедливо: Френель действительно встречался с фон Вреде в Джидде, Арно действительно видел его в Адене и слышал, как один бедуин из Хадрамаута рассказывал о белом путешественнике, который не мог быть никем иным, кроме фон Вреде. Самый факт путешествия, таким образом, казался бесспорным. Френель публикует статью о результатах путешествия фон Вреде. В статье он утверждает, что видел собранные этим путешественником документы в Каире в начале 1845 г. Ничто не вызывает у него сомнений: список химьяритских царей дополняет тот список, который в 1650 г. дал Покок, основываясь на данных Абу-ль-Фиды; алфавит

химьяритской надписи, скопированной в Обне, кажется ему вполне соответствующим алфавиту других известных химьяритских надписей. Более того, Френель говорит, что показал зарисовки костюмов, сделанные фон Вреде, одному человеку из Хадрамаута, находившемуся в Каире, и получил от него подтверждение их полного соответствия действительности.

Наконец, нашли и издателя. И снова неудача: переводчик кончает с собой и невозможно найти карты, рисунки и акварели, которые Френель видел в Каире. Не осталось ничего, кроме самого рассказа о путешествии, и в конце концов он так и не вышел в свет.

Глубоко удрученный, фон Вреде покидает Европу. Куда он направляется? По свидетельству Д. Дж. Хогарта, путешественник будто бы отправился в Техас, где кончил жизнь самоубийством в 1860 г. Только через десять лет барон Г. фон Мальтцан употребит все свои старания на то, чтобы опубликовать текст фон Вреде вместе с копией надписи, найденной им в Обне, и сопровождает эту публикацию примечаниями и картой, а также предисловием, в котором реабилитирует автора.

Однако история фон Вреде заключала в себе некую тайну до тех пор, пока в 1931 г. профессор Г. фон Виссманн¹¹, совершивший вместе с голландским дипломатом Д. ван дер Мейленом путешествие в Хадрамаут, не взялся ее раскрыть. Он прошел по маршруту фон Вреде туда и обратно, все время сравнивая свой путь с его замечаниями. Он нашел его свидетельства соответствующими действительности, за одним исключением.

«Исследуя Вади-Амд, он установил, что фон Вреде описал его в явном противоречии с тем, что он представляет собой на самом деле: деревни, стоящие в верхнем течении Амда, он помещает в его низовья, крутой проход, ведущий от Амда на юг, описывает как пологий склон и до такой степени заблуждается в каждой части своего описания, что фон Виссманн был абсолютно убежден: фон Вреде не мог проделать этого пути лично. Таким образом, история приключения на границе Бахр-эс-Сафи, где его зонд погрузился в зыбучие пески, как

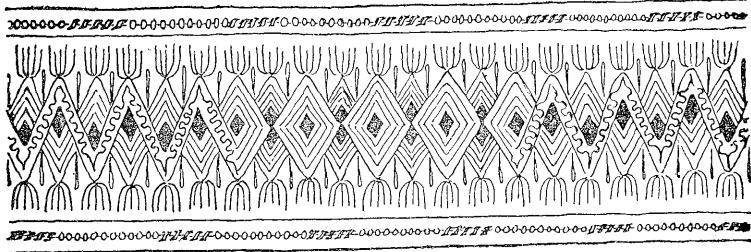
¹¹ Герман фон Виссманн — крупный немецкий ученый-географ. Исключительно плодотворно работает в области исторической географии древней Южной Аравии. — *Прим. ред.*

в воду, могла иметь свои корни в рассказах, услышанных им в Вади-Доане о караванах, которые были поглощены песками, а скорее всего — попали в соленое озеро, проломив покрывающую его корочку соли, невидимую, оттого что сверху на ней лежал песок». И далее ван дер Мейлен добавляет: «Насколько мы могли проверить другие этапы его путешествия по Вади-Доан вплоть до Си-фа (самая северная точка его маршрута) и по Вади-Хаджр, его описания страны хороши и точны, и мы видим в фон Вреде великого исследователя Хадрамаута».

Фон Виссманн и ван дер Мейлен пытались также прояснить обстоятельства смерти фон Вреде. Они обнаружили, что фон Вреде в конце концов вступил в турецкую армию и умер в бедности в одной из больниц Константинополя, так и не добившись признания.

Фон Вреде считал возможным соединение сведений, почерпнутых из устных источников, с тем, что видел собственными глазами. Этот военный не подозревал, до какой степени косвенное свидетельство может быть неточным и уязвимым для опытного глаза и насколько тайное смешение сомнительных данных с превосходным достоверным материалом, собранным им, может поставить под сомнение и под подозрение весь труд целиком и несправедливо лишить его вполне заслуженной славы.

К счастью, опытный глаз может отличить и подлинный документ от фальшивого, и Френель был прав, сославшись на надпись, скопированную в Обне как на доказательство подлинности путешествия. Опубликованная в конце концов фон Мальтцаном копия передает стиль письменности с очевидной достоверностью и с минимальным количеством ошибок. Открытие стены в Обне и надписи на ней было с точки зрения истории и археологии открытием столь же важным, как и открытие развалин Накб-эль-Хаджара. Что касается вклада, который фон Вреде внес в географические познания того времени, то он также был велик. Отныне стало известно, каков был характер этих долин, подобных которым нет нигде в мире. Фон Вреде первым смог воочию наблюдать это чудо, отделенное от остального мира естественной преградой прибрежных горных цепей и высокого плато, сквозь безводное, засушливое и знойное безмолвие которого нужно было пройти, чтобы обрести легендарную частицу Счастливой Аравии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Здесь мы окончим наш рассказ, но это вовсе не значит, что к 1870 г. открытие Аравии было закончено. Она была открыта лишь в общих чертах; было известно лишь то, что касалось конфигурации страны в целом, священных городов и населения различных районов.

Так, в 1846 г. немецкий географ К. Риттер составил уже точную и достаточно подробную карту Аравии; в 1868 г. А. д'Аврилль дал французской публике труд о священных городах и паломничестве, синтезируя в нем сведения, добытые многими исследователями этой страны. Другие путешественники, такие, как Р. Ф. Бэртон, фон Мальтцан, внесли не слишком много нового; еще меньше вклад Дж. Ф. Кина, который увидел в Мекке в сто раз меньше того, что было уже о ней известно, но зато сдобрил эту пустоту достаточной долей вымысла. Напротив, Снук Хюргронье создал в 1888 г. большой обобщающий труд об Аравии.

Наконец, тот факт, что в 1875 г. А. Цеме смог написать серьезную работу на основании сведений, полученных путешественниками, доказывает, что к тому времени существовало уже вполне сложившееся представление об Аравийском полуострове.

В общем и целом с невежеством в области знаний обо всех частях полуострова было покончено; неизведанной оставалась лишь большая пустыня Руб-эль-Хали, побежденная лишь в наши дни. Конечно, есть значительная разница между понятиями: «покончено с невежеством»

и «познано», и еще и сегодня можно посылать экспедицию за экспедицией для выяснения пути вади или точного определения места, где теряются в песках горные цепи Тувайка, не говоря уже о таких подробностях, как селения, колодцы, рельефы, вади, высота над уровнем моря, то есть обо всем том, что должно быть правильно передано хорошей картой. И надо сказать, что мы еще очень и очень далеки от того, чтобы иметь подробную карту Аравии. До сих пор остаются еще города, широта которых неправильно отмечена на наших картах. Что же после этого говорить об остальном?

Итак, и после 1870 г. продолжало существовать для исследователей необозримое поле деятельности. Но в том, что касалось географии и социологии, все тайны одна за другой были уже разгаданы. Таким образом, нашей задачей было пройти вслед за каждым из тех, кто был первым в открытии тайны, кто проложил путь к знанию в любой части Аравии. Эту задачу мы выполнили.

Но как раз в эпоху, до которой мы дошли, перед теми, кто испытывал жажду познания, начали появляться новые замкнутые двери и новые тайны, но уже другого характера.

Речь шла о безмолвных камнях. О мертвой письменности, которая хранила тайны некогда блестящей истории древних царств Счастливой Аравии. О разрушенных городах севера и, наконец, о граффити, оставленных древними жителями пустыни на скалах некоторых вади. То были целые века забытой истории человечества, истории, из которой предстояло узнать и о царице Савской, и о легендарно богатых странах благовоний. Отныне именно здесь, перед этими тайнами, возникает незримый барьер между вопрошающим разумом и хранящей молчание действительностью. И действительность эта на сей раз прячется в далеком прошлом.

Однако открытие прошлого еще менее доступно одному исследователю, чем открытие настоящего. Путешественнику потребуется ученый, который сможет разгадать язык камней, этих немых свидетелей ушедшей истории. Ученому же никак не обойтись без путешественника, который смог бы найти и привезти ему эти документы. Это воссоздание прошлого складывается в одинаковой степени из умственных усилий ученого и из поисков путешественника.

Здесь, таким образом, начинается совсем другая история, хотя хронологически она служит продолжением той, которую мы только что рассказали. Много будет еще замечательных путешественников от Доути до Филби. Но как бы ни увеличивались знания об Аравии в области географии, они ни в коей мере не способствуют разрешению проблемы прошлого, ставшей отныне наиболее увлекательной загадкой, загаданной Аравией.

ОТКРЫТА ЛИ АРАВИЯ?

Не исключено, что иной читатель, перевернув последнюю страницу книги, обнаружит, что его в некотором смысле ввели в заблуждение и название книги «не отвечает содержанию». В самом деле, он не нашел здесь скрупулезного анализа, изобилующего сносками и цифрами, а также всем тем, что принято квалифицировать как научное исследование, в конце которого автор нередко ставит ту самую точку, что должна символизировать «заккрытие» темы и, следовательно, в данном случае «открытие Аравии». (Читатель, безусловно, понял, что до этого еще далеко.) И тем не менее (а может быть, вследствие этого), мы уверены, он не почувствовал разочарования и с увлечением прочел книгу, которая в сущности должна была бы носить название «Из истории открытия Аравии» и преследует несколько иные цели...

Профессор Сорбонны Жаклин Пирен хорошо известна всем специалистам по древней истории и культуре Аравии. Ее смелые предположения и выводы по одному из самых запутанных вопросов сабеистики (которая в основном славится количеством запутанных вопросов) уже в течение почти десяти лет вызывают брожение умов, в свою очередь разделившее ученых на лагеря «сторонников» и «противников».

И вот ученый — историк, эпиграфист и искусствовед, опубликовавший свои строгие научные выводы в монографии «Палеография южноаравийских надписей» 1956 г., одновременно издает популярную книгу, и по содержанию и по стилю на первый взгляд весьма далекую от избранной тематики и объединяемую с ней лишь фактом существования Аравийского полуострова, на необъятных просторах которого и разыгрываются чрезвычайно отда-

ленные по времени события. Вероятно, читатель подметил, что Ж. Пирен почти не касается истории изучения древней Аравии; более того, как мы увидим ниже, она остановилась буквально на пороге двух событий, сыгравших поистине эпохальную роль в становлении молодой науки — сабеистики.

И все же между двумя сторонами деятельности Пирен, между содержанием двух этих книг есть теснейшая взаимосвязь, которую нетрудно обосновать двумя соображениями: первое базируется на том очевидном факте, что изучение древних, известных лишь по надписям и археологическим памятникам, периодов истории Аравии стало возможно лишь после того, как эти надписи и эти памятники оказались в распоряжении науки, адрес которой еще в XIX в. был один — «Европа».

Почтальонами же служили десятки и сотни мужественных людей, преодолевавших пространство, заполненное ужасом и лишениями, чтобы донести до нас послания древних и дать в руки ученым инструмент для проникновения во время; описанию пути этих людей и посвящена книга Ж. Пирен; второе соображение уже вытекает из общей позиции самого автора, представляющей, по ее словам, «точку зрения европейца», — позиции благородной и гуманистической (которая, впрочем, не гарантирует автора от крайностей, как мы увидим ниже). Ж. Пирен не стремится дать полную картину истории открытия Аравии — с этой точки зрения ее книгу можно было бы считать неполной и, может быть, даже грешащей неточностями в отдельных случаях, — она видит свою задачу в утверждении идеи гуманистического начала всякого открытия, благородной идеи, двигавшей самоотверженными исследователями, пролагающими пути по неизведанным пустыням или творящими за письменным столом.

И Ж. Пирен прекрасно поняла, что пробным камнем для испытания «на гуманизм» является отнюдь не встреча с песками и оазисами, а встреча людей, разделенных пространством, обычаями, условиями жизни и языками, — в сущности встреча двух разных миров. История их встречи и общения, история того, как лучшие из европейцев с течением времени, познавая мир, приходили к освободительной и грандиозной для судеб всего

человечества идее единства, общности («все мы одного рода»), братства, и составляет зерно книги Ж. Пирен, идея которой может быть понята только исходя из этих соображений.

Непрост был «тяжкий путь познания» и освобождения от предрассудков, и открывается он у Ж. Пирен крестовыми походами. Едва ли можно предполагать, будто Рено де Шатийон и его сподвижники разбойничают у аравийских берегов лишь потому, что «неизвестный и таинственный полуостров манит их». Не думаем также, что состояние Бодуэна IV следовало бы квалифицировать как «горестное изумление». В конце концов христово воинство, двинувшееся на «освобождение гроба господня», было как раз таким, каким его хотел видеть папа Урбан II, когда провозгласил: «Да станут ныне воинами те, кто раньше являлся грабителем!» Известно также, что исполненные благочестия крестоносцы начали свою миссию уже в Европе, открыв эпоху еврейских погромов, а затем использовали приобретенный опыт при грабеже второй столицы христианского мира — Константинополя (поэтому для «изумления» в связи с пиратскими рейдами Рено едва ли оставалось место)¹. И все же именно крестоносцы, возвращаясь в Европу, отрезанную от мира и в том числе от мусульманской Испании, первыми приносили крупницы знаний об Аравии. Не такто просто было заронить искру познания в девственные мозги сынов темной и тогда еще отсталой Европы; более того, европейскому обывателю нашего времени едва ли приятно будет узнать, что его предки не столько познавали, сколько служили объектами познания и пристального изучения со стороны просвещенного и цивилизованного Востока и результаты изучения были отнюдь не в их пользу. «Всякий, кто хорошо понимает дела франков, будет возвеличивать Аллаха и прославлять его. Он увидит во франках только животных, обладающих достоинством доблести в сражениях и ничем больше, так же как и животные обладают доблестью и храбростью при падении», — эта характеристика крестоносцев, данная

---

¹ Разумеется, мы вовсе не хотим этим сказать, что крестоносцы были «плохими». Они были такими, какими сделала их эпоха, — сыновьями своего времени. Достаточно это понять, чтобы не требовать от них действий применительно к другой эпохе и не ждать от них проявления чувств, которых у них просто не могло быть.

в XII в. изнеженным эстетом и славным рубакой Усамой ибн Мункызом, горько оплакивавшим гибель своей библиотеки в четыре тысячи книг, да послужит назидательным примером тем, кто, подобно хорошему востоковеду прошлого века, но жалкому расисту Алоизу Шпренгеру, надменно распространяется о бедуинах, сравнивая их со «стаей разъяренных тигров» и т. п. Общение с цивилизацией Востока постепенно рассеивало туман в головах, пусть немногих, но безусловно наиболее «интеллигентных» и умных представителей крестоносцев, и они охотно воспринимали культуру (в том числе и бытовую!) арабов, их знания, а потом, уже став совсем другими, несли их в Европу, жаждущую перемен. И может быть, самым ярким примером такой судьбы европейца той эпохи является судьба сицилийского короля Рожера, потомка грубых «варваров» — норманнов, в котором органически слились предприимчивость и бесстрашие предков и благоприобретенная культура, основанная на любовном изучении лучшего наследия арабской науки и литературы.

Правда, подобные судьбы представляли в то время «исключение, по которому нельзя судить вообще» (Усама ибн Мункыз).

Первый опыт непосредственного общения Европы с Ближним Востоком сам по себе не принес европейцам существенных знаний об Аравии, но зерна их, полученные в результате личных впечатлений, падали на благодатную почву. Ибо в Европе лучшие умы, уже с XII—XIII вв. закладывая основы востоковедения, были осведомлены об Аравии в известном смысле больше, нежели те, кто сам побывал на ее границах. Источником этих знаний был Коран — книга «аравийская» по всему ее духу, — переведенный на латинский язык впервые в 1143 г. и затем в XIII—XIV вв. неоднократно переводившийся вновь. И главное даже не то, что кроме Мекки и Медины — Ясриба европейцы узнали о существовании горы Арафат, Сафы и Мервы, Мадпана и т. д.; они услышали кое-что о хадже и жертвоприношениях в Мекке, о роде курейшитов, племени самуд и древнем государстве Южной Аравии — Саба (о котором им уже сообщал Ветхий Завет в популярном до наших дней сюжете о «царице Савской»); наконец, они впервые ощутили благодаря Корану дыхание пустыни и благоухание оазисов и смут-

но представили себе суровый мир жителя пустыни и его облик.

Не следует, однако, забывать, что все эти сведения являлись достоянием довольно узкого круга и были в общем побочным, хотя и неизбежным с точки зрения способности и стремления человеческого ума к познанию продуктом кропотливой работы, проводившейся католической церковью. Огромная и могучая организация, нацеленная на господство над миром, не смирилась с поражением в борьбе с исламом и готовила реванш. Одним из путей его осуществления была подготовка «исламоведов» для обличения и ниспровержения идей «прелестника Магомета». Труды этих «исламоведов» послужили впоследствии основой для составления «цитатников», ими пользовались инквизиция, шедшая по стопам реконкистадоров, и первые миссионеры...

И тем не менее со временем начатки знаний об Аравии и арабах становились достоянием общественности... Лодовико ди Вартема не возник из ничего, и XVI век был подготовлен предшествующими...

Италия в это время переживает Возрождение, открывающее жестокую и радостную эпоху пробуждения Европы, время истребительной погони за богатством и пробудившейся жажды знаний; противоречия эпохи самым удивительным образом отражаются в ее событиях и противоречиях характера становления личности. Стоит ли удивляться, что первым, кто проник в запретную и таинственную страну, был итальянец! Сицилия XII в., расцвет республик, суда которых посещали порты восточного Средиземного моря, живое общение с арабами (как говорил Плано Карпини в 1246 г. в ставке монголов, в Италии «есть сарацины, хотя и живут далеко от господина Папы») — таковы вехи пути, который привел Лодовико в Аравию.

Ж. Пирен любовно и с юмором описывает похождения болонца, как бы сошедшего со страниц Боккаччо, — веселого и разбитного и вместе с тем еще наивно высокомерного, соединявшего чрезвычайно высоко развитую наблюдательность, чувство товарищества с глубоко укоренившимися заблуждениями. Если речь идет о похождениях итальянца — неизбежно «ищи женщину», а «арабские женщины, — замечает ди Вартема не без бахвальства, — в это время очень любили белых мужчин...»

Жажда знаний спасла Лодовико от опасного романа с йеменской Мастозимазой, а последняя спасла ему жизнь. К сожалению, качествами ди Вартема не обладал его соотечественник Джованни Финати (не попавший на страницы книги), которого судьба через триста лет сведет с «арабской женщиной», а любовь ввергнет в неисчислимые бедствия: он станет невольным свидетелем расправы Мухаммеда Али с мамлюками и участником изнурительного похода Тусуна против ваххабитов...

Но было еще одно обстоятельство, несомненно повлиявшее на выбор пути Лодовико ди Вартемы. В начале XVI в. Аравия оказалась внезапно в центре внимания Европы, и интерес этот диктовался отнюдь не высокими соображениями, но самой насущной потребностью. Нарождавшаяся и крепнущая буржуазия жаждала удовольствий, бывших ранее привилегией знати, и в числе этих удовольствий оказались экзотические приправы — корица, черный перец и другие, доставлявшиеся из Индии арабами и индийцами в Египет, а оттуда — в Европу. Горожане сходили с ума по пряностям, а купеческие конторы, особенно венецианские, державшие в своих руках средиземноморскую торговлю и поддерживавшие добрые отношения с правителями Египта и Порты, сказочно богатели. Спрос все время рос, и ничто, казалось, не грозило итальянским купцам... внезапно все рухнуло. Открытие Васко да Гамой прямого пути в Индию вызывает катастрофу и в конечном счете банкротство Венецианской республики, не выдержавшей из-за высоких пошлин конкуренции с португальцами, наводнившими Европу дешевым товаром. «Король Португалии,—сокрушенно отмечал в 1501 г. венецианец Джироламо Приули,—найдя путь с другой, обратной стороны, несет лишь расходы на каравеллы... И я ясно вижу разорение Венецианского государства». Португальцы вскоре стали господствовать в Индийском океане, создав ряд опорных пунктов в Индии и на юге Аравии, а затем перекрыли и последний морской путь, по которому индийские товары еще шли в Европу мимо их контроля. Этот путь был им уже хорошо известен, и в нем Аравии отводилась, как с некоторым опозданием поняли венецианцы, а затем и голландцы, немаловажная роль. «В Каликуте,—осведомлял своих соотечественников один из спутников Васко да Гамы,—корабли из Мекки грузят пряности и при-

возят их в город за Меккой, по названию Джидеа... В Джидеа пряности перегружаются на более мелкие суда, которые идут до места... по названию Тууц (Суэц)».

Итак, захватив в свои руки красноморскую торговлю, португальцы становятся на время монопольными торговцами пряностями, «вызывая зависть многих низких и алчных, которые подстрекают турка и других королей помешать и повредить португальской торговле», как оскорбленно писал в начале XVI в. португальский историк Франсиско Лопес де Гомара. Конечно, «низкими и алчными» были венецианцы и голландцы, а среди других королей — и правители юга Аравии и Джидды, которая вдруг предстала перед европейцами не только как родина «Магомета» и «сарацин», но и как важный пункт в разгорающейся борьбе, о котором нужно знать и за влияние в котором нужно бороться.

Лодовико, по-видимому, был несилён в политике или не знал всей подоплеки борьбы (что естественно, поскольку главные события в мире разворачивались тогда, когда он уже был в Аравии). Во всяком случае, Венецианская республика уже через два десятилетия едва ли согласилась бы с утверждением, будто именно «конец путешествия более всего прославил ди Вартема» (стр. 32); католическое чутье, бросившее его в объятия португальцев, сыграло с ним в данном случае плохую шутку, подвигнув его на службу соперников и врагов католической Венеции.

Нужно отметить, что Ж. Пирен, описывая события XVI—XVII вв., вообще склонна рассматривать католическую церковь как носителя некоего гуманистического начала, преследующего в своем продвижении на Восток особые, собственно, альтруистические цели.

Мы, разумеется, не собираемся ни в чем упрекать автора и не будем касаться вопроса о том, *почему* Ж. Пирен — воспитанница католического университета в Лувене — придерживается указанной точки зрения. Однако уместно было бы выяснить, *как* она ее обосновывает. Во-первых, автор совершенно недопустимо, с нашей точки зрения, выдает за деятельность католической церкви в целом самоотверженную, подвижническую работу многих (но не всех) миссионеров, тех, кто по приказу Рима и по побуждениям совести шли в самые глухие уголки мира, вооруженные искренней верой в право-

ту своей миссии. Заслуги их перед наукой подчас огромны. Правда, и здесь не мешало бы отметить деятельность миссионеров из-за Пиренеев, для которых крестом в то время обычно служила рукоятка меча, а вера обращивалась злым фанатизмом. Общение с местным населением, с «обращаемыми» оказывало существенное воздействие на лучших из агентов de Propaganda fidae, и задачи, поставленные перед ними Римом, отныне все более преломлялись в их умах как их собственные цели, часто неизмеримо далекие от политических целей Рима, но даже и в этом случае, хотели они того или нет, их цели почти всегда служили для Рима одним из надежных средств обеспечения идеологической подготовки колониальных захватов и колониальной политики.

Во-вторых, Ж. Пирен, с нашей точки зрения, не права, когда полагает, что Рим, «не преследуя... никаких политических или экономических целей», «прекрасно понимал опасность, возникающую из связи христианизации с колонизацией и зависимости миссий от португальского короля» (стр. 61). Для того чтобы правильно понять ситуацию, нужно, по-видимому, рассматривать проблему с двух сторон — с точки зрения политических притязаний Рима, основанных на роли католической церкви как целостного идеологического организма феодальной, а затем капиталистической Европы, и с точки зрения возможностей и методов осуществления этих притязаний.

Что касается целей, то здесь едва ли может быть сомнение (и история католицизма свидетельствует об этом) в их однозначном определении как «мировое господство».

В эпоху, когда хорошо организованная и сплоченная идеологически церковь противостояла политически и хозяйственно раздробленной феодальной Европе, она в соответствии с заложенной в нее программой мирового господства (идеологического) с неумолимой логикой событий и своего собственного внутреннего развития была приведена к идее «мирового господства» политического — исторически обреченной идее создания мирового католического государства во главе с единым монархом — папой. «Диктат» Григория VII и деятельность Урбана II — вершина борьбы за осуществление этой идеи, в результате которой «церковь, взяв обузу мирских забот, под бременем двух дел упала в грязь, на срам себе и грузу».

Экономическое и политическое развитие Европы, возникновение мощных государств покончили с идеей единого католического государства. Но не с идеей мирового господства. Правда, как-то уже получилось, что хотя идея радовала всех, но каждый из католических правителей Европы полагал именно себя ничтожным орудием церкви для ее реализации. Стоит ли говорить, что в итоге «единый католический мир» распался на ряд ожесточенно грызущихся друг с другом соперников-государств, а сузившееся в итоге до границ Ватикана «мировое государство» само фактически оказывалось идеологическим орудием наиболее сильных европейских хищников — сначала в Европе, затем за ее пределами. Значит ли это, что Рим не имел отныне своих целей? Конечно, нет. Идея «мирового господства» церкви осталась, но судьба ее, как стало ясно, целиком и полностью зависела от того или иного европейского государства, более всего побуждаемого к экспансионизму особыми условиями и уровнем развития общества. Одним словом, политические цели Рима могли быть осуществлены, как он полагал, в ту эпоху руками колонизаторов, а цели последних облегчались деятельностью церкви — особенно миссионерской. В этом смысле церковь даже оставалась в более выгодном положении, меняя свои привязанности, отдавая себя на службу тем, кто сильнее. В начале XVII в. стала очевидной историческая обреченность давних привязанностей Востока — Испании и Португалии. Именно поэтому Рим тяготился «зависимостью миссий от португальского короля», именно поэтому же он «понимал опасность, возникающую из связи христианизации» не просто «с колонизацией», а как раз с португальской колонизацией; именно поэтому он, как свидетельствуют очевидные факты, в это время начинает обращать благосклонные взоры не в сторону абстрактной христианизации, а в сторону Франции, поскольку протестантская буржуазная Голландия и англиканская Великобритания, за которыми было будущее, предпочитали обходиться своими силами.

Ж. Пирен в общем и целом верно описывает события на Аравийском полуострове, отражавшие перипетии борьбы колониальных держав в XVII в. Падение португальского господства в Индийском океане под совместными ударами Голландии и Англии, грызня между последними еще до того, как было покончено с общим вра-

гом, лавирование Османской империи, предпочитающей поддерживать Голландию против более опасного врага — Англии, — таковы основные моменты борьбы. Кстати, интересно отметить, что описанное морское сражение между кораблями обеих Ост-Индских компаний произошло в период существования союзнических отношений между Голландией и Англией, основанных на договоре 1598 г. Автор достаточно трезво оценивает побуждения эмиссаров голландского и британского экспансионизма, отдавая вместе с тем должное их мужеству и наблюдательности. Он удачно подмечает изменение тактики проникновения в Аравию, связанное со сменой тегемона в бассейне Индийского океана. Однако ошибочно полагает, что в основе этого изменения лежит религиозное различие между португальцами-католиками и голландцами-протестантами (стр. 47). Советскому читателю, конечно, ясно, что в действительности это различие само явилось отражением особого пути общественного развития каждой из этих стран, и в частности освободительной борьбы голландской буржуазии против феодальной Испании. Так или иначе, на смену грубой силе приходит хитрая политика купца.

Действия ван ден Брёке и его соперников — англичан — могут служить хрестоматийной иллюстрацией к существу такой политики, состоящей в следующем: «Так как Коран объявляет всякого чужеземца врагом, то никто не отважится выступать в мусульманской стране без мер предосторожности. Первые европейские купцы, бравшие на себя риск торговли с таким народом, пытались поэтому вначале обеспечить лично за собой исключительные условия и привилегии, которые, однако, распространялись впоследствии на всю их нацию» (К. Маркс). Правда, Аравия оказалась крепким орешком... Подозрительность турок, продажность наместников, взрывы освободительной борьбы в Аравии, фанатизм населения и вероломство самих купцов и тех, кто шел по их стопам, зачастую сводили на нет любые попытки закрепить полученные привилегии. Разумеется, в таких случаях заинтересованной державой овладевал «справедливый» гнев и начинали говорить пушки... В результате все становилось на свои места, и из-за хитрой физиономии просвещенного купца выглядывал грубый колонизатор-португалец.

XVIII век вызвал на сцену, где происходили описанные события, новое действующее лицо — Францию, которая, бомбардировав Моху в 1739 г., довела «новую политику» до логического конца.

Подробности этой возни интересуют Ж. Пирен лишь постольку, поскольку в результате приобретались некоторые полезные науке сведения об Аравии, однако участники событий в общем не вызывают ее симпатий. Ее симпатии целиком на стороне тех мужественных людей, которые вольно или невольно проникали в самое сердце запретной страны и движимые любознательностью и «жаждой знаний» творили великое дело взаимопонимания между народами. Неважно, что первые из них делали это неосознанно; неважно, что почти все они так или иначе не избежали «деловых поручений» своих правительств. Удовлетворить жажду знаний за собственный счет, как ясно видит читатель, можно было, лишь располагая огромными средствами, а таковые находились в руках людей, поглощенных делами, хотя, безусловно, и вызываемыми «жаждой», но отнюдь не такого малоощутимого предмета, как знание, — в конце концов Генрихи Шлиман и Абамелек-Лазаревы рождаются не каждый день.

Ж. Пирен симпатизирует этим людям до, можно было бы сказать, пристрастности. Враждебные же выпады против жителей Аравии вызывают в ней такое сильное чувство неприязни, что она начисто лишает права быть упомянутым на страницах книги Ричарда Бертона, посетившего Мекку в 1853 г. и запятнавшего себя убийством; Джона Кина, побывавшего там же в 1877—1878 гг., человека, который слышал в Мекке грозный окрик: «христианин», и целый ряд других². Вероятно, этим же в значительной степени объясняются ее не всегда справедливые упреки по адресу Пэлгрева...

Нужно сказать, что мужества для посещения священных мусульманских городов нужно было немало, однако и здесь наблюдалась известная эволюция отношений. И если Иоганн Вильден в 1607—1611 гг. предрекал неиз-

---

² Список европейцев, посетивших Центральную и Северную Аравию в XVIII—XIX вв., читатель найдет в превосходной книге А. М. Васильева, посвященной ваххабитам. См.: А. М. Васильев, Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45—1818), М., 1967, стр. 11—17.

бежное сожжение любого иноверца, обнаруженного в Мекке, то уже Ч. Доути описывает случаи, когда даже в Медине арабы иногда скрывали у себя заведомых христиан.

Первые из тех, кто привез нам сведения об Аравии, были в общем еще далеки от симпатий к арабам. Но они смогли увидеть и узнать их, закладывая тем самым основы будущего гуманистического подхода.

Путешественник «поневоле» Питтс, один из многих англичан, судьба которых вызвала к жизни излюбленные сюжеты о Робинзоне Крузо и др., действительно привез в Европу важнейшие сведения о Мекке. Его наблюдательность не была обременена религиозным экстазом — Мекка ему не понравилась, а годы рабства и избиения, которым его подвергал хозяин, едва ли могли способствовать возникновению некритической оценки происходящего. Последние обстоятельства заметно отличали взгляды Питтса от мнения встретившегося ему там одного ирландца-отступника, который, наоборот, провел около тридцати лет на каторгах Европы и, естественно, считал Мекку «раем на земле». Не много, видимо, религиозного рвения было и у «мусульманина» Али-бея аль-Аббаси — фигуры до чрезвычайности любопытной и привлекательной, отлично сочетавшего строгий ум исследователя с игрой в бесшабашность и роскошество «баловня судьбы», храбреца, не побоявшегося войти в контакт с ваххабитами. Некоторые данные заставляют думать, что его миссия в Аравию была связана с восточной политикой Наполеона; во всяком случае, вернувшись в Испанию во время вторжения туда французов, он безоговорочно объявил себя бонапартистом, в результате чего ему вскоре пришлось оставить родину. Вероятно, таинственная смерть Бадия-и-Леблиха стоит в какой-то связи с политикой держав на Ближнем Востоке... Его описание встречи мусульман из различных краев земли проникнуто столь высоким пафосом, что едва ли можно сомневаться в искренности его человеколюбия и призыва к братству, а его приверженность к Бонапарту свидетельствует не о чем другом, как о заблуждении, будто именно императору Франции предстояло реализовать великие лозунги революции.

Появление и укрепление гуманистического подхода к отсталым народам, безусловно, было связано как

с кризисом феодальных отношений в Европе, так и с победным шествием капитализма. Одновременно с расширением культурного кругозора человека, с возрождением высоких идеалов человеческого равенства и братства капитализм уже в конце XVIII в. принес миру ужасы колониализма и эксплуатации человека. Именно это последнее обстоятельство до крайности обострило гуманистические чувства и идеалы лучших представителей Европы, их интерес к людям Востока. Карстен Нибур с юга, Зеетцен и Валлин с севера, Али-бей из Мекки — все они шли к одной цели: узнать и понять страну и ее людей, обрести в каждом чужестранце «человека... у которого прежде всего есть честь и человеческое достоинство, за что он заслуживает безусловного уважения» (стр. 109). Уважать нравы и обычаи людей, какими бы необычными они ни казались, уважать народы, оставшие или остановившиеся в своем развитии, их общественные институты, закрепленные этой отсталостью, помочь этим народам, спасти их от вымирания — к этому призывают лучшие исследователи Аравии, следуя заветам гуманистов. Можно ли винить Али-бея в том, что он обманулся, сделав ставку на Наполеона? Можно ли считать великого Нибура виновным в том, что его труды Наполеон пытался использовать в корыстных целях? Здесь не может стоять вопрос об ответственности. Уже свыше двухсот лет колонизаторы и захватчики используют труды ученых в своих целях, но им не дано главного — понять то, что увидели и поняли лучшие умы; да и обращались они не к правителям, а если и к правителям, то не к тем, кто существует реально, но к созданным в их собственных головах. То, что извлек Наполеон из материалов Нибура и других, породило жалкую мешанину лозунгов французской революции, детских сказок, обрывков мусульманских правил и катехизисов капитализма, столь же чуждых слуху араба XIX в., сколь смешных для современного читателя.

Император Франции обращается к жителям захваченного Египта: «Скажите... что я больше, чем мамлюки, поклоняюсь Аллаху всевышнему и почитаю его пророка и великий Коран... Отныне и впредь всякий житель Египта, при могущественном содействии всевышнего, сможет занимать высшие должности и добиваться высших почестей. Наиболее образованные, справедливые и умные

из вас будут управлять делами... Скажите... что французы также истинные мусульмане. Доказательством этого является то, что они пришли в великий Рим и уничтожили власть папы, который постоянно подстрекал христиан к войне против мусульман». Египтяне не поверили... И Наполсону пришлось уйти.

Безусловно, особый интерес у советского читателя должны вызвать судьбы таких прославленных путешественников, как Ульрих Гаспар Зеетцен и Георг Август Валлиа. Первый из них, уроженец Зофиенгродена в Ольденбурге (Фрисландия), стал русским подданным с 1793 г., когда княжество перешло под власть русской короны, и его путешествие субсидировалось Александром I. Второй — воспитанник молодой русской востоковедной школы, создаваемой при Петербургском университете, где он проходил курс арабского языка в 1840—1842 гг. Одной из крупнейших заслуг Зеетцена перед наукой является опубликование первых известных надписей южноаравийской письменности, о существовании которой сообщал в свое время уже Карстен Нибур...

Не знающий устал, не щадящий себя, Ульрих Гаспар Зеетцен, по свидетельству очевидцев, обладал феноменальной выносливостью... Говорили, что он писал неплохие стихи. Чрезвычайно мнительный и нервный по природе, он проявлял чудеса мужества и ненасытность подлинного ученого, без страха проникал в глубь чуждой и нередко враждебной страны. Его гибель до сих пор покрыта тайной... Даже место его смерти не установлено с точностью. Известно, что, отправляясь в свой последний поход, он нанял караван из 17 верблюдов. Зачем? Не исключено, что он намеревался посетить центры древних цивилизаций Южной Аравии. Во всяком случае, многие придерживаются мнения, что некий таинственный европеец, оказавшийся в Марибе, а затем убитый, о котором арабы рассказывали Арно, был как раз Зеетцен... Огромная часть собранных им материалов пропала бесследно, и лишь незначительная часть из них, вопреки мнению Пирен, попала в руки санского шерифа. Путешественники по Южной Аравии не раз и в самых различных частях Йемена находили у местных жителей рисунки, листы рукописи и книги, помеченные подписью «Зеетцен», — вероятно, караван был разграблен... Судьбу Зеетцена через 70 лет разделил молодой венский востоковед Зигфрид Лангер,

отправившийся в глубь Южной Аравии из Адена, вопреки предостережениям друзей и турецких властей, с единственной целью — собирать древние надписи... Он исчез, а через некоторое время молва донесла, что он был убит и ограблен проводниками, якобы опознавшими христианина-европейца под личиной мусульманина. Его последний крик «Аман!» (Пощады!) пусть послужит укором тем, кто бомбардировкой Мохи и Джидды возбуждал ненависть и фанатизм населения. Вероятно, именно о таких, как Зеетцен и Лангер, писал один австрийский ученый, упоминая Южную Аравию, «жаркие пески которой напоены кровью отважных исследователей, искавших здесь надписи или просто следы письменности». Без жертв не развивалась ни одна наука, и ученые-сабеисты имеют свой собственный пантеон, хранящий память о славных героях науки, в подвиге которых они черпают силы для исследования одной из сложнейших проблем истории человечества. Раскрытие этой проблемы — не лучший ли памятник самоотверженности первопроходцев?

Если Зеетцен пал, в общем, жертвой происков властей, то Лангер совершил ошибку, не придав должного значения тщательному изучению не только языка, но и быта, обычаев арабов, не научившись жить «как араб». Он «маскировался», и маскарад был раскрыт... Известен случай, когда в толпе паломников был обнаружен чужак — только из-за того, что он начинал движение не с той ноги. Мы хотим, чтобы нас поняли правильно. Дело вовсе не в том, как удачно тот или иной смельчак имитирует жителя Аравии. Самое главное: вживаясь в свою новую роль, усваивая обычаи арабов, деля с ними тяготы пути и радости привалов, европеец приходил к пониманию их чаяний и забот, а через это — к уважению и братской любви, поднимаясь над предрассудками своей эпохи. В условиях таких новых отношений нет места лжи, какими бы целями она ни оправдывалась... Одним из немногих европейцев, понявших это до конца, был Георг Август Валлин, и именно ему принадлежит фраза: «Даже человек, открыто назвавший себя христианином, зная язык и будучи знаком с такими добродетелями бедуинов, как гостеприимство и благородство, может спокойно жить среди них». Как убедился читатель, Валлин имел основания высказывать сужде-

ния об арабах, ибо никто так не знал Северную Аравию, как он. Валлин принадлежит в этой книге к числу «любимчиков» автора, и мы вполне оцениваем гуманистические источники такого выбора. Мы только хотели бы завершить характеристику отважного исследователя словами советского ученого А. Першица: «Читая Валлина, мы проникаемся к кочевым племенам такой же симпатией, какую испытывал к ним и сам путешественник. В этом глубоком уважении к изучаемому народу, стремлении прежде всего показать его хорошие стороны — ...далеко не последняя историческая заслуга финского исследователя».

Если уж кому не повезло в книге, то это, во всяком случае, Пэлгреву! Мы уже пытались объяснить вероятные истоки неприязни Жаклин Пирен к этому англичанину, пытаюсь понять ее. Однако «истина дороже». Совершенно ясно, что отдельные неточности в описании путешествия (если даже Пэлгрев и прихвастнул кое-где) не могут служить аргументом в пользу отрицания самого факта путешествия (последние данные науки свидетельствуют за этот факт). Еще менее весом аргумент, основывающийся на утверждении, будто Пэлгрев не отличался правдивостью еще в иезуитском колледже. Кстати сказать, мы до сих пор не убеждены, что правдивость как раз в иезуитской школе относится к числу добродетелей. Далее, по мнению Ж. Пирен, вообще нельзя ожидать ничего хорошего от человека, бегающего от одной религии к другой. Действительно, Пэлгрев менял духовные привязанности, как перчатки (Пирен, вероятно, не знает, что он еще склонялся и к японскому синтоизму), но все это относится к далекой от науки области личных симпатий и антипатий и не имеет отношения к делу. Остаются вопросы о действительно бессовестном высокомерии и подчас ненависти Пэлгрева к арабам и туманных связях его с Наполеоном III. Кстати сказать, последнее обстоятельство не выглядит столь уж фантастическим, учитывая переход Пэлгрева в католичество. Что же касается первого вопроса, то, вероятно, следовало бы привести хотя бы краткое жизнеописание Пэлгрева — думаем, оно прольет некоторый свет и на этот вопрос.

Вильям Джиффорд Пэлгрев (1826—1888) прожил довольно бурную и беспокойную жизнь. Один из четырех сыновей известного английского историка Фрэнсиса

Пэлгрева, он мог рассчитывать на удачный жизненный путь и отличную карьеру. Сначала привилегированная школа, затем аристократический Тринити колледж, который он окончил с отличием. Потом, как и полагается, — колониальная Индия, где Пэлгрев оказывается в качестве младшего офицера 8-го бомбейского полка морской пехоты. Пока все идет по проторенной дорожке английской аристократической молодежи... Изучение языков, обычаев страны, а там — или в чиновники, или в востоковеды. Но «там» не наступило... Пэлгрев делает крутой поворот и, начитавшись переводной арабской классической литературы, обнаруживает в себе призвание «обращать» арабов в истинную веру. Не беремся утверждать, будто единственной побудительной причиной интереса Пэлгрева к арабам были проблемы веры. Известно, что в 50-х годах прошлого века у англичан вообще резко возрос интерес к арабам, связанный с поисками ими безопасной сухопутной дороги в Индию. Но так или иначе, Пэлгрев «сжег мосты», перешел в католичество и вступил в общество «братьев Иисуса». В 1853 г. он «практикует» в Южной Индии, а вскоре переезжает в Сирию, где в течение довольно длительного времени занимается миссионерской деятельностью. Здесь и обрушивается первый удар... Обостряется борьба между арабами — христианами и мусульманами, вызванная происками великих держав. Дело доходит до вооруженных стычек, а вскоре, в 1861 г., в Дамаске разражается страшная резня. Миссия разгромлена, Пэлгрев покидает Сирию и уезжает в Европу... и, между прочим, во Францию, где представляет Наполеону III полный отчет о причинах преследования сирийских христиан. В 1862 г. он снова в Сирии и готовит экспедицию в Аравию, финансируемую... Наполеоном III. Едва ли император действовал исключительно исходя из «жажды знания». Пэлгрев же не оставляет попытки «обращать». Экспедиция завершается в 1863 г.; ее результаты наносят второй удар по планам миссионера — бедуины не захотели «обращаться».

Оба события — резня в Дамаске, сопровождаемая разгромом миссии, и неудача миссионерской деятельности в Аравии — отрезвляют Пэлгрева, он порывает с иезуитами. И эти же два события накладывают мрачный отпечаток на содержание книги, посвященной путе-

шествию³. Пэлгреву повсюду мерещатся «коварные», «злые» взгляды, он упивается «вероломством», которое вероятно, обязательно, непременно будет (sic!) иметь место по отношению к нему и т. д. ...

Наконец, с опозданием на 10 лет Вильям Джиффорд Пэлгрев поступает на английскую дипломатическую службу: 1865 г. — Эфиопия, 1866 г. — Египет, 1867 г. — Сухум—Трапезунд (эта поездка была связана с деятельностью России у южных границ Порты и вызвала появление превосходно составленного дипломатического отчета), 1873 г. — Индия; 1876 г. — Манила. В 1878 г. Пэлгрев оказывается генеральным консулом Великобритании в Болгарии. (Сопоставив эту дату с событиями на Балканах, читатель, вероятно, догадается, что ни Россия, ни Болгария в лице Пэлгрева не имели дружественно настроенного джентльмена.)

Приходится признать, что Пэлгрев безусловно отличался и мужеством и наблюдательностью, выполняя ответственные поручения своего правительства, что для его отношения к арабам были некоторые — безусловно сугубо субъективные — причины (ибо, если бы ему посчастливилось подняться до уровня Буркхардта и Валлина, он обратил бы свою ненависть не против арабов, а против кое-кого другого и, быть может, даже против императора Наполеона III и своего собственного правительства); наконец, что его связи с Наполеоном — не миф и хвастовство, а реальный факт.

Благородная, самоотверженная деятельность в Южной Аравии Зеетцена, а затем Френеля, Арно и Вреде, которым посвящено много теплых страниц в книге, имела своим последствием чрезвычайно важные и плодотворные для науки события. Французская Академия надписей, приступая к изданию «Собрания семитских надписей», сочла необходимым отвести целый том южноаравийской эпиграфике. С этой целью были предприняты в Йемен две экспедиции, поистине открывшие новую эру в изучении южной части полуострова — ее географии, этнографии, культуры и особенно истории. Первое из этих путешествий было предпринято по зада-

---

³ Она появилась в русском переводе в 1875 г. См.: Дж и ф ф о р д П а л ь г р э в, Путешествие по Северной и Восточной Аравии, СПб., 1875.

нию Академии ученым-семитологом Жозефом Галеви и описано им самим и его проводником Хайимом Хабшущем. Успехом своей миссии Галеви был обязан... бесправному положению евреев в Йемене. Дело в том, что в строго соблюдаемой здесь в XIX в. кастовой системе евреям отводилось место практически не выше полуарабского. В частности, они были лишены почетного права каждого свободного жителя юга — будь то бедуин или кабил — носить оружие. Обратной стороной такого положения было, однако, правило, в соответствии с которым ни один уважающий себя свободный член общества не смел без риска потерять репутацию обращать оружие против евреев, грабить их и убивать. Этим и воспользовался Галеви, не знавший к тому же должным образом арабского языка. Переодевшись бедным иерусалимским евреем, он в 1870 г. добрался до Саны, а отсюда при поддержке еврейской общины проник в самые труднодоступные уголки. Его маршрут из Саны лежал на север, в Неджран, затем на юг — в центры древней цивилизации Мариб и Сырвах (уже посещенные Арно), а оттуда назад, в Сану. Поездка завершилась благополучно и обогатила науку невероятным по тем временам урожаем — копиями около 700 надписей, описаниями развалин храмов, сооружений и т. д.

Еще больших, поистине непревзойденных до сих пор результатов добился австриец Эдуард Глязер, посланный в Йемен в 1880 г. с теми же целями той же Академией. Вначале Глязер, получивший, в общем, любительскую востоковедную подготовку, по профессии астроном, отправляется в Тунис, затем — в Египет, где проходит интенсивную «акклиматизацию», как мы увидим ниже, вполне успешно. Таким образом, 1882 год застаёт его в Санае, где он тщетно пытается уломать турецкие власти разрешить ему путешествие в глубь страны, — еще слишком жива в памяти трагическая гибель Лангера. В конце концов Глязеру разрешили сопровождать турецкий карательный отряд, направлявшийся к поселению Суда; он пользуется этим для проведения предварительной рекогносцировки района и вскоре, получив разрешение, вновь проделывает тот же маршрут в сопровождении нескольких йеменских друзей. Он посещает области Хамдан, Шибам, Каукабан и другие, повсюду ища развалины и копируя надписи. Ему удается получить дипломатическое

поручение турецкого наместника к наиболее воинственным племенам хашид-и-бакиль и проникнуть в запретную область их расселения. Так в 1884 г. закончилось первое путешествие Глязера.

В 1885 г. он снова в пути. Цель — посещение Адена и районов, расположенных южнее Саны: Дамара, Яримо, Зафара и Реда. 1887—1888 годы. На этот раз целью служит восточный район Йемена — Мариб, населенный весьма воинственными племенами, не признававшими никакой власти, кроме своей собственной. Пришлось переодеться арабским странствующим законоведом... Сопровождают Глязера йеменские друзья, — кстати сказать, вполне осведомленные о переодевании и т. п. Глязеру удалось с их помощью прекрасно сыграть роль и провести полтора месяца в бассейне вади Зенне, некогда центре Сабейского царства.

Непосильный труд, тяжкие климатические условия, опасности требовали передышки. Как позднее писал сам Глязер, «пребывание здесь более чем два года подряд грозит европейцу гибелью». И все же в 1892 г. Глязер, на этот раз уже по поручению пражской Академии, вновь отправляется в Йемен. Но обстоятельства изменились. Серия антитурецких восстаний привела к фактическому падению османской власти. Сана, последний форпост, осаждена. Казалось бы, рухнули все планы и надежды на сбор новых надписей. И здесь Глязер находит гениальный выход, свидетельствующий, между прочим, о его высоких представлениях относительно способностей неграмотных бедуинов. Он просит организовать ему здесь же, в Сане, встречу с бедуинами и жителями разных областей Южной Аравии. Он учит их делать эстампажи из влажной бумаги, а затем заявляет, что будет платить звонкой монетой за каждый эстампаж, снятый с надписей, разбросанных по всей территории страны. Бедуины отправились в путь, и вскоре эксперимент блестяще удался.

Результаты превзошли все ожидания; Глязер получил копии великолепных надписей из областей, куда европейским ученым не снится попасть и доньше. Среди полученных копий была и жемчужина сабейской эпиграфики — текст надписи на той самой плите, которая, по словам Арно, служила каменной скамьей пастушьего дома в Сырвахе. В 1894 г. Глязер вернулся из последней

поездки в Южную Аравию, прожив среди арабов в общей сложности около десяти лет.

Наука обязана ему около 2000 копиями надписей, подробным описанием развалин храмов и городов, единственным доселе планом одного из чудес света — знаменитой Марибской плотины, планом Мариба. Наука также обязана ему описанием культуры и быта современного ему Йемена, уникальными сообщениями о племенах и обычаях кабиллов, астрономическими наблюдениями и установлением режима вод и осадков и многим-многом другим. К сожалению, дневники Глязера почти не изданы, и значительная часть его наблюдений еще не стала достоянием науки.

Глязеру удалось проникнуть в сокровенное жизни арабов, понять их и полюбить, он приобрел себе здесь многочисленных друзей, не раз помогавших ему в трудную минуту. К сожалению, его европейским коллегам не пришлось столкнуться с лучшими качествами характера Глязера. В общении с ними он был неуживчив и сварлив; не принесло ему славы и вторжение в область «высокой политики» держав... Кто знает, быть может, таким его сделали успех его миссии в Йемен и лавры первооткрывателя?

К числу важных с точки зрения «открытия Аравии» в XIX в. событий следовало бы отнести также экспедицию венской Академии наук в район южного побережья полуострова в 1898 г. Экспедиция совершалась на судне «Готфрид»; во главе ее стояли крупный ученый-семитолог Давид Генрих Мюллер и граф Карло Ландберг, хорошо знавший места на юге Аравии. По целому ряду причин экспедиция не выполнила своего плана полностью, однако участниками ее впервые были более или менее полно описаны область Махра и (известные еще по сообщениям Френеля) новые семитские языки, на которых и поныне говорят жители этой части Аравии.

Пять веков путешествий и изучения и особенно материалы, полученные в результате выдающихся открытий конца XVIII—XIX вв., заложили лишь основы знаний об Аравии и населяющих ее племенах и народах. И если мы сегодня прекрасно осведомлены о рельефе, климатических особенностях страны, то этого отнюдь не скажешь о ее населении — исчерпывающей картины здесь нет, а многие данные отрывочны и неполны; Аравия еще не

открыта в пространстве. Менее того она открыта во времени, ее история продолжает во многом оставаться загадкой. Но важно, что ныне наука уже во всеоружии готова встретить любую новость, любой новый материал, оказавшийся в ее распоряжении. И выковать это оружие помогли те, кто бесстрашно шел навстречу опасностям во имя «жажды знаний». Последующие битвы, правда, разворачивались за письменным столом, именно здесь воссоздавались государства, давно канувшие в небытие; именно здесь создавались строгие теории, исследующие общественные организации арабов в их развитии и эволюции, вскрывающие процессы воздействия особых географических факторов на эти организации, роль общественной среды, колонизаторов и капиталистического мира в целом в консервации древних пережитков и т. д.; здесь определялись причины застоя и поиски путей помощи народам Аравии...

Мир людей навечно сохранит в своей памяти имена отважных исследователей, и нынешний, XX век может с гордостью засвидетельствовать, что идеи братства, гуманистические идеалы, подобные тем, которыми были проникнуты труды Нибура и Валлина, Буркхардта и Алибея, не платонические пожелания идиллически настроенных людей, но веление времени, носящийся в воздухе дух той будущей неизбежной, открывшейся миру в 1917 г. исторической эпохи, когда все люди станут братьями, независимо от цвета кожи, религиозных убеждений и т. д.

* * *

Представляя «точку зрения европейца», Жаклин Пирен, как это часто встречается в западноевропейской литературе, опустила слово «западно»; мы думаем, советскому читателю было бы интересно узнать, какими путями распространялись сведения об Аравии в России. Заметим, что интерес у нас на родине к арабам и Аравии был вызван кое в чем теми же причинами, что и на Западе, но в главном имел существенно отличное происхождение, коренящееся в особом по отношению к Западной Европе международном положении России. В связи с этим можно, очевидно, выделить несколько аспектов, обусловивших в ходе истории (в хронологических рамках, предложенных Ж. Пирен) этот интерес. Первый из них, несомненно, связан с крупнейшим культурным пере-

воротом на Русь — принятием христианства, приобретением к византийской культуре и старинными торговыми связями Руси с Востоком; второй был вызван проникновением ислама в Россию и началом завоеваний на Востоке; третий — падением Византии и появлением на южных границах России грозного противника — османской Турции, на целые столетия определившим главное направление международной политики царской России; наконец, присоединение к России населенных мусульманами территорий Средней Азии и борьба с английской экспансией у южных границ Российской империи и за политическое господство в этом районе (мы уже не говорим здесь, что стремление к познанию в равной степени было присуще пытливым умам и на Руси). При всем том борьба за господство на морских путях в Индию, развернувшаяся в XVI в., и проблема пряностей, возникшая в эту эпоху, мало волновали Россию. Во всяком случае, генуэзец Пабло Сентурион, носившийся в 1520 г. с идеей организации, в противовес португальцам, доставки пряностей в Европу через Россию, совершенно безрезультатно «убеждал короля Басилио, чтобы он наладил в королевстве своем торговлю пряностями», хотя «и сулил он королю великие выгоды при малых издержках».

Таким образом, в течение длительного времени интерес к собственно Аравии, в общем, носил довольно опосредствованный характер и не выходил за пределы желания к «познанию всякого рода мест». Всего изложенного выше, вероятно, достаточно, чтобы понять, почему в XVI в. у нас не было своего Лодовико ди Вартемы, но зато в XIX в. были Зеетцен и Валлин.

Знакомство славян с Арабским Востоком, вероятно, состоялось еще в эпоху расцвета халифата. Исследованиями чехословацкого ученого Ивана Хрбека установлено, что главной ударной силой могучих фатимидских правителей Египта в X в. были отряды славян-рабов (мамлюков). Разумеется, эти славяне в основной массе быстро ассимилировались в чужой среде, забывали родной язык и обычаи, однако не исключено, что части их все же удавалось вернуться и принести в Восточную Европу рассказы о далекой стране Аравии. Приезжали в центр международной торговли того времени Багдад и русские купцы, немало поведавшие о своей Родине Ибн Хордадбеху и, как показал анализ его труда, общавшие-

ся там с невольниками-славянами. И арабы — купцы и послы — хаживали на Русь, составляя, подобно Ибн Фадлану (923 г.?), по возвращении тщательные отчеты о своих путешествиях. К сожалению, знания наших предков в X—XI вв. о современной им Аравии до нас не дошли, а географические экскурсы «Повести временных лет» крайне туманны и, видимо, не опираются на сообщения очевидцев.

Первыми дошедшими до нас известиями об арабах-бедуинах и Аравии «из первых рук» мы обязаны зачинателю паломнической литературы на Руси игумену Даниилу, посетившему Иерусалим в 1106—1108 гг. «Хождение» Даниила, составленное по канонам «подорожных» греко-римской эпохи, безусловно, может считаться образцом подобной литературы. Даниил, подвигнутый желанием посетить «гроб господень», отваживается на весьма рискованное путешествие в разгар крестовых походов по земле, захваченной арабами. Путь через Византию — легкая прогулка, затем морем в Яффу, затем Иерусалим — таковы первые этапы пути игумена; затем посещение прочих «святых мест» приводит Даниила к Иордану, за которым начинается царство пустыни: «и ту же есть брод через Иордан в Аравию»; «и есть пустыни та вся суха и безводна», и путь по ней «все по равну в песце, путь тяжек велми; ту мнози человеци задыхаются от зноя и ищезают от жажи водныя умирають» — так описание Даниила донесло до Руси тяжкое дыхание Аравии. Но рядом с гибельными местами... прекрасные оазисы и сады, где «земля добра и многоплодна, и поле красно и равно, и около его финики мнози стоят высоци и всякаа древеса многоплодовита суть; и воды многы текут, разведены по всей земли той». Глазам изумленного игумена — а благодаря ему и перед всей далекой Русью — открылось великое чудо Аравии: соседство пустыни и «земного рая» — важнейший по значению географический фактор, на протяжении всей истории определявший внутреннюю борьбу народов и племен полуострова и в конечном счете судьбы древнейшего и средневекового Ближнего Востока.

Даниил обладает незаурядной наблюдательностью, он отмечает особенности растительного и животного мира приграничного с Аравией района («зверь мног ту... и пардуси мнози ту суть львове же»), но главное — люди,

«срацини», «поганыи» (т. е. «язычники», если хотите — «нехристи» от лат. *paganus*). Общее впечатление игумена от встреч с арабами можно было бы охарактеризовать одним словом — «страх». Думается, что для такого состояния у Даниила были несомненные основания, так как обычно арабам, вероятно, было недосуг разбираться, где крестоносцы, «франки» и «латиняне», а где мирные пилигримы, пришедшие из стран, не помышлявших о завоеваниях... И уж конечно, бедуинам, почитавшим за подвиг ограбление, а то и убийство не только «неверных», но и мусульман, было тем более все равно. В общем, обстановка мало располагала к созерцанию: не раз приходилось прерывать путешествие «боязни ради поганых», на дорогах творились «разбои мнози» — неожиданно появляются «Срацини и избивают странные на путях тех»; горы за Иорданом внушают настоящий ужас и т. д. и т. п. И тем не менее, преодолевая страх, наш паломник смотрел во все глаза и запоминал, а озираясь вокруг и запоминая, он обнаруживал картину, несколько отличную от той, которую создал страх. Одно из его наблюдений чрезвычайно любопытно с точки зрения понимания взаимоотношений между арабами оседлыми и бедуинами, а также между мусульманами и христианами арабского происхождения. По дороге от Мертвого моря к Вифлеему Даниил попадает в «село велико вельми, и сядят в нем Срацини мнози, и христиане суть же ту, в селе том, божиею благодатью хранимы, и почестиша ны добре в селе том христиане. И ту, опочивше добре ночь ту, и заутра вставшие рано, идохом к Вифлеему. Старейшина бо Срациньский сам со оружием проводи на ольне до Вифлеема и та места вся тоже ны проводил; а лань не дойти до тех мест, поганых ради: туда бо ходят мнози Срацини и разбивают в горах тех».

Великолепная сцена: «Срацин» против «Срацина» и за христианина! Мирное содружество христиан и мусульман, которых и русская, и западноевропейская религиозная литература той эпохи честила как извергов, мучителей и убийц. Пройдет 750 лет — и разжигаемая уже колонизаторами религиозная ненависть разорвет это содружество, арабы — христиане и мусульмане — столкнутся в кровавой резне, и Пэлгрев разочаруется...

«Хождение» Даниила завершилось успешно. Он был принят «князем Иерусалимским» Балдуином, защитой

войска которого он хотел воспользоваться для посещения Тивериадского озера... Русская речь зазвучала в стане крестоносцев: «И аз бых хотел пойти с тобою к Тивериадскому Морю... да бога для поими мя, княже!» Вид озера исторгает у Даниила восторженный вопль: «И мене худаго и грешного сподоби бог походити и видети... его же не надеяхомся николиже видети!..» Игумен вернулся домой благополучно, а его «Хожение», распространенное в многочисленных списках, в течение веков служило на Руси излюбленным чтением.

XIII и XIV века, принесшие Руси кровавое иго монголов, не оставили свидетельств паломников в Иерусалим, но, как полагают, «хождения» продолжались, во всяком случае из «Новгорода» (кстати сказать, еще Даниил встретил в Палестине пилигримов-соотечественников — «киян» и из Новгорода). В то же время продолжается начатая еще в IX—X вв. кропотливая, хотя и незаметная, работа в монастырских кельях по обличению «ереси» ислама — переводятся византийские хроники (Амартола), которые дают, в общем, искаженные сведения об арабах и их религии и почти ничего не сообщают об Аравии. Однако, по-видимому, уже в конце XIV в. была переведена знаменитая «Христианская топография» путешественника VI в. Козьмы Индикоплова, и на Руси получили представление о бассейне Красного моря и торговле в этом районе.

XV век открывается «хожением» в Палестину «инока Троице-Сергиевского монастыря Зосимы», которому повезло меньше Даниила: «и наидоша на ны злые Арапове и возложиша на мя раны довольы и оставиша мя в полы мертва, отъидоша во свояси». Это прискорбное событие произошло в том самом районе, который Даниил «видехом очима своима, а ногама своима не могохом дойти... боязни ради поганых», — в пустыне близ Мертвого моря, но ничего не прибавило к нашим знаниям об Аравии и ее жителях. Пожалуй, к числу интересных сообщений можно отнести упоминание «священноиноком» Варсонофием, совершившим в Иерусалим два паломничества — в 1456 и 1461—1462 гг. (второй раз он шел из Каира), специального каравана паломников к монастырю св. Екатерины на Синае: «И поидохом на гору Синайскую. Бе бо мног караван собрався: десять тысящ велеблюдов». Подробным описанием такого кара-

вана мы обязаны путешествию купца Василия Познякова, совершенному им в 1558—1561 гг. через Александрию — Каир в Иерусалим: «И наяхом верблюды до Синайския горы и дахом провозу по золотому от человека. И по два человека седоша на верблюды по сторонам и корм свой и воду в месех кожаных на верблюды положихом, яко боле десяти пуд тягости... И идохом от Египта до Синайския горы пустынею...». Великолепный наблюдатель, Василий Позняков уже совершенно определенно различает оседлых арабов и бедуинов, называя последних «пребеззаконнии Арапи, разбойници пустыннии». Бедуины доставляют немало неприятностей старцам монастыря на Синае — «им великое насилие от безбожных арапов, а живут около монастыря по пустыни; и приходят те арапи на всякий день по 200 человек и все емлют оброк с монастыря: муку пшеничную, и соль, и масло, и лук» (через 75 лет этих арабов уже станет «на всякий день по 500 человек», как сообщит нам еще один паломник Василий Гагара). Картина типичная для иллюстрации одной из сторон взаимоотношений кочевых арабов и жителей припустынных поселений! И откуда было знать Познякову, что «пребеззаконнии» бедуины (быть может, из племени тай, кочевавшего в тех местах), никогда не отличавшиеся религиозным рвением, поступали в данном случае так лишь потому, что не без законных оснований считали пустыню своей землей, и потому, что условия их жизни в Синайской пустыне можно было бы назвать просто ужасающими. За четыреста лет до Познякова уже известный нам Усама ибн Мункыз встретил здесь кочевых арабов и с горьким юмором описал эту встречу со своим «жалким» суровым прошлым: «Кто вы такие?» — спросил я их. Они отвечали: «Мы из рода Убейя», — а это один из родов бедуинов племени тай. Они ничего не едят, кроме падали, и говорят про себя: «Мы — лучшие из арабов...». Где-то пронеслись четыре века, но там, в пустыне, время остановилось... «Не наши же там пустыни! — с тоской восклицает Позняков. — В их пустынях нету ни лесу, ни травы, ни людей, ни воды... только песок един да каменение».

Василию Познякову удалось побывать в Раифе и острым взглядом купца заметить ряд подробностей, относящихся к красноморской торговле и сношениям с Индией; здесь он в своей стихии, и его замечания о кон-

струкции и оснащении судов можно отнести к числу весьма интересных, разумеется за исключением побасенок о таинственных магнитах, якобы мешающих мореплаванию в этом районе.

По целому ряду причин «хождение» купца Василия Познякава, а вернее отчет царю, стоит особняком в ряду русской паломнической литературы и открывает новый этап в освоении на Руси материалов, касающихся Ближнего Востока. Падение Византии и образование мощной империи османов заставило по-новому взглянуть на вещи — резко антитурецкую направленность приобрело обличение ислама, особое значение стали придавать паломничеству православная церковь и царская власть, взвалившие на себя тяжкое бремя «третьего Рима», и, наконец, быть может, самое главное — Россия должна была отныне знать, что творится у турок, и настороженно следить за малейшими поползновениями султанов... и Позняков старался, как мог.

Все сказанное, вероятно, легко объясняет также, почему начиная с конца XV в. европейская литература, касающаяся предмета, с фантастической для той эпохи быстротой проникает в Россию, переводится и распространяется в многочисленных списках. Не успели еще высохнуть чернила на отчете купца Познякава, как русская общественность получила возможность сопоставить его данные с описанием похода «Людвига Вартомануса по всем странам света и о причь ходатаях своих», где наш старый знакомый ди Вартема, «некто муж Римлянин именем Людовик, а по нашему Логин», впервые, уже в 1584 г., ознакомил Россию со своим достославным путешествием. Правда, это был перевод не самой книги Лодовико, а лишь ее краткого изложения, взятого из «Хроники» польского историка Мартина Бельского (1495—1575). В дальнейшем описание путешествия ди Вартема вошло в «Хронограф» редакции 1617 г. под названием «Сказание о Месте Медийском, идеже глаголют Гробу быти Магмета прелестника». Отныне все знали, что заблуждаются те, кто «сказывают—гроб его на воздухе стоит», и те, кто «говорят, что гроб его железный, и прицеплен магнитом камением». Отныне все знали — «иного ничего того нет».

Перевод описания путешествия ди Вартема, безусловно, должен был сыграть положительную роль, особенно

в свете того, что на Руси в XVI в. продолжали появляться совершенно дикие произведения, наполненные тенденциознейшими сказками и небылицами эпохи «Повести временных лет». Достаточно упомянуть «Слово обличительно на агарянску прелесть и умыслившего ее скверного пса Моамефа» достопочтенного Максима Грека и многие другие, в том числе и переводные опусы...

Напряженная политическая обстановка на южных границах России в XVI—XVII вв. вызывала оживленную дипломатическую деятельность русского правительства, отражавшего интересы складывающегося абсолютистского государства. Посольства в Турцию следуют одно за другим, однако далекая Аравия, естественно, не входит в сферу наблюдений послов. Османская империя, за исключением ее европейских владений, рассматривается пока еще как монолитная враждебная держава... Лишь ваххабитское движение, пошатнувшее могущество Порты, восстание Мухаммеда Али в Египте обратят уже в XIX в. на себя пристальное внимание, возвестив, что периферия турецкой державы может оказаться союзником в борьбе («Аравии, — писал «Вестник Европы» уже в 1803 г., — назначено быть колыбелью азиатских революций»); лишь активизация Англии на юго-восточных границах России приведет к признанию за Южной Аравией значения важного стратегического звена в цепи британских планов.

Пока же известия об Аравии и бедуинах по-прежнему отрывочны и немногочисленны. Мы располагаем, правда, довольно туманной информацией о поездке в начале XVII в. одного русского в Аравию за мусульманской литературой. Однако никаких подробностей до нас не дошло. Почти ничего нового не сообщает купец Василий Гагара, отправившийся (1634—1637) в Иерусалим тем же путем, что и Позняков (довольно интересны приводимые им факты об изменении соотношения сил в пользу бедуинов в районе монастыря св. Екатерины на Синае). Кое-что можно почерпнуть из описания путешествия купца Федота Котова в Иран (1623—1624). Арсений Суханов, посланный с официальной миссией в Иерусалим в 1649 г., пристально наблюдает за ситуацией в Османской империи, отмечая малейшие сдвиги в политической жизни. Фраза из его «Проскинитария»: «...того же дни взволновались арабы пустынные на франков» — свиде-

тельствует, что он не обошел своим вниманием бедуинов, однако абсолютно неясно, какое именно событие он имеет в виду и кого следует подразумевать под «франками». Совершавший в это же время паломничество в Иерусалим священник Иона, «по реклому маленький», с таким же чувством взирает на восточный берег Иордана, как и Даниил за пять веков до него: «А по иным святым местом обон пол Иердана страха ради поганных ходити неудобно, занеж на тех путях арапы из гор исходят и странных избивают...»

Русские люди не избежали участи «путешественников волею случая». Мы уже говорили о роли славян в укреплении власти Фатимидов и о невольниках-русских в средневековом Багдаде. Известно о восстании русских невольников-гребцов на турецком флоте в Средиземном море в 1643 г.; как сообщает Гагара, ему удалось выкупить в Египте некоего «московитянина» по имени Иеремия. К сожалению, нам неизвестны рассказы этих людей о виденном ими в бытность свою в плену. Однако там, безусловно, было что послушать, и в этом нас убеждает один чрезвычайно любопытный документ, носящий название «Описание Турецкой Империи», составленный русским воином, попавшим в плен к туркам и вернувшимся в Россию в 1674 г. Находясь в плену, он в течение пяти лет побывал практически во всех уголках тогдашней Турции, увы, кроме Аравии. Его «Описание» не изложение своей одиссеи, а отчет солдага, имеющий глубоко прагматический смысл — осветить военный потенциал врага, сообщить максимум того, что может стать полезным для защиты его родины: следуют перечисления бесчисленных гарнизонов, их вооружения, боеспособности, коммуникаций и т. д. И все же среди многочисленных, безусловно полезных, но не относящихся к интересующему нас вопросу сведений есть два перла — это заметки анонима о районах, пограничных с Аравией. Автор сообщает о неких «трухменских людях» восточнее Халеба, и можно было бы подумать, что речь идет о туркменах, если бы не явное несоответствие упоминаемой территории местам кочевья последних. Вероятно, некоторая общность условий жизни [и бедуины, и туркмены (в то время) были кочевниками] и вызвала у него в голове неясные ассоциации. Так вот «трухменские люди не имеют у себя сел, — так они без сел скотом в по-

лях пасутся; разсыпаны оне по всему полю в шатрах сидят... а война их, людей трухменьских... в поле на коне копьем воевать; а во всех полях их, людей трухменьских, есть их великая орда». Автор еще склонен рассматривать кочевников-арабов как боевую силу турецкой державы, поэтому он останавливается на боеспособности бедуинов. Он невысокого мнения на этот счет, и его характеристика вполне совпадает с тем, что нам известно из материалов западноевропейских путешественников. Наблюдательность нашего пленника простирается столь далеко, что он, пожалуй, первым обращает внимание и на самоназвание кочевых арабов и даже на их племенную организацию. На границах Сирийской пустыни и Двуречья он повстречал тех, кто «звуются... именем своим так: чюль бети арап. Великая их орда есть по всему полю и по пустыне всей рассыпаны сидят оне в шатрах в своей сии; а меж ими у них есть в поле над ними адин бег или Мурза един над ними». Относительно подлинного названия, искаженного неизвестным автором, существуют различные мнения, и среди них одно восстанавливающее—шкуль бейти-аль-араб — «караванщики (?) Дома арабов» (т. е. Аравии), и другое, принадлежащее А. Першицу, — зу-ль-бадийа — «хозяин (обитатель) пустыни». Что же касается «бега» и «мурзы», то здесь очевидна попытка подвести определения под турецкую терминологию...

«Описание» завершает цепь интересных своей оригинальностью свидетельств русских о том немногом, что они узнали о бедуинах и об Аравии... XVIII век, да и XIX, пробудивший в России особый интерес к Аравии, воспользуются в основном данными западноевропейской литературы, донесениями русских консулов, среди которых немалое место займут данные о ваххабитах (и которые так и не станут достоянием гласности). На книжном рынке России появятся переводы книг Плейстеда и Пэлгрева, изложение путешествия Буркхардта и многих других путешественников, а журналы будут постоянно держать читающую Россию в курсе событий на Аравийском полуострове... Неудача миссии Зеетцена предопределяет осторожность царского правительства в попытках предприятий на юге Аравии, а отлично налаженная дипломатическая служба, пристально наблюдавшая за этим районом, делает их, в общем, ненужными. Косность царизма помешает ему извлечь пользу из путе-

шествия Валлина, зато англичане воспользуются им с немалой выгодой.

Разумеется, в планах царского правительства не фигурировало соображение, исходящее из «жажды знания», и, получая достаточно для ведения международной политики, оно не было склонно финансировать поездки в Аравию. Пожалуй, единственным исключением является поездка в Хиджаз штабс-капитана Давлетшина в 1899 г. Представленный им отчет о состоянии паломничества в Мекку свидетельствует о намерениях русского правительства продемонстрировать кое-кому свою заботу о мусульманах из России и его небезразличном отношении к положению дел в Центральной Аравии.

Частные лица Аравию почти не посещали — огромные денежные расходы могли отпугнуть всякого ... кроме князя Абамелек-Лазарева, одного из богатейших людей России, который в 80-х годах, руководствуясь только «жаждой знания», посетил Джерасу и Пальмиру и затем описал свое путешествие, а также супругов, князя и княгиню Щербатовых, и графа Строганова, отправившихся по следам Гуармани — за арабской лошадью в Северную Аравию. Описание ими своего путешествия ничего, в общем, не дает нового в отношении наблюдений над бытом бедуинов севера, и, кроме того, оно здесь чересчур многое заимствует из труда А. Блэнт; однако, листая книги, написанные ими, просто поражаешься, как много может быть сказано об арабской лошади, и всякий, кому доведется их прочесть, без труда поймет, чем является арабский скакун для бедуина и почему он начинает заботиться о себе лишь после того, как позаботится о своем четвероногом друге...

Итак, русское правительство имело достаточное количество информации об Аравии, необходимое для ведения внешней политики; немало узнала об этой стране, как мы видели, и русская общественность — труды отважных путешественников, проникавших в глубь таинственного полуострова, стали достоянием читающей публики в России.

И чуждые царизму идеи братства и гуманизма, заложенные в этих трудах, нашли широкий отклик у передовой общественной мысли России, воспитанной в борьбе с царизмом, крепостным рабством и колониальными устремлениями самодержавия.

Огромный полуостров Аравия никак не может быть отнесен к числу благоприятных для обитания и развития человека мест. Поэтому, вероятно, главным из чудес этой страны следовало бы считать как раз ее жителя — крестянина или бедуина.

Аравия — мир пустыни. Большой Нефуд, Дехна, Эл-Хамад, наконец, страшная Руб-эль-Хали — таков далеко не полный перечень безжизненных каменистых континентов и песчаных океанов, бушующих здесь. Невероятная жара и почти полное отсутствие осадков в пустыне; страшная жара и стена паров воды в Тихаме, на побережье.

Аравия — мир степей, покрытых ковром травы, чудесных оазисов, изобилующих водой и растительностью. Это плоскогорья на юге, где дождь идет тогда, когда нужно земледельцу, это вади на юге, которые в период половодья несут столько же воды, сколько Эльба. Такова Аравия.

Люди должны знать, что Аравия песков — это Аравия настоящего, что Аравия оазисов и благословенных долин — Аравия уходящего прошлого. Страшные пески наступают, отвоевывая у жизни километр за километром; уходят, проваливаясь в глубь, грунтовые воды; наконец, самум — ужасное порождение песков и ветра, губительный ураган, одно дыхание которого сжигает оазис; тучи раскаленного песка, окрашивающего все кругом в один кроваво-красный цвет, жара, иссушающая все живое. Жителю Аравии нет нужды мысленно спускаться вслед за Вергилием в седьмой круг, где «вся даль была сплошной песок сыпучий», где «опускалась вьюга огневая; и прах пылал, как под огнивом трут», или подниматься в райские кущи.

Ад и Рай соседствовали на его земле друг с другом и сменяли друг друга во времени. Арабам не казался риторическим вопрос, с которым обращался к ним Мухаммед: «Разве хотел бы кто-нибудь из вас, чтобы был у него сад из пальм и виноградника, где внизу текут реки, где для него — всякие плоды... и сад постиг бы ураган, в котором огонь, и сгорел бы он?» Они прекрасно понимали «муки грешников» «...в самуме и кипятке, и тени черного дыма не прохладной».

И тем не менее Аравия создала Человека, который

приобрел право гордиться ею и любить ее. И которому пришлось дорого заплатить за это право.

По-видимому, заселение Аравии относится к тому необозримо далекому времени, когда большая часть ее была еще покрыта травами и лесами. И вероятно, что первыми жителями здесь оказались представители кочевых групп, пришедших сюда из Северной Африки, — тех, кого можно считать далекими предками семитских народов. Изменение климата, распространение пустыни привело в действие великий регулятор общественной жизни и отношений в этой стране, основанный как раз на сосуществовании пустыни и оазисов, оседлого населения и кочевников.

На юге полуострова, на пяточке плодородных земель, складывались цивилизации и государства, преградившие доступ на юг жителям Центральной Аравии; земля же в центре скудела, не имея возможности прокормить стада все увеличивающегося числа кочевников. Оазисы были заполнены. Определялся жизненный баланс полуострова, малейшее нарушение которого вело к сильнейшим катаклизмам. Сохранение голодного баланса обеспечивалось развитием обмена между кочевниками и жителями оазисов, перераспределением имущества и благ, достигавшимся кровопролитными войнами, страшными эпидемиями и эпизоотиями, косившими людей и скот, и т. д. Когда же происходили стихийные бедствия, вызывавшие неурожай и т. п., Аравия мгновенно оказывалась территорией до отказа перенаселенной (относительно, разумеется) и избыточное население, стихийно осознававшее себя как лишних людей в своем негостеприимном доме, покидало его. Быть может, именно так происходил процесс заселения семитами Двуречья и Палестины, вызвавший впоследствии создание Вавилона и Ассирии, Угарита и древнего Израиля. Особенно обострялся конфликт, когда выход из Аравии оказывался закрыт — так произошло вскоре после начала нашей эры.

Это время характеризуется нарастанием внутриаравийских противоречий: значительным увеличением числа бедуинов, постепенным упадком южноаравийских государств в результате смещения путей мировой торговли, наступления песков, разрушения ирригационных сетей и проникновения кочевников. Часть «избыточного» населения юга бедуинизировалась и вливалась в бродящую по

полуострову армаду кочевников, вызывая лишь углубление противоречий. Важнейшим фактором, препятствовавшим более или менее мирному разрешению конфликта, была политика Византии и Ирана, всячески препятствовавших выходу арабов за пределы полуострова. К началу VII в. Аравия походила на гигантский котел с давлением внутри него, давно превысившим допустимое. Взрыв этого котла и поверг полмира к ногам вчерашних бедуинов... Так же, как некогда вавилоняне и ассирийцы, они быстро освоились за пределами полуострова, заселили города и занялись земледелием. «Столицами своими они сделали Багдад и Каир, Кордову и Толедо... презрев суровую, сожженную солнцем землю, откуда их предки начали завоевание мира...» Слово «араб» перестало, как некогда, обозначать бедуина в устах высокомерных правителей севера и юга.

Однако «за вычетом» оставлявших земли отцов в Аравии все время кто-то, разумеется, оставался. Эти «кто-то», потомки племен, тысячелетия назад пришедших на полуостров, пережившие нарушения баланса, жертвы и исполнители воли «великого регулятора», и являют собой то, что мы называем «типом» бедуина, или аравийского крестьянина, отличающегося совершенно особым складом и организованного в чрезвычайно характерные группы, союзы и сообщества, призванные обеспечить выживание и продолжение рода в мире пустынь и оазисов, а также призванные оградить существующий здесь общественный строй от конфликтов и социальных потрясений, ибо даже здесь общество породило антагонизм между богатым и бедным, между рабом и свободным, между властью имущими и массой рядовых кочевников или крестьян.

Данные, полученные в результате путешествий за «пять веков», позволили набросать картину жизни в пределах полуострова. И если для создания этой общей картины исследователи пользуются материалами разных веков, то это вовсе не значит, будто они грешат смешением в кучу эпох и времен — это лишь значит, что за эти пять веков общественная жизнь в Аравии в целом не подверглась существенным изменениям (если под последними понимать развитие). Читатель книги Ж. Пирен, вероятно, хорошо понял, что идея развития с большим трудом пробивала себе дорогу там, где «шесть или семь фиников,

смоченных в растопленном масле, немного свежего или кислого молока составляют дневной рацион бедуина», где, как писал путешественник Вольней, «из-за всегдашнего недостатка вечно голодный простолюдин не брезгует самой дрянной пищей — саранчой, крысами, ящерицами, змеями», где этому развитию положила конец сама Великая Аравия, ставшая союзником наиболее консервативных и реакционных режимов.

Но Аравия не только мир пустыни, мир оазисов. Аравия — это кусочек планеты, населенной людьми, а бедуины, аравийские крестьяне — часть человечества.

Гигантский скачок в промышленном развитии мира в XX в. не мог не затронуть Аравию, ставшую его нефтяным резервуаром. Проникая в глубь полуострова, империализм создавал здесь новые ситуации — пытаясь консервировать реакционные режимы и осыпая золотом племенную верхушку, он объективно несет разложение в веками сложившиеся отношения и в то же время готов любой ценой предотвратить это разложение... Огромную роль играет лагерь социализма. Его передовые идеи легко становятся достоянием тех народов Аравии, развитие которых, как это происходит в издревле культурных областях юга полуострова, успешно преодолевает узость и консервативность племенных отношений, «трибализм» — тяжкий бич мира пустыни. Образование Йеменской Арабской Республики, Народной Республики Южного Йемена и их существование были бы немыслимы без принятия этих идей и без помощи свободолюбивых народов мира.

Человечество, безусловно, придет на помощь жителям и Центральной и Северной Аравии... Ему предстоит переделать суровый лик пустыни, ему предстоит плечом к плечу с арабами открыть Аравию, открыть для самих арабов, и ему по силам превратить ее в цветущий сад и спасти своих братьев от вымирания.

Г. Бауэр

БИБЛИОГРАФИЯ *

- J. B. Eyriès, Notice de différents voyages en Arabie dans «Nouvelles Annales des Voyages», 1833, décembre, Paris.
- D. G. Hocarth, The Penetration of Arabia, London, 1904.
- D. G. Hocarth, Arabia, Oxford, 1922.
- A. Kammerer, La mer Rouge, l'Abyssinie et l'Arabie depuis l'Antiquité, 2 tomes, Le Caire, 1929 (Mémoires de la Société Royale de Géographie d'Egypte, t. XV).
- A. Kammerer, La mer Rouge, l'Abyssinie et l'Arabie aux XVIe et XVIIe siècles et la cartographie des Portulans du monde oriental, 3 tomes, Le Caire, 1947—1952 (Mémoires de la Société Royale de Géographie d'Egypte, t. XVII).
- R. H. Kiernan, The Unveiling of Arabia. The Story of Arabian Travel and Discovery, London, 1937.
- H. St. J. Philby, Sa'udi Arabia, London, 1955.
- K. Ritter, Erdkunde von Asien, Berlin, 1846—1847.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

- R. Grousset, L'épopée des Croisades, Paris, 1945 (sur Renaud de Châtillon; p. 222 et suiv.).
- Ibn Batutah, Voyages, trad. C. Defrenoy et B. R. Sanguinetti, Paris, 1853—1859, 5 vol.
- A. Kammerer, La mer Rouge, l'Abyssinie et l'Arabie, depuis l'Antiquité.

Глава II

- H. Berger, Geschichte des wiss. Erdkunde der Griechen, 2e éd., Leipzig, 1903.
- E. H. Bunbury, History of Ancient Geography, 2e éd., London, 1883.
- J. Ryckmans, L'Arabie chez les auteurs classiques, Louvain, 1947 (en polycopie).
- A. Sprenger, Die Alte Geographie Arabiens, Bern, 1875.
- H. F. Tozer, History of Ancient Geography, Cambridge, 1887.

---

* Библиография перепечатана без изменений с французского издания книги.

Глава III

- L. Di Varthema, Travels, translated by J. W. Jones and G. P. Badger, London, 1863 (Hakluyt Series).
L. Di Varthema, Les voyages, trad. par J. Balarin de Raconis, publié et annoté par Ch. Schefer, Paris, 1888.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

- Alfonso D'Albuquerque, The Commentaries, transl. and edited by W. de Gray Birch, London, 1875—1884 (Hakluyt Series).
Almeida, Historia de Ethiopia a alta ou Abassia, livre I, ch. 9.
Joam De Castro, Roteiro, publié dans PURCHAS, voir là; et voir KAMMERER.
F. Combaluzier, Mathieu de Castro, dans «Revue d'Histoire Ecclésiastique», XXXIX, 1943, p. 132—151.
Galvano, Discoveries, London, 1862 (Hakluyt Series).
T. Ghesquière, Mothieu de Castro (Bibl. de Revue d'Hist. Ecclés., fasc. 20), 1937.
A. Kammerer, La mer Rouge ...depuis l'Antiquité, ch. VIII (vol. 2), p. 263 et suiv.: Lopo Soarès de Albergaria et ses successeurs jusqu'à 1530. Les croisières portugaises dans la mer Rouge de 1517 à 1528.
A. Kammerer, Le Routier de Dom Joao de Castro: L'exploration de la mer Rouge par les Portugais en 1541, trad. du portugais... avec introd. et notes, 1936.
A. Kammerer, Le plus ancien voyage d'un Occidental en Hadramaut (1590), le P. Père Paez de la Compagnie de Jésus, dans «Bull. de la Société Royale de Géogr. d'Egypte», XVIII, 1933, p. 143—167.
J. F. Lafitau, Histoire des découvertes et conquêtes des Portugais dans le nouveau monde, Paris, 1733.
Le Blanc, Les voyages fameux du Sieur Vincent Le Blanc, marseillais, qu'il a faits depuis l'âge de douze ans jusqu' à soixante, aux quatre parties du monde... rédigés fidèlement sur ses Mémoires, par Pierre Bergeron, Parisien, et nouvellement revu, corrigés et augmentés par le Sieur Coulon, Paris, 1658 (éditions précédentes: 1648 et 1649).
(Le Blanc), The World Surveyed, or The Famous Voyages and Travailes of Vincent Le Blanc, or White..., trad. par F. B. Gent, London, 1660.
P. Paez, Historia de Ethiopia, livre III, cap. 15—21 dans C. BECCARI, Rerum Aethiopicarum scriptores occidentales inediti a saeculo XVI ad XIX, Rome, 1903—1914.
P. Pais S. J., Historia de Etiopia, introd. par Elaine Sanceau et note bibliographique par A. Feio, Porto, 1945—1946.
Purchas, Hakluytus Posthumus or Purchas His Pilgrims, containing a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells by English Men or others, 4 vol., 1625. Dernière réimpression à Glasgow, 8 vol., 1927.
Sir Ch. F. Rey, The Roman of the Portuguese in Abyssinia.
Miss Elaine Sanceau, Portugal in search of Prester John.

- Miss Elaine Sanceau, *The Land of Prester John, a chronicle of Portuguese exploration*, New York, 1944.
- Vénitien Anonyme: voir *Viaggi fatti da Venezia alla Tana, in Persia, India, etc...*, 1540.
- Abbé Prévost, *Histoire générale des Voyages ou Nouvelle Collection de toutes les Relations voyages de Terre et Mer*, 25 vol., 1746—1780, I, p. 144—157.
- Voir le reste de la bibliographie dans A. Kammerer, *La mer Rouge...* XVIe et VIIe s., 1ere partie, p. 72, note 1.

Глава II

- C. F. Beckingham, *Dutch Travellers in Arabia in the seventeenth century*, dans «*Journal of the Royal Asiatic Soc.*», 1951, p. 64—81.
- C. F. Beckingham, *Some Early Travels in Arabia*, même revue, 1949, p. 156—176.
- J. Jourdain, *Journal*, London, 1905 (Hakluyt Series).
- Kerr, *Voyages*, t. VIII, p. 361 (sur H. Middleton).
- C. De Renneville, *Recueil de voyages qui ont servi à l'établissement et aux progrès de la Cie des Indes Orientales formée dans les Provinces Unies des Pays-Bas*, t. VII, Amsterdam, 1725 (sur Van den Broecke).

Глава III

- Abdul-Kerym, *Voyage de l'Inde à la Mekke*, trad. par L. Langlès, Paris, 1797.
- Khojeh Abdul-Kureem, *Memoirs of... translated from the original persian by Francis Gladwin*, Calcutta, 1788.
- J. Pitts, *True and Faithfull Account of the Religion and Manners of the Mahometans*, Exeter, 1704. Autre édition, plus moderne en appendice à H. Maundrell, *A Journey from Aleppo to Jerusalem*, 10e éd., London, 1810.
- R. Pococke, *A Description of the East and some other countries*, London, 1743—1745.
- R. Pococke, *Beschreibung des Morgenlandes und einiger anderer Länder*, Erlangen, 1754.
- R. Pococke, *Voyages de R. Pococke en Orient*, dans l'Egypte, l'Arabie, la Palestine, la Syrie, la Grèce, la Thrace, etc., trad. sur la 2e éd. angl., Paris, 1772.
- Joh. Wilden, *Neu Reysebeschreibung eines gefangenen Christen... welche sich 1604 angefangen und 1611 ihr End genommen...*, Nürnberg, 1613 et 1623. En appendice à une édition de Benjamin de Tudèle, *Helmstadt*, 1636, réimprimée à Leipzig, 1764, se trouvent des descriptions de la Mecque et Médine extraites des voyages de L. di Varthema et J. Wilden.

Глава IV

- Cloupet, de l'île de France, *Nouveau Voyage dans l'Arabie Heureuse; ou Remarques sur le commerce de la Mer Rouge, et quelques idées des Moeurs, Usages, Lois, Forces militaires, Revenus publics, Population du pays de l'Yémen de l'Arabie Heureuse*.

se, puisées sur les lieux, en 1788, dans «Annales des Voyages», X, 1810, Paris, p. 154—180.

La Roque, Voyage de l'Arabie Heureuse, Amsterdam, 1716.

La Roque, A Voyage to Arabia the Happy, London, 1726.

Глава V

Chevalier d'Arvieux, Voyage dans la Palestine vers le Grand Emir, chef des Princes Arabes du Désert, connus sous le nom de Bédouins ou d'Arabes Scénites, Paris, 1717 et 2e édition 1718.

Arvieux (D'), Reis naar de Legerplaats van den Grosten Emir..., 1780, Leipzig.

J. Griffiths, Travels in Europe, Asia Minor and Arabia, London, 1805.

J. Griffiths, Nouveau Voyage en Arabie, dans la Turquie d'Europe et la Turquie d'Asie, Paris, 1812.

J. Griffiths, Neue Reise in Arabien..., trad. par K. L. Müller, Leipzig, 1814.

B. Plaisted, A Journal from Calcutta by sea, to Busserah: from thence across the Great Desert to Aleppo, and from thence to Marseilles, etc., to which are added directions of Cap. E. Eliot for passing over the Little Desert from Busserah, London, 1757 et 1758.

B. Plaisted et E. Eliot, Itinéraire de l'Arabie Déserte, trad., Paris, 1759.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава I

Abu-l-Fida, Géographie, trad. M. Reinaud, Paris, 1848.

J. Denucé, Les origines de la cartographie portugaise et les cartes des Reinel, Gand, 1908.

Idrisi, Géographie, trad. P. A. Jaubert, Paris, 1836—1840.

Idrisi, Géographie, trad. Dozy et de Goeje, 1866.

Istakhri, Géographie, trad. H. O. Mordtmann, Hambourg, 1845.

D. La Roque, Description générale de l'Arabie par le Sultan Ismaël Abulféda, trad. en franç. sur les meilleurs manuscrits avec des notes par M. D. L. R., faisant suite à D'ARVIEUX, Voyage, cité ci-dessus, Paris, 1717.

J. D. Michaelis, Recueil de questions proposées à une société de savants qui, par ordre de Sa Majesté Danoise font le voyage de l'Arabie, trad. de l'allemand, Amsterdam, 1744.

J. D. Michaelis, Fragen..., Francfort s/Main, 1762.

K. Miller, Mappae Arabicae, Arabische Welt-und Länderkarten des 9.—13. Jahrhunderts, Stuttgart, 1926.

Edw. Pococke l'aîné, Specimen Historiae Arabum, London, 1650; et cura A. S. De Sacy, Oxford, 1806.

Глава II

P. Forskahl, Flora Aegyptiaco — Arabica... et Descriptiones Animalium, Avium, Amphibiorum, Piscium, Insectorum, Vermium... post mortem auctoris edidit C. Niebuhr, Hauniae, 1775.

- K. Niebuhr, Beschreibung von Arabien, Copenhagen, 1774; éd. définitive en 1837.
- K. Niebuhr, Travels through Arabia, Edinburgh, 1792.
- C. Niebuhr, Voyage en Arabie et en d'Autres Pays Circonvoisins; et Description de l'Arabie d'après les Observations et Recherches faites dans le Pays Même, Amsterdam—Copenhagen, 1773—1776.
- C. Niebuhr, Description de l'Arabie, édition revue, Paris, 1779. et cura A. S. De Sacy, Oxford, 1806.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава I

- (D. Badia y Leyblich) Ali Bey, Voyages, Paris, 1814.
- (D. Badia y Leyblich) Ali Bey, Travels, London, 1816.
- (D. Badia y Leyblich) Ali Bey, Viatjes di Ali Bey, etc., Barcelona, 1888.

Глава II

- J. L. Burckhardt, Notes on the Bedouins and Wahabis, London, 1831.
- J. L. Burckhardt, Travels in Syria and the Holy Land, London, 1822.
- J. L. Burckhardt, Voyages en Arabie... suivis de Notes sur les Bédouins et d'un essai sur l'histoire des Wahhabites, introd. et trad. de J. B. B. Eyriès, Paris, 1835.
- Fundgruben des Orients, Bd. 2, Vienne, 1811, p. 275 et suiv. (inscriptions copiées par Seetzen).
- Dr. W. Vincent, The Commerce and Navigation of the Ancients in the Indian Ocean, London, 1807.
- U. J. Seetzen, Reisen durch Syrien, etc. éd. par F. Kruse, Berlin, 1854—1859.
- U. J. Seetzen, articles dans «Von Zach», Monatliche Corresp., XI, p. 234, 1805; Bd. 27 et 28, 1813.
- U. J. Seetzen, Lettre, faisant suite à son Voyage en Palestine, dans «Annales des Voyages», IX, Paris, 1809, p. 340—345.
- U. J. Seetzen, Mémoire pour servir à la connaissance des tribus arabes en Syrie et dans l'Arabie déserte et Pétrée, dans «Annales des Voyages», VIII, 2e éd. revue, Paris, 1810, p. 281—324.
- U. J. Seetzen, Mémoire sur les pays de Souakem et de Massuah, situés sur la côte occidentale du golfe de l'Arabie; accompagné d'observations sur quelques pays limitrophes, dans «Annales des Voyages», IX, Paris, 1809, p. 329—339.
- U. J. Seetzen, Mémoire sur Ophir, écrit au Grand Caire en 1809, trad. de l'allemand, dans «Annales des Voyages» XI, Paris, 1810, p. 219 suiv.
- U. J. Seetzen, Voyage de M. Seetzen sur la Mer Rouge et dans l'Arabie, dans «Annales des Voyages», XXII, Paris, 1813, p. 309—333.
- U. J. Seetzen, Voyage sur les confins de l'Arabie et de la Palestine, dans «Annales des Voyages», VII, 2e éd. revue, Paris, 1810, p. 137—190.

Глава III

- J. L. Burckhardt, *Travels in Arabia*, London, 1829.
J. L. Burckhardt, *Voyages en Arabie*, trad. J. B. Eyriès, Paris, 1835.
Jihan Numa, trad. C. Norberg, Gotha, 1818.
E. F. Jomard, Notice géographique sur le pays de Nedjd, en appendice à F. Mengin, *Histoire de l'Égypte sous le gouvernement de Mohammed-Aly*, Paris, 1823.
G. F. Sadlier, *Diary of a Journey across Arabia, etc.*, Bombay, 1866.

Глава IV

- Chédoufau, dans «*Bull. de la Soc. de Géographie*», 2e série, p. 106.
G. Finati, Extraits de ses mémoires, dans «*Nouvelles Annales des Voyages*», XIX, 2e série, p. 72.
G. Finati, *Narrative of the life and adventures of*, ed. par W. J. Bankes, London, 1830.
E. F. Jomard, Etudes géographiques et historiques sur l'Arabie, en appendice à F. Mengin, *Histoire sommaire de l'Égypte sous le gouvernement de Mohammed-Aly*, Paris, 1839.
E. F. Jomard, Etudes géographiques et historiques sur l'Arabie, accompagnées d'une carte générale de l'Arabie, suivies de la relation du voyage de Mohammed Aly dans le Fazoql, avec des observations sur l'état des affaires en Arabie et en Égypte, Paris, 1839.
Dr Th. Kotschy, *Plantae Arabiae in ditionibus Hedschas, Asyr et el-Arysch a medico germanico nomine ignoto, in el-Arysch, defuncto, annis 1836—1838 collectae*, dans «*Sitzungsber der K. Akad der Wiss*», Wien, LII, Bd, 1865.
M. O. Tamisier, *Voyage en Arabie*, Paris, 1840.

Глава V

- S. G. Elmgren, G. A. Wallin's *Reseantecknigar från orienten åren 1843—1849*, Helsingfors, 1865.
C. Guarmani, *Il Neged settentrionale*, Jerusalem, 1866.
C. Guarmani, *Northern Najd*, transl. by Lady Copel-Cure, avec introd. et notes par D. Carruthers, 1938.
C. Guarmani, *Itinéraire de Jérusalem au Neged septentrional*, extr. du «*Bull. de la Soc. de Géographie*», nov. 1865; en tiré à part, Paris, 1866.
M. Larrey, *Remarques sur la constitution physique des Arabes qu'on peut considérer comme la race primitive de l'espèce humaine ou comme son prototype*, CR. des séances de l'Acad. des Sciences, Paris, 4 juin 1838.
K. Tallqvist, *Bref och Dagboksanteckningar at Georg August Wallin*, Helsingfors, 1905.
G. A. Wallin, *Narrative of a Journey from Cairo to Jerusalem, via Mount Sinai, read July 12, 1854*, dans «*Journal of the Royal Geographical Society*», XXV, 1855, p. 260—290.
G. A. Wallin, *Narrative of a Journey from Cairo to Medina and*

Mecca by Suez, Araba, Tawila, al Jauf, Jubbe, Hail and Nejd, in 1845, read April 1852, dans «Journal of the Royal Geographical Soc.», XXIV, 1854, p. 115—207.

G. A. Wallin, Notes taken during a Journey through Part of Northern Arabia, in 1848, dans «Journal of the Royal Geographical Soc.», XX, 1851, p. 293—344.

Глава VI

W. G. Palgrave, Narrative of a year's Journey through Central and Eastern Arabia, London, 1865.

W. G. Palgrave, Une année de voyage dans l'Arabie Centrale, trad. par Emile Jouveau, Paris, 1866; même trad., abrégée par J. Belin—de Launay, 1876 («Bibliothèque rose illustrée»).

W. G. Palgrave, Observations made in Central, Eastern and Southern Arabia, during a Journey through that country in 1862 and 1863, dans «Journal of the Royal Geographical Soc.», XXXIV, 1864, p. 111—154.

L. Pelly, A visit to the Wahabee Capital, Central Arabia, dans «Journal of the Royal Geographical Soc.», XXXV, 1865, p. 169—191.

L. Pelly, Visit to Lingah, Kishm and Bunder Abbas, même revue, XXXIV, 1864, p. 251—258.

H. St. J. B. Philby, Palgrave in Arabia, dans «Geographical Journal», CIX, 1947, p. 282—285.

M. St. J. B. Philby, The Heart of Arabia, London, 1922, p. 140—156.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава I

Abd—El—Hamid Bey, Journal d'un voyage en Arabie, rédigé par Alexandre Dumas, Bruxelles, 1856; autre éd. 1860.

Th. J. Arnaud et A. Vayssiére, La mer Rouge, Journal de deux voyageurs, feuilleton du journal «L'Ordre» (SD), avec introduction par Alexandre Dumas. Voir ci—dessous Du Couret, Pélerinage.

Th. J. Arnaud et A. Vayssiére, Les Akhdam de l'Yémen, leur origine probable, leur mœurs, dans «Journal Asiatique», XV, 4e série, Paris, 1850, p. 376—387.

J. Bruce, Travels, Edinbourg, 1813.

J. Bruce, Voyage aux sources du Nil, en Nubie et en Abyssinie..., Paris, 1790—91, 6 vol.

E. Combes et M. O. Tamisier, Voyage en Abyssinie et dans l'Arabie Heureuse, Paris, 1838, 5 vol.

Col. Louis du Couret, L'Arabie Heureuse, souvenirs de voyages en Afrique et en Asie, publiés par Alexandre Dumas, Paris, 1860; autres éd. en 1861, 1884.

Col. Louis, Les mystères du Désert, souvenirs de voyage en Asie et en Afrique, Paris, 1859.

Col. Louis, Mémoire à Sa Majesté Napoléon III... sur les résultats de la mission officielle que ce voyageur vient de remplir en Afrique, Paris, 1853.

Col. Louis, Pélerinage de Hadji—Abd—el—Hamid Bey, Médine et

- la Mecque, publié par Alexandre Dumas, précédé de: Le Caire, journal de deux voyageurs, par Arnaud et Vayssières, Paris, 1856—1857, 6 vol.
- L. Deville, Une aventure sur la mer Rouge, Paris, 1862.
- A. d. Ferret et Galinier, Voyage en Abyssinie, Paris, 1847—1850, 3 vol. et atlas.
- C. G. Ehrenberg et W. F. Hemprich, Naturgeschichtliche Reisen durch Nord—Afrika und West—Asien, etc., Berlin, 1828.
- C. G. Ehrenberg et W. F. Hemprich, dans «Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society», 1841, p. 72, 129, 322, 390 et suiv.
- Cap. F. M. Hunter, An Account of the British Settlement of Aden in Arabia, London, 1877.
- Eyles Irwin, A Series of Adventures in the course of a Voyage up the Red Sea, London, 1780; autre édition; 1790.
- Eyles Irwin, Voyage à la mer Rouge, sur les côtes de l'Arabie et dans les déserts de la Thébaidé, trad. sur la 3e éd. angl. par Parraud, Paris, 1792, 2 vol.
- Eyles Irwin, The Bedouins: or, Arabs of the Desert: a comic opera in three acts, Dublin, 1802.
- Silas James, A Narrative of a Voyage to Arabia, India, etc... in the years 1781, 82, 83 and 84, London, 1797.
- F. Robinson, Refutation of Lieutenant Wellsted's attack upon Lord Valentia's... work upon the Red Sea, etc., 1842.
- C. E. X. Rochet d'Héricourt, Voyage sur la côte orientale de la mer Rouge, dans le pays d'Adel et le royaume de Choa, Paris, 1841.
- C. E. X. Rochet d'Héricourt, Second voyage sur les deux rives de la mer Rouge, Paris, 1846.
- H. Rooke, Travels to the Coast of Arabia Felix..., London, 1788.
- H. Rooke, Voyages sur les côtes de l'Arabie Heureuse, London et Paris, 1788.
- E. Rüppel, Reise in Abyssinien, Francfort, 1838—1840, 2 vol.
- R. Rüppel, Reise in Nuvien, etc., francfort, 1829.
- Lord G. Valentia, Voyages and Travels..., London, 1809.
- Lord G. Valentia, Voyages dans l'Hindoustan, à Ceylon, sur les deux rives de la mer Rouge, en Abyssinie et en Egypte durant les années 1802—1806, trad. par P. F. Henry, Paris, 1813, 4 vol.
- J. R. Wellsted, Travels in Arabia, London, 1838, tome I.

Г л а в а II

- T. H. J. Arnaud, Relation d'un voyage à Mareb (Saba) dans l'Arabie Méridionale, entrepris en 1843, précédé d'un Avertissement de J. Mohl, dans «Journal Asiatique», 4e série, V, Paris, 1845, p. 208—245 et 309—435.
- J. Bird, Hamaiyaris Inscriptions from Aden and Saba, translated into English, with observations on the establishment of the Christian Faith in Arabia, dans «Journ. of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Soc.», VIII, 1844-t. II, Bombay, 1848, p. 30—40.
- P. E. Botta, Relation d'un voyage dans l'Yémen, entrepris en 1837 pour le Museum d'histoire naturelle de Paris, Paris, 1841; édition avec notice sur l'auteur par Ch. Levasseur, Paris, 1880.

- Carless, voir «Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Soc.», 1845, p. 271.
- H. J. Carter, A description of the Frankincense tree of Arabia, with remarks on the misplacement of the «Libanophorous Region» in Ptolemy's Geography, même «Journ. Bombay, Br. R. As. Soc.», July, 1847-vol. II, p. 386—390.
- H. J. Carter, Note on the Mahrah tribe of Southern Arabia, with a vocabulary of their Language, to which are appended additional observations of the Gara tribe, même «J. Bomb. Br. R. As. Soc.», July, 1847-vol. II, p. 339—370.
- H. J. Carter, Voir «Transactions of the Asiatic Soc. of Bengal», 1834, 1845, 1851, et «Journal of the Royal Geographical Society», 1837.
- Ch. J. Cruttenden, Journal of an Excursion from Morebat to Dyreez the principal town of Dofar, dans «Trans. Bombay Geogr. Soc.», I, 1836—1838, reprinted 1844, p. 184—188.
- Ch. J. Cruttenden, Journal of an Excursion to Sanaa, the capital of the Yemen, dans «Proceedings of the Bombay Geogr. Soc.», Nov., 1838, p. 39—55.
- Ch. J. Cruttenden, Narrative of a Journey from Mohka to San'a by the Tarik esh—Sham or Northern Route, in July and August 1836, dans «Journal of the Royal Geogr. Soc.», VIII, 1838, p. 267—289.
- J. Decaisne, Plantes de l'Arabie Heureuse recueillies par M. P. E. Botta, dans «Arch. du Mus. d'Hist. nat. de Paris», t. XI.
- H. Von Ewald, Ueber eine in Aden entdeckte himyaritische Inschrift, dans «Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», V, 1844, p. 205—210.
- Rev. Ch. Forster, The historical Geography of Arabia or the patriarchal evidences of revealed religion. A memoir with illustrative map and an appendix containing translation of the Hamyaritic inscriptions, London, 1844.
- F. Fresnel, Etudes sur l'histoire des Arabes avant l'Islamisme, Paris, 1836.
- F. Fresnel, Lettre sur la géographie de l'Arabie, dans «Journal Asiatique», IIIe série, 1840.
- F. Fresnel, Recherches sur les inscriptions himyaritiques de San'â, Kariba, Mareb, etc., dans «Journal Asiatique», IVe série, VI, 1845, p. 169—237.
- W. Gesenius, Ueber die Himjaritische Sprache und Schrift, dans «Allg. Literaturzeitung», juillet, 1841, Halle, et tiré à part.
- J. Gildemeister, Himjaritische Alphabet und Verwandtes, dans «Zeitschrift f. die Kunde des Morgenlandes», V, 1844, p. 211—217.
- S. B. Haines, Ancient Inscription found at Aden, dans «Journ. of the Asiatic Soc. of Bengal», XI, 1842, p. 958—959.
- S. B. Haines, Description de 500 milles de la côte sud d'Arabie, depuis Ras Bab-el-Mandeb jusqu'à Misenat, trad. de l'angl. par J. Passama, Paris, 1843.
- S. B. Haines, Memoir of the South and East coasts of Arabia, extr. du «London Geographical journal», XV, Part II, 1845.
- S. B. Haines, dans «Journal of the Royal Geogr. Soc.», 1839, p. 125; 1845, p. 104.
- (J. G. Hulton et J. Smith), Account of some Inscriptions found in

- the Southern Coast of Arabia, dans «Journal of the Royal Asiatic Soc.», V, 1839, p. 91—101.
- S. B. Haines et J. Smith, Report on some Inscriptions found at Hamman, on the Southern Coast of Arabia, dans «Journ. of the Asiatic Soc. of Bengal», IV, 1835, p. 533—537.
- E. F. Jomard, Etudes géographiques et historiques sur l'Arabie, déjà cité p. 315.
- E. Rödiger, Notiz über die himjaritische Schrift nebst doppelten Alphabet derselben, dans «Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», I, 1837, p. 322 et suiv.
- E. Rödiger, Versuch über die Himjaritischen Schriftmonumente, Halle, 1841.
- H. Salt, Voyage to Abyssinia... in which are included... a concise narrative of events in Arabia Felix, London, 1814.
- H. Salt, Neue Reise nach Abyssinien..., 1815.
- H. Salt, Voyage en Abyssinie..., I, London, 1814; II, Paris, 1816.
- Rev. H. A. Stern, Journal of a missionary Journey into Arabia Felix, London, 1858.
- Rev. H. A. Stern, Narrative of the Journey of the Rev. A. Stern to Sanaa in 1856, dans «The Jewish Missionary Intelligence», XXIII, 1857.
- J. R. Wellsted, Account of some Inscriptions in the Abyssinian Character, found at Hassan Ghorab, near Aden, on the Arabian Coast, dans «Journ. of the Asiat. Soc. of Bengal», III, 1834, p. 554—556.
- J. R. Wellsted, Letter on the identity of the Himyaritic writing and dialect of Job and the earlier Arabs, and that still spoken by the inhabitants of Mahrah, etc., London, 1839 (publication privée).
- J. R. Wellsted, Narrative of a Journey from the Tower of Bâ-l-haff on the Southern Coast of Arabia, to the Ruins of Nakab al Hajar in April 1835, dans «Journ. of the Royal Geogr. Soc.», VII, 1837, p. 20—34.
- J. R. Wellsted, Reisen in Arabien, Deutsche Bearb. hermit... Anmerkungen und einem Excurs über himjaritische Inschriften von... E. Rödiger, 2e éd., Halle, 1842.
- J. R. Wellsted, Report on the Island of Socotra, dans «Journ. of the Asiat. Soc. of Bengal», IV, 1835, p. 138—166.
- J. R. Wellsted, Travels to the City of the Caliphs... including a Voyage to the Coast of Arabia, London, 1840.
- M. J. Wolff, Missionary Journal, London, 1839.

Глава III

- R. Aucher-Eloy, Relations de voyages en Orient de 1830 à 1838, Paris, 1843.
- Gasparis, dans «Epistolae Indicae», etc., Louvain, 1566.
- F. Fresnel, Notice sur le voyage de M. de Wrède dans la vallée de Doan et autres lieux de l'Arabie Méridionale, dans «Journal Asiatique», 4e série, VI, 1845, p. 386—398.
- F. Fresnel, Imams and Seyyids of Oman, London, 1871 (Hakluyt Series) (sur la colonie portugaise à Maskat).
- G. P. Maffei, Historiae Indicae, Cologne 1589 et Venise 1592.

- G. P. Maffei, *Le istorie dell'Indie orientale*, trad. en italien par Fr. Serdonati, Milan, 1806.
- J. P. Maffei, *Histoire des Indes Orientales et Occidentales*, trad. franç. par M. D. (e) P. (ure), 1663.
- (V. Maurizi), *History of Seyd Said, etc.* by Shaik Mansur, transl. from the original manuscript hitherto not published, London, 1819.
- D. van der Meulen et H. von Wissmann, *Hadramaut, some of its mysteries unveiled*, Leyden, 1832.
- W. F. Owen, *Coast of Arabia Felix*, dans «*Nautical Magazine*», 1857, p. 180.
- W. F. Owen, *Narrative of Voyages to explore the Shores of Africa, Arabia and Madagascar, etc.*, London, 1833.
- John Struys, *The Voiages and Travels of...*, London, 1684.
- Jean Struys, *Les voyages de... en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes et en plusieurs autres pays étrangers*, Lyon, 1682.
- J. R. Wellsted, *Travels in Arabia*, London, 1838, tome II.
- A. de Wrede, *Lettre de M. le baron de Wrède à M. le Président de la Commission centrale, sur son voyage en Arabie*, dans «*Bulletin de la Société de Géographie*», 3e série, III, 1845, p. 41—51.
- A. von Wrede, *Reise in Hadhramaut*, édité par H. Freiherr von Maltzan, Brunswick, 1870.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- A. d'Avril, *L'Arabie contemporaine avec la description du pèlerinage de la Mecque*, Paris, 1868.
- Sir R. F. Burton, *A Pilgrimage to Al-Madinah and Meccah*, London, 1885 (trad. franç. abrégée par J. Belin de Launay, Paris, 1874; trad. allem., Berlin, 1924).
- J. Snouck Hurgronje, *Mekka*, La Haye, 1888.
- J. S. Keane, *Six Months in the Hejaz*, London, 1887.
- H. Freinerr von Haltzan, *Meine Wallfahrt nach Mekka*, Leipzig, 1865.
- C. Ritter, *Die Erdkunde*, 12 und 13 Theil: Arabien, Berlin, 1846.
- A. Zehme, *Arabien und die Araber seit 100 Jahren*, Halle, 1875.